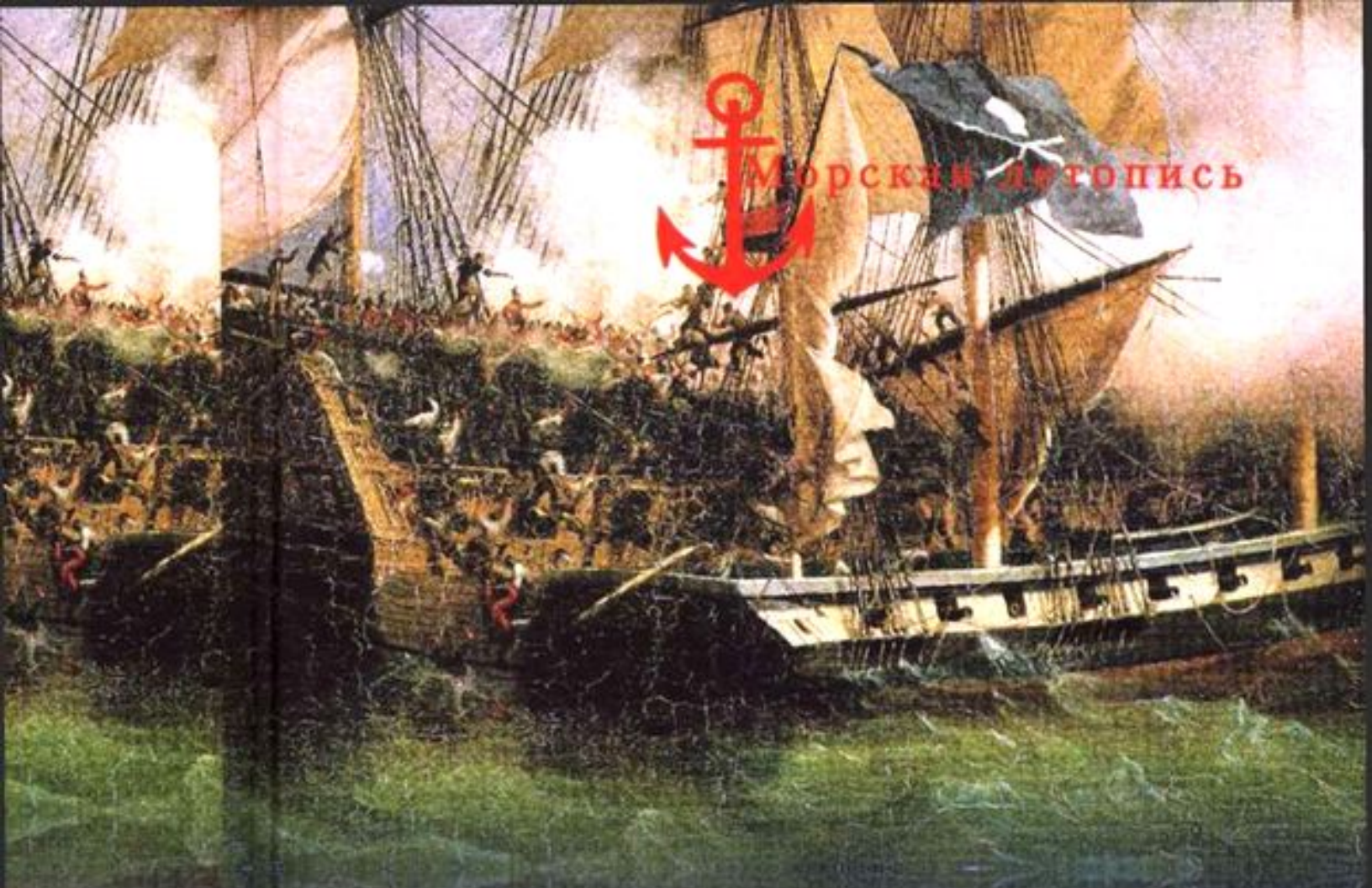

Морская летопись

**ЛИХОЕ БРАТСТВО
ТОРТУГИ И ЯМАЙКИ**

ЛИХОЕ БРАТСТВО ТОРТУГИ И ЯМАЙКИ

В.К. Губарев

Annotation

Французы называли флибустьерами морских разбойников Вест-Индии, которые, базируясь на островах Тортуга, Эспаньола (Гаити) и др, совершали нападения на испанские корабли и поселения в Америке.

Обосновавшись в первой трети XVII века на «ничейных» землях Антильского архипелага, флибустьеры промышляли пиратством, никому не подчиняясь и руководствуясь своими собственными законами и обычаями. Их ряды постоянно пополнялись за счет лиц, участвовавших в заморской экспансии и колонизации Вест-Индии: матросов с торговых, военных и корсарских кораблей, контрабандистов, уволенных или бежавших со службы солдат, разорившихся мелких дворян, фермеров, лесорубов, ремесленников и крестьян, беглых или отслуживших свой срок кабальных слуг, несостоятельных должников, буканьеров, беглых каторжников, а также индейцев ряда племен Центральной Америки, враждовавших с испанцами.

В новой книге известного историка пиратства В. К. Губарева рассказывается о боевом искусстве флибустьеров и об их самых отчаянных вожаках

-
- [В. К. Губарев](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Кто такие флибустьеры](#)
 - [Корабли и малые суда флибустьеров](#)
 - [Команда флибустьерского судна](#)
 - [Судовая артиллерия](#)
 - [Ручное огнестрельное оружие, гранаты и боеприпасы](#)
 - [Основные виды ручного холодного оружия](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Захват Пьером Большим галеона «серебряного флота»](#)
 - [Жемчужный «улов» Пьера Француза](#)
 - [Кубинский трофей Франсуа Олоне](#)
 - [Захват капитаном Олоне гондурасской урки](#)

- [Сражение Гийома Шампаня у берегов Кубы](#)
- [Разгром Генри Морганом армады де Баряовенто](#)
- [Первое сражение флибустьеров в Панамском заливе \(1680\)](#)
- [Удачи Лауренса де Граффа](#)
- [Второе сражение флибустьеров в Панамском заливе \(1685\)](#)
- [Зигзаг удачи Этьена де Монтобана](#)
- [Часть 3](#)
 - [Набег на Альварадо в 1651 году](#)
 - [Операция по захвату Сантьяго-де-Кубы](#)
 - [Экспедиция на Кампече 1663 года](#)
 - [Поход Франсуа Ояоне на Маракайбо](#)
 - [Набег на Гибраятар](#)
 - [Захват острова Санта-Катаяина \(1666\)](#)
 - [Штурм отрядом Генри Моргана фортов Пуэрто-Бельо](#)
 - [Нападение Роберта Сирла на Сан-Аугустин](#)
 - [Набеги Моргана на Маракайбо и Гибраятар](#)
 - [Штурм отрядом Джозефа Брэдли крепости Сан-Лоренсо-де-Чагрес](#)
 - [Набег флибустьеров на Санта-Марту](#)
 - [Экспедиция Граммона на Маракайбо, Гибралтар и Трухильо](#)
 - [Сражение за Ла-Гуайру](#)
 - [Нападение отряда Джона Коксона на Пуэрто-Бельо](#)
 - [Набег капитана Шарпа на город Ило в Перу](#)
 - [Захват и сожжение чилийского города Ла-Серена](#)
 - [Провал операции капитана Уотлинга по захвату Арики](#)
 - [Поход Николаса ван Хоорна на Веракрус](#)
 - [Нападение Граммона и Лауренса де Граффа на Кампече](#)
 - [Захват флибустьерами Гуаякиля](#)
 - [Экспедиция барона де Пуанти на Картахену](#)
- [Часть 4](#)
 - [Поход флибустьеров Тортуги на Сантьяго-де-лос-Кабальерос](#)
 - [Экспедиции флибустьеров Ямайки на Вилья-Эрмосу и Гранаду](#)

- [Провал экспедиции Мансфелта на Картаго](#)
- [Захват отрядом Моргана Пуэрто-Принсипе](#)
- [Экспедиция Олоне на Сан-Педро](#)
- [Походы Принса, Харрисона и Ладбери в Новую Гранаду и Никарагуа](#)
- [«Панамская акция» Генри Моргана](#)
- [Переход флибустьеров через Дарьенский перешеек. Захват Санта-Марии](#)
- [Набег на город Леон](#)
- [Нападение отряда Франсуа Гронье на Чирикиту](#)
- [Захват Гранады отрядами Гронье и Туаньи](#)
- [«Великий исход» флибустьеров из Южного моря](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

В. К. Губарев

**ЛИХОЕ БРАТСТВО ТОРТУГИ И
ЯМАЙКИ**

Часть 1

ФЕНОМЕН ФЛИБУСТЬЕРСТВА

Кто такие флибустьеры

Поскольку наше исследование посвящено боевому искусству флибустьеров, необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать этот тип морского разбойника. Подобная характеристика представляется нам вполне уместной еще и потому, что не все читатели ясно представляют себе, чем флибустьеры отличались от «классических» пиратов и корсаров.

Вольтер, великий французский просветитель XVIII века, утверждал; явись между флибустьерами человек гениальный, способный объединить их разрозненные силы, они захватили бы Америку от Северного полюса до Южного и произвели бы совершенный переворот в политике Европы и Америки. «Предыдущее поколение только что рассказало нам о чудесах, которые творились этими флибустьерами, и мы говорим о них постоянно, они нас трогают», — писал он в одной из своих статей. И далее: «Если бы они могли иметь политику, равную их неукротимой отваге, они бы основали великую империю в Америке... Ни римляне, и никакой другой разбойничий народ никогда не осуществляли столь удивительных завоеваний».

Вольтер, конечно, погорячился, пытаясь изобразить флибустьеров более великими завоевателями, чем римляне, но не вызывает сомнений тот факт, что, располагая достаточно скромными силами, эти морские бродяги очень часто ухитрялись одерживать победы над более сильным противником. На страницах этой книги читатель сможет найти массу примеров того, как утлые суденышки этих сорвиголов брали верх над многопушечными испанскими урками и фрегатами, а отряды численностью в несколько сот человек ухитрялись захватывать крупные города не только на побережье, но и во внутренних районах Испанской Америки.

Слово *флибустьер* (flibustier) попало в русский язык из французского. Французы называли флибустьерами морских

разбойников Вест-Индии, которые, базируясь на островах Тортуга, Эспаньола (Гаити) и др., совершали нападения на испанские корабли и поселения в Америке. По данным Р. Лаприза, этот термин впервые появился во французском языке в 30-е годы XVII века в форме *fribustier* в результате контактов французских пиратов с их голландскими и английскими «коллегами» по ремеслу. В нидерландском языке слово «фрейбейтер» (*yrijbouter*) означает «вольный добытчик»; в XVI–XVII веках его применяли не только по отношению к пиратам, но и к корсарам, сухопутным разбойникам, солдатам-наемникам. Такое же значение имело английское слово «фрибутер» (*freebooter*). Английский словарь 1676 года называет фрибутерами солдат, которые совершали набеги на вражеские территории с целью захвата скота и иных трофеев или действовали без жалованья, получая плату в виде определенной доли в военной добыче.

В английских документах 60–90-х годов XVII века флибустьеры, базировавшиеся на Ямайке, обычно именовались «приватирами» (*privateers* — «частники»; так называли корсаров) или «буканирами» (*buccaneers*, от французского *boucaniers* — «буканьеры»; так называли вольных охотников на островах Французской Вест-Индии). Со временем в английском языке словом *buccaneers* стали обозначать как флибустьеров Карибского моря, так и пиратов вообще.

Обосновавшись в первой трети XVII века на «ничейных» землях Антильского архипелага, флибустьеры промышляли пиратством, никому не подчиняясь и руководствуясь своими собственными законами и обычаями. Их ряды постоянно пополнялись за счет лиц, участвовавших в заморской экспансии и колонизации Вест-Индии: матросов с торговых, военных и корсарских кораблей, контрабандистов, уволенных или бежавших со службы солдат, разорившихся мелких дворян, фермеров, лесорубов, ремесленников и крестьян, беглых или отслуживших свой срок кабальных слуг (по-французски — *engages*, по-английски — *indentured servants*), несостоятельных должников, буканьеров, беглых каторжников, а также индейцев ряда племен Центральной Америки, враждовавших с испанцами.

Большинство среди пиратов Карибского моря всегда составляли англичане и французы, однако немало было также голландцев,

ирландцев, шотландцев, валлийцев, фламандцев, португальцев, индейцев, африканцев, мулатов и метисов; встречались также немцы, датчане, шведы и евреи. Например, на борту французского пиратского корабля «Ла Тромпёз» в 1684 году плавало 198 человек; помимо французов в команде числились «шотландцы, голландцы, англичане, испанцы, португальцы, негры, индейцы, мулаты, шведы, ирландцы, выходцы с [острова] Джерси и из Новой Англии». Таким образом, флибустьерские общины (отряды, команды, «братства») представляли собой независимые многонациональные самоуправляющиеся объединения изгоев (выходцев из разных социальных слоев), для которых пиратство в водах Испанской Америки стало *образом жизни и главным источником существования*.

До середины XVII века, когда флибустьерство еще не достигло своего расцвета, пираты плавали на небольших судах и каноэ, редко объединяясь во флотилии. Хотя на отдельных островах количество разбойников исчислялось сотнями, но сами флибустьерские братства обычно состояли из нескольких десятков человек. В 60-х годах, после утверждения французов в западной части Эспаньолы, а англичан на Ямайке, начинается рост флибустьерских сил, происходит укрупнение отдельных отрядов, которые все чаще объединяются для проведения крупномасштабных операций. Так, в 1662 году не менее 600 флибустьеров Ямайки и Тортуги приняли участие в экспедиции Кристофера Мингса против Сантьяго-де-Кубы. В списке, составленном на Ямайке в конце 1663 года, значилось около 1200 флибустьеров, из которых примерно $\frac{2}{3}$ были англичанами. Генри Моргану в 1669 году удалось собрать на randevу у острова Ваш 960 флибустьеров, а в 1670 году — около 2000 человек. По сообщению испанского губернатора Хуана Франсиско Саэнса-Васкеса, в 1676 году в Коста-Рику вторгся отряд флибустьеров, насчитывавший более 800 человек; в 1683 году в набеге на мексиканский город Веракрус участвовало от 1000 до 1200 пиратов.

По мнению историка и географа ЯМ. Света, во второй половине XVII века в пиратских «республиках» на Антилах обитало в общей сложности 20–30 тыс. разбойников. Р. Керз более осторожен в своих подсчетах. По его данным, в 1660-х годах силы пиратов Вест-Индии в максимуме не превышали 10 тыс человек. Однако даже эта цифра представляется завышенной. По сообщению полковника Томаса

Линча, в 1663–1664 годах на Ямайке базировалось от 1000 до 1500 флибустьеров. Примерно в это же время (1665 год) губернатор Тортуги Бертран д’Ожерон писал во Францию, что на берегах Эспаньолы обитало до тысячи разбойников. Следовательно, объединенные силы пиратов Ямайки и Эспаньолы в середине 60-х годов XVII века насчитывали около 2500 человек. Комиссары шевалье де Сен-Лоран и Мишель Бегон в 1684 году сообщали морскому министру Франции о пиратах Тортуги и Эспаньолы: «Флибустьеры сейчас более сильны и более могущественны, чем когда-либо в прошлом Они имеют на море 14 судов и три баркалоны с количеством пушек от 4 до 54 и почти две тысячи человек». В это же время у тихоокеанских берегов Центральной и Южной Америки пиратствовало около 1000 французских и английских флибустьеров, явившихся туда из Карибского моря. Итого — около 3000 человек. Таким образом, в рассматриваемую эпоху в водах Испанской Америки ежегодно могли активно действовать от 1000 до 3000 флибустьеров, но не более.

Некоторые историки, касаясь вопроса о внутренней организации флибустьеров, заявляют, что в 1640 году пираты Тортуги создали «Конфедерацию береговых братьев» со своим дисциплинарным уставом и своей политикой. Подобная точка зрения наталкивает ряд других авторов на мысль, что флибустьеры жили «республикой». Так, А. Томази говорит, что «они основали своего рода коммунистическую республику». В действительности у флибустьеров не было ни своей «конфедерации», ни «республики» (тем более — коммунистической). Придерживаясь одинаковых правил, обычаев и целей, они не имели единства в планах и не стремились к общему союзу. Каждый отряд формировался для проведения какой-либо авантюры и в дальнейшем действовал обособленно. Иногда с целью проведения какой-либо крупномасштабной операции разрозненные отряды объединялись в более крупные соединения, но они никогда не были устойчивыми и после завершения похода неизбежно распадались. Поэтому флибустьерскую эпопею можно представить себе в виде цепи отдельных предприятий, осуществлявшихся независимо и ради добычи.

Грабеж на суше и на море был главной социальной деятельностью флибустьеров. При этом всегда использовался старый принцип

пиратов, корсаров и наемных солдат *no prey no pay* («нет добычи — нет платы»).

В повседневной практике флибустьеры руководствовались «обычным правом» (правом обычая). Когда у них спрашивали, почему они поступают так, а не иначе, пираты неизменно отвечали: «Таков береговой обычай». Под «берегом» подразумевалось побережье французской части Эспаньолы, которую документы той эпохи именуют Берегом Сен-Доменг. Именно поэтому французские флибустьеры и буканьеры нередко именовали себя *береговыми братьями* (английские пираты этим названием никогда не пользовались). В 1677 году губернатор Тортуги и Берега Сен-Доменг Жак Непве де Пуансэ писал о флибустьерах:

«Здесь все еще находится более тысячи этих людей, которых называют флибустьерами... Они разъезжают всюду, где им хочется; при этом они плохо подчиняются тому, что касается слркбы на судне, так как все считают себя начальниками, но очень хороши в предприятии и действиях против врага. Каждый имеет свое оружие, свой порох и свои пули. Их суда обычно не очень сильны и плохо экипированы, и у них нет иной собственности, кроме той, что они захватывают у испанцев».

Выбрав цель похода, флибустьеры заключали между собой соглашение (по-английски — *agreement*), которое французы называли *шасс-парти* (франц. *la chasse-partie* — «охотничье жалованье»; происходит от *une charte-partie* — чартер, или договор о фрахтовании судна, который у корсаров был также договором о порядке раздела добычи). В нем указывалось, какую долю добычи должны были получить капитан и команда корабля. Прежде всего, из общей суммы награбленную выделяли вознаграждение профессиональному охотнику (200 песо), корабельному плотнику (100–150 песо) и хирургу (200–250 песо «на медикаменты»). Из оставшейся суммы отсчитывались страховые деньги для возмещения ущерба раненым. Обычно полагалось: за потерю правой руки — 600 песо или шесть рабов, за потерю левой — 500 песо или пять рабов; за потерю правой ноги — 500 песо или пять рабов, за потерю левой — 400 песо или четыре раба; за потерю глаза — 100 песо или одного раба, столько же — за потерю пальца. За огнестрельную рану полагалась компенсация в размере 500 песо или пять рабов. Впрочем, возможны были и иные

варианты. Все оставшееся делилось между командой поровну, но капитан получал от 4 до 5 долей (иногда больше), его помощник — 2 доли, юнга — половинную долю. Новичкам выделяли совсем небольшую часть, а остаток шел в общую кассу.

Если капитан был владельцем или совладельцем корабля, то его доля добычи резко возрастала по сравнению с индивидуальными долями, приходившимися на рядовых участников экспедиции. Например, Николас ван Хоорн, будучи не только руководителем похода на Веракрус (1683), но и владельцем двух кораблей (принадлежавших ему полностью или частично), добился выделения ему из добычи 30 долей.

Специальные денежные вознаграждения — премии — получали пираты, особо отличившиеся в бою. Так, перед походом на Панаму в 1670 году разбойники договорились, что тому, кто первым водрузит флаг на укреплении врага, следует добавить 50 песо к его доле. Тот, кто сознательно пойдет на риск ради общего дела, должен был получить сверх своей доли еще 200 песо. Гренадерам платили по 5 песо за каждую брошенную ими гранату. Команде корабля, которая первой захватит в море испанское судно, из общей суммы выделялась премия в 1000 песо. Все эти факты подтверждают слова очевидца о том, что флибустьеры «готовы были сражаться только ради денег».

Демократичность флибустьерского сообщества заключалась в том, что на судах, принадлежавших всему экипажу, все командирские должности были выборными. Любое важное решение принималось после обсуждения на совете (сходке, собрании) большинством голосов. Если на судне не было командира, назначенного судовладельцем (или если сам капитан не являлся судовладельцем), тогда вожак избирался из числа наиболее храбрых и удачливых моряков; но, в отличие от капитана военного или корсарского судна, власть его всегда была ограничена: флибустьеры беспрекословно подчинялись ему только во время боя.

Если команде не нравился выборный капитан, последнего могли сместить с должности и избрать на его место другого человека. Если же капитан, вызывавший недовольство, был владельцем судна, тогда команда или часть команды могли покинуть его и перейти на другое флибустьерское судно. О том, что такие случаи не были единичными, свидетельствуют шевалье де Сен-Лоран и Мишель Бегон. В своем

мемуаре, датированном 25 января 1685 года, они писали, что «когда флибустьеры недовольны своим капитаном, они его покидают, сами оплачивают свой провиант и садятся на другие корабли; это часто делает их экспедиции бесплодными и губит авторитет капитанов».

Вся захваченная добыча сначала поступала в общую собственность флибустьерского братства, и только после дележа переходила в собственность отдельных лиц. Чтобы при дележе не было обмана, каждый, от капитана до юнги, должен был поклясться на Библии, что не возьмет ни на грош больше того, что ему причитается. Того, кого уличали в ложной клятве, лишали доли добычи в пользу остальной команды, «или же ее отдавали в виде дара какой-нибудь часовне». Часть добычи, которая приходилась на долю павших в бою, передавалась их товарищам (*матлотам*) или родственникам.

Флибустеры, оперировавшие в бассейне Карибского моря, как правило, производили дележ награбленного на островках южнее Кубы или на острове Ваш. Бедные или плохого качества трофейные суда либо отпускали, либо сжигали, а богатые и добротные суда забирали себе и отводили на свои базы — в ямайскую гавань Порт-Ройял, на Тортугу или в гавань Пти-Гоав на Эспаньоле. Пленных, за которых не надеялись получить выкуп, высаживали на берег при первой возможности (чтобы не кормить), но двух-трех оставляли, рассчитывая впоследствии продать или использовать в качестве слуг.

Придерживаясь собственных законов, флибустьеры сами вершили суд над провинившимися собратьями. Того, кто при дележе добычи давал ложную клятву, изгоняли с корабля и впредь никогда не принимали. Его могли «марунировать» (англ. *marooning*), или «осудить на высадку», то есть оставить на необитаемом острове с ружьем, небольшим запасом пороха, свинца и воды. Упоминавшиеся выше шевалье де Сен-Лоран и Мишель Бегон писали, что «капитаны часто высаживают флибустьеров на пустынных островах или побережьях, что приводит к потере большого количества людей».

В некоторых экипажах за насилие над пленными женщинами, пьянство, неповиновение командиру, самовольную отлучку с поста провинившихся наказывали: вдали от неприятеля — лишением доли в добыче, вблизи его — смертью. Виновного в вероломном убийстве привязывали к дереву, и он сам выбирал человека, который должен был его умертвить.

Поскольку всю жизнь эти люди находились лицом к лицу с враждебным им миром, существование в котором постоянно грозило то голодом, то болезнью, то смертью, каждый член разбойничьего братства должен был найти себе компаньона, отношения с которым строились на основе взаимопомощи. Согласно данным Эксквемелина (из расширенного французского издания 1699 года), этот обычай у французов назывался «матлотажем» (*Tie matelotage* — морская практика). В его основе лежал голландский морской термин *mattenoot*, означающий «совместное владение постелью». Поскольку команда судна делилась на две посменные вахты, каждый второй матрос всегда был на дежурстве, что позволяло иметь на борту одну постель на двоих. Флибустьеры под *матлотажем* понимали практику взаимопомощи, которая охватывала всех членов команды. Помощь оказывалась в виде займа. На человеке, получившем заем, после возврата лежала обязанность помочь бывшему кредитору, а именно — дать последнему, в свою очередь, заем, когда у него возникала нужда в этом. Компаньоны нередко совместно владели имуществом и должны были заботиться друг о друге в случае ранения или болезни одного из них.

Эксквемелин свидетельствует: «Пираты очень дружны и во всем друг другу помогают. Тому, у кого ничего нет, сразу же выделяется какое-либо имущество, причем с уплатой ждут до тех пор, пока у неимущего не заведутся деньги». И далее: «Друг к другу пираты относились заботливо. Кто ничего не имеет, может рассчитывать на поддержку товарищей».

Ссоры между пиратами иногда перерастали в драки, а иногда заканчивались дуэлями. При этом поединок мог проходить с применением как холодного, так и огнестрельного оружия. «Пираты придерживаются своих собственных законов, — свидетельствует Эксквемелин, — и сами вершат суд над теми, кто совершил вероломное убийство... Если же окажется, что пират отправил своего врага на тот свет вполне заслуженно, то есть дал ему возможность зарядить ружье и не нападал на него сзади, товарищи убийцу прощают. Среди пиратов дуэли завязываются довольно легко».

Правила, принятые во многих пиратских экипажах XVII–XVIII веков, строжайше запрещали проводить поединки на борту судна. Поссорившиеся пираты должны были сойти на берег и в присутствии

свидетеля (как правило, квартирмейстера) разрешить свой спор с помощью сабель, ружей или пистолетов. Дрались обычно не на смерть, а до первой крови.

После удачного похода, вернувшись на Тортугу, в Порт-Ройял или Пти-Гоав, флибустьеры устраивали грандиозные кутежи. На упреки отвечали однозначно: «Поскольку опасности подстерегают нас постоянно, судьба наша очень отличается от судеб других людей. Сегодня мы живы, завтра убиты — какой же смысл нам накапливать и беречь что-либо? Мы никогда не заботимся о том, сколько проживем. Главное — это как можно лучше провести жизнь, не думая о ее сохранении».

Некоторые исследователи считают, что флибустьерам не были свойственны религиозные предрассудки. Это неверно. Среди них, конечно, встречались безбожники, но большинство всегда составляли люди верующие: здесь были и французские гугеноты, и английские пуритане, и голландские кальвинисты, подчас рассматривавшие антииспанские экспедиции не только как военные и «коммерческие» предприятия, но и как акты религиозной войны с «папистами». В 70–80-х годах XVII века увеличилось число французских флибустьеров, воспитанных в католической вере. По свидетельству Равено де Люссана, овладев испанским поселением, французские пираты сначала отправлялись в местный католический собор, где пели религиозный гимн *Te Deum*, а уж потом приступали к грабежу (так было, например, в 1686 году, когда флибустьеры захватили Гранаду).

Флибустьеры молились, когда садились за стол, и перед сражением Большое значение придавали святому провидению, а также разного рода предсказаниям и суевериям. Известно, что на корабле капитана Чарлза Свана плавал астролог, который предупреждал его о грядущих опасностях. Другой пример: когда корабельный хирург Лайонел Уофер взял на борт судна мумию индейского мальчика, чтобы привезти ее в Англию для исследований, пираты решили, что «компас не может правильно показывать, пока на борту находится труп, и по этой причине выбросили его за борт».

Своеобразно строились отношения флибустьеров с коренными жителями Американского континента. Наиболее дружелюбно к пиратам были настроены индейцы, обитавшие в районе мыса Грасьяс-а-Дьос и на Москитовом берегу в Никарагуа, а также ряд племен

Коста-Рики, Дарьена и Новой Гранады. Ненавидя испанцев, туземцы тех мест охотно торговали с заезжими разбойниками, приобретая у них старые ножи, топоры и разного рода инструменты. Некоторые флибустьеры (например, голландец Виллем Блауфелт) подолгу жили среди индейцев, тогда как последние часто уходили с разбойниками в море. Основной их обязанностью была ловля рыбы, черепах и морских коров — ламантинов. Считалось, что один опытный индеец способен обеспечить едой целую команду.

Уильям Дампир, рассказывая о дружбе флибустьеров с индейцами Москитового берега, отмечал; «У них чрезвычайно зоркие глаза, и они замечают парус в море раньше, чем мы. Из-за этих качеств их ценят и стараются взять с собой все приватиры... Когда они находятся среди привати́ров, то узнают, как пользоваться ружьями, и оказываются очень меткими стрелками. Они ведут себя дерзко в сражении и никогда не отступают и не отстают...».

Обосновавшись на Антилах вблизи английских, французских и голландских колоний, а подчас проживая и в самих этих колониях, пираты старались обеспечить себе надежный тыл, то есть заручиться поддержкой официальных властей, чтобы иметь возможность открыто доставлять в дружественные гавани захваченную добычу, свободно сбывать ее, а также отдыхать, развлекаться, снаряжать свои суда, приобретать провизию, оружие и боеприпасы. Так как Англия и Франция часто воевали с Испанией, английские и французские губернаторы выдавали флибустьерам каперские и репрессальные лицензии. За это пираты отдавали властям часть награбленного, а также поставляли им разведывательную информацию о состоянии тех или иных колоний в Карибском регионе и о движении неприятельских флотов.

Получив на руки каперские свидетельства, флибустьеры нередко придавали им самое широкое значение, игнорируя заключавшиеся в Европе мирные договоры. Когда губернатор Сен-Доменга Тарэн де Кюсси в 1685 году отменил каперские поручения против испанцев, возмущенные флибустьеры заявили: «Если губернатор не даст нам корсарские грамоты против испанцев, мы обойдемся теми, что получили для охоты и рыбной ловли».

Корабли флибустьеров не имели определенного флага. Утверждение польского публициста Яцека Маховского, что они

поднимали черный стяг с изображением скелета, далеко от истины. Флибустьеры, которые приобретали у властей каперские грамоты, как правило, поднимали на мачте флаг той страны, от имени которой они выступали. Когда люди Генри Моргана двинулись на штурм Панамы (1671), над ними реяли красные и зеленые флаги (в ту эпоху подобные флаги ассоциировались с мятежом и использовались откровенными пиратами). Капитан Эдвард Дэвис держал на мачте белый флаг, на котором были изображены рука и сабля. Капитан Бартоломью Шарп имел красный стяг с белыми и зелеными полосами, а в отряде Питера Харриса, состоявшем из экипажей двух кораблей, было два зеленых флага. Капитан Ричард Сокинс имел красный флаг с желтыми полосами, капитан Эдмунд Кук — красный флаг с желтыми полосами и изображением руки и сабли.

Чтобы не вспугнуть потенциальную жертву или обмануть противника, флибустьеры могли поднять на мачте фальшивый флаг (например, при встрече с испанцами поднимали испанский флаг или флаг дружественной им державы). Если противник не желал сдаваться, флибустьеры поднимали на мачте красный флаг. Это означало, что команда готова к кровопролитию и в случае победы никому не даст пощады. Точно так же поступали «классические» пираты первой четверти XVIII века.

В 70–90-е годы XVII века характер и цели пиратского промысла в Вест-Индии претерпели ряд существенных изменений. Становление английской, французской и голландской колониальных империй и развитие международной торговли пришли в противоречие со сложившейся в Карибском море системой флибустьерства. Большая часть грузов (примерно 90 %), шедшая в конце XVII века из Америки в Испанию, принадлежала иностранным предпринимателям, поэтому от набегов флибустьеров на испанские суда стали страдать не только испанские купцы и судовладельцы, но также голландские, английские, немецкие, итальянские и французские дельцы, вложившие деньги в испано-американскую торговлю.

После Мадридского мира 1670 года английское правительство предприняло решительные шаги по ликвидации флибустьерства в Карибском регионе. Флибустьерам, проявившим покорность, жаловалась амнистия за все преступления, которые они совершили с 1660 года (со времени реставрации монархии в Англии).

Лишившись удобной базы в Порт-Ройяле, многие флибустьеры перебрались с Ямайки на Тортугу и в Пти-Гоав, откуда стали нападать не только на испанские, но и на английские суда и прибрежные поселения. Поэтому ямайские власти вынуждены были разработать ряд дополнительных мер, чтобы «напугать, уменьшить и наказать всех пиратов».

Строительство мощных крепостей и заметное усиление присутствия военных эскадр в водах Карибского моря неумолимо вело к постепенной ликвидации независимых флибустьерских сообществ в указанном регионе. Часть из них была «поглощена» колониальными системами, часть уничтожена в ходе торговых и морских войн конца XVII века, а остальные предпочли поднять на мачтах черные флаги, сделавшись «врагами всего человечества».

Корабли и малые суда флибустьеров

Стряхнув архивную пыль с исторических документов XVII века, мы можем легко убедиться в том, что флибустьеры совершали свои походы на судах различных типов, характерных для указанного периода времени. Их размеры варьировались от небольших барок (кечей, шлюпов, пинасов, бригантин) до средних размеров галеонов и военных фрегатов. Кроме того, на мелководье, реках и озерах активно использовались пироги, каноэ и шлюпки.

Чаще всего флибустьеры отправлялись в экспедиции на трофейных судах (призах), что не исключало наличия у них купленных или арендованных судов.

«Захватив корабль, команда решает, передавать ли его капитану, — свидетельствует Эксквемелин. — Если захваченный корабль лучше их собственного, пираты переходят на него, а свой сжигают».

Предпочтение всегда отдавалось легким, быстроходным и маневренным судам малых и средних размеров, вооруженным несколькими пушками; они могли ходить как под парусами, так и на веслах, и были весьма практичными во время операций на мелководье, в прибрежных районах Антильских островов и Испанского Мейна. В то же время отдельные отряды флибустьеров могли располагать более крупными и громоздкими судами, вооруженными несколькими

десятками пушек. Такие суда обычно использовали для обстрела испанских прибрежных фортов, в сражениях с крупными военными кораблями противника и во время дальних походов через Атлантический и Тихий океаны.

На заре своей истории (в 20–50-е годы XVII века) вольные добытчики с островов Тортуга и Эспаньола, как правило, не располагали крупными кораблями, предпочитая использовать каноэ и небольшие парусно-гребные суда; они вмещали в среднем от 20 до 30 человек. Во второй половине XVII столетия, с увеличением численности флибустьерских отрядов, в их флотилиях все чаще стали появляться корабли средних и даже больших размеров (например, в отрядах Кристофера Мингса, Генри Моргана, маркиза де Ментенона, Жана де Граммона, Бартоломью Шарпа, Джона Кука, Эдварда Дэвиса, Джона Итона, Николаса ван Хоорна, Лауренса де Граффа, Этьена де Монтобана).

Сохранился список флибустьерских судов Ямайки, относящихся к 1663 году. Из этого списка явствует, что они имели на борту от 3 до 14 пушек и команды, насчитывавшие от 40 до 100 человек. Еще один список, составленный полковником Теодором Кэрри в 1665 году, содержит информацию о девяти флибустьерских судах Ямайки, включенных в состав экспедиции полковника Эдварда Моргана. Самые крупные суда были вооружены соответственно 12, 16 и 18 пушками, наименьшие имели на борту лишь по одной пушке.

В перечне флибустьерских судов, составленном губернатором Ямайки Томасом Модифордом в конце 1670 года, дается краткая характеристика флота Генри Моргана. Это было самое крупное соединение флибустьерских судов из всех, когда-либо бороздивших воды Испанской Америки. Флагман флота — 120-тонный фрегат «Сэтисфекшн» — имел на борту 22 пушки; остальные несли от 2 до 14 пушек и имели водоизмещение от 10 до 70 тонн.

Любопытный список был составлен также флибустьером Бэзилем Рингроузом. Он содержит данные о девяти пиратских судах, собравшихся в марте 1680 года в лагуне Бокас-дель-Торо (Панама).

Капитан	Судно	Тоннаж	Пушки	Экипаж
Питер Харрис	судно	150	25	107
Ричард Сокинс	баркалона	16	1	35

Джон Коксон	судно	80	8	97
Эдмунд Кук	барка	35	0	43
Бартоломью Шарп	барка	25	2	40
Роберт Эллисон	шлюп	18	0	24
Томас Мэгот (Макетт)	шлюп	14	0	20
Лассон	судно	90	6	86
Жан Роз	бригантина	20	0	25

Всего девять судов 448 42 477

Приведенный выше список показывает, что в составе флибустьерской флотилии было лишь одно сравнительно крупное судно — 25-пушечный фрегат Питера Харриса водоизмещением 150 тонн. Остальные суда были значительно меньше, имели водоизмещение от 14 до 90 тонн и несли на борту от 1 до 8 пушек. Некоторые суда вообще не имели пушек и использовались как транспорты.

Список Уильяма Дампира содержит сведения о девяти судах английских и французских флибустьеров, собравшихся у острова Спрингер-Ки (Панама) в июне 1681 года. Только два судна имели на борту по 10 пушек и по 100 человек команды. Остальные были небольшими судами, вооруженными несколькими пушками.

Капитан	Судно	Пушки	Экипаж
Джон Коксон	судно	10	100
Томас Пейн	судно	10	100
Уильям Райт	баркалона	4	40
Джон Уильямс	небольшая баркалона	0	около 20
Ян Виллеме по прозвищу Янки	«Ла Дофинэ» (баркалона)	4	60
Аршамбо	судно	8	40
Жан (Авраам) Токард	бригантина	6	70
Жан Роз	баркалона	0	около 25
Жан Тристан	баркалона	0	около 50 ^[1]

Точное представление о силах флибустьеров Сен-Доменга дает список, составленный губернатором Пьером-Полем Тарэном де Кюсси для маркиза де Сеньелэ 24 августа 1684 года. Только в этом списке мы встречаем достаточно крупные суда — два 30-пушечных, одно 45-пушечное, одно 52-пушечное и одно 54-пушечное. Остальные суда несли на борту от 2 до 18 пушек.

Капитан	Судно	Тоннаж	Пушки	Экипаж
Съёр де Граммсш	«Ле Арди»	400	52	300
Лауренс де Графф (временно — Бруаж)	«Нептун»	?	54	210
Михел Андресзоон	«Ла Мутэн»	250	44	200
Ян Виллеме, или Янки	«Ла Дофин»	?	30	180
Франсуа Лесаж	«Тигр»	?	30	130
Жак Педно	«Ле Шассёр»	?	20	120
Съёр Дюмениль	«Ла Тромп ёз» (пинк)	?	14	100
Жан (Авраам) Токард	«Л'Ирондель»	?	18	110
Пьер Бар, или Брэха	«Ла Фортюн» (бригантина)	?	14	100
Лауренс де Графф	«Ла Каскариль» (приз)	?	18	80
Жан Бернанос	«Ла Скитье»	?	8	60
Франсуа Гронье, или Кашмарэ	«Сен-Жозеф» (или «Сен-Франсуа»)	?	6	70
Ян Блот (Жан Бло)	«Ла Кагон»	?	8	90
Виньерон	«Ла Луиз» (барка)	?	4	30
Пти	«Ле Рюзе» (судно)	?	4	40
Лагард	«Ла Сюбтиль»	?	2	30
Верпре	«Ле Постильон»	?	2	25

Всего — 18 судов 328 1925

Наконец, сошлемся на список, составленный на основе данных Уильяма Дампира и Равено де Люссана. Он содержит сведения об объединенных силах английских и французских флибустьеров, собравшихся в Панамском заливе весной и летом 1685 года. Из 10

судов только два имели на борту артиллерию; самым крупным был флагманский фрегат, вооруженный 36 пушками.

Капитан	Судно	Пушки	Экипаж	Национальность
Эдвард Дэвис	фрегат «Бэчелор'с дилайт»	36	156	англичане
-	барка капитана Дэвиса	-	8	англичане
Чарлз Сван	фрегат «Сигнит»	16	140	англичане
-	барка капитана Свана	-	8	англичане
Франсуа Гронье, или Кашмарэ	«Сент-Роз» («Санта Роса»)	-	308	французы
Фрэнсис Таунли	барка	-	110	англичане
-	барка капитана Таунли	-	80	англичане
Питер Харрис	барка	-	100	англичане и французы
Брэнди	барка	-	36	англичане и французы
Сэмюэл Ли	брандер	-	14	англичане

Всего 10 судов 52 960

Приведенные выше списки, а также иные документальные источники указывают на то, что самыми крупными флибустьерскими судами были фрегаты и галеоны; они, как правило, захватывались пиратами во время походов. Фрегат представлял собой трехмачтовый корабль с полным парусным вооружением и одной закрытой батарейной палубой; часть пушек могла размещаться на открытой верхней палубе.

Кристофер Мингс в 1662–1663 годах оперировал в Вест-Индии на 46-пушечном королевском фрегате «Центурион», экипаж которого насчитывал 146 человек. Фрегат базировался в Порт-Ройале и принимал участие в походах флибустьеров Ямайки и Тортуги на Сантьяго-де-Кубу (1662) и Кампече (1663).

В составе флотилии Генри Моргана в конце 1668 и начале 1669 года находился фрегат «Оксфорд» водоизмещением 240 тонн. Он прибыл на Ямайку из Англии, первоначально имея на вооружении 22 пушки. В Порт-Ройяле фрегат лишился своих командиров, поскольку его капитан Хакит «поссорился со шкипером, пронзив его насквозь, отчего тот умер, а сам сбежал...» В силу сложившихся обстоятельств губернатор острова Томас Модифорд решил передать «Оксфорд» под командование сподвижника Моргана — капитана Эдварда Коллира и велел ему идти на соединение с остальными кораблями ямайской флотилии к острову Ваш. Коллир, по всей видимости, увеличил количество пушек на фрегате до 34 (по другим данным — до 36), довел численность экипажа до 160–180 человек, после чего покинул Порт-Ройял и направился к юго-западной оконечности Эспаньолы. Там в январе 1669 года «Оксфорд» взорвался из-за попадания шальной пули в пороховой погреб.

Маркиз де Ментенон в 1676 году объединил под своим командованием несколько флибустьерских судов и совершил ряд набегов на прибрежные испанские поселения в Венесуэле — Маракайбо, Асунсьон (на острове Маргарита) и Нуэва-Валенсия. При этом сам маркиз находился на хорошо вооруженном фрегате «Ла Фонтен д'Ор» («Фонтан золота»).

Французский капитан Жан де Граммон в 1678–1680 годах оперировал в Карибском море на 50-пушечном фрегате «Ла Тромпёз» («Обманщица»). Этот корабль был флагманом флибустьерской флотилии, базировавшейся в гавани Пти-Гоав на Эспаньоле, и участвовал в набегах на города Маракайбо и Ла-Гуайра. 14 августа 1680 года «Ла Тромпёз» затонул на рейде Пти-Гоава во время урагана.

В том же году капитан Бартоломью Шарп крейсировал в Тихом океане на трофейном испанском галеоне «Ла Сантисима Тринидад», переименованном в «Тринити». Он имел водоизмещение 400 тонн, но его артиллерийское вооружение было довольно скромным. Это был тот самый галеон, который в начале 1671 года успел увезти значительные ценности из Панамы, когда город подвергся нападению флибустьеров под командованием Генри Моргана. По данным испанских источников, в то время галеон был вооружен лишь 7 пушками и 12 «большими мушкетами» (очевидно, фальконетами).

Капитан Джон Кук, командуя трофейным 18-пушечным французским кораблем «Ривендж» («Месть»), в ноябре 1683 года ухитрился захватить в водах Сьерра-Леоне (Западная Африка) то ли голландский, то ли датский 36-пушечный фрегат водоизмещением 180 тонн. Штурман экспедиции Эмброуз Коули записал в своем журнале, что это был «новый корабль с сорока пушками». Пираты пересели на него, переименовали приз в «Бэчелор'с дилайт» («Услада холостяка») и отправились на нем в Тихий океан. В то время его команда, по разным данным, насчитывала от 52 до 70 человек. После смерти Кука капитаном фрегата стал Эдвард Дэвис В 1685 году, во время сражения с испанской эскадрой в Панамском заливе, команда «Бэчелор'с дилайта» насчитывала уже 156 человек.

Голландский флибустьер Николас ван Хоорн в 1681 году купил в Англии 40-пушечный фрегат «Мэри энд Марта» водоизмещением 400 тонн. Переименовав его в «Сент Николас», он завербовал в команду 150 человек и отправился в работоторговый рейс к берегам Западной Африки. Позже Ван Хоорн промышлял в Вест-Индии. В Пти-Гоаве он завербовал около 300 колонистов и пиратов, увеличил количество пушек на борту до 46 (по другим данным — до 52) и прославился набегом на испанский город Веракрус После смерти Ван Хоорна его фрегат перешел под командование Граммона, который переименовал судно в «Ле Арди» («Смелый») и промышлял на нем до осени 1686 года, пока не погиб в районе Азорских островов во время урагана.

Крупными кораблями командовал флибустьер Лауренс де Графф. Так, в 1681 году в районе Картахены он захватил добротный 28-пушечный голландский корабль «Тигр», на котором в июле 1682 года взял на абордаж испанский корабль «Сантисимо Сакраменто». Передав командование «Тигром» своему компаньону Михелу Андресзоону, де Графф переоснастил испанский приз, переименовал его в «Ла Франсез», вооружил 30 пушками и завербовал в команду 150 человек В следующем году «Тигр» и «Ла Франсез» приняли участие в экспедиции Ван Хоорна на Веракрус В декабре 1683 года де Графф с несколькими другими капитанами захватил в районе Картахены три испанских судна, в том числе 46-пушечный фрегат «Ла Пао, 40-пушечный фрегат «Сан Франсиско» и судно, вооруженное 12 камнеметами и 6 пушками. «Ла Пас» был передан под командование Михела Андресзоона, а «Сан Франсиско» стал флагманом де Граффа.

Последний переименовал его в «Нептуна», увеличил количество пушек до 54, а численность команды довел до 210 человек. Это был, пожалуй, самый крупный флибустьерский корабль. Летом 1686 года он сел на рифы к югу от Картахены и был покинут пиратами на произвол судьбы.

Следует, однако, иметь в виду, что в рассматриваемую эпоху фрегатом могло называться также небольшое быстроходное парусно-гребное судно водоизмещением от 50 до 100 тонн, вооруженное несколькими пушками.

В целом необходимо признать, что большие корабли в составе «вооруженных сил» флибустьеров Карибского моря и Тихого океана встречались крайне редко. Невыгодность их использования объяснялась:

а) невозможностью оперирования в мелководных, изобилующих песчаными банками и коралловыми рифами прибрежных районах Антильских островов и Испанского Мейна;

б) большими расходами, связанными со снаряжением и эксплуатацией таких судов (для обслуживания парусов, такелажа и пушек необходимо было много людей; увеличение же численности экипажа неизбежно требовало увеличения количества провианта и амуниции);

в) неизбежным сокращением доли добычи каждого участника похода (не зря перед набегом на Пуэрто-Бельо в 1668 году Морган заявил своим людям: «Чем нас меньше, тем больше достанется на каждого»).

Среди флибустьерских судов встречались пинки (англ. *pink*). Пинк (иногда пишут «пинка») был небольшим парусным судном водоизмещением до 50 тонн, с плоским дном, выпуклыми боками и узкой кормой. На Средиземном море пинки (итал. *pinco*) были преимущественно торговыми судами. Они напоминали парусно-гребные шебеки, отличаясь от них большей высотой и более плоским дном. На Балтийском море и Атлантическом океане пинком (нидерл. *pgnske*) называли любое небольшое судно с узкой кормой. Кроме того, в XVII–XVIII веках в качестве торговых и военных кораблей нередко использовались большие пинки с прямыми парусами. Их водоизмещение варьировалось от 50 до 200 тонн. Большой военный пинк мог нести до 20 пушек.

Флибот (*flyboat*) был фактически легким флейтом (*yliet, floejty fleute.fluyt, fluit, flute*). Флейтом называли парусное судно водоизмещением 200–300 тонн, имевшее следующие отличительные черты: длина в 4–6 и более раз превышала ширину, что позволяло ему ходить под парусами довольно круто к ветру; в такелаже были введены изобретенные в последней трети XVI века стеньги; высота мачт превосходила длину судна, а реи стали укороченными, что позволило сделать узкие и удобные в обслуживании паруса и сократить численность верхней команды. Первый флейт был построен в 1595 году в голландском городе Хорне Его парусное вооружение фок- и грот-мачт состояло из фока и грота и соответствующих марселей, а позже на больших флейтах — и брамселей. На бизань-мачте выше обычного косого паруса поднимали прямой парус — крьюсель. На бушприте ставили прямоугольный парус блинд, иногда бом-блинд. Именно на флейтах впервые появился штурвал, что облегчило перекладку руля.

Флейты внешне были весьма похожими на галеоны. На голландских гравюрах, которые можно видеть в книгах АО. Эксквемелина (1678) и Д. ван дер Стерре (1691), корабли флибустьеров среднего тоннажа выглядят как типичные флейты.

Если грузоподъемность флейта была менее 100 тонн, его называли флиботом, если более 300 тонн — его называли уркой. В зависимости от размеров на борту могли устанавливать от нескольких до 20 пушек. Заметим, что когда капитан Ван Хоорн перед походом на Веракрус захватил в заливе Америк гондурасскую урку, он счел ее слишком громоздким судном, не пригодным для флибустьерского промысла, и, разоружив, сжег.

Бригантиной (от итал *brigante* — разбойник, пират) называлось легкое и быстроходное судно со смешанным парусным вооружением — прямыми парусами на передней мачте (фок-мачта) и с косыми на задней (грот-мачта). Первоначально бригантины оснащались веслами и, таким образом, были разновидностью парусно-гребных судов. Их водоизмещение не превышало 70 тонн, экипаж в среднем насчитывал до 60 человек. Бригантины могли иметь палубу, а могли быть беспалубными и нести на борту 4–8 небольших пушек.

Кеч (англ *ketch*) — еще один тип парусного судна, которое оснащалось двумя мачтами. Задняя мачта — бизань — у кеча была

ниже передней, называемой гротом Площадь парусов бизань-мачты составляла около 15–20 % всей парусности. Кеч нес косые паруса и мог использовать гафельное вооружение. При слабом ветре между бизанью и гротом устанавливали апсель — косой треугольный парус Подобное парусное вооружение давало преимущества по управляемости и ходкости в сильный ветер.

Баркалона (исп. *barca longa* — длинная лодка, барка, баркас, ланча) представляла собой парусно-гребное рыболовное, посыльное или боевое судно водоизмещением до 50 тонн. Изначально это судно использовалось в испанском флоте, позже — в английском и французском Длина баркалоны составляла от 16 до 35 метров, ширина — до 9 метров, осадка — до 2,5 метров. На борту могло находиться от нескольких до 24 орудий (например, Шарлевуа упоминает об «испанской баркалоне с 24 пушками»). Баркалона, как правило, имела одну мачту и длинный бушприт, но могла нести две и даже три мачты, на которых ставили большие прямые паруса и гафельный парус Эксквемелин свидетельствует, что когда корабль Франсуа Олоне застрял на рифах близ островов Лас-Перлас, флибустьеры «разломали корабль и из досок и бревен стали сооружать длинную барку (т. е. баркалону. — В. Г.)».

Когда часть флибустьеров во главе с Джоном Куком в апреле 1681 года отделилась у берегов Перу от команды капитана Шарпа, они, по словам Уильяма Дампира, взяли с собой «ланчу, или баркалону» и два каноэ.

Шевалье де Сен-Лоран и Мишель Бегон в мемуаре от 26 августа 1684 года отмечали, что флибустьеры Сен-Доменга «имеют на море 14 судов и три баркалоны с количеством пушек от 4 до 54 и почти две тысячи человек».

Очевидно, одномачтовая баркалона мало чем отличалась от парусно-гребного одномачтового фрегата (исп. *fragatä*) или от баландры (исп. *balandra*). Англичане на Ямайке и французы на Тортуге и Эспаньоле могли называть аналогичный тип судна фрегатом (англ. *frigate*, франц. *fregate*), шлюпом (англ. *sloop, shallop*; франц. *chaloûpe*), тартаной (франц. *tartane*) или каиком (франц. *qiuûche*). Тартана, как правило, имела водоизмещение не более 60 тонн и несла на мачте латинский парус Двухмачтовый каик англичане называли кечем.

В мемуаре съёра де Пуансэ (1677) отмечалось, что в сентябре 1676 года у побережья Сен-Доменга находилось от 10 до 12 флибустьерских судов — «как небольших фрегатов, так и барок, не считая различных каноэ, с которыми они часто ходят на корсарский промысел и неожиданно захватывают суда в портах и на рейдах».

Вооружение одномачтового шлюпа напоминало вооружение голландской яхты. Паруса такого шлюпа, как и яхты, состояли из большого гафеля и марселя. По лось-штагу ходил фор-стаксель; на бушприте, часто удлиненном за счет утлегаря, ставили один или два кливера.

20 мая 1680 года Совет Ямайки сообщал в министерство торговли и колоний, что для эффективного подавления флибустьеров необходимо «взять под контроль бухточки и укромные заливчики, чтобы пресечь их разбои на каноэ, шлюпах и барках, где ни один фрегат четвертого ранга не может преследовать их».

Тартана была небольшим судном, довольно широким, с латинскими парусами и седловатой палубой. В Карибском море этот тип судна использовался в основном испанцами и французами. Длина тартаны составляла примерно 18 метров, ширина — 5,3 метра. Небольшая тартана могла нести одну мачту, более крупная — две и даже три мачты. Равено де Люссан в своих мемуарах упоминает о том, что в январе 1685 года корабль Лауренса де Граффа повстречал в море небольшую флибустьерскую флотилию; при этом «одно из судов оказалось тартаной под командованием капитана Жана Роза».

Тендером (англ *tender*) англичане называли любое одномачтовое судно вспомогательного назначения водоизмещением до 60 тонн, вооруженное несколькими пушками небольшого калибра.

К малым парусно-гребным судам галерного типа относились также беспалубные испанские пироги. На рисунке XVII века видно, что это судно имело 20 пар весел и несло две съемные мачты с прямыми парусами. Экипаж пироги мог насчитывать от 50 до 120 человек; на носу судна устанавливалась небольшая пушка.

Уильям Дампир в «Новом путешествии вокруг света» (1697) упоминает «о пироге (или большом каноэ), которое двигалось с помощью 14 весел».

Карл Марквардт, крупный специалист по парусным судам, так описывает этот тип судна:

«Пирога — морское каноэ; в отличие от обычных его изготавливали из двух долбленых стволов деревьев, затем складываемых вместе.

В XVI–XIX вв. это было наиболее распространенное прибрежное судно Карибских островов, Мексиканского залива и Южной Америки. Такелаж пироги был похож на такелаж двухмачтовой шхуны без бушприта».

Иногда пирогу называли галиотом или полугалерой. Длина ее доходила до 30 метров.

Еще одним примечательным типом плоскодонного малого парусно-гребного судна был пинас (англ. *pinnace*, франц. *pinasse*, исп. *pinaza*), или пинасса. Имея узкий корпус, пинас был снабжен одной мачтой; его вооружение могло быть шлюповым, латинским, шпринтовым или простым прямым. Водоизмещение судна не превышало 60 тонн.

В XVI–XVII веках пинасы использовались как рыболовные, посыльные, разведывательные, транспортные и боевые суда, удобные для оперирования на мелководье. Впрочем, иногда пинасами называли и более крупные суда — двухмачтовые и даже трехмачтовые. В начале XVII века на морях Северной Европы появился пинас, несколько напоминавший флейт, но отличавшийся от него менее вогнутыми шпангоутами и плоской кормой. Передняя часть корабля заканчивалась почти прямоугольной поперечной переборкой, простирающейся по высоте от палубы до полубака. Большой пинас имел длину до 44 метров, три мачты и бушприт. На грот- и фок-мачтах поднимали прямые паруса, на бизань-мачте — бизань и над нею — крьюсель, а на бушприте — блинд и бом-блинд. Водоизмещение таких пинасов варьировалось от 150 до 800 тонн.

Приведенные выше факты подталкивают к выводу, что в XVII веке еще не было устоявшейся классификации судов: один и тот же тип судна мог носить разные названия, а разные типы судов могли иметь одно и то же название.

Паташ (франц. и исп. *patache*), очевидно, был разновидностью пинаса. Это плоскодонное парусно-гребное судно использовалось в качестве посыльного, разведывательного или сторожевого судна. Известно, что голландец Ван Хоорн, захватив в Гондурасском заливе испанский паташ, вооружил его 24 пушками и отдал под командование Жана Тристана. Многие специалисты по истории парусного флота

убеждены, что паташем испанцы и французы называли не какой-то определенный тип судна, а *любое вспомогательное судно*.

В составе флибустьерской флотилии мог находиться также брандер — небольшое судно любого типа, начиненное порохом и легко воспламеняющимися материалами. Брандеры использовались во время морских сражений для поджога и уничтожения вражеских судов. Именно такое судно применил Генри Морган во время нападения на испанскую эскадру в лагуне Маракайбо в 1669 году.

Для связи с берегом и между судами, а также для плавания по рекам и озерам флибустьеры использовали разных размеров каноэ и лодки (шлюпки, скиффы, каики и пр.). Небольшие шлюпки (ялы) и каноэ могли перевозить на борту судна, а более крупные — вести за кормой на буксире.

Каноэ (исп. *сапоа* — челн; заимствование из языка карибских индейцев) представляло собой тип безуклюжих маломерных гребных судов, которые использовались флибустьерами для действий на мелководье как в бассейне Карибского моря, так и близ тихоокеанского побережья Испанской Америки. Каноэ представляло собой лодку, которая имела симметрично заостренные нос и корму. Характерной особенностью плавания на каноэ был способ гребли; экипаж пользовался лопатообразным однолопастным или двулопастным веслом, которым также производилось руление путем поворота весла в воде и изменением его траектории в конце гребка.

Вместимость каноэ, в зависимости от его размеров, варьировалась от 2 до 100 человек. Шарлевуа писал, что «каждое флибустьерское товарищество покупало каноэ, и каждое каноэ вмещало двадцать пять — тридцать человек». Каноэ можно было купить на Тортуге, Эспаньоле или Ямайке, изготовить самим или захватить у испанцев или индейцев.

Изготавливали каноэ двумя способами: 1) путем выдалбливания или выжигания из целого ствола дерева; 2) путем обтягивания легкого каркаса древесной корой.

Когда Франсуа Олоне собирался в 1667 году идти на промысел в Гондурасский залив, он предварительно решил добыть каноэ у кубинских рыбаков и ловцов черепах. «Каноэ были нужны пиратам для высадки в мелких протоках, потому что осадка у их кораблей была

довольно глубокая и суда не могли идти по мелководью», — сообщает Эксквемелин.

Для нападения на Кампече в 1685 году флибустьеры, возглавляемые Граммоном и Лауренсом де Граффом, использовали 10 кораблей, 6 барок и 22 каноэ.

В начале апреля того же года отряд французских флибустьеров, в котором находился Равено де Люссан, спустился по реке к Панамскому заливу на 14 каноэ — «каждое имело примерно по двадцать весел».

Летом 1685 года флотилия из 31 каноэ под командованием Эдварда Дэвиса доставила на тихоокеанское побережье Никарагуа отряд численностью 520 человек, который собирался предпринять набег на юрод Леон. Часть каноэ флибустьеры построили сами во время стоянки на панамском острове Койба. Описывая одно из этих каноэ (наиболее крупное), Уильям Дампир отмечал, что оно имело 36 футов длины и 5–6 футов ширины; другое каноэ, при той же ширине, имело длину 32 фута. Толщина днища обычно составляла 3 дюйма, толщина борта в нижней части — 2 дюйма, а в верхней части — 1,5 дюйма. По словам Дампира, заостренным мог быть как один конец каноэ, так и оба.

Выгодность использования парусно-гребных судов и каноэ морскими разбойниками была очевидной: в безветренную погоду они могли двигаться с помощью весел, а также брать на буксир, разворачивать и тащить за собой парусные суда.

Завершая наш обзор, отметим, что использование флибустьерами тех или иных типов судов было обусловлено как особенностями навигации в различных акваториях (океаны, моря, заливы, прибрежное мелководье, реки, озера), так и целями, которые пираты ставили перед собой. Понятно, что для переходов через Атлантику или Тихий океан предпочтительно было использовать большие и среднего тоннажа суда (фрегаты, флейты, пинки); для охоты на испанские торговые суда в прибрежных районах Америки идеально подходили небольшие быстроходные парусно-гребные суда (легкие фрегаты, баркалоны, шлюпы, бригантины, пинасы); для высадки десантов и оперирования на мелководье приходилось использовать пироги, каноэ и шлюпки.

Когда невозможно было достать подходящее судно, флибустьеры довольствовались теми плавсредствами, которые имелись у них под

рукой Если они не собирались охотиться за торговыми судами, а планировали захват какого-нибудь города на побережье, им достаточно было найти необходимое количество судов любого типа, пригодных для транспортировки людей и боевого снаряжения к месту высадки.

Команда флибустьерского судна

Численность и состав команды флибустьерского судна зависели как от размеров самого судна, так и от места его снаряжения. О численности команд дают представления списки, которые были приведены нами в предыдущей главе. Из них видно, что небольшие суда обычно имели на борту от 25 до 70 человек; команды крупных кораблей доходили до 150, 200, а в отдельных случаях даже до 300 человек (например, в команде Франсуа Гронье в 1685 году насчитывалось 308 человек). Большие пироги и каноэ могли перевозить до 50 человек.

Далеко не все члены пиратских команд были профессиональными моряками. На Тортуге, Эспаньоле и Ямайке на флибустьерские суда постоянно нанимались разорившиеся мелкие фермеры, торговцы и ремесленники, отслужившие свой срок или сбежавшие от хозяев сервенты (кабальные слуги, «белые рабы»), бывшие солдаты и охотники-буканьеры. Кроме того, в командах могли находиться обедневшие дворяне, индейцы ряда племен Центральной Америки (мискито, куна и др.), бывшие черные рабы (негры и мулаты). Всем этим людям по необходимости приходилось осваивать премудрости морской службы, учиться работать со стоячим и бегучим такелажем, выполнять иные работы на борту судна. Однако многие флибустьеры поднимались на борт лишь в качестве «морской пехоты» и активно использовались только во время абордажных схваток или в сухопутных операциях — при захвате фортов, городов и селений.

Капитаны флибустьерских судов могли быть их полными или частичными владельцами; командирами, нанятыми судовладельцами; командирами, избранными командой на время похода.

Ранее мы уже отмечали, что командир обычно избирался из числа наиболее храбрых и удачливых моряков, но, в отличие от капитана военного или корсарского судна, власть его всегда была ограничена:

флибустьеры беспрекословно подчинялись ему только во время проведения боевой операции.

Флибустьер Бэзил Рингроуз описывал капитана Ричарда Сокинса «таким доблестным и храбрым, каким только может быть мужчина». По его словам, «этот благородной души человек» осуждал игру в кости на борту судна.

Пиратский хирург Лайонел Уофер характеризовал капитана Бартоломью Шарпа как человека, «в котором мы не обнаружили ни храбрости, ни умения вести за собой». По этой причине на островах Хуан-Фернандес в Южном море матросы «решили сообща сместить его с капитанской должности, что они и сделали, а на его место поставили капитаном человека решительного и сурового». Этим «решительным и суровым» человеком был капитан Джон Уотлинг. Однако после того как Уотлинг погиб во время неудачного нападения флибустьеров на город Арику, рядовые участники похода снова вспомнили о Шарпе. Рингроуз свидетельствует: «Имея препятствия со всех сторон, в великом смятении, не имея командующего или лидера, чтобы приказывать, что же делать дальше, мы были рады обратить наши взоры на нашего доброго старого командира Бартоломью Шарпа и весьма настойчиво просить его смилостивиться над нашим плачевным состоянием и вывести нас. Нам пришлось потратить немало времени, повторяя ему наши просьбы, прежде чем он обратил внимание на наше ходатайство, так сильно он был огорчен прежним мятежом наших людей против него. Но Шарп — человек неустрашимой отваги и прекрасный вожак, ничуть не боящийся посмотреть презренному врагу в лицо, человек, который знает как теоретическую, так и практическую части навигации. Поэтому по нашей просьбе и настойчивому ходатайству он снова взял на себя верховное командование и начал раздавать указания, чтобы спасти нас».

Большим уважением со стороны команды пользовался капитан Эдвард Дэвис. По свидетельствам очевидцев, он был весьма достойным человеком, характеру которого были свойственны сдержанность и постоянство; при этом он проявлял себя превосходным командиром, храбрым в бою и гуманным по отношению к поверженному противнику.

Помощниками капитана на судне были мастер (шкипер, штурман, пилот, навигатор) и квартирмейстер. Штурман (нидерл *stuurman*, от *stuur* — руль и *man* — человек) отвечал за навигацию: прокладывал курс корабля в открытом море, исчислял его перемещения и отмечал передвижения на карте, следил за исправной работой навигационных приборов, а также хранил старые и составлял новые морские карты (лоции).

Квартирмейстер (нем. *Quartiermeister*, англ. *quartermaster*) заведовал на судне хозяйством и в то же время являлся попечителем всех членов команды, «скромным подражателем римского трибуна, ибо он выступал за команду и в ее интересах». Квартирмейстер принимал участие во всех сражениях и часто возглавлял abordажную группу. В случае победы он следил за грабежом захваченного судна и определял, что можно забрать с него, а затем хранил добычу до ее раздела. Под его присмотром также осуществлялась распродажа отдельных вещей с аукциона, проходили ремонтные работы, заседания трибуналов и дуэли; он же был инициатором созыва общих собраний, контролировал решения капитана и передавал ему волю команды. При появлении вакансии на капитанскую должность ее обычно замещал квартирмейстер. Например, Эдвард Дэвис, плававший квартирмейстером в команде капитана Джона Кука, после смерти последнего был избран капитаном судна.

Помощник капитана нередко назывался лейтенантом (франц. и англ. *lieutenant*) или «товарищем» (англ. *mate* — товарищ, друг, помощник, штурман). Во время экспедиции Ван Хоорна на Веракрус его лейтенантом был съёр де Граммон; когда Ван Хоорн умер от полученной на дуэли раны, Граммон стал командовать его фрегатом.

На больших кораблях в число младших командиров входили бомбардир (старший артиллерист), командовавший канонирами (пушкарями), и боцман (нидерл. *bootsmann*), командовавший рядовыми матросами. Боцман наблюдал за поведением матросов, производством такелажных работ, подъемом тяжестей, постановкой и спуском рангоута, уборкой якорей, управлением рулем и парусами на шлюпках, исправным состоянием наружного вида судна.

Важное место в иерархии должностей на флибустьерском судне отводилось корабельному лекарю — доктору (англ. *doctor*) или хирургу-цирюльнику (англ. *surgeon*). Главной обязанностью этого

последователя Эскулапа было оказание медицинской помощи своим товарищам по команде — либо в случае их болезни, либо в случае их ранения. При этом каждый хирург держал на борту судна «докторский сундук» («медицинский саквояж» и т. п.) с лекарствами и хирургическими инструментами и получал при разделе добычи дополнительную долю. Шарлевуа подчеркивал; «Сундук хирурга оплачивался за счет коммуны».

Среди других специалистов, без которых не могло обойтись ни одно более или менее приличное флибустьерское судно, следует назвать корабельного плотника (на больших кораблях их могло быть несколько), парусного мастера и кока (судового повара). Поскольку в рассматриваемую эпоху плавания осуществлялись исключительно на деревянных судах, плотники отвечали за исправное состояние всех деревянных частей судна — как корпуса, так и рангоута. В обязанности парусного мастера входили пошив и ремонт парусов, а в обязанности кока — приготовление пищи для всей команды.

Когда флибустьеры объединяли свои суда во флотилии, они выбирали себе главнокомандующего, которого называли либо генералом (нидерл *generaal*, от лат. *generalis* — общий, главный), либо адмиралом (нидерл *admiracld*, от араб, *амир аль бахр* — повелитель моря). В книге Эксквемелина «Пираты Америки» (1678) под портретом Франсуа Олоне написано, что он был «генералом французских пиратов на Тортуге», а под портретом Моргана указано, что он — «генерал пиратов Ямайки». «Генералами» флибустьеров Сен-Доменга называли съёра де Граммона, Франсуа Гронье и иных вожakov, периодически возглавлявших пиратские флотилии.

Совет Ямайки летом 1670 года уполномочил вожакa флибустьеров Генри Моргана «быть адмиралом и главнокомандующим всех военных кораблей, приписанных к этой гавани, и всех офицеров, солдат и моряков, приписанных к ним». Вице-адмиралом флотилии сначала был избран Эдвард Коллир, а затем Джозеф Брэдли (Коллир, соответственно, стал контр-адмиралом, но после гибели Брэдли опять занял пост вице-адмирала). Поскольку на борту судов флотилии было много солдат и «ополченцев» из числа сухопутных колонистов, поставленные над ними командиры получили чины, принятые в армии: так, Эдвард Коллир и Бледри Морган стали «полковниками»,

Джозеф Брэдли и Лауренс Принс — «подполковниками», а капитан Джон Моррис — «майором».

Французские флибустьеры предпочитали называть друг друга матлотами (франц. *matelot* — матрос), а в первом томе расширенного французского издания книги Эксквемелина (1699) сообщается, что в море авантюристы «жили весьма дружно друг с другом, и все называли себя *береговыми братьями*». Это выражение — по-французски *Freres de la Cote* — дословно можно перевести как «братья с Берега», где под «Берегом» подразумевался Берег Сен-Доменг — прибрежная зона всей западной части Эспаньолы (Гаити), заселенная французами и входившая в те времена в состав французской колонии «Остров Тортуга и Берег Сен-Доменг».

В отличие от военных моряков, флибустьеры не были жестко привязаны к какому-либо кораблю и могли сойти на берег, где хотели, либо перейти на другое судно, команда которого соглашалась принять их. Они неохотно подчинялись капитану, квартирмейстеру или боцману во всем, что касалось работ на борту или на берегу, поскольку каждый считал себя свободным человеком. Дампир так характеризовал своих товарищей-флибустьеров, болтавшихся у северного побережья Панамского перешейка в мае 1681 года: «Это были унылейшие создания, каких я когда-либо видел. И хотя погода была скверной, что требовало многих рук наверху, большая часть из них слезала с гамаков только для того, чтобы поесть или справить нужду».

Рядовые члены флибустьерской команды в часы досуга могли делать на борту все, что хотели, не спрашивая, приятно ли это их товарищам-матлотам. Иные из них пели и плясали, в то время как другие тщетно пытались уснуть, но такого рода неудобства нужно было переносить без ропота. Перед боем, однако, флибустьеры обычно обнимались в знак братского согласия или, взявшись за руки, клялись стоять друг за друга до самой смерти (по принципу «один за всех и все за одного»). Проявление трусости в бою считалось весьма тяжким преступлением. Трусов презирали, их изгоняли из команд, а могли и сурово наказать. Не случайно Франсуа Олоне, вдохновляя своих людей на битву перед штурмом Гибралтара, закончил свою речь словами: «Я хочу предупредить вас, что того, кто струсит, я тотчас же зарублю собственной рукой».

Демократия демократией, но во время проведения боевой операции в рядах флибустьеров царил железная дисциплина.

Судовая артиллерия

Во время сражений флибустьеры использовали как огнестрельное, так и холодное оружие. Сразу же оговоримся: никакого специфически «флибустьерского оружия» не существовало. Корсары Тортуги, Эспаньолы и Ямайки пользовались теми видами оружия, которые производили в XVII веке европейские оружейные мануфактуры и которые доставлялись в Америку на французских, английских, голландских и испанских судах.

Небольшие флибустьерские суда, как правило, имели на борту несколько пушек. При встрече с военными кораблями противника проку от них было мало. Зато нескольких пушек вполне хватало для остановки плохо вооруженных торговых и безоружных рыболовных судов, а также для подачи сигналов на другие суда флибустьерской флотилии.

Более крупные суда флибустьеров могли иметь артиллерию, не уступающую артиллерии военных фрегатов, флейтов и галеонов средних размеров. Количество и размеры пушек зависели от размеров судна, численности его экипажа и наличия на борту опытных канониров.

В морских сражениях и при обстреле прибрежных фортификаций флибустьеры использовали медные, бронзовые и чугунные пушки. Они могли стрелять ядрами, камнями или картечью. Большинство пушек были, естественно, трофейными.

«Пушки называли и разделяли в зависимости от веса их ядер, — пишет Р. Хоккель, — кроме того, пушки одинакового калибра могли быть с длинными и короткими стволами. Наиболее тяжелые, 32- или 36-фунтовые, стояли на батарейной палубе — первой палубой над ватерлинией, над ними находились более легкие, а на юте и баке — 2- или 4-фунтовые. Стволы не имели нарезки и были чрезвычайно массивными, например, толщина стенок в задней части ствола составляла трехкратный диаметр отверстия.

Стволы имели приливы — цапфы, при помощи которых они лежали в гнездах лафетов. В задней части ствола находилось отверстие

для запала; сверху оно... образовывало запальную полку. Для предохранения от грязи запальное отверстие закрывали притертой свинцовой пробкой. Две дужки, расположенные на стволе около цапф, служили для крепления талей при установке ствола на лафет».

Для разного типа орудий применяли разные названия. В частности, англичане различали пушку (*cannon*), полупушку (*demi-cannon*), кулеврину (*culverin*), полукулеврину (*demi-culverin*) и др. А еще имелись сакеры (англ. *saker* — самка сероголового сокола; пушка малого калибра), дрейки (англ. *drake* — селезень; пушка малого калибра), миньоны (англ. *minion* — фаворит; пушка малого калибра), перьеры (франц. *perriere* — камнемёт), мёрдереры (англ. *murderer* — убийца; небольшая пушка, стрелявшая картечью), фальконы (англ. *falcon* — сокол; пушка малого калибра), фальконеты (англ. *falconet* — фальконет; уменьшенный в размерах фалькон) и пр. Следует учитывать, что в разных странах солдаты и моряки придумывали многочисленным вариациям пушек различные названия — при этом фантазия их не знала границ.

В XVII веке пушки классифицировали по калибрам; размеры их зависели от веса ядра. Пушка длиной 9,5 футов имела вес 3700 кг и стреляла 36-фунтовыми ядрами. Для ее обслуживания нужно было 14 человек — непозволительная роскошь для флибустьерского судна. Пушка длиной 9 футов имела вес 3450 кг и стреляла 32-фунтовыми ядрами; ее обслуживали 12 человек. Пушка длиной 8 футов весила 2700 кг и стреляла 24-фунтовыми ядрами; для ее обслуживания необходимо было 11 человек. Пушка, стрелявшая 18-фунтовыми ядрами, имела длину 7,5 футов и вес 2000 кг, ее обслуживали девять человек. 12-фунтовыми ядрами стреляла пушка, имевшая длину 7 футов и вес 1650 кг; ее обслуживали восемь человек. Такие орудия можно было устанавливать только на больших судах, поэтому флибустьеры использовали их крайне редко (пожалуй, только на флагманских кораблях Жана де Граммона, Лауренса де Граффа и Николаса ван Хоорна).

Пушка длиной 6,5 футов и весом 1220 кг стреляла 8-фунтовыми ядрами и обслуживалась семью людьми. Пушка длиной 6 футов и весом 860 кг стреляла 6-фунтовыми ядрами; для ее обслуживания достаточно было пять человек. Пушка длиной 5,5 футов имела вес 600 кг, стреляла 4-фунтовыми ядрами и обслуживалась тремя людьми.

Пушка длиной 4,5 фута и весом 350 кг стреляла 2-фунтовыми ядрами и обслуживалась двумя канонирами. Наконец, пушка длиной 4 фута и весом 300 кг стреляла 1-фунтовыми ядрами и тоже обслуживалась двумя людьми. Именно такие пушки чаще всего можно было встретить на судах флибустьеров.

Небольшие пушки типа фальконетов пираты устанавливали на поворачивающихся вилках, которые укреплялись на поручнях бака и юта. Эти пушки обычно называли *вертлюжными* (англ *swivel guns*) и заряжали не через дуло, а с казенной части. Из них стреляли 0,5- и 1-фунтовыми ядрами или картечью, стараясь уничтожить офицеров и членов команды, находившихся на палубе неприятельского судна.

Описывая работу канониров с корабельной пушкой, Р. Хоккель отмечал:

«На поперечной балке между стенками лафета был установлен деревянный подъемный клин, на который опирался ствол Регулируя положение клина, изменяли угол наклона пушки, — так осуществлялась наводка по высоте.

Для зарядки посредством талей, укрепленных в задней части лафета и в рыме на палубе, пушку перемещали так, чтобы ее дуло оказалось внутри судна. При помощи шуфлы в ствол вводился картуз — мешок, сшитый из полотна и содержащий крупный порох. Затем в ствол закатывали ядро и забивали пыж. Горизонтальную наводку пушки производили двумя другими талями, прикрепленными к боковым стенкам лафеты и к борту. Далее протыкали картуз протравником, находившимся на нижнем конце фитильного пальника, и насыпали мелкий порох в запальное отверстие и на запальную полку.

Фитиль... зажимали в вилке пальника, а его свободный конец обматывали вокруг штока. Фитильный пальник был сравнительно длинным, так как пушка при стрельбе сильно откатывалась назад и приподнималась. Отдача воспринималась брюком — канатом одного диаметра с вантами, протянутым через боковые стенки лафета. У борта брюк крепили к рымам Рымы же продевали в обухи, проходившие через борт и заклиненные... с внешней стороны борта...

Кроме того, к снабжению каждой пушки относились: деревянный прибойник (другой конец его служил шуфлой для картузов); банник, обтянутый бараньим мехом и предназначенный для чистки канала ствола (на противоположном конце штока банника имелся железный

штопор, которым удаляли обгоревшие части картуза); фитильный пальник; рог для пороха; фонарь; деревянное ведро, наполненное песком, по краям которого висели фитили горящими концами внутрь, и, наконец, ведро с водой для чистки и охлаждения ствола».

Корабельные пушки могли заряжать чугунными, свинцовыми, железными или каменными ядрами, а также ядрами и полуядрами, соединенными штангой или цепью. Последние применялись с целью повреждения бегучего и стоячего такелажа на судне неприятеля. В ближнем бою пушки нередко заряжали несколькими ядрами; вдаль стреляли картечью, состоявшей из кусков железа, свинцовых пуль, гвоздей и т. п.

На больших и средних размеров кораблях пушки, установленные на палубах, производили огонь через специальные квадратные отверстия в бортах — *пушечные порты*. На нижней (батареиной) палубе порты для защиты от волн закрывали водонепроницаемыми крышками. Эти крышки поднимали с помощью канатов, а после окончания стрельбы закрывали и закрепляли деревянными задвижками. На открытой части верхней палубы, на баке и на юте (квартердеке) порты не имели крышек

Ручное огнестрельное оружие, гранаты и боеприпасы

Ручное огнестрельное оружие флибустьеров состояло из ружей (мушкетов, фузей) и пистолетов. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря эффективному использованию ручного огнестрельного оружия отряды флибустьеров, нередко численно уступая противнику, добивались победы в сражениях как на море, так и на суше.

«Любимое занятие пиратов — стрельба в цель и чистка оружия, — свидетельствует Эксквемелин. — Оружие у них поистине великолепное — ружья и пистолеты. Ружья пиратов достигают в длину примерно четырех с половиной футов и из них стреляют пулями, которых на фунт идет шестнадцать штук. Есть у пиратов и патронташи, и в них пуль и пороха на тридцать выстрелов. Пираты никогда не расстаются со своими патронташами, и поэтому их никому не удастся застать врасплох».

Испанский лицензиат и викарий Франсиско Гуттьерес де Эстрада, описывая нападение флибустьеров на мексиканский порт Сан-Кристобаль-де-Альварадо в мае 1651 года, утверждал, что каждый из них имел при себе большое охотничье ружье с двенадцатью зарядами в патронташе и два-три пистолета.

Рассказывая о подготовке отряда Франсуа Олоне к штурму Гибралтара, Эксквемелин писал: «Пиратов было триста восемьдесят человек. У каждого было доброе ружье, а на боку патронташ с порохом на тридцать зарядов, и, кроме того, у всех было по два пистолета и по острому палашу».

Перед сражением в окрестностях Панамы Генри Морган особые надежды возлагал на присоединившихся к его отряду французских охотников. По словам Эксквемелина, «вперед выставили двести французских буканьеров, поскольку у них были наилучшие ружья, и все они слыли прекрасными стрелками».

Капитан флибустьеров Этьен де Монтобан, отправляясь в 1695 году из Бордо к берегам Западной Африки, позаботился о тщательном обучении молодых новобранцев стрельбе из ружей. Позже в своих воспоминаниях он писал, что эти новички «стали не менее искусными в меткой стрельбе и в обращении с оружием, чем опытейшие флибустьеры, действовавшие на море, и лучшие охотники, упражнявшиеся на суше».

Документальные источники однозначно указывают на то, что флибустьеры предпочитали использовать во время походов так называемые буканьерские ружья, или буканьерские фузеи (польск. *fuzya*, от франц. *fusil*). Англичане называли их «французскими ружьями». В расширенном французском издании книги Эксквемелина (1699) сообщается, что буканьерские фузеи изготавливались во Франции; лучшими мастерами считались Браши из Дьеппа и Желэн из Наша. Лучший порох производился в Шербуре (Нормандия) — его называли «буканьерским порохом».

По свидетельству миссионера Жана-Батиста Лаба, в конце XVII века буканьерские ружья можно было приобрести на островах Французской Вест-Индии либо у частных торговцев, либо на королевских складах. Одно ружье стоило 31 ливр 10 солей. Любое судно, отправлявшееся из Франции на Антилы, обязано было доставить туда не меньше шести ружей.

Типичная буканьерская фузея являлась дульнозарядным гладкоствольным пехотным ружьем (мушкетом) с батарейным кремневым замком. Этот замок впервые появился во Франции в конце Тридцатилетней войны (1618–1648). Его изобретение приписывают оружейнику Марэну ле Буржуа. Заряжалось такое ружье следующим образом: 1) стрелок ставил курок на предохранительный взвод и открывал полку замка; 2) доставал из патронташа патрон, зубами скусывал кончик бумажной оболочки, насыпал небольшое количество пороха на полку и закрывал полку крышкой-огнивом; 3) ставил ружье прикладом на землю, высыпал из патрона оставшийся порох в ствол, после чего закатывал туда пулю и загонял шомполом бумажный пыж; 4) вернув шомпол обратно в ложу, стрелок поднимал ружье и, собираясь открыть огонь, ставил курок на боевой взвод.

Собираясь выстрелить, стрелок прицеливался и одним или двумя пальцами нажимал на спусковой крючок. Под действием пружины курок с зажатым в нем кремнем бил по огниву, подбрасывая его и этим открывая полку с порохом. Высеченные при ударе искры попадали на порох, который через специальное запальное отверстие — шпур — воспламенял заряд в стволе. Следовал выстрел. Убойная дальность стрельбы составляла примерно 200–250 метров, однако прицельная дальность обычно не превышала 50 метров.

В арсенале флибустьеров могли быть и мушкетоны (франц. *mousqueton*) — короткоствольные ружья с небольшим раструбом на конце дула. Калибр мушкетонов достигал 25 мм, а вес картечи — от 60 до 80 грамм. Укороченный ствол делал мушкетон легче мушкета, зато стрельба из него была менее точной. Последний недостаток компенсировался большой площадью поражения при стрельбе картечью. Мушкетон часто использовался при abordage, когда огонь по противнику велся почти в упор.

Пистолет (франц. *pistolet*, от чешек. *Pistcda* — «пицаль, дудка») представлял собой короткоствольное огнестрельное оружие. Вести огонь из него можно было только на короткой дистанции — до 25–50 метров. Первые пистолеты появились еще в XV — начале XVI века и были снабжены фитильным замком. Заряжание производилось с дульной части ствола из деревянного патрона с заранее отмеренной дозой пороха для одного выстрела. Свинцовая пуля и бумажный пыж

отправлялись в ствол при помощи шомпола. Воспламенение заряда производилось тлеющим фитилем, который прижимался курком к полке с порохом Леонардо да Винчи приписывают изобретение колесцового замка, в котором необходимая для воспламенения порохового заряда искра высекалась с помощью вращающегося колесика с насечкой. В XVII веке колесцовый замок был повсеместно вытеснен более дешевым и удобным кремневым ударным замком. Чтобы подготовить кремневый замок к выстрелу, стрелок должен был: 1) поставить курок на предохранительный взвод; 2) открыть крышку полки; 3) насыпать на полку небольшую порцию пороха; 4) закрыть крышку; 5) поставить курок на боевой взвод. Воспламенение пороха в кремневом замке происходило от искры, производимой подпружиненным курком с зажатым в нем кусочком кремня. Кремень должен был высечь искру, ударившись о рифленую стальную крышку пороховой полки (огниво) и при этом приоткрыв ее. Искра воспламеняла порох, насыпанный на полку, затем через затравочное отверстие пламя достигало порохового заряда, и производился выстрел. Затравочный порох на полке хотя и был защищен подпружиненной крышкой, но все же со временем мог отсыреть и прийти в негодность. Поэтому долго держать оружие в заряженном состоянии было нельзя — порох на полке следовало периодически менять.

Флибустьер, вооруженный ружьем и пистолетами, в первой половине XVII века должен был иметь при себе пороховницу, натруску с затравочным порохом, мешочек для пуль и патронташ или патронную перевязь (бандельеру) с деревянными патронными гильзами. Примерно с 1670 года появились патронташи с жестяными гильзами, в которых хранились бумажные патроны со свинцовыми пулями. Натруска сохранялась до тех пор, пока затравка не стала частью начинки бумажного патрона; с этого момента стрелку достаточно было надкусить патрон и высыпать затравочный порох на полку.

При штурме прибрежных крепостей и иных укреплений противника флибустьеры часто применяли ручные бомбы, или гранаты. Они представляли собой начиненные ружейным порохом и кусочками железа небольшие глиняные горшки и бутылки или чугунные шары (использование таких снарядов зафиксировано с начала XV века). Вес гранаты обычно не превышал 2–3 килограммов;

метнуть ее можно было на несколько десятков метров. Бросок осуществлялся снизу вверх, из-под руки. Специалистов по метанию гранат — людей рослых, сильных, ловких и смелых — называли гренадерами (франц. и англ *grenadier*). Свое грозное оружие они держали в специальных кожаных подсумках.

Запалом для гранаты служил короткий фитиль, поджигавшийся перед броском. Он был самым «слабым местом» этого снаряда, так как горение его не отличалось устойчивостью, и гренадеру было трудно рассчитать точное время до взрыва. Метнуть гранату так, чтобы она взорвалась именно в момент приземления, мог только настоящий мастер своего дела. Наверно, именно поэтому профессиональное умение гренадера высоко ценилось в сообществе флибустьеров. Когда Морган перед походом на Панаму заключал со своими людьми *шасс-парти* в нем предусмотрели специальные премии для такого рода умельцев. «Гренадеры, которые забрасывают крепость гранатами, — читаем у Эксквемелина, — должны получать по пять пиастров за каждую гранату».

Основные виды ручного холодного оружия

Хотя главным «козырем» флибустьеров в сражениях были ружья и пистолеты, тем не менее важным составляющим элементом их вооружения всегда оставалось колюще-режущее и рубящее оружие: абордажные сабли, палаши, шпаги, кинжалы, ножи, пики и топоры.

Абордажная сабля (франц. *sabre* — сабля, палаш; англ *cutlass* — тесак) представляла собой рубяще-колющее оружие с тяжелым, слегка изогнутым заостренным клинком и чашечной гардой у рукоятки (для защиты кисти и запястья). Английский термин *cutlass* появился в 1590-е годы; он произошел, скорее всего, от французского названия тесака, или длинного ножа (франц. *couteles, coutelace*).

Флибустьеры Вест-Индии в XVII веке имели сабли длиной до 3 футов. Они идеально подходили для рубящих и режущих ударов, не требуя от сражающегося высокого мастерства фехтования. Так как пиратам и корсарам часто приходилось сражаться в узких помещениях, нередко — при сильной качке, то меньшая, чем у шпаги, длина абордажной сабли являлась важным преимуществом. Использование в подобных ситуациях колющего оружия типа длинных и тонких шпаг

было неэффективным, поскольку их лезвия часто застревали и ломались. Сабля обладала рассекающей способностью, а легкий изгиб клинка позволял наносить противнику более длинную рану.

О наличии в арсенале флибустьеров палашей (венг. *polios*, польск. *palasz* от турец. *pala* — меч, кинжал) упоминает Эксквемелин. Это было рубяще-колющее холодное оружие с широким к концу, прямым и сравнительно длинным клинком — иногда до 85 см. Клинок мог иметь двустороннюю, полуторную или одностороннюю заточку. Отличительный элемент палаша — наличие развитой гарды (с чашкой и защитными дужками). В отличие от шпаги, палаш имел более широкий и более тяжелый клинок. Им можно было пробить кирасу — металлический нагрудник, который часто носили испанские солдаты. Так называемый морской палаш использовался в качестве абордажного оружия и имел широкий клинок (до 4 см) с односторонней или полуторной заточкой.

Шпага (итал. *spada*), как известно, является разновидностью меча, отличающаяся от него более узким клинком, который рассчитан скорее на укол, чем на рубящий удар. Если клинок шпаги был однолезвийным и лишь на конце обоюдоострым, его называли рубящим клинком, а если двух-, трех- или четырехгранным — то колющим. Шпаги с более широкими обоюдоострыми клинками иногда называли палашами. По мере эволюции шпага приобрела характерную форму дуэльной шпаги с короткой рукоятью, ажурной железной гардой в форме чаши и крестовиной. При этом во время фехтования пользовались испанским кинжалом — датой (исп. *dagä*), длина лезвия которого доходила до 30 см. Его держали в левой руке и использовали главным образом для парирования выпадов противника. Владение шпагой и датой требовало специальной подготовки и большого мастерства.

Поскольку шпаги являлись атрибутом дворянства, отличительным знаком высшего сословия, ими чаще всего были вооружены не рядовые флибустьеры, а командиры дворянского происхождения (или лица, возведенные в дворянство за заслуги).

Носили шпагу на левом боку, вкладывая в лопасть треугольной формы из набора ремней и пряжек, которая крепилась к широкому ремню перевязи.

У буканьеров Эспаньолы флибустьеры позаимствовали охотничий нож (англ. *hanger*), который к концу XVII века эволюционировал в

кортик или абордажный тесак (англ *cutlass*). Эти ножи, очевидно, были разновидностью испанских мачете (исп. *machete*, франц. *rrumchette*, *machette*) — тесаков длиной до 50 см, использовавшихся на Антильских островах для рубки сахарного тростника и прорубания троп в густых зарослях. Шарлевуа писал, что французские буканьеры всегда носили с собой «нечто вроде очень короткой сабли, называвшейся мачете (Manchette)».

Во время абордажа в ход пускали не только ружья, пистолеты, сабли, ножи и кинжалы, но и некоторые другие вспомогательные виды холодного оружия — топоры, алебарды, пики и т. п. Однако широкого применения они не имели, поскольку таскать на себе дополнительные тяжести у флибустьеров просто не было физической возможности.

Часть 2

ТАКТИКА МОРСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Захват Пьером Большим галеона «серебряного флота»

Выше мы уже отмечали, что захват флибустьерами испанского галеона с сокровищами — случай исключительный, из ряда вон выходящий. Один из таких случаев описан Экскве-мелином, хотя в испанских архивах не найдено документов, подтверждающих достоверность этой удивительной истории. Тем не менее данный захват, приписываемый французскому флибустьеру Пьеру Большому, стал хрестоматийным; о нем упоминают практически все авторы, пишущие о деяниях флибустьеров. Очевидно, эту историю следует рассматривать в качестве прекрасной иллюстрации того, каким образом небольшое флибустьерское судно *могло* захватить более крупный испанский корабль (не обязательно галеон — это могли быть фрегат, урка или пинк).

О Пьере Большом (или Пьере Легране; по-французски Le Grand — Большой, Великий) сохранились лишь отрывочные сведения. Предполагают, что он родился во французском портовом городе Дьеппе в первой четверти XVII века, но никто не знает, как и когда он впервые попал на Антилы. Эксквемелин называет его «одним из первых пиратов Тортуги». По его данным, на охоту за испанскими кораблями Пьер Большой вышел в 1662 году, имея под своим командованием маленькую барку и отряд из двадцати восьми человек. Встреча флибустьеров с испанским вице-адмиральским галеоном произошла у юго-западного побережья Эспаньолы, в районе мыса Тибурон.

«Я читал дневник одного очевидца, — пишет Эксквемелин, — и мне хотелось бы описать подробнее, как было дело. Сей пират бороздил воды моря уже довольно долго, но добычи никакой у него не было. На корабле кончался провиант, обшивка была довольно ветхая, и любое время судно могло дать течь. И вдруг пираты заметили корабль, отбившийся от большой флотилии. Пьер сразу же приказал поставить паруса и направился за ним следом, не выпуская его из виду. Он решил

подойти к кораблю, отрезать все пути к берегу, врасплох совершить на него нападение и взять его на абордаж. Пираты обещали беспрекословно выполнять волю своего вожака, ибо уяснили, что он даст им больше, чем удалось бы добыть им без его помощи, и поклялись друг другу в верности. Командир отдал приказ подойти к кораблю, спрятав все оружие на дне барки. Когда они приблизились, уже смеркалось, и их никто не заметил. Вооруженные только пистолетами и палашами, они взяли корабль на абордаж. Не встретив сопротивления, пираты добрались до каюты, где капитан играл в карты со своими подчиненными, и мигом приставили ему к груди пистолет. Капитан был вынужден сдать корабль, а тем временем остальные пираты бросились туда, где хранилось оружие, и моментально его расхватили. Тех испанцев, которые вздумали обороняться, пристрелили. Еще днем капитана предупреждали, что судно, показавшееся на горизонте, принадлежит пиратам, что встреча с ним сулит беду. Но капитан не внял этим предостережениям и отдалился от других судов. Ему не страшны были даже такие крупные корабли, как его собственный, а тут дело шло о какой-то ничтожной барке. За подобную беспечность ему и пришлось жестоко поплатиться. Барка подошла с подветренной стороны. Испанцы увидели на борту чужеземцев и в ужасе решили, что те свалились прямо с неба, и в один голос вскричали: «Jesus son demonios estos!»

[«Иисус, да ведь это черти!»] Пираты захватили все имущество матросов, командир присвоил себе корабль, высадил испанцев на берег, а сам отправился во Францию».

Шарлевуа дополняет эту историю эпизодом из биографии другого пирата с Тортуги: «Другой флибустьер, которого звали Мишель Баск, совершил еще более смелое деяние; он атаковал под пушками Пуэрто-Бельо корабль из того же флота, называвшийся «Маргарита» и имевший на борту миллион пиастров, и стал его хозяином».

Ничего специфически флибустьерского в операции Пьера Большого по захвату испанского галеона не было. Именно так осуществляли захват более крупных кораблей пираты и корсары, оперировавшие на небольших судах в разные эпохи и в разных регионах планеты. Можно, к примеру, сравнить «подвиг» Пьера Большого с описанием тактических приемов запорожских казаков, действовавших на Черном море на своих «чайках» против больших

турецких галер. Гийом Левассёр де Боплан, автор «Описания Украины» (Руан, 1651 год), сообщает: «...когда они (казаки. — В. Г.) натолкнутся на какие-нибудь турецкие галеры или иные суда, то преследуют их, нападают на них и берут штурмом. Вот как это происходит: их суда выступают из воды не больше, чем на 2,5 стопы, поэтому они замечают судно или галеру раньше, нежели могут быть обнаружены сами. Затем они опускают на своей лодке мачту и определяют направление ветра, стараясь плыть так, чтобы солнце до вечера было у них за спиной. За час до захода солнца они с силой гребут к судну или галере, пока не окажутся на расстоянии 1 лье, и оттуда стерегут их, боясь потерять из поля зрения. Потом где-то около полуночи (подав сигнал) они изо всех сил гребут к судну, [причем] половина команды уже готова к бою, и только и ждет, когда судно настолько приблизится, чтобы прыгнуть на него. Те, что на судне, очень удивляются, видя, что на них напало 80 или 100 лодок, из которых сыпятся люди, сразу же захватывая корабль. Сделав это, казаки грабят все найденные деньги и товары малых размеров, которые не испортятся в воде, а также пушки и все то, что, по их мнению, может пригодиться; потом пускают судно вместе с людьми на дно».

Хотя в рассказе Боплана говорится о нападении на галеру флотилии казацких лодок, а не одного суденышка, сам способ захвата более крупного корабля весьма характерен: налетчики, заметив на горизонте будущую жертву, до захода солнца держатся от нее на значительном расстоянии, а с наступлением темноты стремительно приближаются к ней и берут на абордаж. *Фактор внезапности нападения*, в ходе которого команда захватываемого корабля не успевает пустить в ход не только свою артиллерию, но и ручное оружие, обеспечивает нападающим почти стопроцентный успех.

Жемчужный «улов» Пьера Француза

История походов капитана Пьера Француза столь же загадочна, как и биография Пьера Большого. Всё, что о нем известно, — это краткий рассказ Эксквемелина, который был дополнен рядом деталей в расширенном французском издании «Пиратов Америки» (1699). Описание того, каким образом Пьер Француз сначала захватил, а затем потерял свой богатый приз, является еще

одной иллюстрацией на тему, как флибустьеры Тортуги могли побеждать более сильного противника, используя разного рода тактические уловки.

Отправившись к венесуэльскому мысу Ла-Вела на своей бригантине с командой из двадцати шести человек, Пьер Француз решил подстеречь там какой-нибудь испанский корабль — из тех, что обычно шли из Маракайбо в Кампече. Однако, проведя в бесплодных ожиданиях довольно долгое время и израсходовав большую часть провианта, Пьер изменил план и предложил своим товарищам отправиться к Рио-де-ла-Аче (ныне Риоача), где имелась *раннерия* (так испанцы называли ферму ловцов жемчуга). Эксквемелин пишет: «*Раннерия* расположена неподалеку от Рио-де-Ачи на 12°30' северной широты, и там есть неплохая жемчужная отмель. Каждый год туда отправляется флотилия из десяти или двенадцати барок. Их сопровождает специальное судно из Картахены с двадцатью четырьмя пушками на борту». В издании 1699 года уточняется: добыча жемчуга обычно производилась с октября по март, когда стихал «норд» — порывистый северный ветер, вызывавший в остальные месяцы сильное волнение на море. На каждой барке находилось по два или три ныряльщика-раба, которые доставали раковины на глубине от четырех до шести футов.

«Пираты, — продолжает свой рассказ Эксквемелин, — напали на флотилию следующим образом. Все барки стояли на якоре у самой отмели. Сторожевой корабль находился примерно в полумиле от этой флотилии. Погода была тихая, и разбойники смогли пройти вдоль берегов, не поднимая парусов, так что казалось, будто это идут какие-то испанцы из Маракайбо. Когда пираты уже подошли к жемчужной отмели, то на самой большой барке заметили они восемь пушек и примерно шестьдесят вооруженных людей. Пираты подошли к этой барке и потребовали, чтобы она им сдалась, но испанцы открыли огонь из всех пушек. Пираты переждали залпы, а затем выпалили из своих пушек, да так метко, что испанцам пришлось довольно туго. Пока испанцы готовились ко второму залпу, пираты взобрались на борт, и солдаты запросили пощады в надежде, что вот-вот к ним на помощь придет сторожевой корабль. Но пираты решили перехитрить стражей. Они затопили свое судно, а на захваченной барке оставили испанский

флаг, испанцев же загнали в трюмы; на этом корабле они вышли в открытое море».

В издании 1699 года сообщается, что, когда ночью флибустьеры обнаружили приближение военного корабля, они загнали пленных под палубу и, велев им держать язык за зубами под страхом смерти, стали радостно выкрикивать по-испански: «Победа! Победа! Мы одолели ладронов!» Со сторожевого корабля выразили готовность забрать пойманных разбойников к себе на борт, но Пьер Француз ответил, что беспокоиться нечего, — мол, почти все пираты убиты. Эта новость обрадовала испанцев, находившихся на сторожевике, и они, не подозревая подвоха, стали на якорь в стороне от захваченного пиратами судна. Тем временем флибустьеры подняли паруса и попытались уйти в открытое море. Но не успели они пройти и половины лье, как случилось то, что иногда случается на море — ветер вдруг стих, и установился полный штиль. Утром на других барках заметили, что их флагман находится в стороне от остальной флотилии, однако из-за безветрия подойти к нему не смогли. Наконец вечером подул свежий бриз, и флибустьеры немедленно взяли курс в открытое море.

Когда на сторожевом корабле заметили, что флагманская барка отвернула в море, там заподозрили неладное и бросились за беглецами в погоню. «Преследовали они пиратов до ночи, — пишет Эксквемелин, — но никак не могли догнать барку, хотя и поставили все паруса. Ветер окреп, и разбойники, рискнув парусами, оторвались от сторожевого корабля. Но тут случилось несчастье — парусов подняли столько, что треснула грот-мачта. Однако наш пират не растерялся: он связал пленных испанцев попарно и был готов сражаться против неприятельского корабля с командой всего в двадцать два человека, хотя многие из пиратов были ранены в бою и не могли принять в нем участие. Одновременно он приказал срубить грот-мачту и поднять на фок-мачте и бушприте все паруса, какими только можно было пользоваться при таком ветре. Все же сторожевой корабль догнал пиратов и атаковал их так лихо, что те вынуждены были сдаться».

В расширенном издании книги Эксквемелина говорится, что испанцы обещали французам пощадить их, но, едва захватив пиратов в плен, они «забыли то, что обещали, и хотели всех их предать мечу;

однако нашлись благоразумные люди, которые сказали, что нарушение слова является унижительным для испанца; так что они довольствовались тем, что связали их и бросили в трюм — так же, как те поступили с испанцами на барке с жемчугом. Когда они прибыли в Картахену, авантюристов отвели к губернатору, от которого некоторые пылкие испанцы требовали, чтобы он повесил этих людей и показал королю Испании, что они всё ещё являются хозяевами Индий, а также потому, что они [пираты] убили альфереса, который стоил больше, чем вся Франция. Губернатор же довольствовался тем, что отправил их в бастион Сан-Франсиско города Картахена-де-лас-Индиас.

После того как наши авантюристы провели на каторжных работах два года, не получая никакой платы, за исключением еды, они в конце концов добились от губернатора, чтобы он отправил их в Испанию, откуда, едва прибыв туда, они нашли случай перебраться во Францию, а оттуда — в Америку, чтобы поквитаться с испанцами».

В голландском издании книги Эксквемелина подчеркивалось, что «больше всего наш пират жалел свое добро — у него на борту было на сто тысяч пиастров жемчуга, который он награбил на барках. И если бы не несчастье с грот-мачтой, выручка у пиратов была бы весьма изрядной».

Кубинский трофей Франсуа Олоне

Одним из наиболее известных флибустьерских капитанов был француз Франсуа Олоне. Около 1662 года губернатор Тортуги Жереми Дешан дю Россе доверил ему командование небольшим корсарским судном, но после захвата нескольких призов Олоне потерял этот парусник. Преемник дю Россе, Фредерик Дешан де ла Плас, «одолжил» флибустьеру другой корабль и снабдил его каперской грамотой. Увы, фортуна снова отвернулась от капитана.

В 1665 году Олоне опять отправился в море на небольшом корабле, приобретенном хитростью. Команда судна насчитывала чуть более двух десятков человек. «Его путь лежал к северному берегу Кубы, в городок Ла-Вилья-де-лос-Кайос, который вел торговлю с Гаваной кожами, табаком и сахаром, — сообщает Эксквемелин. — Море в тех местах неглубокое, и испанцы плавают там не на кораблях, а на лодках. Олоне решил захватить несколько лодок, но пиратов

приметили местные рыбаки, которым, к счастью, удалось бежать от Олоне. Они тотчас же отправились в Гавану по суше и доложили тамошнему губернатору, что на берегах Кубы появился французский разбойник Олоне с двумя каноэ, что они боятся этого изверга... Губернатор... приказал снарядить корабль, вооружить его десятью пушками и посадил на него девяносто солдат, отдав им приказ не возвращаться, пока разбойники не будут истреблены. С ними он послал и одного негра-палача и велел ему обезглавить всех разбойников, исключая их вожака. Его губернатор велел доставить в Гавану живым. Итак, этот корабль отправился в Ла-Вилья-де-лос-Кайос; испанцы думали захватить разбойников врасплох, но сами попали впросак, потому что пираты узнали от рыбаков, которых им удалось захватить, и о корабле, посланном в эти места, и о тех карах, которые им посулили испанцы... Олоне решил подстеречь корабль и захватить его».

Засада была устроена в устье реки Эстера. Когда испанский корабль появился у берега, — а это случилось в два часа ночи, — пираты спрятались за деревьями и заставили пленных рыбаков подать голос. С корабля их спросили, не видели ли они разбойников, и рыбаки ответили, что не видели. Тогда испанцы поверили, будто пираты скрылись при их приближении.

«Однако на следующее утро они убедились, что произошло совсем не то, на что они надеялись, — пишет Эксквемелин. — Испанцы тотчас же приготовились к бою и открыли огонь с обоих бортов по пиратским каноэ. Выдержав два или три залпа, разбойники улучили удобный момент и бросились на корабль с саблями в руках. Их атака была так стремительна, что они мгновенно загнали всех испанцев в трюм. Олоне приказал им вылезать из люка поодиночке и рубил головы всем подряд. Когда он расправился с доброй половиной испанцев, из люка выглянул негр-палач и закричал* «*Senor Capitan, no me mate, yo os dire la verdad!*», что означало: «Господин капитан, не убивайте меня, я скажу всю правду!» Олоне выслушал его и, закончив свою работу, то есть снеся головы всем остальным испанцам, вручил негру письмо губернатору Гаваны. При этом он поклялся, что и впредь не оставит в живых ни одного испанца, и дал торжественный обет, что скорее наложит на себя руки, чем отдастся испанцам. То же было

сказано и в письме, где он добавлял, что надеется когда-либо захватить самого губернатора и поступить с ним по своему усмотрению».

Кубинскую губернатора он, конечно, так и не захватил, но зато совершил немало иных пиратских «подвигов» как в водах Карибского моря, так и на побережье Испанского Мейна.

Захват капитаном Олоне гондурасской урки

Дополнительную информацию о том, каким образом Франсуа Олоне и его товарищи охотились за испанскими торговыми судами, можно найти в сочинениях Эксквемелина и Шарлевуа.

3 мая 1667 года флотилия Олоне покинула рейд Тортуги, чтобы идти к берегам Центральной Америки. Планировалась экспедиция в глубинные районы Никарагуа. Флагманом флотилии стал 26-пушечный испанский флейт, захваченный капитаном Олоне в 1666 году и переименованный им в «Сен-Жан». На его борту разместилось около 300 пиратов. Примерно столько же флибустьеров поднялось на борт четырех судов меньших размеров; двумя из них командовали капитаны Моисей Воклэн и Пьер Пикар.

Место сбора было назначено на севере Эспаньолы, в бухте Байяха, где пираты запаслись копченым мясом.

«Когда все дела были окончены и корабли готовы были к плаванию, — пишет Эксквемелин, — пираты поставили паруса и взяли курс на Матамано, селение на южном побережье острова Кубы (в заливе Батабано. — В. Г.). Там они предполагали захватить каноэ... Каноэ были нужны пиратам для высадки в мелких протоках... Наконец, после того как пираты... захватили, что им было нужно... корабли вышли в море и взяли курс на мыс Грасиас-а-Дьос, расположенный на материке... Но тут они попали в штиль. Их сразу же подхватило течение и отнесло в сторону залива Гондурас».

Очутившись в Гондурасском заливе, флибустьеры решили ограбить испанские поселения, находившиеся на его берегах. Ближайшим к ним населенным пунктом оказался городок Пуэрто-Кавальо (совр. Пуэрто-Кортес). По словам Эксквемелина, «там стояли испанские склады, в которых торговцы, поджидая свои корабли, хранили товары. В этой гавани пираты застали испанское торговое

судно, на борту которого было двадцать чугунных и шестнадцать бронзовых пушек».

Заметим, что Шарлевуа оценивает боевую мощь этого корабля иначе. По его данным, оно было вооружено 24 пушками.

«Сняв пушки с корабля, — продолжает свое повествование Эксквемелин, — пираты высадились, предали все, что было на берегу, огню. Они сожгли и склады вместе с кожами, которые там сушились. Захватив группу пленных, они принялись издеваться над ними как только могли. Несчастные испытали все мучения, какие только можно придумать».

После пыток двое пленников согласились провести французов в глубь территории, к городу Сан-Педро (совр. Сан-Педро-Сула). Олоне решил сам возглавить эту вылазку; на время его отсутствия командование кораблями перешло к Моисею Воклэну.

Захватив и опустошив Сан-Педро, флибустьеры упаковали добычу в мешки, после чего подожгли город и двинулись назад к побережью Гондурасского залива. Вернувшись в Пуэрто-Кавальо, они узнали, что их товарищи поймали двух индейцев-рыбаков. Последние сообщили, что на «реку Гватемалу» (речь, видимо, идет о потоке Рио-Дульсе, соединяющем залив Америк с озером Исабель) должна прийти большая урка из Испании. На общем совете было решено снарядить два каноэ и отправиться в Гватемалу, чтобы там подкараулить упомянутое судно. Ждать пришлось долгих три месяца. Все это время пираты крейсировали в окрестных водах, занимаясь ловлей рыбы и черепах.

Наконец разведчики принесли весть о появлении долгожданного корабля. Его водоизмещение оценивалось в 700–800 тонн. Подняв паруса, разбойники поспешили к месту разгрузки урки. Эксквемелин рассказывает: «Пираты приготовились к штурму и одновременно спустили на воду маленькие суда, чтобы перехватить шлюпки, которые должны были переправить через поток наиболее ценные товары — кошениль, серебро, индиго. Большой корабль был оснащен всем необходимым для обороны. Внимательно приглядевшись, пираты, залегшие на берегу, насчитали на нем сорок две пушки и заметили, что вся команда из ста тридцати человек хорошо вооружена».

В издании «Пиратов Америки» 1699 года сообщается, что урка была вооружена 56 пушками, а кроме того, на ее баке и юте

находились гренадеры с гранатами. С другой стороны, экипаж насчитывал чуть более 60 человек (по данным Шарлевуа — не более 70 человек).

В русскоязычной версии книги Эксквемелина ход операции по захвату урки описан следующим образом; «Олоне решил атаковать испанца, несмотря на то, что на его корабле было всего двадцать восемь пушек Но испанец его встретил так, что Олоне был вынужден отступить, а вместе с ним и тот корабль, который его сопровождал Но в то время пока они сражались, под прикрытием густого дыма к испанскому кораблю подошли четыре пиратских каноэ. Эти пираты влезли на борт и захватили судно. Добыча оказалась небольшой — гораздо меньшей, чем пираты предполагали: корабль успели разгрузить, так как на борту узнали о появлении пиратов. Захватили пятьдесят связок (в оригинале — брусков. — В. Г.) железа, пятьдесят тюков бумаги, большую партию бочек с вином и разную рухлядь».

Издание 1699 года содержит иные данные о взятой добыче: «... почти двадцать тысяч рулонов бумаги и сто тонн железа в брусках, которое служило кораблю балластом Нашли также несколько кип товаров, но малой стоимости, а именно: полотно, саржу, сукно, многожильную тесьму в большом количестве».

Из рассказа Эксквемелина видно, что решающую роль в захвате гондурасской урки сыграли экипажи четырех каноэ, которые, скрывшись за клубами порохового дыма, смогли быстро приблизиться к борту вражеского корабля и взять его на абордаж. При этом, как обычно, *основной упор флибустьеры сделали на использование ручного огнестрельного оружия* — мушкетов и пистолетов.

Известно, что гондурасскую урку всегда сопровождал сторожевой паташ. В советском издании «Пиратов Америки» о нем нет никаких упоминаний. Во французском издании 1699 года сообщается, что, захватив урку, Олоне тут же отправил несколько небольших судов «на реку» (очевидно, Рио-Дульсе), чтобы взять там упомянутый паташ. На его борт должны были погрузить индиго, кошениль и серебро. Однако увидев, что испанцы хорошо подготовились к отражению нападения, флибустьеры отказались от своего намерения и ретировались.

Сражение Гийома Шампаня у берегов Кубы

В 1666 году, когда Франция вступила в краткосрочную морскую войну с Англией, французский флибустьер Гийом Шампань прославился победой над своими английскими «коллегами», попытавшимися захватить его корабль у южного побережья Кубы. Сведения об этом инциденте содержатся в книге аббата Жана-Батиста дю Тертра «Всеобщая история Антиль, населенных французами» и в отчете губернатора Тортуги Бертрана д'Ожерона, датированном 20 апреля 1667 года.

«В самом начале войны, о которой никто из французов на Тортуге и на побережье Сен-Доменга не знал, — пишет дю Тертр, — у нас был здесь известный французский авантюрист по имени Шампань, который крейсировал в этих морях на фрегате «Ла Фортсон» водоизмещением около ста тонн, вооруженном восемью пушками и имевшем на борту сорок пять молодцов — как членов экипажа, так и солдат. Англичане, которых он часто посещал на Ямайке, зная его храбрость и манеру поведения и боясь испытать их на себе, решили найти его и предательски захватить, пользуясь тем, что он еще ничего не знал о разрыве между двумя коронами.

К их большой радости, они его обнаружили; поскольку он их совсем не опасался, а также не подозревал о начале войны, он летом заходил в их гавани, как делал это и раньше. Он находился тогда на [островах] Кайос в глубине залива острова Кубы, или Гаваны; когда англичане его обнаружили, они послали сообщение генералу Ямайки, который быстро отобрал 140 солдат, наиболее решительных на том острове, и посадил их на два добрых судна, дабы захватить его, как я уже говорил, или убить в сражении...

Более крупное из двух английских судов, которое было лучшим парусником и которым командовал капитан Морис, слывший среди англичан храбрецом, стало на якорь в проливе, или гирле Кайос, образовавшем своего рода гавань возле скал; в ней стоял небольшой фрегат нашего авантюриста, который, ничего не зная об объявлении войны, решил, что это был какой-то испанский корабль, намеревавшийся вступить в бой. Это заставило его выслать на разведку шлюпку с одиннадцатью лучшими солдатами, которые, приблизившись к тому английскому кораблю, увидели на нем много солдат, своих знакомых, пригласивших их подкрепиться и выпить с ними на борту судна; и, будучи достаточно наивными, чтобы поверить

им, они вскоре поднялись на верхнюю палубу, где были сделаны военнопленными...

Наш авантюрист, который надеялся на скорое возвращение своих людей, из-за их задержки решил, что они были обмануты, что сей корабль был испанским или что англичанам была объявлена война. И видя, что второй корабль из-за встречного ветра не может присоединиться к первому, он выслал своих лучших солдат в шлюпке, дабы вступить в весьма неравный бой, снялся с якоря и двинулся с тридцатью пятью или тридцатью шестью людьми атаковать Мориса, который перекрыл ему выход и который имел на своем корабле 78 изготовившихся [к схватке] солдат. Он сражался в течение двух часов с таким искусством, храбростью и удачей, что, видя, как кровь льется с обоих бортов, а англичане не хотят сдаваться, он первым перепрыгнул с бордажной саблей на [вражеский] корабль и заставил Мориса сдаться после того, как у него были убиты пятьдесят человек и ранены все прочие из оставшейся дюжины; а сам он в ходе этого великого сражения потерял лишь одного человека убитым и пять или шесть — ранеными.

Месье д'Ожерон и все, кто описывал мне эту битву, говорили, что они не видели ничего более мощного или более храброго в ходе этой войны.

Тем временем Шампань, видя, что его приз совершенно разбит и ни на что уже не годен, сжег его после того, как забрал с него все лучшее, и вновь привел на Тортугу свой бедный маленький фрегат, находившийся в таком состоянии, что его уже невозможно было отремонтировать. Но добрый месье д'Ожерон, дабы отблагодарить его за столь славное деяние, раскошелился и подарил ему восемьсот пиастров, равных восьмистам экю, чтобы потратить их на принадлежавший ему фрегат, и снова отправил его в крейсерство. Но когда он крейсировал и бороздил море, не встречая добычи, он сам был взят двумя испанскими кораблями».

Если правда, что команде капитана Шампаня удалось убить в сражении полсотни англичан, потеряв при этом лишь одного человека (по данным дю Тертра), или вовсе не потеряв ни одного (по данным д'Ожерона), то объяснить такое разительное соотношение потерь в пользу французов можно либо элементарным хвастовством последних,

либо их невероятными снайперскими способностями. При этом боевую подготовку людей капитана Мориса следует признать совершенно неудовлетворительной.

Разгром Генри Морганом армады де Барловенто

Самой известной морской операцией флибустьеров Вест-Индии было сражение флотилии Генри Моргана против испанской *армады де Барловенто* — сторожевой эскадры, патрулировавшей воды Карибского моря. Эта удивительная история, датируемая 1669 годом, попала не только во все книги по истории флибустьерства, но и была использована писателем Рафаэлем Сабатини при написании его романа «Одиссея капитана Влада».

Указанному сражению предшествовал поход флотилии Моргана сначала на города Маракайбо и Гибралтар, о котором будет рассказано отдельно. И Маракайбо, и Гибралтар расположены на берегах большого замкнутого озера, связанного с.

Венесуэльским заливом и Карибским морем узким проливом Фарватер пролива простреливался из пушек форта Ла-Барра, находившегося на берегу. Проникнув в озеро Маракайбо, флибустьеры подвергли себя огромному риску, поскольку испанцы могли теперь легко перекрыть им пути отступления — для этого достаточно было «закупорить» выход из озера с помощью нескольких военных кораблей.

17 апреля 1669 года пираты вернулись в Маракайбо из ограбленного Гибралтара. Там к Моргану привели какого-то беднягу, лечившегося в городском лазарете. Этот человек сообщил флибустьерскому адмиралу сенсационную новость: пока основные силы пиратов находились в Гибралтаре, в устье лагуны вошли три испанских военных корабля из *армады де Барловенто*. Это были 38-пушечный фрегат «Магдалена» (водоизмещение 412 тонн; команда — 280 человек; командир — адмирал дон Алонсо де Кампос-и-Эспиноса), 26-пушечный фрегат «Сан Луис» (водоизмещение 218 тонн; команда — 140 человек; командир — Матео Алонсо де Уидобро) и 14-пушечный шлюп «Нуэстра Сеньора де ла Соледад» (водоизмещение 50 тонн; команда — 80 человек; ранее это было французское торговое судно «Маркиза»). Эскадра перекрыла выход из

озера, а в ранее захваченной и покинутой пиратами крепости Ла-Барра были установлены шесть пушек и размещены 40 аркебузирова. Силы испанцев едва ли превосходили силы Моргана, но к ним на помощь должны были подойти отряды ополченцев, формировавшиеся в разных частях провинции. Кроме того, испанцы занимали стратегически более выгодную позицию, чем англичане и французы.

Желая показать, что его люди не пали духом, Морган нагло потребовал от дон-Алонсо уплатить выкуп за Маракайбо. В случае невыполнения этого требования он угрожал предать город огню.

Спустя два дня от испанского командующего пришло письмо следующего содержания:

«От своих друзей и соседей я получил сообщения, что вы осмелились предпринять враждебные действия против страны и города, находящихся под властью Его Католического Величества, короля Испании, моего господина. Поэтому моим долгом было прийти сюда и занять крепость, которую вы захватили у горсти трусов, установить в ней пушки и тем самым укрепить выход из гавани — словом, сделать все, как велит долг. Тем не менее; если вы смиренно вернете все, что вами наgrabлено, и освободите рабов и пленников, я из-за мягкосердия и жалости к вам отпущу вас, чтобы вы смогли добраться до вашей родины. Но если, несмотря на мои добросердечные предложения, вы станете упрямыми, я приведу из Каракаса более легкие суда и прикажу моим войскам в Маракайбо уничтожить вас без всякой пощады. Вот мое последнее слово: отдавшись в мои руки, вы будете вознаграждены, в ином случае я прикажу моим храбрецам отомстить вам за все те обиды, которые вы нанесли испанскому народу в Америке».

Получив это послание, Морган велел собрать всех флибустьеров. «Он огласил его сперва по-английски, потом по-французски, — рассказывает Эксквемелин, — а затем спросил: хотят ли они отдать добычу в обмен на право свободного выхода или готовы сражаться? Все ответили, что лучше сражаться до последней капли крови, чем отдать добычу: ради нее они однажды уже рисковали жизнью и готовы

снова поступить точно так же. Из толпы вышел один пират и объявил Моргану, что готов с двенадцатью товарищами подорвать самый большой испанский корабль. Он предложил превратить судно, которое пираты захватили в лагуне, в брандер, но снарядить как обычный боевой корабль, подняв флаги и установив на его борту чурки с шапками, чтобы казалось, будто на нем настоящая команда, а вместо пушек выдвинуть из портов деревянные чурки, которые называют негритянскими барабанами, то есть отрезки полых древесных стволов длиной около полутора футов. Поскольку пираты находились в столь бедственном положении, совет был одобрен, но Морган все еще надеялся найти другие способы одолеть испанского адмирала. Итак, он еще раз обратился к испанцам со следующим предложением: пираты готовы уйти из Маракайбо, не спалив города и не причинив ему вреда, даже без выкупа они готовы отдать половину рабов и выпустить остальных пленников безвозмездно, а также отказаться от выкупа за Гибралтар и освободить заложников».

Дон Алонсо отнесся к предложению Моргана, как к шутке, и ответил, что готов подождать еще два дня; после этого, если пираты не сложат оружие, он их просто-напросто уничтожит. «Получив такой ответ от генерала, Морган решил пойти на все, лишь бы выйти из лагуны, не отдавая добычи, — пишет далее Эксквемелин. — Он запер всех пленников и приказал наблюдать за ними построже... Тем временем часть пиратов собрала в городе всю смолу, воск и серу и соорудила огромный зажигательный снаряд. Трюмы судна набили пальмовыми листьями, перемешав их с воском, смолой и серой; на эту смесь положили большие полотнища холста, которыми накрывали пушки; под каждой чуркой поставили шесть горшков с порохом; чтобы взрыв оказался еще сильнее, подпилили наполовину бимсы. Кроме того, проделали новые пушечные порты и вместо пушек вставили в них «негритянские барабаны». На палубе поставили несколько деревянных чурок и надели на них шапки, чтобы издали они выглядели как люди; наконец подняли адмиральский флаг. Когда корабль-брандер был готов, решили идти под всеми парусами к устью лагуны, посадив в одну из барок всех пленных, а во вторую — добычу и женщин. Каждую из барок охраняло по двенадцать вооруженных пиратов; там, где были индейцы, погрузили несколько тюков с товарами, а где были женщины — положили весь запас золота и

драгоценностей. Всем баркам было дано указание держаться позади в определенном месте, но по условному сигналу они должны были поравняться с флотилией и как можно быстрее выйти в море. Брандеру дано было указание идти перед флагманом и взять на abordаж самый большой корабль, но если в силу каких-либо обстоятельств это ему бы не удалось, то на abordаж должен был кинуться сам адмирал Позади флагмана шло еще одно судно, которое должно было оказать помощь брандеру: если бы враг что-либо заметил, с него должны были подкинуть смолы и прочую легковоспламеняющуюся рухлядь. Когда Морган отдал все приказания, пираты дали клятву драться плечом к плечу до последней капли крови, а если дела обернутся плохо, то не давать врагу пощады и биться до последнего человека...»

26 апреля 1669 года Морган с 13 небольшими судами отправился навстречу испанским кораблям, стоявшим на якоре в середине пролива. Приблизившись к ним на расстояние чуть больше пушечного выстрела, флибустьеры отдали якоря, так как вступать в сражение было уже поздно. Ночь прошла в тревожном ожидании.

На рассвете 27-го пиратская флотилия двинулась в сторону вражеской эскадры.

«Испанцы решили, что пираты готовы на все, лишь бы выйти из пролива; и их корабли, подняв якоря, пошли навстречу пиратским, — читаем у Эксквемелина. — Корабль-брандер двинулся на самый большой испанский корабль (флагманский фрегат «Магдалену». — В. Г.) и таранил его. Когда испанский генерал сообразил, что это за судно, он отдал приказ своим людям перебраться на его палубу и срубить мачты, чтобы судно унесло течением. Но испанцы не успели ничего сделать: брандер внезапно взлетел на воздух, просмоленное полотно облепило такелаж «испанца» и охваченный мощным пламенем корабль генерала заволокло густым дымом. Когда со среднего корабля (фрегата «Сан Луис». — В. Г.) увидели, что флагман горит, капитан его тотчас же умчался подкрытие форта и наскочил на мель; третье судно («Нуэстра Сеньора де ла Соледад». — В. Г.) хотело повторить этот маневр, но пираты погнались за ним по пятам и захватили его. Ворвавшись на корабль, они мгновенно перетащили к себе все, что было возможно, и запалили судно. Горящий корабль погнало к берегу, на нем почти никто не уцелел».

У нас имеется возможность сравнить эту информацию с той, которая содержится в отчете Моргана и его капитанов от 20 (30) мая 1669 года:

«Мы смиренно информируем Ваше Превосходительство, что... мы использовали все возможности для движения в наветренную сторону, чтобы в итоге можно было лучше раскрыть замыслы врага, а также подготовиться к выполнению нашего долга в содействии вам в том случае, если бы флот бискайцев, обычно именуемый флотом Барловенто, о котором Ваше Превосходительство так много наслышаны, предпринял покушение на остров, находящийся под Вашим управлением... И так как Маракайбо был расположен наиболее удобно, мы отправились прямо туда и прибыли к Ла-Барре 28 февраля 1668 [1669] года. Там мы вошли в озеро Маракайбо через пролив, имея около 15 или 16 футов глубины, где мы надеялись разумно обеспечить себя всем необходимым; но здесь оказался квадратный форт, снабженный 11 пушками, боеприпасами и другим снаряжением, в силу чего мы высадили часть наших людей, подготовленных для штурма, однако, приблизившись, нашли его покинутым; и, войдя внутрь, мы уничтожили его, сбросив пушки с форта, спалив лафеты и унеся амуницию.

После этой акции мы приплыли к городу Маракайбо, расположенному чуть дальше, примерно в 5 лигах, на берегу озера с пресной водой, насчитывающему около 400 семей. Прибыв в город, мы нашли его покинутым, и, после нескольких вылазок в окрестности, мы взяли некоторых из жителей, которые обеспечили нас свежим провиантом... После чего мы решили плыть дальше, чтобы изучить озеро... Вторым городом, которого мы достигли, был Гибралтар... И, проведя в Гибралтаре некоторое время и снабдив себя сухой провизией (маисом — *В. Г.*), мы поплыли в Маракайбо, готовясь к выходу в море. Прибыв туда 7 апреля, мы получили вызов от адмирала Барловенто...

На оное мы дали такой ответ:

«Сэр, я прочитал ваш вызов, и, поскольку я понял, что вы находитесь так близко, я избавлю вас от необходимости идти сюда с вашими быстрыми фрегатами, решив навестить вас со всей своей экспедицией, и там мы положимся на риск сражения, во власти которого будет проявить милосердие... Я лишь желаю вам быть великодушным и сдержать слово, и мы быстро закончим поединок.

Датировано в Его Величества английском городе Маракайбо 7 (17) апреля 1669 года. Прощайте.

Ваш Г. Морган.

Командиру флота Барловенто».

И вслед за этим, всё изучив и приняв во внимание, насколько наши суда были меньше, чем их, мы решили соорудить брандер из старого судна, которое мы нашли в лагуне; полностью снарядив его, мы тут же в добром порядке, в нужный момент и в нужное место решили его отправить; при этом каждый капитан получил особый приказ и задачу от главнокомандующего. Таким образом, мы отплыли от города Маракайбо, плывя к Ла-Барре, где мы обнаружили испанского адмирала с его флотом, стоящим на рейде в проливе, чтобы препятствовать нашему проходу. В тот же день мы пришли на якорную стоянку, расположенную на расстоянии пушечного выстрела от него, чтобы ждать подходящего момента. На следующее утро снялись с якоря и решительно напали; и после того, как мы обменялись несколькими бортовыми залпами между *альмирантой* и фрегатом «Лилли», брандер, наблюдая за ситуацией и найдя ее подходящей, пошел прямо к борту [испанского флагмана], каковой маневр был весьма успешным: они немедленно вспыхнули оба, остальные бежали. Вице-адмиральский корабль [«Сан Луис»] стал под фортом; это был корабль с 20 пушками и 140 людьми. Другой фрегат, взятый нами, имел 12 пушек и 80 человек. *Альмиранта*, которая была сожжена, имела 40 пушек и 280 человек, из коих спаслись лишь 50...

Выполнив, с Божьей помощью, сию службу, мы вернулись в Маракайбо отдохнуть и запастись провиантом, исключая 7 человек, которые погибли при исполнении обязанностей...»

После разгрома пиратами *армады де Барловенто* единственным препятствием, мешавшим им выйти в море, оставался форт Ла-Барра. Его гарнизон был усилен моряками и солдатами, спасшимися с погибших испанских кораблей, а также 70 ополченцами, прибывшими из окрестных селений. Чтобы вырваться из мышеловки, англичанам и французам необходимо было захватить это укрепление.

«Они сошли на берег, — рассказывает Эксквемелин, — где из крепости их яростно стали обстреливать из тяжелых пушек. У пиратов же были только ружья и ручные гранаты; пушки на их кораблях были

слишком малого калибра, и ядра их не могли сокрушить мощные стены крепости. Весь остаток дня они обстреливали крепость из ружей, и стоило появиться кому-нибудь над ее стенами, по этому человеку стреляли, как по мишени. Но когда пираты попытались влезть на крепостные валы, чтобы забросать испанцев ручными гранатами, их довольно скоро отбили. Испанцы открыли сильный огонь и принялись бросать горшки с порохом, который взрывался от горящих фитилей; пираты вынуждены были отойти, и насчитали тридцать человек убитыми и много раненых. К вечеру несолоно хлебавши они поднялись на борт своих кораблей».

Опасаясь, что на следующее утро флибустьеры могут перенести пушки с кораблей на берег, испанские солдаты и моряки всю ночь готовились к предстоящему сражению. Тем временем Морган вернулся в Маракайбо, где заставил отремонтировать захваченный испанский корабль и заменить им тот, который был у него. Заодно пираты произвели дележ захваченной добычи.

«Когда дележ добычи закончился, — свидетельствует Эксквемелин, — встал вопрос, как же выйти из лагуны. Пираты решили пуститься на такую хитрость: днем, в канун ночи, которая намечена была для бегства, часть пиратов села на каноэ якобы для того, чтобы высадиться на берег. Берег этот был в густых зарослях, и пираты незаметно вернулись назад, легли в каноэ и потихоньку снова подошли к своим кораблям. Такой маневр они предприняли неоднократно, причем ложная эта высадка шла со всех кораблей. Испанцы твердо уверились, что пираты попытаются этой ночью броситься на штурм и захватить крепость; они стали готовить все необходимое для защиты с суши и повернули туда все пушки.

Настала ночь, и, когда Морган убедился, что все пираты наготове, он приказал поднять якоря, поставить паруса. Корабли понеслись в струе течения, и их прибило почти к самой крепости. В этот момент пираты поставили паруса так, чтобы использовать ветер с суши, и пронеслись мимо крепости. Испанцы тотчас повернули часть пушек в сторону моря, однако пираты успели уже осуществить свой маневр, и их корабли почти не пострадали от крепостных орудий. Впрочем, испанцы так и не решались повернуть все пушки в сторону моря, опасаясь, что основные силы пиратов нападут на них с суши. На следующий день Морган отправил к крепости каноэ, чтобы обменять

пленных пиратов, которых вот-вот должны были предать смерти, на испанских пленников. Для этого Морган выдал пленникам барку и дал возможность уйти всем, кроме заложников из Гибралтара, за которых еще не было уплачено. Их отпустить Морган не хотел, потому что надеялся получить положенный выкуп. На прощанье он выстрелил по форту из семи пушек, однако ответного залпа не последовало».

Когда корабли пересекали Венесуэльский залив, налетел сильный шторм с северо-востока, одно судно стало пропускать воду, как решето, и вся флотилия была вынуждена отдать якоря. Лишь через неделю с лишним установилась нормальная погода, позволившая пиратам продолжить путь домой. Они прибыли в Порт-Ройял 27 мая 1669 года. Моргана встретили на Ямайке как героя.

Иная участь ожидала испанских командиров. Дон Алонсо де Кампос-и-Эспиноса и Матео Алонсо Уидобро были арестованы по приказу вице-короля Новой Испании и отправлены в Севилью, чтобы предстать там перед трибуналом Военный совет, рассмотрев дело подсудимых, указал на допущенные ими ошибки, но в то же время отметил, что в ходе сражения оба вели себя мужественно и, соответственно, снял с них все обвинения в трусости.

Первое сражение флибустьеров в Панамском заливе (1680)

В апреле 1680 года большое соединение флибустьеров, отправившееся из Карибского моря через Панамский перешеек к тихоокеанскому побережью, вышло в Панамский залив с флотилией из нескольких десятков каноэ. Общее командование этим соединением осуществлял Джон Коксон. 20 (30) апреля он отправился к острову Плантайнес, где еще до захода солнца флибустьеры захватили испанскую барку. На нее пересели отряды капитанов Бартоломью Шарпа и Эдмунда Кука, насчитывавшие приблизительно 130 человек 21 апреля (1 мая), во второй половине дня, лодки под командованием Джона Коксона, Питера Харриса и Ричарда Сокинса, а также барка Шарпа погнались за другой испанской баркой, замеченной в море. Эта барка была взята на abordage капитаном Харрисом, который пересел на нее с 30 людьми. Отделившись от Шарпа в ходе преследования, Коксон приказал другим капитанам идти к острову Чепильо, где было назначено randevu.

На следующее утро отряды Коксона, Харриса и Сокинса наткнулись на испанскую баркалону. На этот раз Коксон оказался первым, кто настиг неприятеля. Произошел обмен выстрелами: один из людей Коксона, некто Булл, был убит, двое других ранены. Пользуясь попутным ветром, испанцы оторвались от преследователей и на всех парусах устремились к Панаме.

Во второй половине дня все каноэ и барка Харриса прибыли к острову Чепильо, где им удалось захватить около пятнадцати негров и мулатов. Опасаясь, что сбежавшая баркалона может поднять в Панаме тревогу, флибустьеры решили отправиться туда еще до восхода солнца. Всю ночь они гребли под проливным дождем, а перед самым рассветом вышли на траверз панамского порта, где их ожидала неприятная неожиданность.

Предупрежденный о намерении флибустьеров, президент Панамы дон Антонио Меркадо приказал вооружить 5 кораблей и 3 небольших барки; они уже стояли на якоре у острова Пе-рико, когда Коксон и его люди появились там утром 23 апреля (3 мая).

Бэзил Рингроуз, участник этой экспедиции, составил подробное описание морского сражения, которое разыгралось в тот день в Панамском заливе. «Едва увидев нас, — сообщает он, — они тут же снялись с якоря и подняли паруса, двинувшись прямо навстречу нам... Две наши пироги были тяжелыми и не могли идти на гребле так быстро, как мы, находившиеся в каноэ, и, соответственно, мы ушли от них далеко вперед. На наших пяти каноэ (ибо столько мы имели теперь в компании) было лишь тридцать шесть человек, очень плохо подготовленных к сражению, поскольку все устали от долгой гребли и были в меньшем количестве, чем враг, шедший на нас. Они плыли в нашу сторону с попутным ветром, так что мы боялись, как бы они не налетели на нас. Поэтому мы гребли прямо «в глаз ветру», как говорят моряки, и приближались к ним с наветренной стороны. Пока мы это делали, наши меньшие пироги, в которых находилось тридцать два или больше людей из нашей компании, догнали нас. Так что у нас было всего шестьдесят восемь человек, принявших в тот день участие в сражении... На судне, которое среди тех трех небольших военных кораблей являлось адмиральским, находилось восемьдесят шесть басков, имевших репутацию наилучших моряков и наилучших солдат среди испанцев. Они все были вольнонаемными, которые специально

пошли показать свою храбрость под командованием дона Хасинто де Барагоны, верховного адмирала на этих морях. На втором находилось семьдесят семь негров, которыми командовал один старый и крепкий испанец, уроженец Андалусии, что в Испании, по имени дон Франсиско де Перальта. На третьем и последнем находилось шестьдесят пять метисов, или мулатов... возглавляемых доном Диего де Карвахалем. Так что всего у них было двести двадцать восемь человек. У командиров были строгие приказы, и они решили не давать пощады никому из пиратов и буканиров. Но такие кровожадные приказы редко исполняются или не исполняются никогда.

Каное капитана Сокинса и то, в котором был я, находились значительно дальше в подветренную сторону от остальных. Так что корабль дона Диего де Карвахалья прошел между нами двумя и стрелял сначала в наветренную сторону, где был я, а потом в подветренную сторону — во второе каное, ранив бортовыми залпами четырех людей в том каное и одного — в моем; однако он так дорого заплатил за этот проход между нами, что не смог быстро развернуться и проделать тот же путь. Ибо мы убили первым же залпом из ружей несколько человек у него на борту. Затем мы тоже повернули в наветренную сторону, как и прочие до нас. В это время адмиральское судно *армадильи*, или малой флотилии, неожиданно сблизилось с нами, почти не оставив нам времени на перезарядку и намереваясь пройти через наши ряды с... меньшим ущербом, чем первый из их кораблей. Но когда это случилось, ему пришлось более туго, так как мы оказались столь удачливыми, что убили человека у руля, в результате чего их корабль рыскнул к ветру, и его паруса «упали на спину», как обычно говорят моряки. Это дало нам возможность *собраться всем у него за кормой и перебить ему выстрелами шкоты и брасы*, (выделено нами. — В. Г.). В это время третье судно, на котором находился капитан Перальта, поспешило на помощь своему генералу. Вследствие этого капитан Сокинс, который покинул свое каное и перешел на пирогу, оставил адмиральское судно нашим четырем каное (ибо его собственное было полностью выведено из строя) и сблизился с упомянутым Перальтой. Между ним и капитаном Сокинсом завязался весьма жаркий бой, или сражение, когда они стояли борт к борту и оба несли друг другу смерть с такой поспешностью, с какой успевали перезаряжать свое оружие. Пока мы были заняты этим делом, первый корабль развернулся и

пошел на выручку адмиральскому. Но мы заметили это и, предвидя, с какими трудностями мы столкнемся, если будем выбиты из-под кормы адмиральского судна, решили нарушить его планы. Поэтому два наших каноэ, а именно — капитана Спрингера и мое, двинулись ему навстречу. Он направился прямо к адмиралу, который стоял на квартердеке и махал ему платком, чтобы он все так и делал. Однако мы так основательно занялись им на полдороге, что если бы он не свернул и не убежал от нас, мы, несомненно, взяли бы его на abordаж. Мы убили столь многих из них, что в итоге на этом судне осталось очень мало живых или не получивших ранения людей, способных отвести его в сторону. Воспользовавшись тем, что налетел свежий ветер, они ушли от нас прочь и тем самым спасли свои жизни.

Когда судно, спешившее на помощь адмиралу, убежало таким вот образом, мы снова вернулись к адмиральскому судну и все вместе издали громкий крик, на который откликнулись наши люди в пироге, хотя они и находились на некотором расстоянии от нас *В это время мы так близко подошли к корме адмиральского судна, что смогли заклинить его руль* (выделено нами. — В. Г.); и вместе с тем убили адмирала и главного пилота его корабля, так что они оказались почти полностью неуправляемыми и обескураженными случившимся, видя, какую кровавую бойню мы устроили им нашей стрельбой. В итоге, когда две трети их людей было убито, а многие другие ранены, они стали просить пощады, которая уже несколько раз предлагалась им, но решительно ими отвергалась до этого момента. Капитан Коксон поднялся на борт адмиральского судна и взял с собой капитана Харриса, у которого были прострелены обе ноги, когда он смело пошел на риск возле борта корабля. Как только это судно было взято, мы разместили на его борту всех прочих наших раненых и немедленно снарядили два каноэ, чтобы идти на помощь капитану Сокинсу, которого Перальта уже три раза отбивал от борта своего корабля, организовав весьма мужественную защиту. И действительно, следует отдать должное нашим врагам: никто во всем мире не вел себя так храбро, как эти испанцы.

Итак, подойдя к борту корабля Перальты, мы произвели по нему залп из ружей и надеялись получить от него ответный удар, но неожиданно мы увидели, как его люди были подброшены вверх взрывом, который произошел позади мачты; некоторые из них упали

на палубу, другие — в море. Это несчастье не было осознано их храбрым капитаном Перальтой, пока он не свалился за борт, и, разозленные нашими выстрелами, некоторые из них снова забрались на корабль, хотя он весьма обгорел с обеих сторон. Но поскольку беда редко приходит одна, случилось так, что пока он организовывал этих людей для защиты корабля и возобновления боя, загорелся другой бочонок с порохом и взорвал несколько человек на баке. Посреди этого дыма и под его прикрытием капитан Сокинс взял их на абордаж и захватил этот корабль. Когда они были захвачены, я прибыл на борт судна капитана Перальты посмотреть, в каком состоянии они находились; столь жалкой картины я не видел за всю мою жизнь, ибо там не оказалось никого, кто не был бы либо убит, либо серьезно ранен, либо ужасно обожжен порохом до такой степени, что их черная кожа в различных местах превратилась в белую; порох оторвал ее от мяса и костей. Сострадая их несчастью, я отправился затем на борт адмиральского судна, чтобы таким же образом осмотреть состояние и корабля, и людей. Здесь я увидел то, что меня весьма удивило, и едва ли поверил бы кому-то другому, кроме наших, видевших это воочию. На борту этого корабля было найдено лишь двадцать пять живых людей, тогда как перед боем их насчитывалось восемьдесят шесть... Так что шестьдесят один человек, без столь малого числа, был уничтожен в сражении. Но, более того, из этих двадцати пяти человек лишь восемь могли еще держать оружие, все прочие были серьезно ранены и из-за своих ран были совершенно неспособны оказать какое-либо сопротивление или защитить себя. Их кровь стекала на палубу целыми потоками, и на корабле почти не осталось мест, свободных от крови».

Овладев указанными двумя судами *армадгсли*, Ричард Сокинс спросил у пленных, сколько людей могло находиться на борту самого большого корабля, стоявшего в гавани острова Перико, а также на других, имевших меньшие размеры. В ответ капитан Перальта стал отговаривать его от нападения на них, уверяя, что на большом судне находится 3 50 человек, и что остальные парусники тоже хорошо подготовлены к защите. Но в это время один из испанцев, лежавший при смерти на палубе, опроверг его, заявив, что на борту тех кораблей вообще нет людей, ибо всех их забрали оттуда для усиления команд *армадиллы* «Мы поверили этому сообщению, ибо оно исходило от

умирающего, — пишет Рингроуз. — Взяв курс на остров, мы поднялись к ним на борт и не обнаружили там, как он и говорил, ни одного человека. Самый большой из этих кораблей, называвшийся «Ла Сантисима Тринидад», или «Блессинг Тринити», они подожгли, сделав в нем пробоину и сорвав фок, но мы быстро загасили огонь и остановили течь. Когда это было сделано, мы перенесли наших раненых на его борт и, таким образом, превратили его на время в наш госпиталь.

Осмотрев наши собственные потери и повреждения, мы обнаружили, что во время сражения было убито восемнадцать наших людей, а двадцать два было ранено. Три капитана, против которых мы сражались, считались у испанцев самыми храбрыми на всех Южных морях... Когда третий корабль уклонился от боя, он встретился с двумя другими, выделенными им в помощь, но столь мало их вдохновил, что они повернули назад и не осмелились сразиться с нами. Мы начали бой примерно через полчаса после восхода солнца и завершили сражение к полудню, полностью одолев их. Капитан Перальта, когда он был нашим пленником, часто восхищался нашим мужеством и говорил: «Несомненно, вы, англичане — самые храбрые люди на всем свете, которые всегда ведут борьбу открыто, тогда как все другие нации изобретают всевозможные способы, чтобы оградить себя, и сражаются, максимально защищая себя». И, тем не менее, мы убили больше наших врагов, чем они нас.

Через два дня после сражения мы похоронили капитана Питера Харриса, brave и крепкого солдата, храброго англичанина, рожденного в графстве Кент, смерть которого нас весьма сильно опечалила. Он умер от ран, полученных в бою, и, кроме него, умер лишь еще один человек; прочие наши раненые выздоровели».

У острова Перико флибустьеры без боя овладели стоявшими там пятью судами. Самый большой из призов, галеон «Ла Сантисима Тринидад», имел в трюмах вино, шкуры и мыло, второй был наполовину нагружен железом, третий — сахаром, четвертый — мукой, а пятый оказался без груза. Флибустьеры оставили себе три судна, предав огню два других; сожжены были и два захваченных ранее вооруженных корабля.

Там же, у острова Перико, состоялся общий совет братства. Некоторые разбойники стали открыто обвинять Джона Коксона в том,

что ему не хватило мужества во время боя против испанских судов. Настоящим героем дня оказался капитан Сокинс, по сравнению с которым «генерал» выглядел более чем скромно. Упреки были сделаны, очевидно, после того, как пираты опустошили несколько бочонков вина, дабы отпраздновать свою победу. По информации губернатора Ямайки графа Карлайла, разрыв между Коксоном и другими произошел вследствие пьяной ссоры. Как бы там ни было, отряд раскололся. Коксон с группой сторонников отправился через Панамский перешеек назад в Карибское море, а остальные избрали своим новым главнокомандующим Ричарда Сокинса и продолжили крейсерство в Тихом океане.

Удачи Лауренса де Граффа

Флибустьер Лауренс Корнелис Баудевэйнсзоон де Графф, уроженец Дордрехта, в различных документах упоминается также как Лаурент де Грааф, капитан Лоран, Лоренсо Хакоме и Лоренсильо. Это был один из самых смелых и удачливых джентльменов удачи, прославившийся своими невероятно дерзкими морскими операциями в Карибском море и Мексиканском заливе.

Согласно традиционной версии, идущей от сочинений Эксквемелина (1699), а также французских иезуитов Ле Пера и Шарлевуа, Лауренс в молодости поступил на службу к испанцам простым матросом. Позже он стал морским артиллеристом, причем весьма искусным.

По данным Р. Лаприза, в начале 1670-х годов де Графф обосновался на Канарских островах, где в 1674 году женился на испанке Франсиске Петронилье де Гусман. В том же году он сел на судно, отправлявшееся в Вест-Индию, и с тех пор никогда больше не видел ни Канарские острова, ни Франсиску.

13 августа 1676 года, занимая должность старшего канонира, де Графф прибыл в Гавану на борту корабля «Сан Хуан Баутиста»; капитаном его был Хуан Рико. Поскольку портовое начальство обнаружило на судне большую партию контрабанды, капитан и его первый помощник Антонио де Рохас были арестованы и посажены в тюрьму. Де Графф, лишившись работы, перебивался случайными

заработками и либо в конце 1676 года, либо в 1677 году попал в плен к какой-то шайке флибустьеров. После этого он и сам стал пиратом.

Флибустьеры быстро оценили таланты де Граффа, особенно его знания об испанцах и навигационные способности. Через два-три года голландцу доверили командование баркой. Его первые походы в качестве главаря флибустьеров известны плохо. Сначала он захватил баркалону, на которой присоединился к флотилии Граммона и крейсировал у берегов Кубы. 23 февраля 1679 года он участвовал в неудачном нападении на кубинский город Пуэрто-Принсипе и при отступлении был ранен. 1 апреля его баркалона прибыла в Порт-Ройял, где он просил местные власти разрешить ему взять воду, дрова и провизию. Через две недели де Графф снова вышел в море. После нескольких мелких захватов он в первой половине 1681 года взял в районе Картахены добротный 28-пушечный голландский корабль «Тигр».

Какое-то время капитан Лауренс охотился за испанскими судами без каперской грамоты, то есть как обычный разбойник. Во всяком случае, так утверждал губернатор Сен-Доменга съёр де Пуансэ. Отсутствие у де Граффа каперской грамоты объясняет, почему губернатор Ямайки сэр Генри Морган назвал его «великим и злобным пиратом» и в июле 1681 года приказал капитану Хейвуду, командиру военного фрегата «Норвич», преследовать его. Лауренс крейсировал тогда среди островков у южного побережья Кубы на «Тигре», имея под своим командованием двести закаленных в боях головорезов. Умелый навигатор, де Графф легко ушел от «Норвича». В августе Морган писал своим покровителям в Лондоне, что между пиратами и военным кораблем произошла стычка. После этого инцидента де Графф отправился к северному побережью Кубы, откуда переместился к западному побережью Флориды. В консьорте с четырьмя другими французскими и английскими пиратами он разорял испанскую навигацию во Флоридском проливе. В течение шести месяцев, которые они провели в этом месте, Лауренс и четыре его компаньона захватили 7 испанских судов малого и среднего тоннажа. Одним из их призов был корабль «Нуэстра Сеньора де Канделария», шедший из Сан-Аугустина в Веракрус; он был взят на abordаж в феврале 1682 года.

Оставив прибрежные районы Флориды, Лауренс возвратился на Большие Антильские острова. Вблизи Пуэрто-Рико, в июле 1682 года,

он погнался за испанским кораблем «Сантисимо Сакраменто», имевшим на вооружении 26 пушек и 10 фальконетов (команда насчитывала 250 человек). Капитаном был Мануэль Дельгадо. Последний бежал к острову Эспаньола, надеясь ускользнуть от пирата. Голландец настиг его близ острова Найя, лежащего у юго-восточного побережья Эспаньолы. Оба корабля вступили в сражение. Согласно свидетельству Саймона Масгрейва, бой был отчаянно упорным и кровавым, 8 или 9 пиратов были убиты, а 16 или 17 — ранены. Что касается испанцев, их потери были еще тяжелее: 50 убитых и раненых, причем капитану Дельгадо ядро, выпущенное из расположенной на квартердеке пушки, угодило в верхнюю часть бедра и почти разорвало живот (раненого тут же отправили на берег вместе с хирургом и его помощником). В результате одержанной победы Лауренс стал хозяином одного из богатейших призов в своей карьере. Этот корабль, ранее захваченный испанцами у французов, шел из Гаваны с жалованьем для гарнизонов Пуэрто-Рико и Санто-Доминго. Он должен был покинуть Кубу вместе с *армадой де Барловенто*, но, задержавшись из-за ремонта подводной части корпуса, вышел в море с опозданием. Флибустьерам досталась добыча на 120 тыс. пиастров, которую они разделили на 140 долей, что дало каждому из них по 700 пиастров.

Для Лауренса пришло время урегулировать свое правовое положение с властями Сен-Доменга. Он привел свой корабль и свой приз (переименованный в «Ла Франсез») в Пти-Гоав. Там, как того требовал обычай, он передал десятую часть добычи губернатору Пуансэ.

Лауренс провел в Пти-Гоаве лишь несколько недель. Он вооружил «Ла Франсез» 30 пушками и взял на борт 150 флибустьеров. Корабль «Тигр» де Графф передал своему ссютественнику Михелу Андресзоону (во французских источниках — капитан Мишель), который тоже командовал 150 людьми. Оба капитана решили захватить *гондурасскую урку* — корабль, который ежегодно доставлял европейские товары в Гондурас, а оттуда увозил в Испанию серебро, кошениль и индиго.

В ноябре 1682 года Лауренс де Графф и Михел Андресзоон ушли из Пти-Гоава в Гондурасский залив. Их сопровождала баркалона,

принадлежавшая де Граффу и находившаяся теперь под командованием Франсуа Лесажа. Три судна пришли на якорную стоянку у острова Роатан, где их экипажи какое-то время занимались ремонтными работами. В январе 1683 года к их компании присоединился шлюп с Ямайки под командованием капитана Спёрра, так что в итоге под флагом Лауренса собралось примерно 400 человек. В течение нескольких последующих недель его флотилия была усилена еще двумя 15-пушечными судами с Сен-Доменга; ими командовали голландские капитаны Ян Виллеме по кличке Янки и Ян Блот (во французских источниках — Жан Бло), и у каждого из них было по 150 человек. Еще одна сотня пиратов прибыла к Роатану на нескольких каноэ. Захватив в заливе небольшой испанский корабль, Лауренс передал его Лесажу.

Де Графф собирался покинуть Роатан в первых числах апреля 1683 года, чтобы идти на перехват гондурасской урки и сопровождавшего ее вооруженного паташа. Но тут «генерал» флибустьерской флотилии с удивлением увидел, как к Роатану приближаются два упомянутых корабля, а также судно «Сент-Николас» под командованием капитана Николаса ван Хоорна. Удивление де Граффа вскоре сменилось гневом. Выяснилось, что Ван Хоорн опередил его, захватив в заливе Америк как гондурасскую урку с грузом индиго, так и сторожевой паташ.

Скромная добыча, которую Ван Хоорн обнаружил на урке, несколько успокоила де Граффа. К тому же Ван Хоорн предложил ему заманчивый план, заключавшийся в нападении на город Веракрус, куда ежегодно приходил за сокровищами флот Новой Испании. Лауренс согласился участвовать в этом деле, но новый конфликт возник, когда стали выяснять, кто из них будет «генералом». В конце концов Лауренс согласился стать «адмиралом», то есть заместителем командующего, а Ван Хоорн был избран «генералом» флотилии.

Пираты отплыли от острова Гуанабо в конце апреля. Подробнее о ходе этой грандиозной экспедиции мы подробно расскажем при описании сухопутных операций флибустьеров.

После захвата и ограбления Веракруса флибустьеры свезли всю добычу на островок Сакрифисьос. Там в последние дни мая де Графф спровоцировал Ван Хоорна на поединок. Во время дуэли он легко ранил Ван Хоорна в руку, отстояв тем самым свою честь.

Где-то в начале июня, после получения выкупа за испанских пленных, Лауренс и большинство других капитанов покинули Сакрифисьос, следуя за Ван Хоорном. Вскоре все прибыли на островок Логгерхэд-Ки, что недалеко от мыса Каточе, где похоронили умершего от гангрены Ван Хоорна. Здесь объединенный отряд разделился. Граммон, который стал командовать «Сент Николасом», пошел к острову Мухерес в обществе нескольких англичан. Что касается Лауренса, то он с большей частью других капитанов взял курс на Сен-Доменг.

Спустя некоторое время Лауренс вместе с Михелом, Янки, Лесажем и Брэхой отправился крейсировать к берегам Картахены. Там к ним присоединилось еще одно пиратское судно, которым командовал капитан Аршамбо.

Присутствие флибустьеров недалеко от Картахены вскоре стало известно жителям юрода. Губернатор дон Хуан де Пандо Эстрада усмотрел в этом прекрасную возможность избавиться от нескольких наиболее известных пиратов Америки. Он приказал снарядить два крупных «гвинейских корабля» — 46-пушечный «Нуэстра Сеньора де ла Пас» и 40-пушечный «Сан Франсиско Хавьер», зафрахтованные агентами работоторговой фирмы для поставки негров в испанские колонии, а также вспомогательный голландский галиот, вооруженный 6 пушками и 12 фальконетами.

Добавим, что в разных источниках сведения о вооружении испанских кораблей расходятся. Например, согласно данным из французского издания книги Эксквемелина 1699 года, эти суда были вооружены 36 и 38 пушками; Шарлевуа писал, что испанские фрегаты имели на борту, соответственно, 48 и 40 пушек; некоторые авторы утверждают, что «Сан Франсиско» был вооружен 40 пушками, а «Ла Пао — 34.

На борту «гвинейцев» разместилось около 320 солдат (согласно Шарлевуа, на 48-пушечном фрегате находилось 300 человек, а на 40-пушечном — 250 человек), и еще 30 солдат (у Эксквемелина — 90) находились на галиоте. Все три судна вышли из Картахены 22 декабря.

На следующее утро испанцы нашли пиратов в заливе близ устья реки Сину, но в гораздо большем количестве, чем ожидалось. Свежий ветер, который наполнял паруса испанских кораблей, не позволил им повернуть обратно, поэтому испанцы были вынуждены вступить в бой.

Лауренс сначала взялся за «Ла Пас», но дело не дошло до abordaja. Позволив своим компаньонам во главе с Янки решить эту задачу, он направил свое судно «Ла Франсез» к «Сан Франсиско». Команда испанского корабля струсила и поспешила выбросить его на мель, а сама нашла убежище на ближайшем берегу. «Ла Пас» и галиот также были захвачены флибустьерами.

Сражение, по разным данным, заняло от четырех до восьми часов и стоило жизни примерно 40 пиратам, но их врагов полегло еще больше. Принимая во внимание их отвагу, Лауренс возвратил выжившим испанцам галиот и отправил fix в Картахену с посланием для губернатора В этом письме голландец благодарил дона Хуана за то, что тот «подарил» ему к Рождеству два прекрасных корабля. С тем же мрачным юмором он добавил, что, если у губернатора имеются и другие корабли подобного рода, он с удовольствием возьмет их, как и первые, лишь бы только они были наполнены деньгами.

Сняв «Сан Франсиско» с мели, флибустьеры отремонтировали его и переименовали в «Нептун». Де Графф пересел на него, отдав «Ла Франсез» капитану Янки (последний переименовал судно в «Ла Дофин»). Затем, в обществе Янки и Михела Андресзоона, который командовал теперь «Ла Пасом», а также с несколькими другими флибустьерами, он оставил район Картахены, чтобы идти в Гондурасский залив, к острову Роатан. Два месяца флибустьеры тщетно поджидали там гондурасскую урку и сопровождавший ее паташ. Из Гондурасского залива де Графф отправился с Михелом к острову Пинос, лежащему у югозападного побережья Кубы, и там 18 апреля 1684 года овладел 18-пушечным кораблем «Ла Каскарилья». Последний вел за собой в Гавану английский приз с грузом сахара Лауренс освободил пленных англичан и вернул приз его капитану, ирландцу по имени Лейси. Что касается «Ла Каскарильи», то этот корабль он оставил себе. На его борту флибустьеры нашли немного товаров и новейшую карту Рио-де-ла-Платы и вице-королевства Перу. Лауренс передал командование «Нептуном» своему лейтенанту Бруажу, поручив ему идти крейсировать близ Гаваны в консорте с Михелом А сам пересел на «Ла Каскарилью» с 80 людьми, чтобы вернуться на Сен-Доменг.

На Эспаньоле Лауренс провел пять месяцев. Тем временем Бруаж в компании с Михелом задержали близ Гаваны два голландских

корабля, арендованных испанцами, которые везли из Картахены золото и серебро на 200 тыс экю. Забрав у голландцев испанские сокровища, Бруаж на «Нептуне» пошел к венесуэльскому острову Ла-Тортуга на randevu с капитаном Граммоном, который планировал собрать как можно больше флибустьерских кораблей для нового похода против испанцев. Узнав об этом, де Графф переоснастил «Ла Каскарилью», намереваясь присоединиться к Бруажу. С ним на борт поднялись 120 человек, в том числе Равено де Люссан, будущий историограф приключений флибустьеров в Южном море.

Лауренс покинул Сен-Доменг в начале января 1685 года. Прибыв к берегам Южной Америки, к мысу Кодера, он 16 января заметил, как два больших корабля и четыре судна меньших размеров двинулись в его сторону. Опасаясь, что это могут быть испанцы, Лауренс приказал своим людям быть готовыми взорвать крюйт-камеру «Ла Каскарильи», чтобы не даться живыми в руки врага. Через день на рассвете он с облегчением обнаружил, что замеченные суда принадлежали флибустьерам: там был его собственный «Нептун» под командованием Бруажа, а также корабли Михела Андресзоона, Жана Роза, Лагарда и Виньерона, сопровождаемые английским купцом с Ямайки. Бруаж, Михел и их товарищи сообщили Лауренсу, что они напрасно ожидали Граммона у острова Ла-Тортуга в течение почти четырех месяцев. Видя, что тот не появляется, они решили поискать испанский паташ, перевозивший жемчуг с острова Маргарита. Де Графф снова взял под свое командование «Нептун», а так как этот корабль нуждался в новых мачтах и реях, он решился купить их на острове Кюрасао. В январе флотилия флибустьеров стала на якорь близ упомянутого острова, но местный голландский губернатор отказал им в содействии.

Через три дня после ухода с Кюрасао Лауренс де Графф с двумя своими судами, а также Андресзоон, Роз и Лагард прибыли к мысу Ла-Вела, потеряв по пути Виньерона. Там они отказались от первоначального намерения подкараулить паташ с жемчугом и разошлись в разные стороны. Владелец двух третей «Нептуна», Лауренс хотел заключить новый договор со своими людьми. Но условия оплаты многим пиратам показались невыгодными, и 87 человек потребовали отдать им «Ла Каскарилью», чтобы крейсировать самостоятельно, без де Граффа. Эти люди последовали за капитанами Михелом и Розом, которые 13 февраля ушли к берегам Картахены.

Лауренс, сопровождаемый капитаном Лагардом, отправился к архипелагу Сан-Блас. В апреле он пришел на якорную стоянку у панамского острова Пинос, где застал флибустьерскую флотилию под командованием Граммона. От этих пиратов он узнал, что его люди, отделившиеся от него несколькими неделями раньше, уже ушли через Панамский перешеек в сторону Южного моря. Другие флибустьеры, поощряемые капитанами Тристаном, Маркхэмом и Шарпом, собирались последовать за ними, но Граммон воспрепятствовал им.

Прибытие Лауренса на остров Пинос утихомирило людей во флотилии Граммона. Все вместе они решили совершить набег на город Кампече, о чем будет рассказано в соответствующей главе.

Во время грабежа Кампече флибустьеры захватили в порту два или три испанских корабля. Лауренс хотел присвоить лучший из этих призов себе. Из-за этого у него вспыхнула ссора с Граммоном, который также имел виды на указанный трофей. Дело едва не дошло до дуэли. В конце концов на общем собрании было решено подарить приз губернатору Кюсси.

Не забыв нанесенного ему оскорбления, де Графф присоединился к нескольким капитанам, недовольным Граммоном. Разрыв произошел через несколько дней после того, как флотилия покинула Кампече. Де Графф, Баннистер, Брэха, Дюшен и Лагард, сопровождаемые баркалоной, отделились от Граммона и отправились вдоль побережья Юкатана к мысу Каточе. 10 сентября между указанным мысом и рифами Алакран Лауренс и его компаньоны неожиданно наткнулись на *армаду де Барловенто* в составе 4-х военных кораблей, которой командовал дон Андрес де Очоа-и-Сарате. Армада бросилась в погоню за пиратами. Два более крупных корабля, «Сан Кристо Бургос», возглавляемый самим Очоа, и «Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон», которым командовал вице-адмирал Антонио де Астина, сумели изолировать судно капитана Брэхи и баркалону, захватив их в тот же день после жестокого боя. Тем временем Лауренс и три других капитана бежали в открытое море. Только два корабля испанской флотилии последовали за ними. В конечном счете, в районе рифов Алакран испанцы приблизились к кораблям Лауренса, Баштстера, Лагарда и Дюшена. 14 сентября «Нептун» оказался зажатым между 56-пушечным «Санто Кристо» и 52-пушечным «Консепсьоном». Не рискуя взять «Нептун» на abordaj, испанцы пытались

артиллерийским огнем потопить его, но не смогли скоординировать свою стрельбу. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Лауренса, который дерзко прошел между испанскими кораблями, паля одновременно из пушек как правую, так и левую борта.

В ходе сражения де Графф был ранен пушечным ядром в бедро. Несколько человек спустили его на нижнюю палубу «Нептуна». Пока лечили его рану, капитан заметил, что бой стал затихать. Велев хирургу спешно перевязать его, Лауренс снова поднялся на верхнюю палубу, желая и далее руководить сражением. Канонада возобновилась с новой силой и продолжалась до ночи. Наконец поднявшийся ветер отнес пиратское судно в сторону от испанских кораблей. Утром 15 сентября испанцы окончательно потеряли пиратов из виду.

Лауренс вышел из этой резонансной передраги с минимальными потерями: только 8 его людей было убито и около 15 ранено, включая его самого. Сколько убитых и раненых было у испанцев — неизвестно. Адмирал Очоа умер через два дня после сражения.

Ускользнув от *армады де Барловенто*, Лауренс пошел к расположенному неподалеку острову Мухерес. В конце сентября он обнаружил там Граммона и почти всех других капитанов, которые принимали участие в набеге на Кампече. Голландец информировал своих бывших компаньонов о своем недавнем бое с испанцами. Объединившись на короткое время, флибустьеры вскоре вновь разделились. Большинство из них отправилось в Гондурасский залив. Граммон и капитан Гренезе были среди первых, кто пошел туда. Спустя короткое время за ними отплыл и Лауренс, сопровождаемый несколькими капитанами. В феврале 1686 года все пираты сошлись у острова Роатан. У них было 14 судов, больше половины которых принимало участие в набеге на Кампече. Одно из этих судов под командованием Брито вернулось с Сен-Доменга с письмами об амнистии и натурализации, которые губернатор Кюсси получил из Франции для Лауренса. Брито привез также приказы губернатора для флибустьеров: они должны были до июня прийти разоружиться на Сен-Доменг под страхом объявления их людьми вне закона. Хотя де Графф и большая часть других капитанов хотела выполнить приказы Кюсси, их люди воспротивились этому, заявив, что они ничего не добыли в течение трех лет, пока бороздили Карибское море.

В марте или апреле 1686 года Лауренс оставил Гондурасский залив. Он пошел сначала к Ямайке, вблизи которой был замечен в июне. От берегов этого острова пираты проследовали к Сен-Доменгу, а затем повернули на юг и посетили район Картахены. Там, в июне или июле, де Графф бросился на «Нептуне» в погоню за испанской баркой и, к несчастью, посадил свой корабль на рифы. Не сумев снять корабль с рифов, он пересел в каноэ и сумел захватить на ней ту барку, за которой гнался. Бросив «Нептун» на произвол судьбы, он отправился со своим новым призом в залив Дарьен.

Лауренс и какая-то часть его людей хотели пройти через Панамский перешеек в Южное море. Между тем, когда они строили каноэ, 25 пиратов были убиты индейцами *куна*. После этого флибустьеры отказались от намерения пересечь перешеек и, отправившись в район Пуэрто-Бельо, взяли на abordаж две испанские барки и 6-пушечное судно.

В первые месяцы следующего года одна из трех барок Лауренса была захвачена английским военным кораблем «Фалкон», который увез пленных на Ямайку; эти пираты, вожаком которых являлся некий Томас Чинн, были судимы за пиратство в июне 1687 года, но оправданы. Две другие барки Лауренса вернулись на Сен-Доменг. Тридцать пиратов, которые находились на них, передали губернатору Кюсси письмо своего капитана, датированное 2 мая. В этом письме де Графф информировал Кюсси, что 120 его людей, которые все еще оставались с ним на трофейном испанском судне, «вынудили» его продолжить крейсерство. Лишь в конце указанного года, получив от губернатора гарантии неприкосновенности, Лауренс де Графф смог вернуться на Сен-Доменг после почти трех лет отсутствия.

Второе сражение флибустьеров в Панамском заливе (1685)

1 января 1685 года флибустьеры из объединенного отряда капитанов Эдварда Дэвиса, Чарлза Свана и Питера Харриса перехватили у побережья Новой Гранады испанский пакетбот, спешивший в Кальяо с письмом от президента аудиенсии Панама дона Педро де Понте-и-Льерена Ойо-и-Кальдерона, графа дель Пальмара; последний просил вице-короля Перу дона Мельчора де Наварра-и-Рокафуль, герцога де ла Плата, поспешить с отправкой *флотилии*

Кимы в Панаму, откуда сокровища перуанских рудников затем переправлялись по суше в Пуэрто-Бельо (совр. Портобелло) для погрузки на галеоны «серебряного флота». Обрадовавшись этому известию, пираты решили идти в Панамский залив и подкараулить испанскую флотилию близ Жемчужных островов. В то время помимо «Услады холостяка» и «Сигнита» они располагали двумя тендерами и одним брандером.

Утром 8 января флибустьеры обнаружили к западу от себя неизвестное судно. Бросившись за ним в погоню, они к полудню настигли его и взяли на abordаж Приз водоизмещением 90 тонн шел из порта Трухильо в Панаму, назывался «Санта Роса» (по другой версии — «Сан Росарио») и был нагружен мукой; на нем нашли также несколько ящиков мармелада и несколько бочонков бренди. Присоединив этот парусник к своей флотилии, англичане 9 января стали на якорь у острова Горгона. Здесь они разделили добычу, пополнили запасы продовольствия и пресной воды и высадили на берег большую часть пленных.

13 января флотилия, насчитывавшая уже шесть судов, направилась к Жемчужным островам, которых достигла 21 января. Через несколько дней пираты почистили днища своих барок и начали крейсировать на них в Панамском заливе; первой их жертвой в этом районе стало судно, перевозившее из Ла-Вильи в Панаму маис, соль, говядину и птицу. Пока часть флибустьеров выслеживала испанские суда, другие кренговали «Усладу холостяка» и «Сигнит», а некоторые отправились на рыбную ловлю и охоту.

В середине февраля, завершив ремонтные работы и снабжение кораблей провизией и дровами, флибустьеры снялись с якоря и расположили свою флотилию в проливе между Жемчужными островами и Панамой. Один из испанских пленников был отправлен к губернатору города с предложением об обмене пленными. Пока ожидали ответа, захватили еще одну барку, шедшую из Ла-Вильи с солониной, свиньями, птицей и молассой. В тот же день, 21 февраля, Дэвис отправил к губернатору второго посланника — индейца из племени мискито. В соответствии с достигнутым соглашением 40 пленнх испанцев удалось обменять на двух пиратов, томившихся в испанском плену.

24 февраля флотилия Дэвиса стала на якорь у острова Табога, лежащего в шести лигах к югу от Панамы. Вскоре к ней прибыл в каноэ какой-то испанец, заявивший, что он купец и хочет торговать с буканирами частным образом. Испанец предложил привести ночью свое суденышко к пиратским кораблям и продать англичанам те товары, в которых они испытывали нужду. Это предложение было принято, хотя флибустьеры не сомневались, что испанцы готовят какой-то подвох. Действительно, когда стемнело, к пиратской флотилии приблизилось испанское судно, начиненное горючими веществами. Вспыхнул огонь, и пираты, спасаясь от брандера, вынуждены были обрубить якорные канаты и поднять паруса.

Утром они вернулись на прежнее место. «Мы старались вытащить якоря, которые бросили, — рассказывает Дампир, — но буйрепы сгнили, и, пока мы возились около наших якорей, мы увидели множество каноэ, полные людей, которые двигались между островом Табога и другим островом, заставив нас снова переволноваться. Какое-то время мы оставались на месте, пока не увидели, что они направляются к нам. Осознав это, мы выстроились против них. Когда мы были в пределах оклика, то узнали, что это — английские и французские приватиры, только что прибывшие из Северного (Карибского. — Б. Г.) моря через Дарьенский перешеек».

Оказалось, что в 28 каноэ находятся 200 французов и 80 англичан под командованием двух французских капитанов — Франсуа Гронье (кличка — Кашмарэ) и Лекюйе. У Гронье имелась каперская грамота для действий против испанцев. Англичане из отрядов Гронье и Лекюйе тут же присоединились к своим соотечественникам, причем Дэвис согласился передать французским «коллегам» самый большой из призов — парусник «Санта Роса». В обмен на этот подарок Гронье вручил Дэвису новое каперское свидетельство от губернатора Пти-Гоава (как оказалось, последний снабдил капитана Гронье «запасными» бланками каперских грамот, которыми он мог распоряжаться по своему усмотрению). Дэвис не отказался от такого подарка, так как «имел до этого лишь старое каперское свидетельство, принадлежавшее когда-то капитану Тристану». Сван, однако, отказался от французского каперского свидетельства, поскольку имел лицензию «на торговлю с испанцами» от герцога Йоркского.

2 марта флотилия флибустьеров отправилась в залив Сан-Мигель, где, по информации французов, находились еще 180 английских буканиров под командованием капитана Фрэнсиса Таунли. Они тоже пришли из Карибского моря через Дарьенский перешеек. Когда отряд Таунли был обнаружен, оказалось, что помимо каноэ он располагает также двумя испанскими трофейными судами.

Продолжая крейсировать в Панамском заливе, пираты перехватили испанского курьера с письмами из Лимы. В них сообщалось, что флотилия с сокровищами уже вышла в море и направляется в Панаму.

11 марта все флибустьерские суда вернулись к Жемчужным островам, где застали барку капитана Харриса. Последний ходил на реку Санта-Мария и там от местных индейцев узнал о том, что через Дарьенский перешеек к побережью Тихого океана движется еще один отряд флибустьеров. Спустя несколько дней одна из пиратских барок обнаружила в море судно с группой английских буканиров, которая отстала от некоего Уильяма Найта, пиратствовавшего в Южном море в течение шести месяцев. Дэвис передал это судно Питеру Харрису. 19 марта отряд из 250 человек в 15 каноэ был отправлен на захват небольшого панамского селения Чепо. Этот поселок удалось захватить довольно легко, но ничего ценного в нем налетчики не обнаружили.

25-го вся флотилия, насчитывавшая уже 10 судов, вновь пошла к острову Табога, куда прибыла 28 марта. Здесь допросили испанских пленников, желая выведать подробности относительно укреплений Панамы. Сведения, которые удалось получить, однозначно указывали на то, что взять этот город штурмом пиратам не удастся.

11 апреля в районе Жемчужных островов произошло объединение флотилии Дэвиса с тремя отрядами, насчитывавшими в общей сложности 264 флибустьера; ими командовали французы Жан Роз, Пьер Пикардиец и Демарэ. Новоприбывшие присоединились к своим соотечественникам из отряда Франсуа Гронье. Среди новичков находился обедневший дворянин Равено де Люссан, позже опубликовавший подробный дневник о своих приключениях в Вест-Индии и Южном море.

В конце мая испанский генерал Томас Палавасиньо ухитрился провести флотилию *Кимы* к западу от пиратского флота. Он подошел к побережью Верагуа и, войдя в Панамский залив, выгрузил сокровища

в гавани Ла-Вилья. Их стоимость оценивалась в 533 434 песо, не считая товаров. Затем, прибыв в Панаму, испанцы объединились с подкреплениями, которые были присланы из Пуэрто-Бельо, и 28 мая (7 июня — по григорианскому календарю) вышли навстречу пиратам.

Сообщая о силах испанцев и пиратов, Дампир писал: «Шесть [испанских] кораблей были хорошо вооруженными судами: на первом, адмиральском, — 48 пушек и 450 человек; на вице-адмиральском — 40 пушек и 400 человек; на контр-адмиральском — 36 пушек и 360 человек; кроме того, имелись 24-пушечное судно и 300 человек, 18-пушечное и 250 человек, 8-пушечное и 200 человек; два больших брандера, шесть судов с малым вооружением, на которых в общей сложности находилось 800 человек; кроме того, 2 или 3 сотни людей на пирогах...

Наш флот состоял из десяти судов: 36-пушечное судно капитана Дэвиса, 156 человек, большинство англичане; 16-пушечный корабль капитана Свана, 140 человек, все англичане; это были единственные корабли, способные сражаться; на остальных имелось лишь ручное огнестрельное оружие. Капитан Таунли имел 110 человек, все англичане. У капитана Гронье — 308 человек, все французы. У капитана Харриса — 110 человек, большинство англичане. У капитана Брэнли — 36 человек, как англичане, так и французы. На тендере Дэвиса было 8 человек; на тендере Свана — 8 человек; на барке Таунли — 80 человек; маленькая тридцатитонная барка превращена в брандер, на ней находилась команда с каноэ. Всего мы имели 960 человек. Но капитан Гронье не пришел к нам, пока всё не закончилось; хотя мы были обескуражены этим, однако решили сражаться с ними [испанцами]; ибо, находясь в наветренной стороне от врага, мы имели возможность выбирать: сражаться или нет».

Добавим, что, по испанским данным, флагман перуанской флотилии «Сан Хосе» имел водоизмещение 825 тонн, 40 пушек и 405 человек команды; его капитаном был старый морской волк дон Педро Понтехос. Вице-адмиральское судно «Нуэстра Сеньора де Гуадалупе» тоже имело водоизмещение 825 тонн, несло на борту 36 пушек и 374 человека команды, а его капитаном был дон Антонио де Вэа (или де Бэас). 26-пушечным «Сан Лоренсо» командовал дон Мануэль Пантоха. Их сопровождал 6-пушечный тендер. В Панаме к перуанской флотилии присоединились частные вооруженные суда «Нуэстра

Сеньора дель Популо» и «Нуэстра Сеньора дель Росарио» (оба несли по 20 пушек) и 6-пушечный брандер. Общая численность экипажей составляла 1431 человек.

Сражение между испанским и пиратским флотами началось, как отмечалось выше, 28 мая (7 июня). Из-за превосходства испанцев в артиллерии буканиры могли рассчитывать только на мушкетный огонь и абордаж. В три часа пополудни, когда испанский флот оказался на близком расстоянии от пиратов, Дэвис поднял на «услуге холостяка» белый флаг с изображением руки и сабли и направился к вице-адмиральскому кораблю неприятеля; одновременно он дал сигнал капитану Гронье поддержать его. Однако тот, отпустив часть своих людей на берег острова Пачека, не имел достаточно сил для сражения и не мог поддержать англичан. Весьма осторожно повел себя и капитан Сван. Он убавил паруса и спустил флаг Св. Георга, давая понять, что лучше отложить бой до следующего утра. Дэвис, обменявшись с вице-адмиральским кораблем несколькими залпами, вынужден был отказаться от задуманной атаки.

С наступлением темноты на адмиральском судне испанцев зажгли огонь, сигнализируя остальным судам флота отойти на якорную стоянку. «Мы видели огонь на верхушке мачты адмирала, который горел полчаса, а потом погас, — рассказывает участник этого сражения Уильям Дампир. — Спустя короткое время мы увидели огонь снова, и, находясь в наветренной стороне, мы оставались под парусами, полагая, что этот огонь горел на топе адмирала; но, как оказалось, это была лишь уловка с их стороны; ибо вторично этот огонь был выставлен на топе грот-мачты одной из их барок, которая затем была отправлена в подветренную сторону; этим они обманули нас, поскольку мы думали, что этот свет был на топе адмирала, и полагали, таким образом, что мы находимся в наветренной стороне от них».

Утром 29 мая оказалось, что суда Гронье и Таунли находятся в наветренной стороне от испанцев, а остальные — в подветренной. Испанский флот, пользуясь попутным ветром, двинулся на противника, заставив пиратские суда спасаться бегством Дэвис и Сван прикрывали отступление своих товарищей, не имевших на борту артиллерии. В течение дня, по словам Дампира, флибустьеры, отступая, обошли кругом почти весь Панамский залив и к вечеру стали на якорь у

острова Пачека — «в том самом месте, откуда мы пустились в путь на рассвете».

Резюмируя случившееся, Дампир с грустью добавляет:

«Так закончились труды этого дня, а с ними — всё то, что мы планировали в течение 5 или 6 месяцев, когда, вместо того, чтобы стать хозяевами испанского флота и сокровищ, мы были рады убежать от него...»

30 мая ни испанцы, ни буканиры не пытались атаковать, и в десять часов утра, поймав свежий бриз, испанские корабли вернулись на рейд Панамы. В ходе сражения они не потеряли ни одного человека. У пиратов был один убитый; на корабле Дэвиса шесть человек получили ранения, и половина руля была снесена ядром.

1 июня пиратская флотилия отплыла из Панамского залива в западном направлении и в середине месяца стала на якорь у острова Койба. Здесь, на острове, флибустьеры нашли пресную воду, оленей, игуан и черных обезьян, мясо которых считалось деликатесом. Пока часть людей занималась охотой и постройкой каноэ, сильный отряд был послан к матерiku на захват селения Пуэбло-Нуэво (совр. Ремедиос). Селение взяли без сопротивления, но никакой добычи в нем не нашли.

Вскоре на Койбу прибыл еще один отряд флибустьеров под командованием упоминавшегося выше капитана Уильяма Найта. В отряде было 40 англичан и 11 французов. Они пересекли Панамский перешеек в конце 1684 года и несколько месяцев крейсировали у берегов Новой Испании и Перу. Узнав от пленных испанцев, что *флотилия Кимы* отплыла в сторону Панамы против появившихся там пиратов, Найт решил отыскать собратьев по ремеслу. Не застав пиратскую флотилию в Панамском заливе, он пошел к острову Койба и здесь присоединился к тем, кого разыскивал. Все французы с корабля Найта пересели на суда своих соотечественников, после чего франко-английский консорт распался.

Зигзаг удачи Этьена де Монтобана

Французский флибустьер Этьен де Монтобан прославился не только многочисленными победами на море как в водах Америки, так и у берегов Западной Африки, но и своими мемуарами, которые были

изданы в Бордо в 1697 году под названием «Сообщение о вояже съёра де Монтобана, капитана флибустьеров, в Гвинею в год одна тысяча шестьсот девяносто пятый». В этом «Сообщении» Монтобан подробно описал морские операции против англичан и голландцев, которые он осуществил в африканских водах в ходе упомянутой экспедиции.

Мемуары Этьена де Монтобана интересны тем, что представляют собой одно из немногих сохранившихся документальных свидетельств «золотой осени» флибустьерства, в котором ареной действия выступают не привычные воды Вест-Индии и Южного моря, а прибрежные районы Западной Африки.

К тому времени, о котором идет речь в «Сообщении», капитал Монтобан был уже бывалым «морским волком». По его собственным словам, он начал плавать по морям с шестнадцати лет. Не желая «перегружать» свой рассказ подробностями, капитан — к величайшему нашему сожалению! — опустил описание своих двадцатилетних походов «у берегов Новой Испании, Картахены, Мексики, Флориды, Нью-Йорка, Новой Англии, Ньюфаундленда, на Канарских островах и островах Зеленого Мыса».

«Я мог бы еще, — пишет Монтобан, — прибавить кампанию тысяча шестьсот девяносто первого года, когда, командуя судном «Машин», я опустошил берега Гвинеи, вошел в большую реку Сьерра-Леоне, взял форт англичан, в котором насчитывалось двадцать четыре пушки, и подорвал его, после чего они не могли уже обосноваться там снова.

Но я ограничусь рассказом о моем последнем вояже, так как он более свежий и все еще памятен людям, узнавшим, благодаря слухам, распространившимся во Франции и в других местах, о поджоге моего судна и о том, как я чудесным образом взлетел на воздух».

Подобное интригующее начало не могло не привлечь к мемуарам Монтобана читающую публику. Нас же в его «Сообщении» интересуют, прежде всего, подробности морских операций, поражающих своей дерзостью и высокой эффективностью.

Капитан начал свое повествование с событий 1694 года. Война Аугсбургской лиги (1688–1697) была в самом разгаре, и французские корсары активно охотились за испанскими, английскими и голландскими судами. «... После разорения побережья Каракаса, — вспоминает Монтобан, — я поднялся на ветер к Сент-Круа (ныне

остров Санта-Крус в группе Виргинских островов США. — В. Г.), где узнал, что острова Барбадос и Невис должен покинуть конвой судов, направляющийся в Англию. Это заставило меня подняться на широту Бермуд в надежде перехватить сей небольшой флот и сделать добрый приз. Но не успел я прибыть туда, как увидел его, идущего прямо на меня без малейшего страха. Тогда я атаковал корабль охранения, называвшийся «Волк», и взял его вместе с двумя торговыми судами, нагруженными сахаром; остальные были захвачены в ходе сражения. Когда я вел свой приз во Францию, то обнаружил еще одно английское судно, вооруженное шестнадцатью пушками, которое вышло из Испании и направлялось в Англию; оно сдалось после небольшого боя, и я отвел его в Ла-Рошель, где адмиралтейство присудило мне его как добрый приз. Продав его, я повел другие три судна в Бордо, куда и прибыл в сентябре тысяча шестьсот девяносто четвертого года...

Продав награбленную добычу, Монтобан дал своим людям возможность «снять с себя усталость». Пока его корабль стоял в порту Бордо, флибустьеры устроили в городе «ужасное мотовство и весьма великие безумства». Часть матросов околела от пьянства и обжорства, четверо дезертировали. Видя, что экипаж разлагается у него на глазах буквально не по дням, а по часам, капитан решил поторопиться с отплытием. Заменяв тех, кого он потерял, новичками, Монтобан обучил их стрельбе из буканьерских ружей, после чего решил идти на промысел к берегам Западной Африки.

Корабль, вооруженный 34 пушками и снабженный каперской грамотой, снялся с якоря в феврале 1695 года и направился в сторону Азорских островов. Там он крейсировал в поисках добычи восемь дней, но безрезультатно. Тогда флибустьеры сменили район крейсерства, переместившись в воды Канарских островов. Здесь Монтобан оставался в течение двух недель, поджидая голландскую торговую флотилию; о ее скором прибытии он, по-видимому, узнал от шкипера какого-то встречного судна. «Они действительно пришли, — сообщает капитан, — но вошли в порт скорее, чем я смог их настигнуть, что вынудило меня идти к мысу Блан (совр. Кап-Блан, или Нуадибу в Западной Сахаре. — В. Г.) и к островам Зеленого Мыса... По прибытии я застал два английских судна, которые стояли на якоре на рейде острова Маю. Я отправил на разведку мою шлюпку, и когда она доложила мне, что это были корсары или интерлоперы

(контрабандисты. — В. Г.), имеющие по тридцать пушек каждый, я решил взять их на abordаж С этой целью я принялся лавировать, намереваясь подойти к ним; но пока я двигался к одному из мысов острова, эти суда, не дожидаясь, когда я снова поверну от берега, и зная о моих намерениях, отплыли, бросив на рейде свои канаты и якоря под присмотром своих шлюпок».

Удивительно, но факт: два хорошо вооруженных 30-пушечных судна пустились наутек, заведя примерно равный им по силе корабль флибустьеров.

«Я их преследовал весь день, — продолжает свой рассказ Монтобан, — но когда настала ночь, я потерял их из виду. Тогда я вернулся на покинутый ими рейд, чтобы поднять канаты и якоря и пустить ко дну шлюпки, к которым они были привязаны. Затем я взял курс на остров Сан-Висенти, намереваясь почистить там мое судно, а заодно взять воду и дрова».

Остров Сан-Висенти находится к северо-западу от Маю, в группе Наветренных островов того же архипелага, принадлежавшего в колониальную эпоху Португалии. Проведя там неделю, французы получили от шкипера португальской барки информацию о том, что возле острова Фогу (в группе Подветренных островов, между островами Сантьягу и Брава) стоят на якоре два английских приватира — 20-пушечный и 30-пушечный. Один из них ремонтировался после сражения с каким-то корсаром Монтобан тут же отправился к указанному острову, надеясь захватить английские суда, но по прибытии туда узнал от местных жителей, что приватиры уже ушли.

От островов Зеленого Мыса флибустьеры взяли курс на Гвинейский залив и в районе мыса Три-Пойнтс (в современной Гане) заметили голландский 34-пушечный фрегат береговой охраны. «Он тоже меня заметил, — пишет Монтобан, — и сначала двинулся прямо ко мне, желая знать, кто я такой. Поскольку я тоже хотел сблизиться и вступить в сражение, я поднял голландский флаг, дабы не вспугнуть его и позволить ему без опаски подойти ко мне на расстояние пушечного выстрела. Когда я увидел, что он уже довольно близко, я поднял французский флаг. Он подал сигнал убрать паруса и тотчас весьма смело произвел в мою сторону залп, после чего выдержал ответный залп с моей стороны. Мы продолжали наш бой тем же порядком с утра до четырех часов вечера».

Монтобан пытался приблизиться к неприятелю с наветренной стороны, чтобы «с выгодой использовать мои буканьерские ружья, которые были нашим главным козырем», но ветер благоприятствовал голландцам. Они ушли на якорную стоянку близ мыса Три-Пойнтс, где в это время находились еще два голландских судна — 14-пушечное и 28-пушечное.

«Сначала я думал, что эти три судна объединятся, чтобы идти отслеживать меня, — продолжает свое повествование Монтобан. — Поэтому я лавировал поблизости в течение всего дня, поджидая их. Потом я стал на якорь в одном лье от рейда, надеясь, что, задетые таким наглым поведением, они захотят отомстить мне, но тщетно. Видимо, береговая охрана чувствовала себя слишком скверно, чтобы отважиться на второе сражение».

Поскольку голландцы стояли под прикрытием пушек форта, французы не рискнули атаковать их прямо на рейде и пошли в восточном направлении — к мысу Сент-Джон. Там они застали английское 20-пушечное невольничье судно, которое сдалось без сопротивления. На его борту находились 350 африканских рабов, слоновая кость и воск. Передав этот приз под командование съёра де Нава, Монтобан велел ему идти в Вест-Индию, на Сен-Доменг, чтобы там узаконить его в адмиралтейском суде, но в районе Пти-Гоава приз был перехвачен английскими военными судами.

Повернув в сторону островов Сан-Томе и Принсипи, флибустьеры на подходе к Принсипи захватили еще один приз — 8-пушечное каперское судно из Бранденбурга, экипаж которого насчитывал 70 человек. «Оно крейсировало на этой широте, — сообщает Монтобан, — и похищало проходившие мимо небольшие суда, не обращая внимания ни на национальную принадлежность, ни на флаг».

Зайдя в гавань острова Принсипи, капитан разделил свою команду на две части. Одни занялись кренгованием корабля, другие отправились на трофейном бранденбуржце за новыми призами. В течение полутора месяцев флибустьеры крейсировали в водах Гвинейского залива и вокруг островов Сан-Томе и Принсипи, однако не смогли захватить ни одного судна. В конце концов, когда фрегат Монтобана был почищен, капитан пополнил запасы дров, воды и провианта и, снявшись с якоря, ушел вместе с бранденбургским

призом на соседний остров Сан-Томе. Там приз был отдан португальцам в обмен на необходимые французам припасы.

От Сан-Томе флибустьеры взяли курс на побережье Анголы, которого достигли 22 сентября в районе гавани Кабинда (севернее устья реки Конго). «Когда настал день, я увидел идущее на меня судно под английским флагом, — рассказывает капитан Монтобан. — Сначала я не подозревал, что это судно военное, но через некоторое время обнаружил, что оно имеет пятьдесят четыре пушки. Я начал делать разные маневры, чтобы не вспугнуть его. Я поднял голландский флаг, чтобы легче было приблизиться к нему; он, со своей стороны, осуществил тот же маневр, что и я, и, стреляя из пушки, стал приближаться ко мне. Разгадав его намерение, я начал ждать, двигаясь как можно медленнее, чтобы он решил, будто мое судно весьма нагружено или я нахожусь в затруднительном положении из-за нехватки парусов или экипажа. Так мы двигались с рассвета до десяти часов дня.

Он показывал мне время от времени свой флаг, делая при этом холостые выстрелы из пушки; но, видя, что я не делаю того же, чтобы показать, кто я, и что мы были уже в пределах досягаемости, он выстрелил в меня ядром. Это вынудило меня поднять французский флаг и ответить ему. Увидев этот флаг, англичанин, не желая выйти ко мне на траверз, произвел в меня два залпа из пушек, которые я оставил без ответа, хотя он убил у меня семь человек. Я надеялся, что, если я буду ближе к нему, то смогу поставить его в такие обстоятельства, когда он уже не сможет сбежать от меня. Я пытался приблизиться к нему на расстояние выстрела из буканьерских ружей и весьма желал вселить в него мужество взять меня на abordаж, ибо сам я не мог взять его на abordаж из-за того, что находился в подветренной стороне. Мало-помалу мне все же удалось приблизиться, и, видя, что он находится в пределах досягаемости моих мушкетеров, которых я держал лежащими на животе на палубе (выделено нами. — В. Г.), я поднял их, и они открыли такой яростный огонь, что тут же усмирили тех врагов».

Данный эпизод боя еще раз подтверждает наш вывод о том, что, даже находясь в меньшинстве, флибустьеры выигрывали большинство сражений благодаря эффективному использованию ручного огнестрельного оружия — прежде всего, буканьерских ружей.

«Так как их экипаж насчитывал более трехсот человек, — продолжает рассказывать Монтобан, — и поскольку они видели, что огнем своей артиллерии им уже не удастся закончить дело, они решили идти на abordage. Это они и сделали с диким криком и страшными угрозами не давать никому пощады, если мы не сдадимся. Их крючья, однако, не смогли зацепиться за корму моего корабля; держа тот же курс, он ударился кормой в мой бушприт и сломал его».

Между тем флибустьеры продолжали вести непрерывный огонь из ружей, «и ни один выстрел не пропал даром». Через полтора часа, потеряв убитыми много людей, англичане оставили бак и ют, укрылись под палубой и стали размахивать шляпами, сигнализируя французам о готовности сдаться. «Я велел моим людям прекратить огонь, — сообщает Монтобан, — и приказал англичанам сесть в шлюпки, чтобы явиться ко мне на борт и сдаться. Одновременно я осуществил высадку моих людей на вражеское судно, чтобы овладеть им и не допустить никаких неожиданностей. Я уже радовался столь значительному призу, полагая, что... получив самый большой корабль из всех, что англичане имели в этих морях, я смогу захватить еще лучшие призы и атаковать любой военный корабль, подобный этому. Мои люди тоже радовались, как и я... Но неожиданно взорвался пороховой погреб, подожженный с помощью фитиля, оставленного там капитаном, который надеялся спастись на своих двух шлюпках. Оба судна, будучи сцепленными, взлетели на воздух, и послышался невероятно сильный грохот. Невозможно представить себе картину этого страшного спектакля; зрители одновременно стали актерами столь кровавой сцены...»

Монтобан замечает, что во время взрыва он находился на палубе бака своего корабля, откуда отдавал приказы матросам. Подброшенный взрывом высоко в воздух, он затем упал в море и едва не утонул, но все же смог вынырнуть на поверхность. Кроме него, смогли спастись еще 15 или 16 счастливицев. Забравшись в полузатонувшую шлюпку, плававшую среди обломков кораблей, они в течение трех дней добирались до африканского берега, пока не высадились на сушу в районе мыса Лопес. Что касается капитана и команды английского корабля, пытавшихся спастись на двух шлюпках, то они, по всей видимости, погибли во время взрыва.

Приведенное нами свидетельство капитана Монтобана является одним из немногих документов XVII века, в которых можно найти столь подробное и живое описание морских операций флибустьеров.

Часть 3

ОПЕРАЦИИ ПО ЗАХВАТУ ПРИМОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Набег на Альварадо в 1651 году

Объектами флибустьерских атак были не только торговые и военные суда, но также прибрежные поселения и крепости. Тактика захвата этих объектов оставалась традиционной — к ней прибегали и пираты древнего мира, и пираты Средних веков, и корсары XVI века. Как правило, нападению предшествовал *сбор разведывательной информации* о городе или поселке, выбранном в качестве цели похода (нередко эту информацию «выбивали» под пытками у пленных); чтобы не всполошить жителей и защитников поселения, флибустьеры *скрытно высаживались на берег на некотором удалении от объекта нападения* и двигались к нему по суше; само нападение *осуществлялось в предрассветные часы*, когда жители и дозорные, находившиеся на сторожевых вышках, как правило, спали крепким сном. *Фактор внезапности нападения* не только облегчал пиратам задачу по захвату оборонительных рубежей города или селения, но и лишал жителей возможности бежать в окрестные леса *и горы с наиболее ценными вещами*.

26 мая 1651 года неизвестный отряд пиратов с Тортуги атаковал испанский порт Сан-Кристобаль-де-Альварадо (совр.

Альварадо), расположенный на побережье Мексиканского залива к юго-востоку от Веракруса. Этот город, названный в честь конкистадора Педро де Альварадо и святого Христофора — покровителя местных жителей, был построен на берегу одноименной лагуны, в устье реки Папалопан, на ее левом берегу. Сохранились свидетельские показания нескольких человек, ставших жертвами пиратского нападения.

По словам лиценциата Франсиско Гутьерреса де Эстрады, викария Альварадо, шайка флибустьеров состояла из французов и голландцев. Каждый из них имел при себе большое охотничье ружье с

двенадцатью зарядами в патронташе и два-три пистолета Пираты, прибывшие в гавань на небольшой барке, за час до рассвета осуществили внезапную высадку на берег, убили в стычке десять испанцев и столько же ранили. Затем они ограбили дома горожан и приходскую церковь, «ничего там не оставив для проведения мессы», после чего, прихватив несколько заложников и стоявшее в порту испанское судно, ушли с наступлением прилива в открытое море. Викарий оценил стоимость похищенных церковных сокровищ и прочих вещей в 12 тыс песо. Он добавил, что пираты обещали «вернуться с тысячью человек, чтобы взять названный порт и отсюда идти захватывать и грабить Веракрус».

Другой свидетель, Хосе де Мора, подтвердил слова викария, уточнив, что флибустьеры унесли из церкви серебра на 4 тыс песо.

Третий свидетель, плотник Хуан Фернандес, определил численность шайки в двадцать пять человек. Он добавил, что флибустьеры расспрашивали его о гавани Сан-Хуан-де-Улуа, о том, сколько судов она может вместить, а также об испанских фортификациях и военном снаряжении. Из показаний свидетелей следовало, что французы и голландцы планировали в недалеком будущем осуществить нападение на Веракрус. Но в действительности такое нападение будет предпринято ими лишь через тридцать два года.

Операция по захвату Сантьяго-де-Кубы

Поход на город Сантьяго-де-Куба в 1662 году был первой крупномасштабной совместной операцией флибустьеров Ямайки и Тортуги. Он осуществлялся с санкции нового ямайского губернатора лорда Томаса Виндзора.

К месту службы лорда Виндзора должен был доставить из Англии капитан Кристофер Мингс, назначенный командиром 46-пушечного королевского фрегата «Центурион». Корабль вышел из Плимута во главе небольшой флотилии в мае 1662 года. В составе экспедиции находился завербованный англичанами французский шпион Клеман де Плэнвиль. 10 (20) июля флотилия прибыла на Барбадос, и в тот же вечер лорд Виндзор отправил де Плэнвиля с письмами к губернаторам Пуэрто-Рико и Санто-Доминго (он отплыл на фрегате «Гриффин»).

Испанцам предлагалось установить свободную торговлю с английскими колониями.

Пополнив на Барбадосе запасы дров, воды и провианта, а также закончив посадку на борт завербованных фермеров и ремесленников, лорд Виндзор в начале августа покинул остров. Менее чем через две недели «Центурион» стал на якорь в Пойнт-Кагуэе (совр. Порт-Ройял). Здесь Виндзора рке поджидал вернувшийся из поездки в испанские колонии де Плэнвиль. Он сообщил губернатору о нежелании испанцев торговать с подданными английской короны и передал ему подробные сведения о положении дел в Сан-Хуане (на Пуэрто-Рико) и в Санто-Доминго — с описанием и планами берегов, городов и фортов.

20 (30) августа в Сантьяго-де-ла-Вега (совр. Спаниш-Таун) состоялось заседание Совета Ямайки. Учитывая, что в письмах, полученных от испанских губернаторов, категорически отвергалось предложение об установлении между испанскими и английскими подданными свободной торговли, Совет решил «в соответствии с инструкциями Его Величества лорду Виндзору попытаться торговать насильно или как-то иначе».

Был разработан план нападения на город Сантьяго-де-Куба. Командование экспедицией доверили Кристоферу Мингсу.

12 (22) сентября Совет Ямайки издал специальное постановление, «чтобы люди поступали на службу для морского предприятия с «Центурионом» и другими судами». Экспедиция насчитывала 11 кораблей с 1300 людьми на борту. Заместителями Мингса были утверждены капитан Томас Морган, командовавший волонтерами, и голландский капитан Адриан ван Димен по прозвищу Сварт, командовавший флибустьерами Ямайки и Тортуги.

21 сентября (1 октября) 1662 года Мингс с частью флотилии покинул Пойнт-Кагуэй. Обогнув западную оконечность Ямайки — мыс Негрил, он к востоку от Сантьяго-де-Кубы повстречался с сэром Томасом Уэтстоном и семью другими корсарами. 23 сентября (3 октября) на совете, состоявшемся на борту «Центуриона», было решено взять вражеский город фронтальной атакой, ворвавшись в порт и захватив неприятеля врасплох.

5 (15) октября, в четыре часа пополудни, английские и французские флибустьеры приблизились к входу в гавань Сантьяго, однако ветер с суши не позволил им проникнуть в нее, и Мингс

приказал отойти на две мили в наветренную сторону, к устью речушки Агуадорес. Вечером с кораблей началась высадка десанта из примерно тысячи человек. Идти к городу пришлось через лес по узкой каменистой тропе, освещая себе путь с помощью факелов. На рассвете отряд вышел на равнину Лас-Лагунас, находившуюся в шести милях от места высадки и в трех милях от города.

Губернатор города дон Педро де Моралес лично возглавил 170 солдат гарнизона и несколько десятков ополченцев, укрывшихся на холме Санта-Ана с двумя пушками; еще примерно 500 человек находились в резерве под командованием дона Кристобаля де Саси. Однако корсары легко сломили сопротивление плохо вооруженных защитников города. Преследуя их, они ворвались в Сантьяго и овладели им. На следующее утро около 500 человек были отправлены прочесывать окрестности, а сотня моряков вернулась на корабли с приказом войти в гавань и обстрелять крепость Сан-Педро-де-ла-Рока, в просторечье именовавшуюся Эль-Морро. Испанский гарнизон, насчитывавший лишь три десятка деморализованных солдат, не стал удерживать ее и поспешно бежал.

В крепости и на батарее было захвачено 34 пушки и 1000 бочек пороха. Часть медных пушек корсары перетасили на свои корабли, а прочие сбросили с бастионов в море. Грабеж города продолжался до 19 (29) октября, но не принес большой добычи — основные ценности (включая 25 тыс. песо королевских сокровищ) губернатор и жители успели вывезти в деревню Каней и иные населенные пункты провинции еще до взятия Сантьяго. Обескураженные налетчики использовали трофейные бочки с порохом для подрыва крепости, кафедрального собора и прилегавших к ним домов, после чего покинули Сантьяго-де-Кубу.

В этой экспедиции погибло шестеро корсаров; еще 20 человек умерли вследствие болезней или пропали без вести (скорее всего, были захвачены в плен). Материальные потери испанцев составили 1 млн ф. ст. Помимо серебра и вина, а также 200 ящиков сахара и табака, захваченных в двух окрестных *инхеньос*, люди Мингса забрали с собой несколько церковных колоколов, много негров-рабов и семь испанских судов.

21 (31) октября в Порт-Ройял прибыла барка с известием об успешном грабеже Сантьяго-де-Куба, а на следующий день туда

пришла почти вся флотилия.

В библиотеке Оксфордского университета хранится письмо Кристофера Мингса, адресованное лорду Виндзору, в котором он кратко изложил свою версию похода на Сантьяго-де-Кубу.

«Его Превосходительству Томасу, лорду Виндзору.

Да будет благоугодно Вашему Превосходительству.

Во исполнение ваших приказов 21 сентября мы отплыли из Пойнт-Кагуэя. 22-го ветер стих, и флот рассеялся, мы получили от сего мало выгоды, но затем снова собрались вместе. 23-го мы встретили сэра Томаса Уэтсона, на «Пикасо», с семьей индейцев, чьи сведения уверили нас в том, что никаких дополнительных сил в Сантьяго на Кубе нет, и, соответственно, внесли правку в прежние сообщения, полученные в основном от английских пленных, пребывание коих в тамошней тюрьме не позволило им собрать всю необходимую информацию. На военном совете сие предприятие было признано возможным, и во время дебатов сошлись на том, как осуществить оное, а именно — высадиться на сушу в гавани, устье которой было сильно укреплено. При исполнении сего решения затишья и противные ветры задержали нас.

Так что было уже 5 октября, когда мы увидели крепость. Бриз подул поздно, и ветер был слабым; было уже 4 часа пополудни, когда мы смогли подойти к гавани; когда, продвинувшись на полмили, мы встретили ветер с суши, который не позволил нам войти, это привело к быстрому решению и нашей немедленной высадке под платформой в 2 милях к востоку от гавани — в единственном месте, пригодном для высадки и движения к городу на всем том скалистом побережье. Так как враг весь день ожидал нас в форте, мы не встретили никакого сопротивления; люди, что были в нем, бросились к городу, чтобы предупредить о нашей высадке. К тому времени, когда весь наш отряд высадился на берег, наступила ночь. Это место скалистое и узкое, мы были вынуждены выслать разведчиков в лес, чтобы показывать дорогу остальным; тропа была такая узкая, что по ней можно было двигаться лишь по одному; дорога была такая трудная, а ночь такая темная, что мы были принуждены делать остановки и зажигать огни, и наши проводники с головнями в руках продвигались вперед по тропе. С большим трудом, перед самым рассветом, мы обнаружили плантацию на берегу реки, примерно в 6 милях от места нашей высадки и в 3

милях от города; там, освежив себя водой, встретив день и найдя лучшую дорогу, мы весьма бодро двинулись к городу. Враги, получив сообщение о нашей недавней высадке и зная, что дорога негодная, не ожидали от нас столь быстрого появления и не успели подготовить против нас засады. На входе в город и в конце нашей тропы губернатор дон Педро де Моралис с 200 людьми (оградившимися шкурами) и.

2 пушками поджидал нас, а дон Кристовер, прежний губернатор Ямайки (и хороший друг англичан), с 500 иными находился у него в резерве. Мы выдержали их залп из пушек и принялись выбивать их с их позиции, и сами, а также при помощи дон Кристовера, который тут же дал дёру, мы разгромили остальных, преследуя их разными путями через город, хозяевами которого стали; 6 небольших судов и лодок, находившихся на плаву, были взяты нашими солдатами, а их люди, испугавшись, покинули их. К концу дня, когда наши солдаты устали, мы расположились на отдых, чтобы решить, что делать дальше. На следующее утро, перед рассветом, отправили 500 человек на поиски врага в составе нескольких отрядов, а 100 моряков — чтобы усилить флотилию, с приказами на следующий день, в 11 часов, атаковать гавань... Соответственно, на следующий день это было успешно исполнено, ибо овладели внутренней гаванью; враг покинул большую крепость, выстрелив лишь из 2-х мушкетов; из этого нашего владения мы перетаскивали на буксире и корабли, и людей; с 9-го до 14-го дня мы проводили время в преследовании врага, что не принесло больших выгод; их богатства были увезены так далеко, что мы не смогли найти их.

Злые деяния этого города в отношении Ямайки так разозлили солдат, что мне пришлось немало похлопотать, чтобы удержать их от сожжения церквей. 15-го дня мы ездили в крепость и оттуда, где до 19-го занимались разрушением фортов и вывозом тех пушек, которые могли забрать с собой. Там на складе было 17 пушек, в крепости и на батарее внизу — еще 17, пороха — 1000 бочек; от всего этого наши люди так устали в ходе передвижений и работ, что не хотели забрать их с собой, мечтая об отдыхе; 700 бочек было использовано для подрыва главной крепости, остальные — для подрыва окрестных домов и батарей. И, воистину, все было разрушено до основания. Она была построена на скалистом обрыве, стены на горной стороне — примерно 63 футов высоты. Имелась небольшая часовня и дома,

рассчитанные для проживания 1000 человек. Мы были вынуждены сбросить некоторые пушки с обрыва в море, так как не смогли унести их».

24 октября (3 ноября) на заседании Совета острова было принято решение об отправке всех испанских пленных «в Испанию через Англию при первой же возможности» и зачитано официальное разрешение короля лорду Виндзору покинуть Ямайку. Через четыре дня сэр Чарлз Литтлтон, «подходящее и достойное лицо», был объявлен исполняющим обязанности губернатора.

Адмиралтейский суд признал все захваченные в Сантьяго-де-Кубе корабли законными призами и изъяс адмиральскую десятину. После этого специальные уполномоченные по призам разделили трофеи согласно обычаю.

Экспедиция на Кампече 1663 года

Успех набега на Сантьяго-де-Кубу вдохновил власти Ямайки на разработку нового антииспанского проекта. 11 (21) декабря 1662 года Совет Ямайки принял решение, в котором говорилось: «Торговля с подданными короля Испании должна быть налажена силой, и попытку следует предпринять в западном направлении — на берегах Кубы, Гондураса и залива Кампече».

9 (19) и 10 (20) января 1663 года от 1500 до 1600 солдат и флибустьеров были посажены на борт 12 кораблей, которые через два дня отплыли под командованием Кристофера Мингса и Эдварта Мансфелта в сторону Мексиканского залива. Согласно испанскому источнику, флотилия приватиоров насчитывала 14 судов, включая большой 44-пушечный фрегат (это был, безусловно, «Центурион»). Среди участников похода находились известные в то время флибустьерские капитаны — Эдварт Мансфелт, сэр Томас Уэтстон, Авраам (Адриан) Митчелл, Ричард Гай, Уильям Джеймс, Адриан ван Димен Сварт, Янсзон, Давид Маартен, Джон Моррис, Джон Пёрдью, Милнер Магфорд и др.

Перед рассветом 9 (19) февраля они подошли к Сан-Франсиско-де-Кампече и высадились в полутора лигах к западу от города. Флибустьеры предложили Мингсу применить испытанную ими тактику нападения на неприятеля под покровом темноты, на что

коммодор гордо ответил: «Я презираю воровать победу!». Соответственно, когда они подошли к окрестностям Кампече, главнокомандующий «сообщил им [испанцам] о своем приближении с помощью барабанов и труб».

Соппротивление рейдерам могли оказать не более 150 солдат городского ополчения, засевшие в фортах Сан-Бенито, Санта-Крус и Эль-Бонете. В разгар боя Мингс был ранен в лицо и в оба бедра и, передав командование капитану флибустьеров Манс-фелту, вернулся на борт «Центуриона». Несмотря на отчаянное сопротивление испанцев, к 10 часам утра город и все укрепления, кроме форта Санта-Крус, оказались в руках захватчиков. В боях погибло 30 корсаров, многие были ранены. У испанцев было убито не менее 50 человек. В плен попало около 170 горожан. Фортификационные сооружения англичане частично разрушили, часть города сожгли, а 14 кораблей, стоявших на рейде, взяли в качестве призов. Добыча корсаров, по оценке испанского губернатора Антонио де Мальдонадо Альданы, равнялась 150 тыс. пиастров, а общий ущерб, нанесенный городу, составил около 500 тыс, пиастров.

На следующий день к Мингсу от Мальдонадо Альданы явился парламентар, который сообщил о готовности губернатора заключить с корсарами перемирие в обмен на обещание хорошего обращения с пленными. Мингс охотно освободил четырех знатных пленников и передал им послание для Мальдонадо; в своем письме он соглашался покинуть город и освободить остальных пленных, если испанцы позволят захватчикам взять воду из находившихся возле Лермы источников. Коммодор также выразил сожаление по поводу того, что из-за ран не смог лично прибыть и встретиться с испанским командиром. Испанцы согласились с условиями англичан, и в знак доброй воли Мингс освободил всех пленных, оставив при себе лишь шесть самых знатных заложников до получения воды. 23 февраля (ст. ст.) ямайская флотилия снялась наконец с якорей и пустилась в обратный путь, увея с собой 14 трофейных судов.

Уильям Бистон записал в дневнике, что приватирское судно капитана Митчелла «Блессинг» доставило на Ямайку сообщение, согласно которому испанцы в Кампече были заранее предупреждены о замыслах англичан из Сантьяго-де-Кубы и смогли хорошо подготовиться к обороне. Это противоречит испанскому отчету, в

котором говорится, что перед нападением корсаров власти города вообще не позаботились о мобилизации людей, пополнении запасов пороха и военного снаряжения.

Поход Франсуа Олоне на Маракайбо

Одним из самых известных предприятий флибустьеров Тортуги был поход Франсуа Олоне на венесуэльские города Нуэва-Самора-де-Маракайбо и Сан-Антонио-де-Гибралтар в 1666 году.

Готовясь к экспедиции, Олоне сообщил о ней всем флибустьерам, находившимся тогда в море, и спустя два месяца собрал на Тортуге около 400 человек; этого было вполне достаточно для реализации задуманного проекта. Командование сухопутными частями взял на себя съёр д'Артиньи, комендант Тортуги, которого Эксквемелин называет Мигелем Бискайским (во французских изданиях «Пиратов Америки» он фигурирует под именем Мишеля Баска). Миссионер Жан-Батист дю Тертр, располагавший записками д'Ожерона, уверяет, что съёр д'Артиньи был преднамеренно приставлен к Олоне губернатором Тортуги. При этом губернатор сначала вроде бы предпринял попытку отговорить пиратов от их затеи, но, «не имея больше возможности сдерживать их, он весьма кстати придумал дать им офицеров и поставил во главе оных съёра д'Артиньи, своего майора (коменданта крепости. — В. Г.); и, после снабжения судов припасами и всем тем, что им было необходимо для осуществления данного предприятия, он разрешил им идти».

Поскольку Франция в то время не воевала с Испанией, д'Ожерон позаботился о том, чтобы снабдить флибустьеров португальским каперским свидетельством.

Первоначально флотилия Олоне насчитывала 5 судов (по данным Эксквемелина — 8). На их борту разместилось около 400 человек (в советском издании «Пиратов Америки» приводится явно ошибочное число — 1660 человек). В конце апреля 1666 года они покинули Тортугу, и их первая стоянка была в Байяхе, на северном побережье Эспаньолы. Там к пиратам присоединилось еще несколько десятков буханьеров.

Подремонтировав суда и взяв на борт свежий запас провизии и дров, флибустьеры в конце июля добрались до восточной оконечности острова. Здесь был замечен испанский торговый корабль, направляющийся из Пуэрто-Рико в Новую Испанию с грузом какао и драгоценностей. «Адмирал Олоне погнался за ним на своем корабле, — пишет Эксквемелин, — а остальным дал приказ следовать прежним курсом и ждать его у острова Савоны [Саоны], лежащего к югу от Эспаньолы, неподалеку от мыса Пунта-дель-Эспада. Олоне гнался за испанцем два часа и вынудил его принять бой; после двух-или трехчасовой схватки судно было захвачено. На его борту находились шестнадцать пушек и пятьдесят солдат. В трюмах корабля оказалось сто двадцать тысяч фунтов какао, сорок тысяч пиастров и драгоценностей на десять тысяч песо. Олоне отослал корабль на Тортугу, чтобы там разгрузить его и привести на остров Савону [Саону]».

По данным Шарлевуа, груз этого трофейного судна стоил около 200 тыс ливров.

Когда пиратские суда достигла Саоны, им повстречался еще один испанский корабль; последний шел из Куманы (Венесуэла) с оружием и жалованьем для гарнизона Санто-Доминго. Приз был взят легко, без единого выстрела. На нем обнаружили 8 пушек, 7 тыс фунтов пороха, мушкеты, фитили и 12 тыс пиастров в звонкой монете. Высадив пленных испанцев на берег, флибустьеры переименовали свой приз в «Пудриер» («Пороховой погреб») и передали его под командование Антуану дю Пюи.

Тем временем корабль, нагруженный какао и переименованный разбойниками в «Какаойер» («Плантация какао»), пришел на Тортугу. Губернатор д'Ожерон велел тут же разгрузить его и спешно отослал назад к Олоне со свежим провиантом и пополнением.

Через две недели «Какаойер» догнал флотилию. Олоне пересел на этот корабль, сделав его флагманом, а свое собственное 10-пушечное судно (с экипажем в 90 человек) передал вицеадмиралу Моисею Воклэну, командовавшему также собственной бригантиной с экипажем в 40 человек. Кроме «Какаойера» (командир — Франсуа Олоне, экипаж — 120 человек), двух кораблей Воклэна (общая численность команд — 130 человек) и «Пудриера» (командир — Антуан дю Пюи, экипаж — около 90 человек), во флотилию входили бригантина под

командованием Пьера Пикара (или Пикардийца) с командой в 40 человек и две небольшие барки, насчитывавшие на борту примерно по 30 человек каждая. Таким образом, всего в походе участвовало около 440 головорезов. Французский историк Жан Меррьен полагает, что это было «наиболее многочисленное объединение флибустьеров за все время с начала открытия Америки». Конечно, Меррьен преувеличивает. Достаточно вспомнить, что в набегах на Сантьяго-де-Кубу (1662) и Кампече (1663) участвовало от 1300 до 1600 флибустьеров.

Закончив все необходимые приготовления, Олоне объявил участникам похода, что их целью являются испанские поселения, расположенные на берегах озера Маракайбо. Затем пираты подняли паруса и взяли курс на «бухту Маракайбо».

«Эта бухта лежит на материке у Новой Венесуэлы на 12° и нескольких минутах северной широты, — сообщает Эксквемелин. — В длину она достигает примерно двадцати, а в ширину шестнадцати миль. Перед бухтой расположены острова Арубас [Аруба] и Монхес [Лос-Монхес]. В восточную часть бухты вдается мыс Сан-Роман, а в западную — мыс Какиба-Коа (ныне мыс Кокибакоа на полуострове Гуахира. — В. Г.). Вся бухта в целом носит название Венесуэльского залива, но пираты ее называют бухтой Маракайбо. У входа в бухту расположены еще два острова, вытянутые с востока на запад. Восточный называется Исла-де-ла-Вихилия — остров Стражи, потому что на самом высоком его холме в центре острова есть дом, в котором день и ночь дежурит дозорный. Другой остров называется Исла-де-Паломас, что означает остров Голубей. За обоими островами лежит внутреннее море [озеро Маракайбо], длиной в шестьдесят и шириной в тридцать миль... В него ведет из открытого моря пролив, который сжат названными островами, и вступить в него очень трудно, ибо шириной он не более, чем дистанция, на которую стреляет восьмифунтовая пушка.

На острове Голубей есть укрепление, которое отлично оберегает остров, ибо всякий, кто хочет попасть во внутреннее море, должен пройти впритык к этому форту. В устье пролива песчаная отмель или банка; глубина в ней не больше четырнадцати футов. Есть в этом месте и другие отмели... На западном берегу, примерно в шести милях от входа в бухту, расположен город Маракайбо. Вид у него довольно

приятный, потому что все дома выстроены вдоль берега и удачно расположены. Город густо заселен. Вместе с рабами в нем три или четыре тысячи жителей. Среди них восемьсот солдат — все испанцы. В городе есть церковь, четыре монастыря и госпиталь. Управляется город вице-губернатором, который подчинен губернатору Каракаса и входит в провинцию Каракас. Тамошние торговцы промышляют кожами и салом. У жителей много скота, а их плантации лежат милях в тридцати от Маракайбо, близ большого селения, которое называется Гибралтар. Эти плантации дают много какао и различные овощи и плоды, которыми снабжают город Маракайбо... Каждый день из Гибралтара в Маракайбо отправляются барки, груженные лимонами, апельсинами, дынями и прочей снедью. В Маракайбо их нагружают мясом. В Гибралтаре нет ни коров, ни овец. Перед городом Маракайбо расположена прекрасная гавань, и там можно построить сколько хочешь кораблей...»

Шарлевуа сообщает, что проводниками флибустьеров были два француза, которые в молодости попали в плен к испанцам и хорошо изучили побережье Венесуэлы. Один из них какое-то время служил лоцманом, в обязанности которого входила проводка судов через отмель Ла-Барра.

Зайдя на остров Аруба, принадлежавший голландцам, пираты взяли на нем пресную воду и небольшой запас продовольствия, после чего ночью вошли в Венесуэльский залив и стали там на якорь; испанцы, судя по всему, их не заметили. Ранним утром следующего дня флотилия двинулась к проливу, соединяющему Венесуэльский залив с озером Маракайбо. Дозорный на острове Стражи, обнаружив суда неприятеля, тут же просигналил об этом гарнизону форта, насчитывавшему примерно 250 солдат.

«Отдав якоря на песчаной отмели, — рассказывает Эксквемелин, — Олоне высадился и приказал атаковать форт Эль-Фуэрте-де-ла-Барра, потому что, не захватив его, идти дальше было нельзя. Форт был опоясан турами, за ними находилась батарея с шестнадцатью орудиями. Сверху туры были засыпаны землей и служили хорошим укрытием. Пираты высадились на расстоянии испанской мили от крепости и, готовясь к штурму, построились в боевой порядок. В это время комендант форта отправил несколько солдат в засаду. Они должны были напасть с тыла и по возможности

смешать ряды пиратов. Тогда остальные сделали бы вылазку. Но пираты выделили с полсотни человек, и они напали на засаду, разгромили ее и не дали возможности испанцам укрыться в крепости. Прочие же пираты кинулись на штурм, и часа три спустя форт нал, хотя у нападавших были только одни ружья. Испанцы, сидевшие в засаде, бежали в Маракайбо и привели в ужас горожан, сказав, что к городу движется по меньшей мере две тысячи пиратов... Горожане тут же принялись собирать имущество и готовиться к бегству. Владельцы кораблей погрузили свое добро на суда и отправились в Гибралтар. Там они сообщили о появлении пиратов и падении форта де-ла-Барра. Кто не имел кораблей, отправился на ослах и лошадях в глубь страны».

Захватив форт, пираты подняли над ним французские флаги, давая знать кораблям, что путь в лагуну свободен. Затем они сравняли укрепления с землей, сожгли деревянные постройки, заклепали трофейные пушки, перенесли раненых на борт и похоронили мертвых. На рассвете следующего дня суда снялись с якорей и двинулись к Маракайбо, до которого было миль шесть.

«Ветра не было, и кораблям пришлось плыть по течению, — сообщает Эксквемелин. — В этот день пиратам удалось продвинуться ненамного. Днем позже они были уже возле Маракайбо и приготовились к высадке под прикрытием пушек. Они были уверены, что в прибрежном лесу испанцы сделали засаду. Пираты сели в каноэ и поплыли к берегу. Когда они подошли поближе, с пиратских кораблей по берегу открыли огонь. Часть людей высадилась на берег, оставшиеся в каноэ вели стрельбу по зарослям, но никто не отвечал. В городе пираты никого не встретили: испанцы ушли вместе с женщинами и детьми. Но во многих домах осталось разное добро: вино, водка, множество кур, свиней, хлеб, мука и так далее. Пираты пришли в полный восторг, потому что уже много недель им не доводилось есть вдоволь, и они поневоле вели самый скромный образ жизни. Команды заняли самые богатые дома на рыночной площади. Затем пираты выставили охрану и превратили городской собор в арсенал. На следующее утро был собран отряд в сто пятьдесят человек, чтобы захватить пленных и узнать, где же спрятали горожане свое добро. Вечером отряд вернулся в город с двадцатью тысячами пиастров, несколькими навьюченными ослами и примерно двадцатью пленниками: женщинами, мужчинами и детьми. На следующий день

пираты стали пытаться пленников, стараясь узнать у них об остальном имуществе. Но никто не признавался. Олоне, для которого смерть десяти или двенадцати человек равным счетом ничего не значила, выхватил саблю из ножен и на глазах у всех остальных изрубил одного испанца в куски. При этом он кричал, что, если они будут упорствовать, он перерубит их всех без всякой пощады. Ему удалось напугать одного из испанцев, и он согласился повести пиратов туда, где скрывались все горожане. Но те, опасаясь, что попавшие в плен могут их выдать, успели закопать часть сокровищ и все время переходили с места на место, поэтому найти их было очень трудно, разве только случайно. Беглецы так боялись друг друга, что отец не доверял сыну».

Капитан Николас Родригес, командовавший испанским невольничьим кораблем «Санта Крус», в январе 1667 года доставил в Кадис краткий отчет о нападении французских флибустьеров на Маракайбо, в котором отмечалось:

«.. jв июне месяце прошлого года семь судов вошли в Маракайбо, пройдя отмель де-Барбоса; самый большой, или адмиральский, корабль имел четыре пушки, стрелявших трехфунтовыми ядрами, и каждое судно имело на борту около пятидесяти человек разных национальностей; они прибыли с острова Тортуга, что возле Санто-Доминго [Гаити]; и, пройдя отмель, они высадились и одолели половину лье по суше, чтобы прибыть к форту, расположенному на главной отмели порта, где они убили коменданта и взяли форт; и на следующий день они пошли в Маракайбо и нашли его покинутым людьми, не считая вице-губернатора и шестнадцати других, которые все ретировались; и они не стали ни грабить, ни разорять, а оставили тридцать человек в качестве гарнизона, тогда как другие пошли дальше по лагуне на своих судах и прибыли в Лас-Барбакоас, деревню индейцев, которые их отбили и не позволили высадиться; и оттуда они пошли в Гибралтар..»

Согласно данным Эксквемелина, в Маракайбо флибустьеры провели две недели, а когда в городе и окрестностях грабить уже было нечего, они решили совершить набег на Гибралтар.

Набег на Гибралтар

Город Сан-Антонио-де-Гибралтар был основан испанским конкистадором Гонсало Пинья Лидуэньей на восточном берегу озера Маракайбо в феврале 1592 года. Своим названием он обязан месту рождения Лидуэньи — испанскому городу Гибралтару.

В 60-х годах XVII века в этом поселении проживало примерно полторы тысячи жителей, в том числе 400 солдат. Вблизи Гибралтара находились плантации какао, табака и сахарного тростника, окруженные кедровыми рощами; далее простирались джунгли и болота, а за ними видны были отроги высоких гор. Дорога, проходившая через горную гряду, связывала Гибралтар с Меридой — центром одноименной провинции, откуда на побережье время от времени привозили муку.

Когда отряд флибустьеров во главе с Олоне и д'Артиньи вышел из Маракайбо, испанцы, следившие за всеми передвижениями противника, отправили в Гибралтар барку с предупреждением об опасности. Из Гибралтара сообщение о приближении французов было отправлено также губернатору Мериды дону Габриэлю Герреро де Сандовалю. Ветеран войны во Фландрии, дон Габриэль надеялся легко разбить неприятеля. Для этого он спустился с гор к Гибралтару во главе 400 солдат и вооружил в поселении еще четыре сотни ополченцев. В итоге силы испанцев выросли до 800 человек. Затем на берегу была установлена батарея из 22 пушек, прикрытая турами, и сооружен редут с 8 пушками. Непосредственно от берега через лес тянулась широкая просека, которую дон Габриэль приказал завалить срубленными деревьями. Одновременно в зарослях был проделан другой проход, ведущий прямо в болото.

«Разбойники ничего не знали об этих приготовлениях, — рассказывает Эксквемелин. — Они доставили пленных на корабль и присоединили к тем рабам, которых захватили в Маракайбо. Так они вошли в Гибралтар. Однако, приблизившись, они увидели развевающиеся повсюду флаги и множество народа. Олоне, как вождь всех пиратов, посоветовался с другими командирами, потом со всеми, кто его окружал, и дал понять, что отступать не намерен... Его мнение было таково: «Они сильны, так тем больше мы захватим добычи, если победим их». Все единодушно поддержали его и сказали, что лучше биться, надеясь на добрую добычу, чем скитаться неведомо сколько без

нее. Олоне закончил так «Я хочу предупредить вас, что того, кто струсит, я тотчас же зарублю собственной рукой».

Приняв решение драться, пираты подвели корабли к берегу и стали на якорь примерно в четырех милях от города. На следующее утро задолго до восхода солнца Олоне высадил людей на берег. Пиратов было триста восемьдесят человек. У каждого было доброе ружье, а на боку патронташ с порохом на тридцать зарядов, и, кроме того, у всех было по два пистолета и по острому палашу. Все взяли друг друга за руки и поклялись стоять друг за друга до самой смерти. Затем Олоне рванулся и закричал: «Allons mes frairs — suivez-moi, et ne faites point des laches!» (Вперед, мои братья, за мной, и не трусьте!) И пираты бросились в атаку. Но путь, который им указал начальник, привел к завалу, а другая дорога — к болоту, на которое так надеялись испанцы. Пираты же не растерялись и принялись рубить саблями сучья и устилать ими дорогу, чтобы не завязнуть в трясине. Тем временем испанцы открыли огонь из пушек, и поднялся такой дым и такой грохот, что пираты на какое-то время совсем ослепли и оглохли. Наконец они выбрались на твердую землю как раз там, где стояло шесть пушек, и пушки эти ударили по ним дробью и картечью.

Затем, на миг прекратив огонь, испанцы сделали вылазку, но пираты их встретили так, что мало кто из испанцев вернулся назад. А пушки снова стали без передышки бить по пиратам, среди которых было рке много мертвых и раненых. Поэтому пираты решили прорываться через лес, но и это им не удалось. Испанцы повалили большие деревья и загородили путь...

Испанцы не могли сделать больше ни одной вылазки, но и пираты не могли перейти через туры. Олоне учел это и, решив перехитрить испанцев, приказал отходить. Заметив, что пираты отходят, испанцы вышли за туры и погнались за врагами, и было их человек двести. Но пираты неожиданно повернули, дали залп, а затем схватились за палаши и набросились на испанцев, сразу же перебив большинство из них. В бешенстве перепрыгнув через туры, пираты тут же овладели укреплениями и обратили тех, кто за ними скрывался, в бегство. Они оттеснили испанцев к зарослям и перебили всех до одного».

Дю Тертр, беседовавший на Тортуге с некоторыми из участников этого похода, позже писал, что пираты «весьма приукрасили эту историю; но всё, что мне удалось узнать, так это то, что битва была

великой и весьма упорной, с резней друг друга, и что испанцы уступили».

По испанским данным, в бою погибло 400 защитников Гибралтара, включая Сандовалья и почти всех его офицеров; еще сотня солдат сдалась в плен. Шарлевуа сообщает, что из 600 испанцев, оказывавших сопротивление флибустьерам, 200 человек погибло и еще 100 получили ранения. Потери французов составили примерно сто человек убитыми и ранеными.

Овладев Гибралтаром, флибустьеры сорвали неприятельские флаги, разграбили всё, что смогли найти в селении, и перетащили добычу в собор.

«Перед ним выставили орудия и насыпали бруствер, чтобы предохранить себя от внезапного нападения, — продолжает свой рассказ Эксквемелин. — Пираты... полагали, что испанцы призовут всех окрестных жителей. Однако следующий день принес им другие заботы — надо было избавиться от зловония, которое издавали трупы: ведь они перебили не менее пятисот испанцев, и много раненых испанцев укрылось в зарослях и там, вероятно, отдало богу душу. Кроме этого пираты захватили в плен сто пятьдесят мужчин и не меньше пятисот женщин, рабов и детей. Когда все стихло, пираты подсчитали свои потери, и оказалось, что убито всего сорок человек, а ранено тридцать, но почти все смертельно; сырой воздух вызывал лихорадку, раны гноились. Пираты швырнули трупы испанцев на две старые барки, которые они нашли на берегу, и, отъехав за четверть мили, выбросили все тела за борт. Забрав все деньги и имущество, которое удалось собрать в городе, пираты расположились на отдых...

Между тем испанцы припрятали почти все добро, которое могли унести. Спустя четыре или пять дней пираты начали делать набеги на окрестности, и вскоре в город потекло различное добро, и туда стали пригонять пленных рабов, захваченных на плантациях. Пираты провели в городе еще четырнадцать дней. За это время много пленников умерло от голода, потому что мяса у пиратов почти не было. Правда, было довольно много муки, но пираты для себя ленились печь хлеб, а уж для испанцев и подавно. Кур, овец, свиней и коров они уже перебили и съели сами; испанцам оставались ослы и мулы... Чуть лучше было женщинам, которые попали к пиратам в любовницы; одних они взяли силой, другие пошли по своей охоте... Пленных,

которых хватали ради выкупа, каждый день бросали на дыбу, и, если же те не хотели ни в чем признаваться, их забивали до смерти.

Наконец, простояв целый месяц, пираты послали четырех пленников сообщить жителям города, что требуют с них десять тысяч пиастров выкупа, иначе сожгут все поселение. Испанцам было дано два дня. Но через два дня выкупа никто не принес, и пираты предали огню все селение. Когда испанцы увидели, что пираты действительно намерены все превратить в пепел, они решили выдать требуемые деньги. Пираты загасили пожары, но, конечно, много домов пострадало, а собор сгорел дотла. Получив выкуп, пираты погрузили на корабль добычу и большое количество рабов, за которых никто не дал выкупа...»

Вернувшись в Маракайбо, флибустьеры отправили нескольких пленных к губернатору, требуя от него 30 тыс пиастров. Деньги должны были быть доставлены на борт кораблей, в противном случае французы грозили сжечь город дотла.

Пока испанцы собирали выкуп, несколько шаек снова отправились на поиски добычи. «Они унесли из церквей статуи, колокола и картины и притащили их на корабль, — сообщает Эксквемелин. — Кроме этого они захватили и различные корабельные принадлежности, и все это свалили в пакгаузе. Посланные за выкупом испанцы вернулись — им было велено согласиться на условия пиратов. В конце концов, сошлись на том, что испанцы дадут двадцать тысяч пиастров и пятьсот коров и что, получив выкуп, разбойники прекратят грабежи. Получив выкуп, пираты ушли, к великой радости жителей, посылавших им вслед проклятия».

Капитан Николас Родригес в своем отчете отмечал, что, захватив Гибралтар, пираты «ограбили его и сожгли, убив всех защитников, среди которых был дон Габриэль Герреро [де Сандоваль], губернатор Мерида, а граф де Герена, который его сопровождал, был ранен и взят в плен вместе с иными важными персонами, которые получили свободу через три месяца; и затем враги сели на суда со значительной добычей, которая оценивалась в более чем 300 000 песо в товарах и серебре; и вернулись в Маракайбо и разграбили его, забрав также колокола из церкви; и увели два испанских судна, которые грузились в Гибралтаре, из коих одно принадлежало Клементу Гутьерресу,

которого они убили, и он не знает, чье было второе; и, покинув лагуну, они ушли, но он не знает, куда...»

Пройдя через Венесуэльский залив, флотилия Олоне взяла курс на Эспаньолу и спустя восемь дней подошла к расположенному близ ее юго-западного выступа острову Ваш. Здесь флибустьеры первоначально собирались произвести дележ захваченной добычи. Хотя в первом издании книги Эсквемелина написано, что дележ был произведен именно на острове Ваш, в действительности из-за возникших разногласий местом окончательной дележки в ноябре 1666 года был выбран остров Гонав, расположенный у западной побережья Эспаньолы.

«Разделив все добро, — говорит Эсквемелин, — они подсчитали, что серебра и драгоценностей оказалось на двести шестьдесят тысяч пиастров (в советском издании говорится о 60 тыс «реалов» вместо 260 тыс пиастров. — Б. Г.). Кроме денег каждый еще получил больше чем на сотню пиастров шелка и шерстяных тканей, не считая других мелочей... Причем серебро они взвешивали и приравнивали один его фунт к десяти пиастрам, а с драгоценностями дело у них обстояло хуже, потому что ничего в них они не понимали. Каждый дал клятву, что ничего не возьмет лишнего, и затем пираты получили то, что им причиталось».

Шарлевуа оценил добычу, взятую в Маракайбо и Гибралтаре, в 400 тыс экю (1 экю равнялся 1 пиастру). Дю Тертр, ссылаясь на записки д'Ожерона, приводит иные данные о размерах пиратской добычи. По его словам, чеканного серебра было взято на 80 тыс пиастров, а полотна — на 32 тыс ливров, «фут которого они, говорят, продавали за полцены». Сам губернатор Тортуги писал, что на каждого участника экспедиции пришлось по 200 экю в звонкой монете. Если эту сумму умножить на количество уцелевших участников (примерно 340), получим около 68 тыс пиастров. Кроме того, еще 20 тыс пиастров должны были составить долю погибших пиратов.

Закончив дележ добычи, часть флибустьеров ушла на Ямайку, где имелся более выгодный рынок сбыта награбленного, а остальные во главе с Олоне и Мишелем Баском отправились на Тортугу, куда и пришли примерно через месяц.

Захват острова Санта-Каталина (1666)

Одним из наиболее известных деяний «генерала» флибустьеров Эдварта Мансфелта был захват испанской колонии и фортификационных сооружений на острове Санта-Каталина, лежащем недалеко от побережья Никарагуа. Заметим, что англичане называли этот остров Провиденс. Ныне он называется Провиденсия и принадлежит Колумбии; а название Санта-Каталина закрепилось за небольшим островком, расположенным у северо-западной оконечности Провиденсии; в колониальную эпоху его называли Исла-Чика.

После того как испанцы в 1641 году изгнали с острова английских колонистов, они оставили в его фортах сильные гарнизоны, призванные предотвратить новые вторжения иностранцев на Санта-Каталину. Задача снабжения испанских солдат свежим провиантом и военным снаряжением была возложена на губернатора Картахены и президента аудиенсии Панамы, однако из-за хронической нехватки средств боеспособность защитников береговых укреплений к середине 60-х годов XVII века достигла самой низкой отметки. Фактически в эксплуатации находился лишь один из фортов — Ла-Кортадура, который призван был защищать гавань и возвышался над проливом, отделявшим главный остров от Исла-Чики. Оба острова и форт были соединены недостроенным деревянным мостом.

По данным П. Эрла, гарнизон Санта-Каталины должен был насчитывать 140 солдат, но в действительности в 1666 году на всем острове проживало лишь 90 солдат, «двадцать из которых были слишком старыми или слишком больными, чтобы могли держать в руках оружие». Кроме ветеранов, участвовавших в захвате Санта-Каталины в 1641 году, в гарнизоне было немало ссыльных, отправленных в эту «глушь» с материка за те или иные провинности. Женская половина населения состояла в основном из жен офицеров и высланных из разных колоний девиц легкого поведения и воровок. Дополняли демографическую картину дети белых и креолов, 150 негров-рабов и несколько пастухов-индейцев.

Гарнизон острова практически не занимался боевой подготовкой. Многие солдаты жили в отдельных хижинах в различных частях острова, выращивая маис и маниок, а также разводя свиней, коз и коров. В то же время двое часовых постоянно дежурили на вершине

горы Серро-де-ла-Эрмоса в южной части острова, сменяясь каждые два дня.

Флотилия Мансфелта, оперировавшая ранее у берегов Центральной Америки в составе 14 судов, к маю 1666 года рассеялась. Так что когда «генерал» флибустьеров, допросив пленных и посоветовавшись со своими людьми, решил напасть на Санта-Каталину, в его распоряжении оставалось лишь 5 судов, включая три небольших беспалубных шлюпа.

25 мая суда флибустьеров появились вблизи острова, но часовые Педро Перес и Луис де Агуйяр не заметили их. Позже на допросе Перес утверждал, что виной тому была пасмурная погода «Солнце скрылось, и было так облачно, что он не мог даже видеть мыс пляжа Лос-Наранхос на южной оконечности острова». Однако Доминго де Соуза, португальский пленник, находившийся на борту судна Мансфелта, опроверг утверждение Переса. По его словам, с утра действительно было облачно, но позже небо прояснилось, и за два часа до наступления сумерек сохранялась ясная погода. Если бы испанские часовые добросовестно несли службу, они наверняка заметили бы приближающуюся флотилию флибустьеров. Но часовые, скорее всего, спали в своих гамаках.

Помимо португальца Доминго де Соуза, проводниками пиратов в этом предприятии были метис Монтез и испанец Роке. Мансфелт обещал им за их услуги участие в дележе добычи. Проводники посоветовали «генералу» осуществить высадку на южной оконечности Санта-Каталины, окруженной рифами. Это был очень опасный путь, но именно в этом месте испанцы менее всего опасались появления неприятеля.

С наступлением темноты Мансфелт отдал приказ судам флотилии приблизиться к острову. За два часа до полуночи они стали на якорь с внешней стороны рифов и, дождавшись появления луны, стали грузиться в каноэ. Две или три дюжины матросов остались охранять суда, тогда как остальные — сотня англичан с Ямайки, 80 французов с Тортуги, некоторое количество голландцев и португальцев (включая несколько женщин, если верить испанским донесениям) — проникли на своих каноэ через проход в рифах в лагуну. Здесь они разделились на два отряда: один устремился к пляжу Лос-Наранхос, а второй — к Большому пляжу (Плая-Гранде), лежащему дальше к западу. «Как

только люди высадились на двух пляжах, — рассказывает П. Эрл, — каноэ вернулись к кораблям — драматический жест, достойный более великого капитана и более великого подвига. Теперь никто не мог отступить назад. Они должны были либо захватить остров, либо умереть!»

Двигаясь тайными тропами, уходившими от пляжей вверх, на гору, обе группы вскоре встретились и объединились. Проводники сказали пиратам, что поблизости находится испанский сторожевой пост, но когда отряд приблизился к нему, оказалось, что в нем никого нет. Продвигаясь дальше по каменистой тропе с громким названием Ройял-Роуд (Королевская дорога), флибустьеры захватили несколько мелких ферм. Один из пленников после соответствующей «обработки» согласился вести их дальше. Чтобы испанец не наделал глупостей, ему связали руки за спиной, а на шее затянули петлю. Проводник привел их к Агуада-Гранде — водному источнику на западном берегу, где одна из четырех речушек острова впадала в море. Здесь какой-то безрассудный испанец попытался вырвать мушкет из рук одного из пиратов, за что был немедленно застрелен. Этот несчастный, как замечает П. Эрл, оказался единственным защитником Санта-Каталины, который попытался оказать захватчикам сопротивление, и единственной их жертвой.

На рассвете 26-го часовые, дежурившие на Серро-де-ла-Эрмоса, продрали глаза и с ужасом обнаружили за цепочкой рифов стоявшие на якоре пиратские суда. Они тут же бросились к дому губернатора дона Эстевана де Окампо, подняв его с постели. Дон Эстебан немедленно отправил гонца к сержант-майору Диего Родригесу — коменданту форта Ла-Кортадура, — а сам быстро оделся и велел седлать лошадь. Но именно в это время, примерно в 8 часов утра, флибустьеры окружили его дом и ворвались внутрь. Губернатору пришлось сдаться.

Спустя короткое время четверо солдат прибежали к дому сержант-майора, сообщив ему о высадке пиратов и захвате ими губернатора острова. Сеньор Родригес поспешил вместе с этими солдатами в форт. Канониру было велено зарядить пушки, но тут выяснилось, что нет пороха. Солдаты долго искали его, наконец нашли один пороховой ящик, запертый на ключ, однако не нашли ключа. Недоставало также ядер и инвентаря, необходимого для обслуживания пушек.

Пока комендант бегал вокруг батареи и кричал на своих нерадивых подчиненных, которых насчитывалось не более семи человек, отряд Мансфелта приблизился к форту на расстояние выстрела и приготовился к захвату недостроенного моста Родригес в отчаянии покинул батарею и, спустившись на берег, попытался собственноручно разрушить шаткую конструкцию. Увы, из этой затеи ничего не вышло, и сержант-майор несолоно хлебавши вернулся в форт. Флибустьеры стали кричать ему, чтобы он сдался, угрожая в противном случае перерезать всех пленных — их взяли в количестве 62 человек, — а затем убить и его самого. Диего Родригес не сомневался, что разбойники так и сделают. Поэтому, не открывая огня, предпочел вывесить белый флаг.

«Пираты разбили испанский гарнизон, — сообщает Эксквемелин, — и захватили все укрепления». Правильнее было бы сказать — пираты *одолели* худосочный испанский гарнизон без боя.

В восемь часов утра на судах флотилии услышали три пушечных выстрела и залп из ружей. Это был условный сигнал, означавший, что флибустьеры одержали победу и суда могут теперь спокойно войти в гавань.

О дальнейших событиях Эксквемелин сообщает весьма лаконично: «Часть укреплений Мансфельд приказал разрушить, а остальные усилить, и оставил на острове отряд в 100 человек, отдав им всех рабов, которые были захвачены у испанцев. Затем Мансфельд перешел на другой островок (совр. Санта-Каталина. — В. Г.), который лежал от большого острова (совр. Провиденсия. — В. Г.) так близко, что на него можно было перейти по мосту. Он приказал перетащить туда все пушки, снятые с фортов Санта-Каталины, а дома сжечь».

Спустя десять дней, оставив на острове гарнизон из 35 человек и 50 рабов, Мансфелт вышел в море. Прежде чем вернуться на Ямайку, он выполнил условия своего соглашения с испанцами и 1 (11) июня высадил губернатора Окампо и 170 пленных на панамском берегу возле Пунта-де-Брухас. Оттуда «генерал» повернул на север и 12 (22) июня прибыл в Порт-Ройял с двумя кораблями. Об отчете, который он представил, известно из письма губернатора Томаса Модифорда госсекретарю. В британском «Календаре государственных бумаг» содержится пересказ этого письма:

«Губернатор сэр Томас Модифорд секретарю лорду Арлингтону. 12-го текущего прибыл капитан Мансфилд и еще один корабль, и жаловался, что непослушание некоторых офицеров и солдат было причиной того, что они не взялись за исполнение плана по [захвату] Кюрасао. В то же время старина был полон решимости... никогда не представлять пред мои очи, пока не послужит каким-либо образом Его Величеству, и поэтому всего лишь с 200 людьми, которые еще оставались с ним, из коих около 80 были французами, он решил напасть на остров Провиденс... Для выполнения задуманного он поднял паруса и, имея прекрасное каботажное судно... он ночью подошел на полмили к нему через проход между скалами... И рано утром они высадились, прошли четыре лиги и неожиданно захватили губернатора, который стал их пленником. Солдат в форте было около 200 (явное преувеличение. — В. Г.), но они сдались при условии, что всех их высадят на материке. Там были обнаружены 27 пушек, сто бочонков пороха, дробь и все необходимые припасы; форт весьма крепкой постройки; они взяли, однако, очень мало добычи, только 150 негров; они привезли 100, оставив 35 человек и капитана Хаттселла хранителем склада...»

Данные англичан о том, что Мансфелт захватил на Санта-Каталине очень мало добычи, не подтверждаются испанскими источниками. Так, баск дон Антонио Хармендия, служивший бухгалтером на острове, утверждал, что кроме негров англичанам достались 5000 песо, принадлежавших королю, а также серебро, драгоценности и вещи жителей, оценивавшиеся примерно в 50 тыс песо. Если учесть, что африканский невольник в Вест-Индии стоил в то время 100 песо, то стоимость захваченной добычи возрастет до 70 тыс песо, или 17 500 ф. ст. Разделив эту сумму на 230 участников экспедиции, получим примерно по 75 ф. ст. на человека. Пусть не сказочный, но все же довольно приличный «заработок».

Модифорд решил взять остров Провиденс во владение, «учитывая его удобное расположение, благоприятное для осуществления каких-либо экспедиций на богатый материк». Стратегическое значение

острова заключалось в том, что, находясь недалеко от устья реки Сан-Хуан, он мог служить удобной базой для проникновения к озеру Никарагуа и городу Гранаде. Чтобы не дать пиратам возможности использовать Провиденс в качестве обычного разбойничьего гнезда, ямайский губернатор 30 июня распорядился отправить туда отряд из трех десятков человек во главе с майором Сэмюэлом Смитом, сэром Томасом Уэтстоном и капитаном Стэнли. Майор Смит должен был исполнять обязанности губернатора острова.

Тем временем Эдварт Мансфелт, выйдя в море, был захвачен кубинским военным кораблем, доставлен в Гавану и там, по слухам, казнен.

10 (20) ноября 1666 года английский король Карл II назначил на пост вице-губернатора Провиденса сэра Джеймса Модифорда — брата губернатора Ямайки. Но к тому времени испанская карательная экспедиция уже успела выбить англичан с Провиденса и реокупировать остров.

Штурм отрядом Генри Моргана фортов Пуэрто-Бельо

В июне 1668 года «генерал» флибустьеров Ямайки Генри Морган, имея под своим началом всего 460 человек, решил совершить нападение на один из самых укрепленных портовых городов Панамского перешейка — Пуэрто-Бельо. Этот город, лежащий в глубине одноименной бухты, был одним из ключевых пунктов в системе испанских коммуникаций, по которым перуанское серебро транспортировалось из Америки в Европу. До Моргана напасть на Пуэрто-Бельо отважился лишь один корсар — английский капитан Уильям Паркер, захвативший и ограбивший его в 1601 году.

Из отчета самого Моргана известно, что в подготовленном им походе участвовали девять вожаков флибустьеров: полковник Генри Морган, адмирал; капитан Томас Солтер, вице-адмирал; капитан Эдвард Коллир; капитан Томас Кларк; капитан Джон Моррис-старший; капитан Джон Моррис-младший; капитан Джон Анселл; капитан Жан Дюгла и капитан Рудольф Курт. Жан Дюгла (он же — Дисон Дуглас, Жан Доглар) в письме, отправленном позже в Гавр и перехваченном испанскими шпионами, приводит свой список восьми вожаков. «Командирами экспедиции, — сообщает он, — были Генри Морган,

главнокомандующий; Джон Доглар, Джулиан Джон Солтер, Энох Кларк, капитан Рудольф Курт, Колли эр, Джон Джеймс и Морис».

Наиболее полно данный поход описан в книге Эксквемелина, однако сведения из других источников вносят в его рассказ существенные коррективы. «Когда... все было готово, он [Морган]... взял курс к материку и несколько дней спустя подошел к побережью Коста-Рики, — пишет Эксквемелин. — Когда местность была точно опознана, Морган решил совершить нападение на испанцев и сообщил об этом своим людям По его мнению, в первую очередь следовало захватить и разграбить Пуэрто-Бельо. При этом он заметил, что сделать это совсем нетрудно: ведь на берегу никто не догадывается об их прибытии. Ему возразили, что вылазка вряд ли удастся, потому что сил для нее явно в обрез. Но Морган ответил: «Чем нас меньше, тем больше достанется на каждого». И, выслушав это, все немедленно разошлись по своим местам».

Описывая Пуэрто-Бельо, Эксквемелин отметил, что «после Гаваны и Картахены этот город, пожалуй, самый значительный из всех городов, заложенных испанским королем в Западных Индиях. Он защищен двумя крепостями, которые расположены у самого входа в гавань и могут отразить атаку любого корабля. В них всегда постоянный сильный гарнизон — триста солдат. В городе около четырехсот коренных жителей, кроме того, там живут и купцы, дожидаясь, пока нагрузят их корабли. Однако почва в этих местах постоянно выделяет испарения, и поэтому климат не очень-то здоровый, и купцы охотнее живут в Панаме, хотя их склады находятся в Пуэрто-Бельо, и там работают их служащие. Из Панамы на мулах туда привозят серебро к прибытию испанских галеонов и кораблей, доставляющих негров».

В рассматриваемую эпоху в городе насчитывалось около 150 домов, имелись две церкви, больница, склады и большие конюшни.

Хотя автор «Пиратов Америки» упоминает лишь о двух крепостях, в действительности в Пуэрто-Бельо и его окрестностях были возведены три крепости. На входе в бухту, с левой стороны, стоял форт Сан-Фелипе, вооруженный 12 пушками; гарнизон его, согласно штатному расписанию, должен был насчитывать около 100 солдат. На правой стороне бухты, на подступах к северной окраине Пуэрто-Бельо, находился форт Сантьяго-де-ла-Глория, вооруженный

32 пушками; его должны были охранять 200 человек. Этот форт держал под обстрелом гавань и прикрывал дорогу, ведущую в город. Наконец, на островке, соединенном узким перешейком с южной окраиной, испанцы возвели, но окончательно не достроили малый форт, называвшийся Сан-Херонимо. Летом 1668 года гарнизоны указанных фортов были недоукомплектованы: в Сан-Фелипе вместо 100 солдат насчитывалось лишь 50, в Сантьяго вместо 200 было 75, в Сан-Херонимо — лишь 8 солдат.

В ночь перед нападением флибустьеров часть солдат ночевала не в крепостях, а в городе. Хотя защитники Пуэрто-Бельо располагали достаточным количеством мушкетов и пистолетов, пушки в фортах были плохо обеспечены боеприпасами; кроме того, не хватало опытных артиллеристов и grenадеров.

«Морган хорошо знал эти места, — продолжает свое повествование Эксквемелин. — Вечером он подошел к Пуэрто-де-Наос, примерно в десяти милях западнее Пуэрто-Бельо, и той же ночью, держась берега, вышел к Пуэрто-дель-Понтин, лежащему в четырех милях от города. Там он отдал якоря и посадил отряд в каноэ и гребные лодки; на борту Морган оставил только необходимую охрану, нужную лишь для того, чтобы затем ввести корабли в гавань».

Согласно данным П. Эрла и Д. Марли, пираты пересели с кораблей в 23 каноэ в лагуне Бокас-дель-Торо (западная окраина Панамского перешейка) и двинулись вдоль побережья в восточном направлении; это случилось за четыре дня до нападения на Пуэрто-Бельо. Ночью они скрытно прошли мимо крепости Сан-Лоренсо-де-Чагрес (располагавшейся в устье реки Чагрес). Один из кораблей следовал за ними, держась мористее. Испанцы в конце концов заметили этот парусник, однако не проявили особой тревоги, легкомысленно решив, что от него не может исходить угрозы прибрежным гаваням. Между тем флибустьеры захватили в плен какого-то рыбака, принудив его служить им в качестве проводника. Вечером 10 июля каноэ достигли острова Наранха (Апельсиновый остров), в районе которого находился сторожевой пост испанцев; именно здесь, примерно в трех милях от города, Морган и решил произвести высадку.

«К полуночи пираты добрались до местечка Эстера Лонга Лемос, — излагает свою версию Эксквемелин, — и там высадились.

Оттуда они двинулись к первым форпостам города. Их вел англичанин, который уже бывал в этих местах в плену и знал все дороги. Англичанин пошел вперед, прихватив с собой еще трех или четырех пиратов. Они двигались совершенно бесшумно, тихо сняли часового и доставили его к Моргану. Морган стал допытываться, в какую пору в городе встают и какие силы у защитников. Часовой на эти вопросы ответил. Пираты заставили его пойти во главе отряда и пригрозили, что прирежут его, если выяснится, что он хоть в чем-нибудь соврал. Спустя четверть часа отряд наткнулся на редут. Пираты заняли его, не потеряв ни одного человека. Перед штурмом Морган заявил испанцам, что, если они не сдадут редута, пощады им не будет. Но испанцы решили сражаться и открыть стрельбу, хотя бы затем, чтобы их слышали в городе и подняли там тревогу. Редут взяли довольно быстро — пираты подорвали его вместе со всеми защитниками. Затем пираты отправились прямо к городу. Большинство жителей еще спало... Как только пираты вошли в город, все, кто был на ногах, принялись собирать свое имущество и прятать его в ямах. Испанцы еще надеялись задержать пиратов; часть из них отправилась к крепости [Сантьяго], а другие к монастырям, беря с собой всех попадавшихся по пути».

Согласно новейшим данным, когда флибустьеры высаживались на берег в районе сторожевого поста, их судно, сопровождавшее флотилию каноэ, было замечено с испанской лодки. Заподозрив неладное, испанцы устремились к городу, чтобы поднять там тревогу. Налетчики постарались их опередить. Захватив на дозорной вышке часового, они связали ему руки и заставили провести их к Пуэрто-Бельо кратчайшим путем. На заре 11 июля они достигли форта Сантьяго-де-ла-Глория. Проводник заверил пиратов, что крепость находится в плачевном состоянии и не сможет помешать им пройти в город. Действительно, когда отряд двинулся мимо этого укрепления, оттуда раздался лишь один пушечный выстрел; ядро пролетело над головами флибустьеров, никого не задев.

Ворвавшись в Пуэрто-Бельо, разбойники начали стрелять из рркей и пистолетов в любого, кто попадался им на пути. Жители города, разбуженные выстрелом из пушки и тревожным звоном церковных колоколов, бросились в окрестные леса, где надеялись укрыться от разбойников и спасти наиболее ценное имущество.

Часть солдат гарнизона и ополченцев спешно прибыла в крепость Сантьяго, надеясь создать там центр сопротивления захватчикам. Однако действия их были парализованы снайперами, которых Морган предусмотрительно разместил на вершине горы, возвышавшейся над городом и крепостью.

Горстка испанских солдат укрылась в недостроенном форте Сан-Херонимо, окруженном со всех сторон водой. Несколько английских заключенных, использовавшихся на строительстве этого укрепления, сумели вырваться на свободу и сообщить пиратам, что полоса воды, отделяющая островной форт от берега, имеет весьма малую глубину, и ее легко преодолеть вброд. Воспользовавшись полученной информацией, флибустьеры решительно двинулись к воротам форта и принудили его немногочисленных защитников сложить оружие. Над Сан-Херонимо был поднят английский флаг, а пленных солдат тут же отвели под конвоем в одну из церквей (туда же сгоняли пойманных горожан).

После этой победы Морган решил вплотную заняться крепостью Сантьяго. Он отправил дополнительные силы на вершину горы, доминировавшей над указанным укреплением, а часть стрелков разместил в домах, находившихся возле церкви.

По данным Т. Бреввертона, перед штурмом городских фортификаций Морган обещал выплатить специальные премии тем пиратам, которые особо отличатся в бою. Первый, кто сможет проникнуть во вражеский форт, должен был получить сверх своей доли еще 20 ф. ст.; столько же было обещано тому, кто первым водрузит над испанской крепостью английский флаг; 10 ф. ст. обещали выплатить любому, кто сможет приставить переносную лестницу к стене форта.

Дальнейший ход операции у Эксквемелина описан красочно, но сумбурно. Автор явно смешал события, которые имели место при захвате пиратами крепости Сантьяго и форта Сан-Фелипе, находившегося на противоположном берегу бухты. «Губернатор... прибыл в крепость и приказал открыть по противнику сильный огонь, однако пираты не медлили, — сообщает Эксквемелин. — Они осмотрелись и бросились на укрепления, где стояли пушки; пока испанцы заряжали их, семь или восемь солдат уже пали замертво. Бой длился с раннего утра до полудня, но пираты никак не могли захватить

крепость. Их корабли стояли перед входом в гавань, и тех, кто вздумал бы бежать морем, встретила бы мощная стена огня. Огонь обрушился на крепость с обеих сторон. И стоило пиратам подойти к стенам поближе, как испанцы тут же обратили их в бегство. Они сбросили пятьдесят горшков с порохом, кидали большие камни и причиняли врагу большой ущерб. Морган и его товарищи пали было духом. Но вдруг над малой крепостью они увидели английский флаг и с возгласом «Победа!» валом кинулись на штурм. Выиграв бой, Морган снова возгорелся отвагой и отправился в город, чтобы изыскать способ для захвата малого форта. Он приказал доставить знатнейших жителей города и прихватить из церковной сокровищницы серебро, золото и разные драгоценности, а затем отдал распоряжение сколотить лестницы, по которым один за другим могли бы подняться сразу четыре человека. Морган приказал группе монахов и женщин отнести лестницы к крепости и прислонить их к стенам. Он уже грозил губернатору, что заставит монахов штурмовать крепость, но губернатор не пожелал ее сдать; пока я жив, сказал он, крепость сдана не будет. Поэтому Морган и в самом деле заставил монахов, священников и женщин приставить лестницы к стене; он полагал, что губернатор не станет стрелять в своих людей. Однако губернатор гцадил их не больше, чем пиратов. Монахи именем господа и всех святых взмолились, чтобы губернатор сдал крепость и сохранил им жизнь, но никто не внимал их мольбам. Беднягам пришлось поставить лестницы, а затем пираты влезли на них с ручными гранатами и горшками с порохом, но встретили не менее яростное сопротивление. Однако они не пали духом. Часть пиратов подожгла крепостные ворота, а остальные столь же проворно забрались наверх. Испанцы увидели, какие силы надвигаются на них, и решили бежать. В крепости остался только губернатор, который, отчаявшись, стал истреблять своих же людей, словно врагов. Пираты предложили ему сдаться, однако он ответил; «De ninguna manera; porque mas valle morir coto soldado honrado, que ser ahorcado coto cobarde» (Никогда! Лучше умереть как храброму солдату, нежели быть повешенным как трусу). Пираты решили взять его в плен, но им это не удалось, и губернатора пришлось убить. Его жена и дочь, которые были в крепости, просили пиратов пощадить их мужа и отца, но просьбы эти оказались тщетными».

П. Эрл в своем исследовании о деяниях Моргана писал, что после захвата форта Сан-Херонимо флибустьеры штурмовали крепость Сантьяго, а затем — форт Сан-Фелипе. Именно во время штурма укреплений Сантьяго адмирал флибустьеров решил *использовать пленных в качестве «живого щита»*. Этот «живой щит» был образован из нескольких знатных горожан, включая главного алькальда Пуэрто-Бельо, нескольких монахов и монахинь, а также стариков и старух. Прячась за их спинами, пираты двинулись к стенам крепости с разных сторон. Одна пушка все же выстрелила, ранив двух монахов и убив одного флибустьера. Остальные разбойники, благополучно достигнув крепостных стен, пошли на штурм двумя отдельными группами: пока одна набросилась с топорами на ворота, вторая с другой стороны приставила к стенам переносные лестницы. Бой был отчаянным, но к 10 часам испанская цитадель пала. Примерно 45 ее защитников было убито, а среди попавших в плен большинство было ранено. Офицер, командовавший пушкарями, не вынес позора поражения и предпочел быть убитым один из пиратов застрелил его из пистолета.

Итак, Морган овладел городом и крепостью Сантьяго, но его флотилия не могла войти в бухту, пока испанцы удерживали под своим контролем форт Сан-Фелипе. Хотя в этом укреплении не было запасов продовольствия, его комендант Алехандро Мануэль Пау-и-Рокаберти и полсотни находившихся под его командованием солдат решили не сдаваться. На следующее утро около 200 флибустьеров пересекли бухту на каноэ и, высадившись в окрестностях форта, приготовились к штурму. Несколько человек, прикрываемые снайперами, подобрались к воротам укрепления и попытались их поджечь. Это так напугало молодого коменданта, что он запаниковал и пригласил капитанов флибустьеров в форт обсудить условия почетной сдачи, чем весьма удивил своих подчиненных. На переговорах сошлись на том, что солдатам гарнизона будет позволено уйти в Панаму, взяв с собой шпаги и сабли. Комендант Пау стал пленником пиратов, но в ту же ночь, проклиная себя за проявленное малодушие, принял яд.

«Когда крепость пала — это случилось уже под вечер, — все пленники были доставлены в особые здания: мужчины в одни, женщины в другие, — пишет Эксквемелин. — Пираты выделили караул для их охраны, а затем перенесли своих раненых в дом, стоявший поблизости. Когда все было кончено, пираты принялись пить

и развлекаться с женщинами. В эту ночь полсотни отважных людей могли бы переломать шеи всем разбойникам».

На следующий день, как обычно, флибустьеры отправились грабить дома. От пленных они узнали о самых зажиточных жителях города и, схватив богачей, начали пытать у них, где те прячут свои сокровища.

14 июля Морган написал письмо президенту аудиенсии Панамы дону Агустину де Бракамонте, потребовав от него выкуп за город и крепости в размере 350 тыс песо. Узнав о нападении флибустьеров на Пуэрто-Бельо, президент срочно собрал отряд из 800 ополченцев и двинулся с ним через перешеек к карибскому побережью.

«Об этом сказали пиратам пленники, — продолжает свой рассказ Эксквемелин. — Но пираты не слишком тревожились; правда, они держались неподалеку от кораблей, и, если бы сила оказалась не на их стороне, готовы были тотчас же поджечь город и уйти в море. Спустя четырнадцать дней многих стала косить эпидемия, от трупов шло зловоние; кое-кто пострадал от распутства — вина и женщин. Большинство раненых пиратов погибло. Погибло много и испанцев, однако не от обжорства, а от голода и горя: ведь если в былые времена начинали они день чашкой шоколада, то теперь считали за счастье поживиться кусочком хлеба или обрезком ослятины.

Между тем у Моргана все было готово для выхода в море. На корабли погрузили добычу и все припасы; кроме того, через пленников Морган сообщил, что требует выкупа за город: иначе он предаст все дома огню и сравняет крепость с землей. Желая дать возможность испанцам собрать деньги, он отпустил двух человек и потребовал от них, чтобы они ему доставили сто тысяч пиастров. Эти испанцы добрались до президента Панамы и сообщили ему все, что произошло в Пуэрто-Бельо.

Президент собрал людей и подошел к окрестностям Пуэрто-Бельо (15 июля. — В. Г.). Пираты, стоящие в дозоре, почуяли, откуда дует ветер, и, выбрав момент, когда испанцы были в теснине, бросили на них хорошо вооруженный отряд в сто человек. Пираты перебили множество испанцев и вернулись в крепость. Президент Панамы предупредил Моргана, что если он сейчас же не покинет крепость, то испанцы нападут на них и никого не пощадят. Однако Морган не ведал страха и всегда действовал наудачу. Он ответил, что до тех пор не

покинет крепость, пока не получит выкупа. Если же он вынужден будет уйти, то сравняет крепость с землей и перебьет всех пленников. Губернатор Панама никак не мог придумать, как же сломить разбойников, и в конце концов бросил жителей Пуэрто-Бельо на произвол судьбы...»

Согласно легенде, которую приводят в своих сочинениях Эксквемелин и Шарлевуа, президент Панама не мог поверить, как это четыре сотни разбойников без артиллерии смогли взять, казалось бы, неприступный город. Он послал к пиратскому вожаку парламентаря с просьбой рассказать, каким образом ему удалось захватить столь сильное укрепление. Морган встретил посланца очень приветливо, передал ему «французское ружье длиной в четыре с половиной фута, стреляющее пулями весом шестнадцать штук на фунт, а также патронташ с тридцатью зарядами, также французский, и прочие принадлежности. Вручив подарки, Морган передал через этого гонца президенту, что дарит ему ружье и что через год или два сам придет в Панаму. Президент в ответ послал Моргану подарок: золотое кольцо со смарагдом; он поблагодарил Моргана и передал, что с Панамой ему не удастся проделать то же самое, что с Пуэрто-Бельо, даже если Моргану удастся подойти к городу».

Через два с половиной года Морган сдержит свое обещание и нагрянет в Панаму.

Бракамонте отдал приказ об отступлении 24 июля, когда получил сообщение о том, что захват Пуэрто-Бельо был лишь отвлекающим маневром, с помощью которого англичане хотели выманить его из Панама и, таким образом, оставить вверенный ему город беззащитным перед вторжением французов. Сообщение, конечно же, было ложным, и сейчас невозможно точно сказать, кто придумал его — Морган или сам Бракамонте (которому нужно было найти причину, по которой он отказался от дальнейших боевых действий и позорно отступил). Уходя, президент Панама поручил одному из своих офицеров продолжить переговоры с Морганом о выкупе. В итоге стороны сошлись на сумме в 100 тыс песо. В начале августа испанцы доставили на мулах 27 слитков серебра стоимостью 43 тыс песо, серебряную посуду стоимостью 13 тыс песо и 44 тыс песо в золотых и серебряных монетах.

Погрузив на суда деньги, сокровища, ценные товары, трофейные пушки и продовольствие, флибустьеры отпустили пленных, подняли паруса и отправились к островам Хардинес-де-ла-Рейна. Там, по утверждению Эксквемелина, они разделили добычу. По его оценке, она «составила двести пятьдесят тысяч пиастров золотом, драгоценностями и серебряными изделиями, а сверх того, взято было много холста, шелков и других товаров» (по данным Шарлевуа, добыча оценивалась в 260 тыс пиастров). Затем флотилия направилась в сторону Ямайки.

По данным Модифорда, после грабежа Пуэрто-Бельо участники похода получили по 60 ф. ст., но это была «официальная» цифра; в действительности добыча была более солидной. По данным испанского посла в Лондоне, «доля каждого солдата составила 600 (унций) или 80 фунтов в полкроновых унциях, откуда можно представить, сколько досталось офицерам, губернатору и их доверенным лицам». Свою долю получили губернатор Ямайки и инвесторы экспедиции.

Нападение Роберта Сирла на Сан-Аугустин

Пока одна часть флибустьеров Ямайки во главе с Морганом была втянута в операции на Панамском перешейке, другие пираты совершили поход во Флориду, где овладели городом Сан-Аугустин (совр. Сент-Огастин). Экспедицию возглавлял капитан Роберт Сирл.

Сложность нападения на город Сан-Аугустин с моря заключалась, прежде всего, в том, что подходы к нему прикрывает вытянувшийся вдоль побережья остров Анастасия. Северный проход — пролив Сан-Аугустин, — расположенный между длинной косой и северной оконечностью острова Анастасия, ведет в главную гавань и устье реки Матансас. На южной стороне Анастасии имеется еще один узкий пролив, связывающий море с рекой Матансас. На острове находилась сторожевая вышка, поэтому проникнуть незамеченным во внутреннюю гавань Сан-Аугустина ни через северный, ни через южный проходы было практически невозможно. Для достижения успеха пиратам следовало придумать какую-то хитрость, с помощью которой им удалось бы обмануть бдительность испанской стражи.

В мае 1668 года жители Сан-Аугустина ожидали прибытия грузового судна с мукой из Веракруса. Утром 28-го числа дозорные, дежурившие на острове Анастасия, увидели идущий со стороны моря парусник и подняли тревогу. Бой барабана призвал гарнизон города — примерно 120 солдат — к оружию. Тем временем неизвестное судно приблизилось и стало на якорь в двух лигах от входа в пролив Сан-Аугустин.

Портовый лоцман вышел на своей лодке, чтобы выяснить принадлежность прибывшего судна и ввести его в залив. Когда лодка приблизилась к судну, команда последнего выстроилась вдоль борта и приветствовала лоцмана. Но едва он и сопровождавшие его люди поднялись на борт, их тут же захватили в плен английские пираты. Как оказалось, капитан Сирл перехватил судно из Веракруса недалеко от Гаваны и использовал его, чтобы обмануть жителей Сан-Аугустина. Завидев лодку лоцмана, флибустьеры вынудили команду приза выстроиться у борта и дать понять, что на борту все нормально.

В тот же день горожане увидели, как лодка лоцмана не спеша делает промеры глубины в проливе — обычная процедура перед заводом корабля в гавань. Это уменьшило их беспокойство, вызванное появлением подозрительного судна. Парусник, однако, оставался на якоре даже тогда, когда течение и ветер благоприятствовали его входу в залив. Губернатор Флориды дон Франсиско де ла Герра позже утверждал, что был введен в заблуждение двумя пушечными выстрелами с судна — это был ранее оговоренный «пароль».

Приблизительно в 9 часов вечера была поднята вторая тревога. Стража Матансаса, дозорной вышки на южном входе в залив Матансас, расположенном в 14 милях к югу от Сан-Аугустина, увидела еще одно небольшое судно, приближающееся к побережью. Некоторые жители узнали в нем фрегат, ушедший в Гавану 8 апреля и возвращения которого ожидали со дня надень. Они не подозревали, что Сирл захватил это судно близ Гаваны, и большая часть пиратов теперь находилась на нем. Кстати, на его борту англичане обнаружили французского хирурга Пьера Пике, которого губернатор выгнал из города, не заплатив жалованья. Обиженный француз охотно поделился с Сирлом подробной информацией о фортификациях и силах гарнизона Сан-Аугустина.

Похожесть двух ожидаемых судов и двух судов, появившихся у острова Анастасия, убедила губернатора, что они были испанскими. Поэтому он велел солдатам гарнизона оставить свои мушкеты в главной гауптвахте, в четверти мили от форта, и идти домой спать.

Когда темнота сгустилась, больше сотни флибустьеров сели в лодку лоцмана, в шлюпку судна из Веракруса и в две большие пироги, которые они буксировали позади своих судов. Они вынудили лоцмана провести их через отмель в реку Матансас, планируя затем двинуться вдоль берега к устью реки Сан-Себастьян и подняться по ней к необитаемой стороне города. Оттуда разбойники собирались напасть на правительственную резиденцию — место жительства королевского губернатора, а на рассвете захватить крепость.

Приблизительно в час ночи 29 мая капрал Мигель де Монсон, сидя в лодке, ловил рыбу на реке Матансас, вероятно, к югу от городской площади. Он услышал приглушенный плеск весел и стал тут же грести к городскому причалу, чтобы сообщить об этом случае. Пираты, которые уже прошли четверть мили вдоль берега острова Анастасии, должно быть, увидели или услышали его. Они погнались за ним и дважды выстрелили в него, когда он достиг берега. Несмотря на полученные раны, Монсон прокричал запоздалое предупреждение и сумел доковылять до форта. Тем временем пираты стали высаживаться на берег.

Горожане были застигнуты врасплох. С криками и проклятиями отряды головорезов рассеялись по узким улицам, стреляя в испуганных, полуголых жителей, когда те выскакивали из своих домов. Королевский бухгалтер Хуан Менендес Маркес и его брат Антонио со всех ног бросились к гауптвахте. Вскоре после того, как они оставили свой дом, флибустьеры ворвались туда и захватили в заложники их семью. Братья Маркес нашли гауптвахту ограбленной и покинутой. Тогда они поспешили к правительственной резиденции, но и там никого не застали. Братья решили, что им следует искать помощи в крепости. Когда они бежали к частоколу с десятком других людей, присоединившихся к ним, пираты заметили их и обстреляли.

Сержант-майор Николас Понсе де Леон-младший, комендант гарнизона, находился в это время дома, страдая от кожной болезни. Проснувшись от криков и грохота выстрелов, он помчался к гауптвахте, однако нашел ее ограбленной. Собрав 130 мужчин,

женщин и детей, включая 70 невооруженных солдат, сержант-майор отвел их в безопасное место в лесу, находившееся в лиге от города. Тем временем стрельба заставила капитана Энрико Примо де Риверу, безработного ветерана, оставить свою беременную жену в доме ее родителей и поспешить к крепости, чтобы там записаться в добровольцы.

В церкви священник Франсиско де Сотолонго уничтожил изображение Святого Спасителя, желая таким образом предотвратить возможное осквернение его еретиками. Он решил добровольно стать пленником пиратов, чтобы иметь возможность заботиться о захваченных женщинах и девушках.

Эстефания де Сигарроа, дочь майора Сальвадора де Сигарроа (находившегося тогда в Мексике), выбежала из дома со своей младшей сестрой на руках. Пуля пирата убила ребенка и ранила Эстефанию в грудь.

После высадки на берег другой отряд налетчиков устремился прямо к гауптвахте. Немногочисленная городская охрана, размещенная там, спешно отступила к форту. Флибустьеры задержались на гауптвахте, чтобы ограбить ее и вывести из строя оружие, оставленное там днем ранее, а затем пересекли северный конец площади, двинувшись в сторону правительственной резиденции.

Губернатор, разбуженный шумом, выглянул в окно, увидел, что пираты приблизились к правительственной резиденции, и стал спускаться по лестнице вниз. Град пуль сразил его секретаря Мигеля Алонсо де Охеду и вынудил губернатора отступить в дом.

Он все же смог убежать через потайную дверь и, преследуемый флибустьерами, благополучно достиг частокола форта.

Уволенный в запас адъютант Исидро де Рейносо в ту ночь нес сторожевую службу в крепости. Услышав шум, вызванный высадкой флибустьеров на берег, Рейносо уведомил об этом лейтенанта форта, капитана Матео Пачеко Сальгадо, который немедленно привел в боевую готовность весь гарнизон. Ворота частокола открылись, чтобы впустить городскую стражу из гауптвахты, бухгалтера Менендеса, его брата и горстку жителей. Менендес, будучи королевским чиновником, приказал, чтобы пороховой склад был открыт, а боеприпасы распределены среди солдат. Именно тогда губернатор де ла Герра

прибыл в форт и взял под свое командование три десятка солдат и ополченцев.

Прежде чем пушки испанцев были заряжены, люди Сирла напали на крепость. В течение полутора часов они неоднократно пытались штурмовать стены, но были отбиты огнем из мушкетов. Во время сражения один из пороховых бочонков защитников взорвался, обжегши руки и ноги адъютанта Рейносо. *Целясь в темноте по пылающим ружейным фитилям*, которые имел при себе каждый испанский мушкетер, пираты смогли убить пятерых защитников и ранить еще столько же. Однако овладеть крепостью англичане так и не смогли; они ушли, потеряв одиннадцать человек убитыми и девятнадцать ранеными.

На рассвете 29 мая еще семь солдат смогли пробраться в форт. Следом за ними пришли майор Понсе и 70 безоружных мужчин. Утром к судну из Веракруса присоединились два корабля — захваченный фрегат из Сан-Аугустина и судно Сирла «Кагуэй». Все три парусника прошли в гавань под огнем орудий форта и бросили якорь за пределами огня испанцев.

Тем временем налетчики, находившиеся на берегу, вернулись к грабежу Сан-Аугустина В здании Казначейства они нашли 138 марок серебра, которые были спасены с галеона «Нуэстра Сеньора де лас Маравильяо, затонувшего в Багамском проливе в 1656 году с 5 млн песо на борту. С королевских складов грабители забрали 760 ярдов парусины — готовый грот, фок, грот-топсель фрегата и грот-топсель баркаса — и 25 фунтов восковых свечей, предназначавшихся для мессы.

Приходская церковь и часовня женского францисканского монастыря лишились своих украшений, замена которых позже обошлась испанцам в 2066 песо. Был ограблен и госпиталь. Все дома в городе были тщательно обысканы, причем в одном из них нашли английского доктора; им оказался Генри Вудвард из Чарлстона (Южная Каролина). Вудвард, собиравший, по всей видимости, разведывательную информацию об испанских силах во Флориде, охотно присоединился к флибустьерам.

Награбленную добычу погрузили на борт «Кагуэя» и призового судна из Веракруса. Когда грабеж подходил к концу, пираты схватили

королевского казначея Хосе де Прадо, прятавшегося в своем доме. В плен также попали некоторые местные креолы и метисы.

Днем 29 мая губернатор приказал предпринять вылазку, чтобы выбить англичан из города. Он поручил капитану артиллерии Николасу Эстевесу де Карменатису осуществлять общее руководство двумя отрядами численностью по 25 человек в каждом (одним командовал адъютант Франсиско Руис Канисарес-и-Осорио, а вторым — знаменосец Диего Диас Мехия). Между тремя и четырьмя часами пополудни Эстевес вышел из-за частокола, не подозревая, что на берегу оставалось лишь 40 пиратов. Солдаты были напуганы и шли неохотно, без энтузиазма. Флибустьеры открыли по ним огонь из мушкетов, ранив как Канисареса, так и Диаса.

Приблизительно в девять часов вечера последние три десятка пиратов покинули берег, направившись к своим судам. В городе они оставили горящие дома и шестьдесят трупов.

30 мая капитан Сирл прислал дону Франсиско письмо, предлагая ему выкупить пленников — приблизительно 70 мужчин, женщин и детей — в обмен на воду, мясо и дрова. Губернатор принял эти условия, но взамен попросил освободить часть пленных и отдать жителям немного муки. В тот же день все женщины были освобождены.

Выкуп был уплачен в течение следующих шести дней. 5 июня казначей, священник, лоцман, команды судна из Веракруса и фрегата из Сан-Аугустина, а также другие пленники благополучно вернулись на берег. Правда, в последнюю минуту Сирл отказался отпустить туземцев, негров и метисов, объяснив отцу Сотолонго, что каперское свидетельство от губернатора Ямайки разрешало ему продавать в рабство любого, кто не был кровным испанцем. Сирл, конечно же, лукавил. Сэр Томас Модифорд аннулировал все антииспанские каперские свидетельства еще в июне 1667 года и, следовательно, набег на Сан-Аугустин был актом пиратства, а не каперской операцией.

Флибустьеры покинули залив Матансас под грохот пушек из старой деревянной крепости; ядра, однако, не долетели до их кораблей, плюхнувшись в воду.

Набеги Моргана на Маракайбо и Гибраятар

Через три года после разграбления Маракайбо и Гибралтара французскими флибустьерами под предводительством Олоне указанные города снова стали объектом пиратского нападения. На этот раз удар по ним нанесли английские флибустьеры с Ямайки, во главе флотилии которых стоял Генри Морган.

В начале 1669 года, когда пираты собрались на рандеву у острова Ваш, ими планировался поход на город-крепость Картахену в Новой Гранаде. Однако из-за взрыва флагманского фрегата «Оксфорд» Морган и его компаньоны склонны были отказаться от первоначального замысла. Вместо Картахены предлагалось захватить и ограбить несколько городов на побережье Венесуэлы.

«Морган, — рассказывает Эксквемелин, — остался верен принятому решению: на острове Савоне [Саоне] он должен был собрать совет, чтобы выяснить, куда же держать путь. Так как он сам назначил этот остров для встречи, то пошел к нему под всеми парусами с оставшимися пятнадцатью кораблями. Он командовал самым крупным кораблем (судном «Лилли», шкипером которого был Ричард Норман. — В. Г.), на котором было четырнадцать пушек. Команды всех пятнадцати кораблей в общей сложности насчитывали девятьсот шестьдесят человек. Через несколько дней пираты подошли к мысу Кабо-де-Лобос, лежащему на южном побережье Эспаньолы... Тут поднялся сильный восточный ветер, и бушевал он целых три недели... Наконец они все-таки добрались до места. В семи или восьми милях от рейда они заметили еще один корабль. Это был англичанин, шедший прямо из Англии. Несколько кораблей отделились от флотилии и направились навстречу, надеясь что-либо купить на этом судне. Морган же следовал своим курсом и назначил местом встречи залив Окоа, где обещал подождать отставшие корабли».

Спустя два дня адмирал достиг указанного залива и стал там на якорь. Не дождавшись отставших кораблей, он приказал остальным судам идти на рандеву к острову Саона. Через некоторое время, убедившись, что отбившиеся от флотилии корабли не придут, Морган провел смотр всех наличных сил. Выяснилось, что на каждом из восьми кораблей насчитывается примерно по 50 человек. Напасть с такими мизерными силами на Картахену было бы форменным безумием, поэтому, посоветовавшись с французским капитаном Пьером Пикаром, который участвовал в походе 1666 года на Маракайбо,

Морган изменил первоначальный план и решил повторить «подвиг» Олоне. Его решение поддержали капитаны Адам Брюэр, Джефффри Пеннант, Джон Моррис, Ричард Норман, Эдвард Демпстер и Ричард Добсон.

Корабли пересекли Карибское море с севера на юг и, миновав остров Кюрасао, подошли к Арубе. Здесь экипажи выторговали у местных индейцев овец и коз, затем, после двухдневной стоянки, под покровом ночи тихо снялись с якорей. На другой день в полдень флотилия вошла в Венесуэльский залив. Чтобы испанские дозорные их не обнаружили раньше времени, суда остановились на значительном удалении от сторожевой башни, а вечером продолжили путь. На рассвете 9 марта они подошли к форту Ла-Барра, располагавшемуся у входа в лагуну Маракайбо.

Со времени набега Олоне испанцы успели построить здесь новые укрепления, установив на них 11 пушек. Однако гарнизон форта насчитывал лишь восемь солдат во главе с офицером.

Мелководье не позволило пиратам подвести суда к берегу, и они спустили на воду шлюпки и каноэ. Заметив приближение неприятеля, испанцы открыли по нему огонь из пушек. Поскольку Морган не знал, сколь малочисленны силы защитников форта, он не решился бросить своих людей на штурм, ограничившись осадой Ла-Барры. В ту же ночь, взорвав часть укреплений, испанские солдаты убежали в город.

По словам Эксквемелина, заняв форт, флибустьеры «очень удивились, никого не обнаружив в столь укрепленном месте. Они подбежали к погребу, еще полному порохом, и увидели, что огонь от зажженных фитилей подбирается по пороховым дорожкам и горит на расстоянии дюйма от большой кучи пороха. Так что промедли они хоть одно мгновение — и крепость взлетела бы на воздух вместе с теми, кто ее захватил. Морган приказал немедленно вытащить порох из крепости и подорвать крепостные стены, а все пушки бросить в кучу. В крепости было шестнадцать пушек, стрелявших восьми-, двенадцати- и двадцатичетырехфунтовыми ядрами, шестьдесят мушкетов и боевых припасов в должной пропорции. Пушки были сброшены со стен, а лафеты сожжены».

На рассвете следующего дня флибустьеры переправили на адмиральский корабль несколько трофейных пушек и бочонков пороха. Остальные пушки они просто заклепали и зарыли на пляже. Вслед за

этим, погрузившись на малые суда и каноэ, основные силы корсаров двинулись через мелководье к Маракайбо.

Спустя сутки, не встретив ни малейшего сопротивления, они вступили в покинутый жителями и солдатами город. Обыск домов показал, что в них остались только немощные старики и старухи, не успевшие или не пожелавшие уйти в лес. Убедившись, что в городе им никто не угрожает, флибустьеры разместились в богатых особняках на главной площади, а в кафедральном соборе устроили гауптвахту.

«В тот день, когда пираты вошли в город, сотня этих разбойников решила отправиться за добычей и пленниками, — продолжает свое повествование Эксквемелин. — На следующий вечер они вернулись, ведя за собой пятьдесят мулов, навьюченных добром, и около тридцати пленных: были среди них и мужчины, и женщины, и дети, и рабы. Как обычно, их стали терзать, пытаясь узнать, куда скрылось население города. Одних просто истязали и били; другим устраивали пытки святого Андрея, загоня горящие фитили между пальцами рук и ног, третьим завязывали веревку вокруг шеи, так что глаза у них вылезали на лоб и становились словно куриные яйца. Кто вообще не желал говорить, того забивали до смерти... Пытки продолжались три недели. Одновременно пираты совершали ежедневные набеги в окрестности города и всегда приносили большую добычу... После того как пираты выявили сотню богатейших семейств Маракайбо и разграбили все их имущество, Морган решил отправиться в Гибралтар. Впопыхах снарядили корабли и доставили на них добычу и пленников; затем подняли якорь и взяли курс на Гибралтар... Несколько пленников высадили на берег и послали в Гибралтар, заставив их от имени Моргана потребовать сдачи города».

Когда флибустьеры подошли к Гибралтару, испанцы открыли по ним огонь из тяжелых пушек. Этот отпор лишь раззадорил англичан: они решили, что «там, где крепко защищаются, наверняка много добычи, ну а сахар всегда подсластит и кислую кашу».

О дальнейших событиях свидетельствует Эксквемелин:

«На следующий день, рано-рано утром, пираты сошли на берег и избрали не самый прямой и короткий путь, а по предложению одного француза, который уже бывал здесь и хорошо знал эти места, пошли по другой, лесной дороге; это давало им возможность напасть на Гибралтар с возвышенности и с тыла. Но часть пиратов все же

двинулась главным путем, чтобы у испанцев создалось впечатление, будто именно отсюда готовится на них удар. Однако такие предосторожности были ни к чему: испанцы хорошо помнили, что произошло два года назад при налете французов, и предпочли добровольно покинуть эти места, чтобы снова не подставлять свои шеи под топор. На дороге, по которой испанцы отходили, они соорудили несколько засад, чтобы задержать пиратов, если те за ними погонятся. Крепостные орудия испанцы заклепали, а порох увезли».

В Гибралтаре флибустьеры нашли лишь одного «придурковатого испанца». Он долго морочил разбойникам головы, рассказывая им о несуществующих несметных сокровищах. Не сумев добиться от него ничего путного, пираты подвергли его страшным пыткам, после чего убили. В тот же день, по данным Эксквемелина, партия пиратов привела какого-то бедняка с двумя дочерьми. На следующее утро разбойники «вышли с ним из города и потребовали привести туда, где прятались остальные; однако испанцы, заметив пиратов, тотчас же уходили дальше в лес; в лесу они жили в шалашах и прятали свое добро от дождя. Этот бедняга не мог найти ни одного человека; пираты же думали, что он их намеренно водит вокруг да около, и в ярости повесили его на дереве... Потом пираты разделились и принялись искать людей в окрестностях города, стараясь захватить их врасплох в тех местах, куда испанцы волей-неволей должны были приходить за какими-нибудь плодами и кореньями. Наконец удалось поймать одного негра; ему пообещали, что возьмут с собой на Ямайку, и, если добыча будет найдена, дадут ему столько денег, сколько он пожелает, а также оденут его в испанское платье. Негру все это пришлось по душе: он сразу же вывел пиратов туда, где скрывались испанцы. Как только пираты захватили несколько человек, они заставили негра убить одного из пленников... Пираты ходили с ним целых восемь дней и лишь затем вернулись в Гибралтар. Всех пленников, захваченных в пути, они принуждали за ними следовать, а награбленное добро везли на мулах. Под конец пираты набрали столько пленных, что не могли уже двигаться дальше; поэтому они решили вернуться в Гибралтар, куда и привели всех, кого им удалось захватить... Всех вместе их набралось двести пятьдесят человек».

В Гибралтаре грабежи и издевательства над пленными продолжились. Своих жертв пираты «привязывали к деревянному кресту и всовывали между пальцами рук и ног горящие фитили. Некоторых связывали, разводили огонь и совали в огонь ноги, предварительно намазав их салом, так что люди эти тотчас же вспыхивали; обожженных пленников затем бросали. Перерезав хозяев, принялись за рабов».

Один из африканских невольников согласился провести разбойников к выходу из лагуны, где стояли на якоре большой торговый корабль, прибывший с Кубы, и четыре барки, нагруженные товарами из Маракайбо. Сотня пиратов на двух небольших судах тут же отправилась к выходу из лагуны на поиски указанных судов. В это время другой раб согласился отвести флибустьеров в убежище, где скрывались губернатор, женщины и дети. Хотя Морган сам с отрядом из 350 человек бросился на поиски губернатора, поймать последнего не удалось.

Через две недели в Гибралтар вернулись суда, ходившие к устью лагуны; они привели с собой кубинский корабль и четыре барки с пленными, а также грузом полотна и шелка. В конце концов, проведя в опустошенном Гибралтаре пять недель, флибустьеры решили покинуть это поселение. Перед уходом они послали несколько пленников в лес, чтобы передать скрывавшимся горожанам требование о выкупе. Ответ испанцев был уклончивым* с одной стороны, они сказали, что у них нет денег, а с другой — попросили пиратов немного подождать, пока они попытаются собрать требуемую сумму.

Не желая больше терять время, Морган решил вернуться в Маракайбо. Забрав рабов и четырех заложников, а остальных отпустив за скромный выкуп, флибустьеры погрузились на свои суда и подняли паруса.

На выходе из лагуны пиратов поджидала испанская *армада де Барловенто*. О том, как Моргану удалось разгромить эту эскадру и вырваться из западни, рассказывалось выше — во второй части нашей книги.

Штурм отрядом Джозефа Брэдли крепости Сан-Лоренсо-де-Чагрес

В конце 1670 года начался беспрецедентный поход отряда Генри Моргана на Панаму, который проходил в несколько этапов. На первом этапе флот флибустьеров, насчитывавший 37 судов, захватил остров Санта-Каталина, на котором пираты нашли проводников. На втором этапе они должны были овладеть фортом Сан-Лоренсо-де-Чагрес, расположенным на Панамском перешейке и охранявшим вход в реку Чагрес. По этой реке можно было проникнуть в глубь перешейка, а затем по суше добраться до тихоокеанского побережья.

Посоветовавшись со своими командирами, Морган через пять дней после захвата Санта-Каталины отобрал 470 добровольцев и отправил их на борту четырех кораблей и одной барки на штурм упомянутого форта.

Морган не стал привлекать к захвату Сан-Лоренсо все свои силы, чтобы испанцы раньше времени не догадались о его подлинных намерениях. Передовой отряд возглавил вице-адмирал флотилии Джозеф Брэдли, поднявшийся на борт 14-пушечного фрегата «Мейфлауэр»; его помощниками были капитан Ричард Норман, командовавший 10-пушечным фрегатом «Лилли», и голландец Ян Эрасмус Рейнинг, шедший на 12-пушечном «Сивилиэне». Д Марли называет капитаном «Сивилиэна» Иеллеса де Леката, более известного под именем Яллас (в английских документах — Иеллоуз), но последний, скорее всего, был заместителем Яна Эрасмуса. В этой акции, по данным Эрасмуса, участвовал также известный флибустьер Рок Бразилец.

Из письма президента Панамы дона Хуана Переса де Гусмана королеве-регентше от 19 февраля 1671 года видно, что о планах флибустьеров атаковать Картахену, Пуэрто-Бельо или Панаму он узнал еще 15 декабря 1670 года. Это известие доставил ему «по дарьенской дороге» посланец от губернатора Картахены. Испанцы ошибочно полагали, что в объединенном войске английских и французских пиратов насчитывается 3 тыс человек. Чтобы не дать разбойникам возможности проникнуть на реку Чагрес, дон Хуан выслал в крепость Сан-Лоренсо подкрепления — 50 солдат панамского гарнизона во главе с адъютантом Луисом Гонсалесом и 50 вооруженных *самбо* с (потомков от смешанных браков между индейцами и неграми) во главе с капитаном Хуаном де Легисано. Они прибыли в Сан-Лоренсо за две недели до прихода флибустьеров и поступили в распоряжение

коменданта крепости дона Педро де Лисальдо-и-Урсуа. С приходом подкреплений общая численность гарнизона Сан-Лоренсо превысила 350 человек (Эксквемелин определил его численность в 314 человек, Фогг — в 370 человек).

«Примерно за пять месяцев до этого я консультировался с доном Хуаном де Арасом, капелланом аудиенсии, и другими разумными персонами, — писал губернатор Панамы. — И они убеждали меня, что форты на реке, как и крепость, неприступны. В ответных письмах, которые я получил от дона Педро де Лисальдо, он заверил меня в том же относительно [укреплений] Чагре, дабы я не беспокоился о них, поскольку если бы даже и шесть тысяч человек подступились к ним, он с теми фортификациями и людьми, коими располагал, смог бы защититься и разбить их».

Подробный рассказ о том, как флибустьеры овладели этой крепостью, содержится в сочинении Эксквемелина, отчете Фогга и в воспоминаниях Яна Эрасмуса Рейнинга.

«Покинув остров Санта-Каталина, — сообщает Эксквемелин, — три дня спустя (по данным Фогга, через девять дней. — В. Г.) пираты подошли к крепости Чагре, которая стояла на высокой горе в устье одноименной реки. Крепость со всех сторон была защищена палисадами с земляными насыпями, а гору пересекал глубокий ров глубиной футов в тридцать (Фогг определил его глубину в двенадцать футов. — В. Г.). По дороге в крепость через него был перекинут узкий мост, по которому мог пройти только один человек; со стороны суши у крепости было четыре бастиона, а с моря — один. С юга гора была очень крута и взобраться на нее было совершенно невозможно, с северной же стороны протекала река. У самой воды на скале стояла башня, и на ней было установлено восемь пушек, которые уничтожили бы каждого, кто появился со стороны реки; немного дальше было еще две батареи по шесть пушек, державших под обстрелом берег. На горе было несколько складов с боевым снаряжением и провиантом... В гору вела лестница, по которой поднимались в крепость. К западу от крепости имелась гавань... Перед крепостью также была недурная якорная стоянка, глубина воды достигала там восьми футов; в устье реки была скала, едва скрытая водой».

Согласно «Правдивому отчету...» Моргана, 27 декабря 1670 года (6 января 1671 года) флибустьеры «тихо высадились на расстоянии

четырёх миль от крепости, в двенадцать часов ночи. К двум они находились на расстоянии выстрела друг от друга; а к трем часам проникли в их траншеи, где продолжали сражаться до восьми утра».

Эксквемелин более красноречив:

«Когда пираты подошли к крепости, испанцы встретили их залпом из тяжелых пушек и нанесли пиратам большой урон... Место, по которому должен был пройти отряд, чтобы захватить крепость, было совсем плоское и голое. Испанцы их видели, сами же оставались невидимыми. Отряд попал в тяжелое положение, пираты не знали, как лучше захватить крепость, которая застряла у них, словно кость в горле. Вернуться назад они тоже не могли, дабы не опозориться перед своими товарищами. Поэтому они решили взять крепость штурмом, пусть бы даже она не стоила этого. Они храбро пошли в атаку с ружьями и гранатами, но испанцы были надежно прикрыты и не несли почти никаких потерь. Они стреляли сверху из пушек и мушкетов и кричали: «Vengan demas, perros ingleses enemigos de Dios y del Rey; Vosotros no habeis de ir a Panama¹» Это означало: «Приведите и остальных, английские собаки, враги Бога и короля, вам все равно не пройти в Панаму!»

В конце концов, пираты были вынуждены отступить».

Неудача под стенами форта Сан-Лоренсо ставила под угрозу срыва всю задуманную акцию по захвату Панамы. Брэдли, посоветовавшись со своими людьми, решил в тот же вечер предпринять еще одну отчаянную попытку штурма. Подобравшись к стенам укрепления, флибустьеры швырнули за палисады пороховые гранаты и бросились вперед, но испанцы не дрогнули и смогли отбить и этот натиск. Выиграть сражение штурмующим помог случай, весьма ярко описанный Эксквемелином:

«Одному из пиратов пробили стрелой плечо (Ян Эрасмус утверждает, что это был Рок Бразилец. — В. Г.). Кляня все на свете, он вытащил ее, схватил кусочек ситца, который был у нею в кармане, обмотал стрелу и сунул ее в огонь. Стрела вспыхнула, он забил ее в ружье и выстрелил в один из крепостных домиков, покрытый пальмовыми листьями. Его товарищи поступили так же. Вскоре они изловчились и подожгли два или три дома. Испанцы были так увлечены обороной, что даже не заметили, как занялась у них над головой крыша; от пожара взорвалась часть порохового запаса, и

много испанцев погибло. Пираты, завидя взрыв, стали наступать еще яростнее, но пожар не поколебал испанцев, они стали гасить огонь. Однако воды им не хватало, чтобы остановить пламя... Как только пираты заметили, что огонь усилился и перешел на другие дома внутри крепости, они догадались, как зажечь ее и снаружи. Сначала они пытались поджечь палисады. Однако дело это оказалось тяжелым, и пираты понесли большие потери. В ров, куда спустились пираты, испанцы бросали горшки с порохом, вставляя в эти бомбы горящие фитили. Много пиратов погибло. Но остальные шли на штурм, несмотря на сопротивление испанцев. К ночи палисады охватил огонь, и пираты ползком пробирались через завесу пламени... К утру все палисады сгорели дотла. Земля начала оседать в ров, а вместе с ней стали отваливаться и пушки. Испанцы остались без защиты, но продолжали мужественно отстреливаться. Губернатор крепости отдал жестокий приказ: несмотря ни на что, ни один человек не должен был покидать свой пост. Он велел подкатить к брешу, образовавшейся от пожара, новые пушки и продолжать стрельбу. Однако, когда укрытий не стало, испанцы пали духом. Пираты, ослепленные яростью, уже не могли заметить ни одного защитника крепости — то ли они где-то прятались, то ли уже бежали.

Между тем огонь разрастался. Как только была прорублена большая брешь, пираты сами стали тушить пламя, засыпая его землей. Часть пиратов принялась тушить пожар, часть пустилась преследовать врага... Около полудня пираты [во главе с Яном Эрасмусом] прорвались через брешь, и, хотя огонь все еще пылал, губернатор с оставшимися двадцатью пятью солдатами сопротивлялся, причем те, кто уже не мог стрелять из ружей, дрались пиками или кидали в пиратов камни. Однако, несмотря ни на что, пиратам удалось проникнуть в крепость и овладеть ею. Оставшихся в живых добились без пощады. Их сбросили в ров, где они переломали себе кости. Губернатор отступил к арсеналу, там стояли еще две пушки. Он решил защищаться до конца и не сдавался, поэтому пиратам пришлось убить его».

Ян Эрасмус Рейнинг, взявший на себя командование отрядом после серьезного ранения Джозефа Брэдли, водрузил над крепостью свой флаг.

По информации панамского губернатора, испанские солдаты «защищались с большой храбростью и решимостью, убив около двухсот человек и отбив более шести атак, пока англичане не взяли верх ночью с помощью своих зажигательных снарядов, предав огню фортификации, поскольку снаружи они были деревянными. Таким же образом они сожгли гауптвахту, или дом губернатора, покрытый пальмовыми листьями, и уничтожили в нем все доброе оружие. Было убито около половины людей, также лейтенант и комендант, которые вели себя очень храбро, и если бы не пожар, враг никогда не одолел бы их». Губернатору доложили, что флибустьеры проникли в крепость «через пост, называемый Сан-Антонио, и выстрелили из пушки, заряженной мушкетными пулями, чем нанесли огромный урон, положив конец исполнению обязанностей коменданта, лейтенанта и всех тех солдат, которые не захотели просить пощады».

Позже испанская корона выплатила 1000 дукатов родителям погибшего коменданта крепости, поблагодарив их за то, что они воспитали такого храброго сына.

Эксквемелин и Ян Эрасмус сообщают, что при захвате Сан-Лоренсо флибустьеры потеряли больше 100 человек, около 60 человек было ранено. Уильям Фогг писал в своем отчете, что в бою пали капитан Брэдли, его заместитель Пауэлл и еще 150 человек. Морган утверждал, что испанцы потеряли 360 человек, «тогда как наши потери составили 30 убитыми и 76 ранеными, среди них — храбрец Брэдли, который умер [от ран] спустя десять дней».

Немногим уцелевшим пленникам велели перенести трупы убитых испанских солдат с горы в долину и там похоронить их. Раненых испанцев отнесли в церковь, в которой укрывались женщины.

Тем временем Морган, остававшийся на Санта-Каталине, приказал грузить на суда провиант и сниматься с якорей. Выйдя в открытое море, пиратский флот взял курс на крепость Сан-Лоренсо. 2 (12) января он подошел к устью реки Чагрес. «Как только Морган увидел над крепостью английский флаг, — сообщает Эксквемелин, — он тут же вошел в реку. Но его корабль [«Сэтисфекшн»] и еще три судна наскочили на утес в самом устье реки. Правда, Морган не потерял ни одного человека. У пиратов не было времени, чтобы перенести грузы на берег, устранить последствия аварии: внезапно налетел северный ветер, разбил суда в щепки и выбросил их на берег».

Согласно отчету Фогга, «при проходе через отмель адмиральский корабль, который был остановлен встречными ветрами, и еще шесть малых судов потерпели крушение, и десять человек утонуло». Сам Морган писал, что пострадало пять судов, включая флагман.

Отремонтировав с помощью пленных испанцев и негров-рабов захваченный форт, Морган решил немешкая готовиться к походу через перешеек. О нем будет подробно рассказано в последней части нашей книги, посвященной операциям в удаленных от моря районах.

Набег флибустьеров на Санта-Марту

Город Санта-Марта, расположенный на карибском побережье Новой Гранады (совр. Колумбия), был атакован английскими и французскими флибустьерами летом 1677 года. Предыстория этого похода такова. Осенью 1676 года маркиз де Ментенон собрал в Пти-Гоаве на Эспаньоле флотилию из кораблей французских и английских флибустьеров, намерившись идти в набег на испанские владения в Венесуэле. В ходе этой экспедиции были захвачены Асунсьон — административный центр острова Маргарита (январь 1677 года), и город Нуэва-Валенсия недалеко от Куманы (март 1677 года). Затем часть флибустьеров отделилась от флотилии маркиза Отряд, возглавляемый французским капитаном Лагардом, а также англичанами Бартоломью Шарпом, Ричардом Сокинсом, Джоном Коксоном и Питером Харрисом, решил атаковать город Санта-Марту.

Чтобы усыпить бдительность испанской охраны, пираты 12 июля высадились в селении Конча, захватили там двух индейцев и велели им провести их отряд численностью 300 человек по суше к городу. Ночью они приблизились к Санта-Марте и на рассвете атаковали окраину. Испанский гарнизон, насчитывавший всего 30 солдат, не смог сдержать натиск флибустьеров. В гавань вошли корабли пиратской флотилии. Разделившись на три роты, пираты блокировали главные улицы Санта-Марты и начали ломиться в двери домов. Захваченных в плен горожан они отводили в церковь де-Окандо и в монастырь Сан-Франсиско.

Среди заложников оказались самые именитые люди города — губернатор провинции Санта-Марта дон Висенте Себастьян Местре, декан Хосе дель Торо и епископ Лукас Фернандес-и-Пьедраита

Последний был подвергнут пыткам, так как флибустьеры подозревали, что он прячет в своем доме несметные сокровища Епископ отдал им освященный перстень. Затем разбойники отвели его в церковь, где осквернили дарохранильницу и разбросали священные сосуды.

Когда грабить было уже нечего, флибустьеры потребовали за город выкуп — 45 тыс талеров, на что епископ ответил, что у жителей нет таких денег. В ночь на 23 июля к Санта-Марте подошла *армада де Барловенто* — испанская военная флотилия, отправленная из Картахены. На ее борту находилось пять сотен солдат. Генерал-капитан флотилии дон Антонио де Кинтана решил дожидаться рассвета, чтобы атаковать неприятеля, но в ту же ночь пираты спешно покинули город, увезя с собой епископа, губернатора, декана и других знатных сеньоров. Около ста разбойников во главе с Коксоном, Шарпом и Харрисом вернулись на Ямайку, в Порт-Ройял.

В британском «Календаре государственных бумаг» содержится пересказ письма сэра Томаса Линча от 18 (28) июля 1677 года, в котором имеется краткая информация о флибустьерах, участвовавших в набеге на Санта-Марту:

«Пять или шесть французских и английских приватиоров недавно пришли на Ямайку после захвата Санта-Марты, один из них — Барнс (Бартоломью Шарп. — В. Г.), а Коксон должен вот-вот прибыть. На борту — губернатор и епископ, и капитану Легарду (Лагарду. — В. Г.) предложили высадить их на берег. Добыча из города не была значительной, денег и ломаного серебра — примерно по 20 фунтов на человека... Губернатор и епископ, чтобы спасти город от сожжения, договорились с ними (флибустьерами. — В. Г.) о выкупе, но вместо пиастров губернатор Картахены отправил 500 человек по суше и три корабля по морю; однако приватиры разбили их и убили около 50 человек первым же залпом, после чего остальные убежали».

Резюме второго письма, датированного 23 июля (2 августа) 1677 года, дополняет информацию первого:

«Два дня тому назад прибыл Коксон, сдался и доставил на берег епископа и монаха. Его милость (ямайский губернатор лорд Воан. — В. Г.) позаботился о том, чтобы разместить епископа со всеми удобствами... Губернатор Воан хотел добиться свободы для [испанского] губернатора и остальных, но поскольку все они (флибустьеры капитана Лагарда. — В. Г.) оказались пьяны, убедить их сделать что-либо по-честному оказалось невозможным... Захват Санта-Марты *был неожиданным и, подобно большинству их предприятий, произошел на рассвете* (подчеркнуто нами. — В. Г.). Французы не приближались к форту до тех пор, пока тот не был захвачен, и они могли уже не опасаться больших пушек; так что всю работу проделали Коксон и находившиеся с ним англичане. Корабли [испанцев], обнаружив французские флаги над крепостью и городом, уплыли. Так завершилась эта великая экспедиция, в которой участвовали лучшие воины Картахены и старый Кинтано, адмирал на море».

5 (15) августа того же года Томас Линч писал госсекретарю Англии, что все попытки лорда Воана освободить губернатора Санта-Марты и других пленников, удерживавшихся на борту корабля Лагарда, не увенчались успехом. Француз отказался пойти на уступки и был весьма разозлен тем, что все английские флибустьеры покинули его, добровольно сдавшись властям Ямайки.

Экспедиция Граммон на Маракайбо, Гибралтар и Трухильо

Одним из самых популярных французских флибустьеров, промышлявших в Вест-Индии в 70–80-е годы XVII века, был Жан де Граммон. Он возглавлял несколько крупномасштабных антииспанских экспедиций, в ходе которых проявил себя не только отчаянно смелым, но и весьма искусным командиром.

Несколько лет съёр де Граммон служил на кораблях королевской эскадры. Во время франко-голландской войны 1672–1679 годов он получил под свое командование 50-пушечный фрегат, снаряженный

для корсарских операций в Карибском море; при этом ему полагалась $\frac{1}{5}$ часть доходов от всех призов, добытых указанным кораблем. Вблизи острова Мартиника французу посчастливилось захватить голландскую торговую флотилию, прозванную «Амстердамской биржей»; груз ее оценивался в 400 тыс ливров. Добычу он привез на Сен-Доменг и за неделю промотал там всю свою долю — 80 тыс. ливров. После этого ему не оставалось ничего другого, как примкнуть к местным флибустьерам.

Сам Граммон в одном из писем датировал свое появление в Вест-Индии 1675 годом. Однако о его деяниях до начала 1678 года достоверных сведений нет. Предполагают, что он мог присоединиться к маркизу де Ментенону, который в сентябре 1676 года собрал в Пти-Гоаве десяток корсарских судов для похода против испанских колоний в Южной Америке. Как уже сообщалось ранее, маркиз напал на остров Маргариту и ограбил его жителей в январе 1677 года; затем, в марте, были опустошены поселения в районе Куманы. Когда корабли флотилии Ментенона разошлись в разные стороны, Граммон, возможно, принял участие в нападении английских и французских флибустьеров на город Санта-Марта в Новой Гранаде.

В начале следующего года съёр де Граммон находился в Пти-Гоаве. В феврале 1678 года губернатор Сен-Доменга съёр де Пуансэ собрал здесь флотилию из дюжины корсарских кораблей с примерно 1000 пиратов и волонтеров на борту. Они должны были присоединиться к экспедиции вице-адмирала графа д'Эстре, который после нападений на голландские колонии в Западной Африке и на острове Тобаго планировал захватить «жемчужину» Нидерландской Вест-Индии — остров Кюрасао. Флотилия де Пуансэ, в составе которой находился также корабль Граммона «Ла Тромпёз» («Обманщица»), отплыла с Эспаньолы к Малым Антильским островам и в апреле объединилась с королевской эскадрой у острова Сент-Кристофер. Объединенный флот в составе 30 судов отправился к Кюрасао, но у островов Авес в ночь с 10 на 11 мая семь линейных кораблей, три транспорта и три флибустьерских судна потерпели крушение, более 500 моряков погибло. Обескураженный граф разрешил Граммону забрать с разбитых кораблей все, что тот пожелает; в результате к 25 мая флибустьеры перетащили на свои уцелевшие суда несколько бочек с вином, бренди, говядиной и

свининой, а также забрали на борт тех моряков, кто не смог разместиться на королевских судах. По прикидкам, запаса провизии должно было хватить на шесть дней. По истечении этого срока обеспечить команды провиантом можно было только за счет испанцев.

Покинув графа и губернатора Сен-Доменга, Граммон с 8 судами и примерно 700 пиратами отправился в лагуну Маракайбо, чтобы опустошить находившиеся на ее берегах испанские поселения. При этом Граммон наверняка использовал опыт своих предшественников — Олоне и Моргана, — нападавших на Маракайбо и Гибралтар в 1666 и 1669 годах. О подробностях указанной экспедиции известно из отчета самого Граммона, который он написал в декабре 1678 года, по всей видимости, для графа д'Эстре, а также из анонимного французского отчета, датированного 11 февраля 1679 года.

5 июня флотилия флибустьеров вошла в Венесуэльский залив; среди ее капитанов помимо Граммона были Лагард, Аршамбо, Жан Ле Гаскон (Гасконец), Дюмулэн и другие. Оставив свой флагман «Ла Тромпёз» перед большой отмелью, Граммон с более легкими судами вошел 8 июня в пролив, отделяющий Венесуэльский залив от озера Маракайбо. В тот же день он начал высадку своих людей на берег с целью захвата форта Санта-Крус-и-Сан-Себастьян (в просторечье — форт Ла-Барра), защищавшего вход в лагуну.

10 июня, в четыре часа, французы окопались в 300 шагах от форта, установили две пушки и отправили к коменданту испанского гарнизона парламентаря с требованием сдаться. Комендант ответил, что хорошо подготовился к обороне и не намерен капитулировать (по данным анонима, в форте было 12 пушек и несколько камнеметов). Получив отказ, флибустьеры начали обстреливать испанские позиции из пушек и сооружать приставные лестницы, с помощью которых хотели взобраться на стены форта. Не желая рисковать своими людьми, рвавшимися штурмовать вражеское укрепление под огнем испанской артиллерии, Граммон велел им продолжить рытье окопа с тем, чтобы постепенно приблизиться к вражескому укреплению на максимально короткую дистанцию.

Ночью пираты смогли приблизиться к форту Ла-Барра почти вплотную, и на следующее утро были готовы к решающему штурму. Видя, что им не удастся отбиться от превосходящих сил противника,

испанцы согласились прекратить сопротивление при условии, что французы позволят им беспрепятственно уйти с их знаменами, оружием и личными вещами. Граммон ответил на это решительным отказом, заявив, что может гарантировать испанцам лишь уважительное обращение с ними, как с военнопленными. В итоге все испанские солдаты были разоружены; только коменданту разрешили оставить его шпагу при себе. «Через час я взял форт во владение, — пишет Граммон в своем отчете, — и мы исполнили в нем *Te Deum* так же, как и в лагере. Затем, 12-го, я забрал на корабли артиллерию, моих людей и 66 пленных из состава гарнизона, оставив в форте семьдесят человек; 13-го я прислал им провизию с захваченного мною судна, которое везло подкрепления для форта».

14 июня флотилия флибустьеров появилась на траверзе города Нуэва-Самора-де-Маракайбо, перепутанные жители которого успели бежать в окрестные леса. Заняв город после трехчасового боя с солдатами и ополченцами, Граммон устроил штаб-квартиру в кафедральном соборе, находившемся на Оружейной площади, и разместил своих людей в самых больших домах. «15-го я отправил 180 человек в сторону Макуаля, находящегося в 13 лье от города, чтобы взять пленных, а 50 человек — на охоту, чтобы снабдить форт мясом. Первого июля они привели из Макуаля и саванны сто тридцать пленных — как мужчин, так и женщин. И в тот же день я отправил четыре судна, чтобы доставить провизию в форт...»

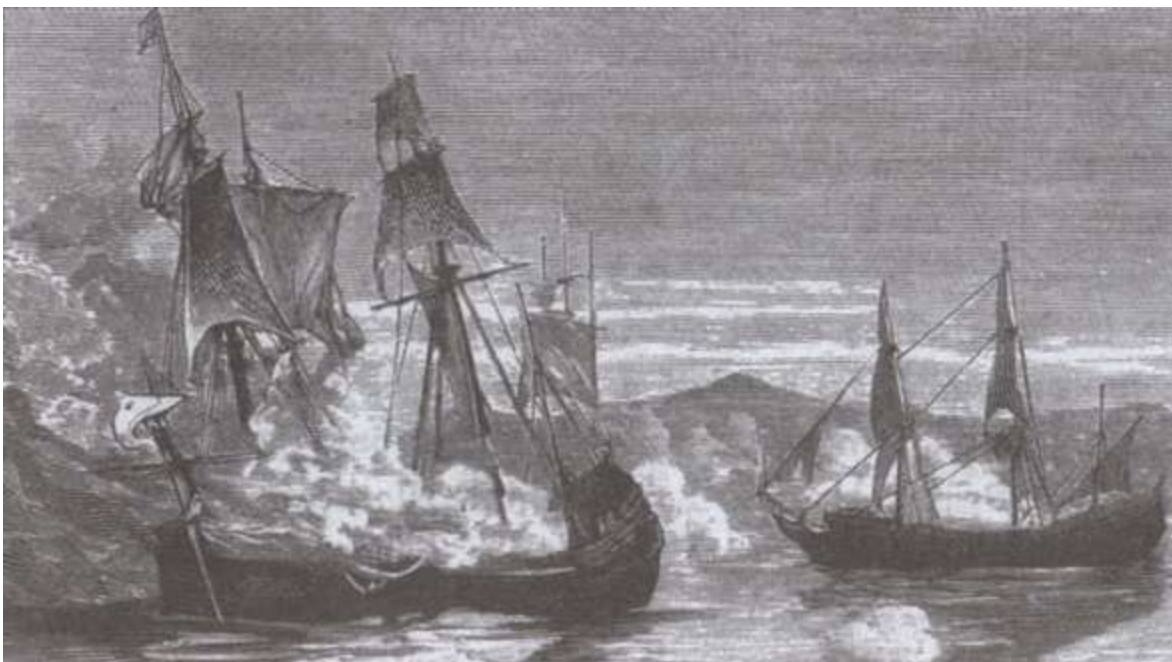
Адмирал флибустьеров Генри Морган. Гравюра XVIII в.

Жан-Батист Дюкасс. Художник Г. Рига

Капитан флибустьеров Франсуа Олоне. Гравюра XVIII в.

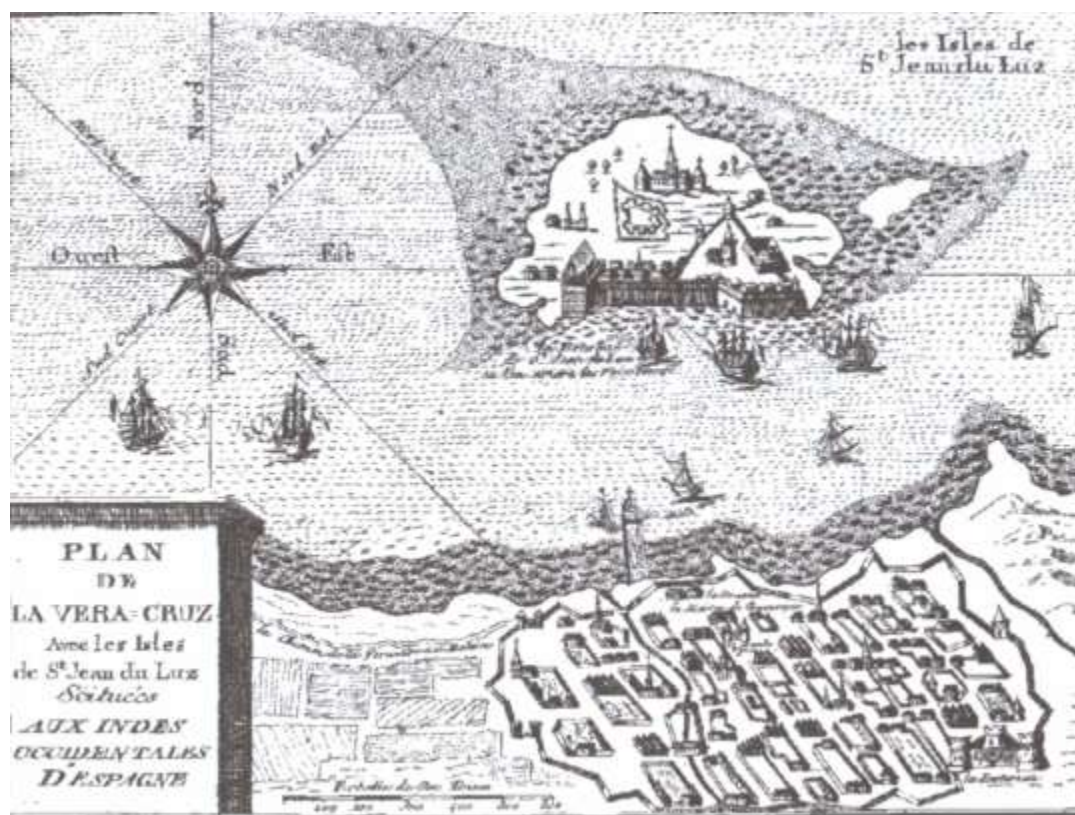
Атака брандера. Гравюра XIX в.

Бухта Кокимбо и город Ла-Серена. Карта Б. Рингроуза

Галапагосы на карте Э. Коули, 1684 г.

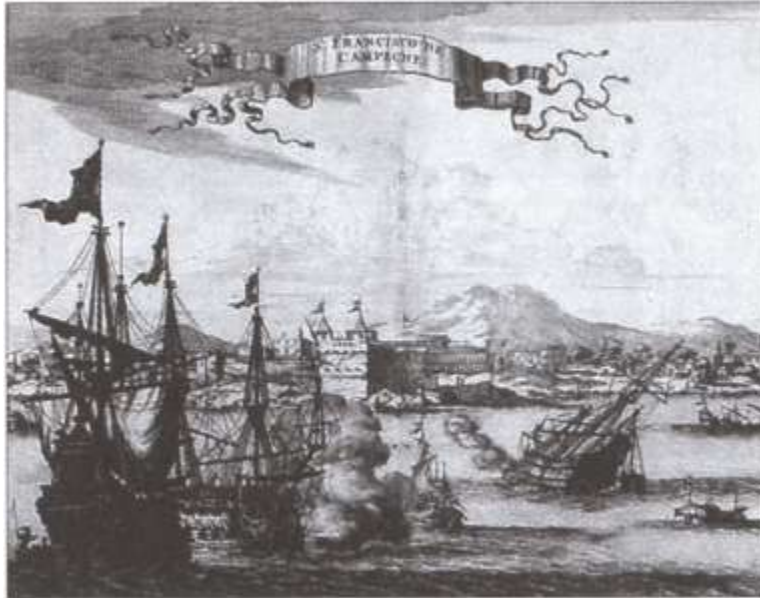
Карта устья реки Чагрес. XVII в.

Захват Пуэрто-Бельо, 1668 г. Из книги Д. ван дер Стерре, 1691 г.

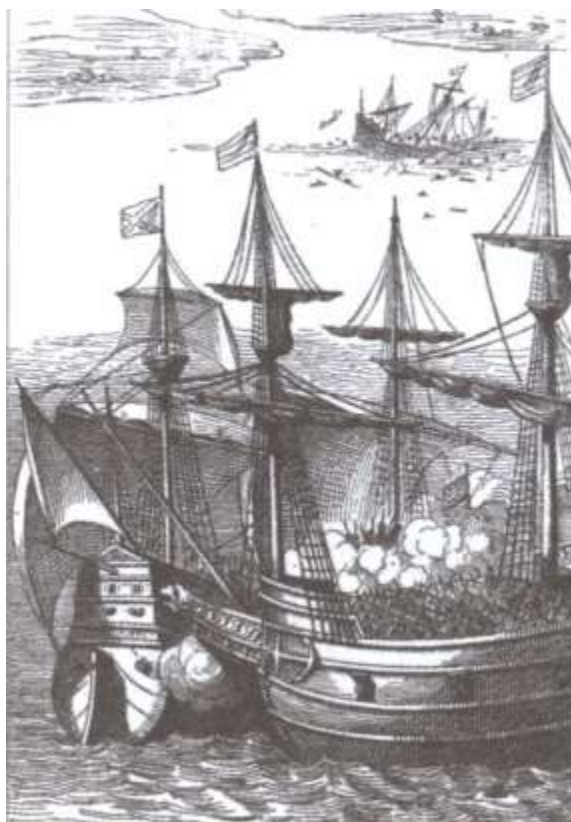
Картахенская бухта. Старинная гравюра

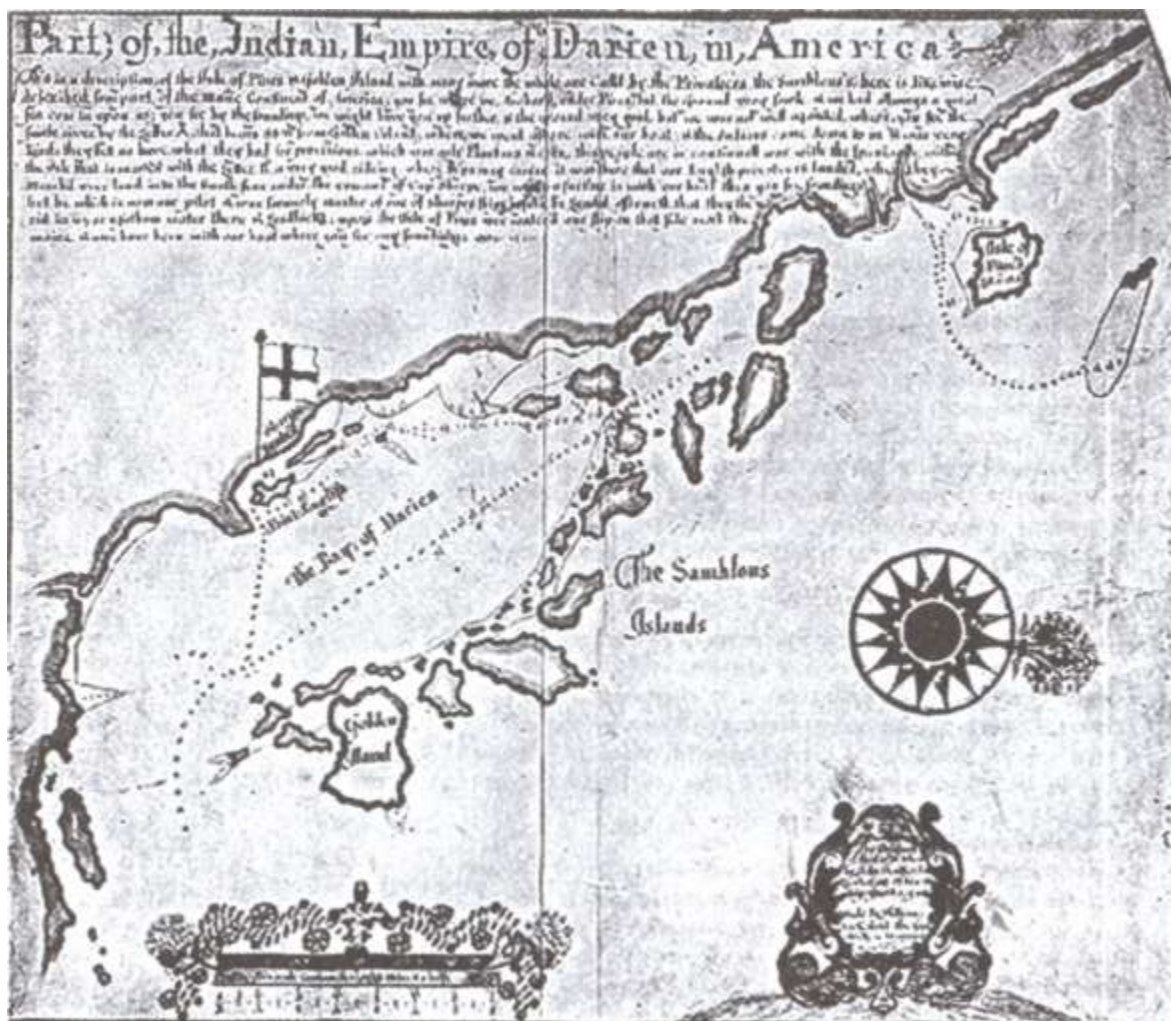
Корабли на рейде Кампече. Старинная гравюра

Морган в Маракайбо, 1669 г. Старинная гравюра

Морской бой. Старинная гравюра

Карта островов Сан-Влас. XVII в.

Осада Картахены, 1697 г. Гравюра XVII в.

Развалины Старой Панамы

Порт Арика. Пиратская карта XVII в.

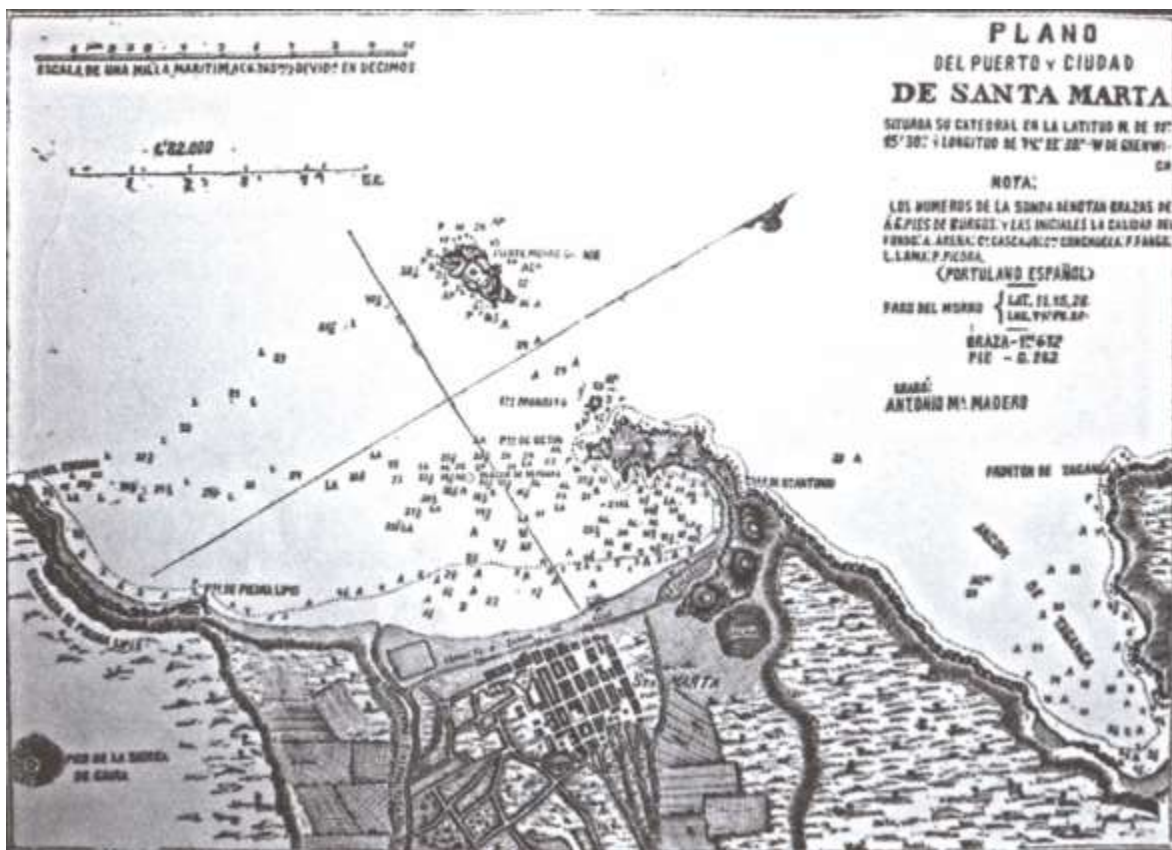
Порт Ило на карте Б. Рингроуза

Рукоять шпаги

Порт Пайта. Гравюра XVII в.

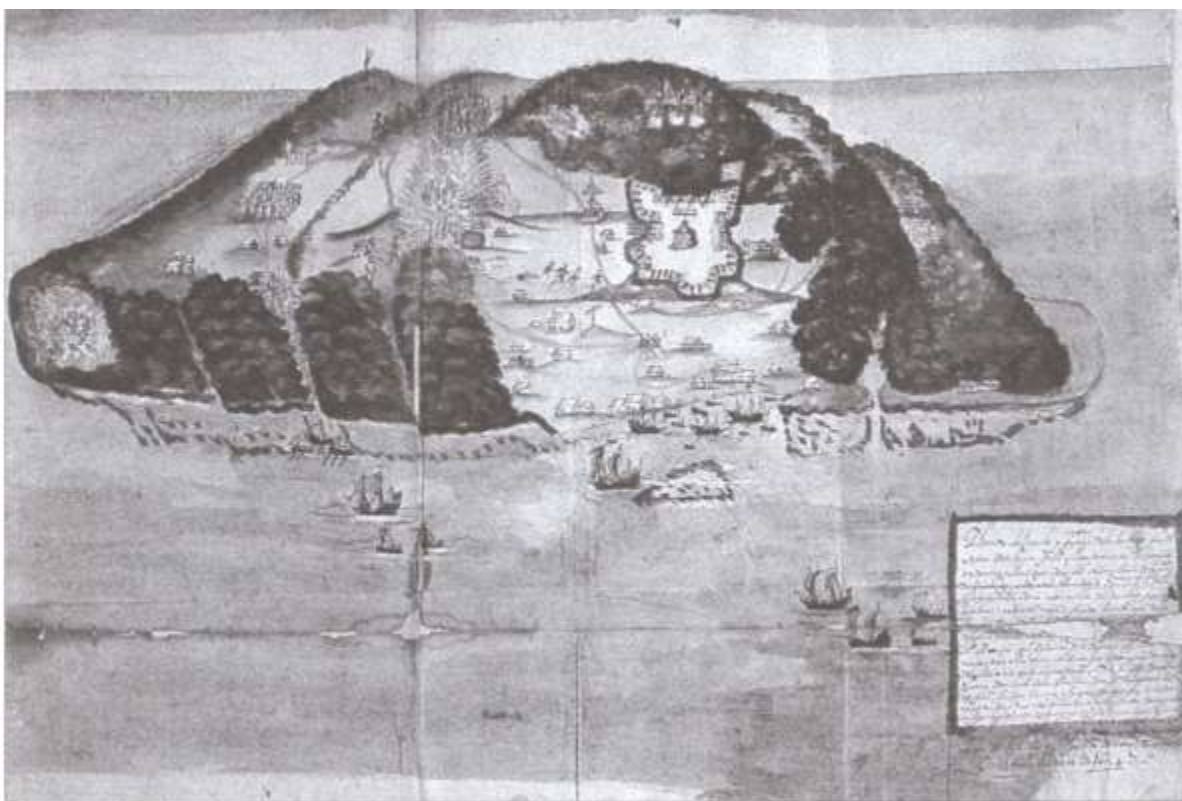
План Санта-Марты. XVII в.

Сан-Агустин во Флориде. Гравюра XVII в.

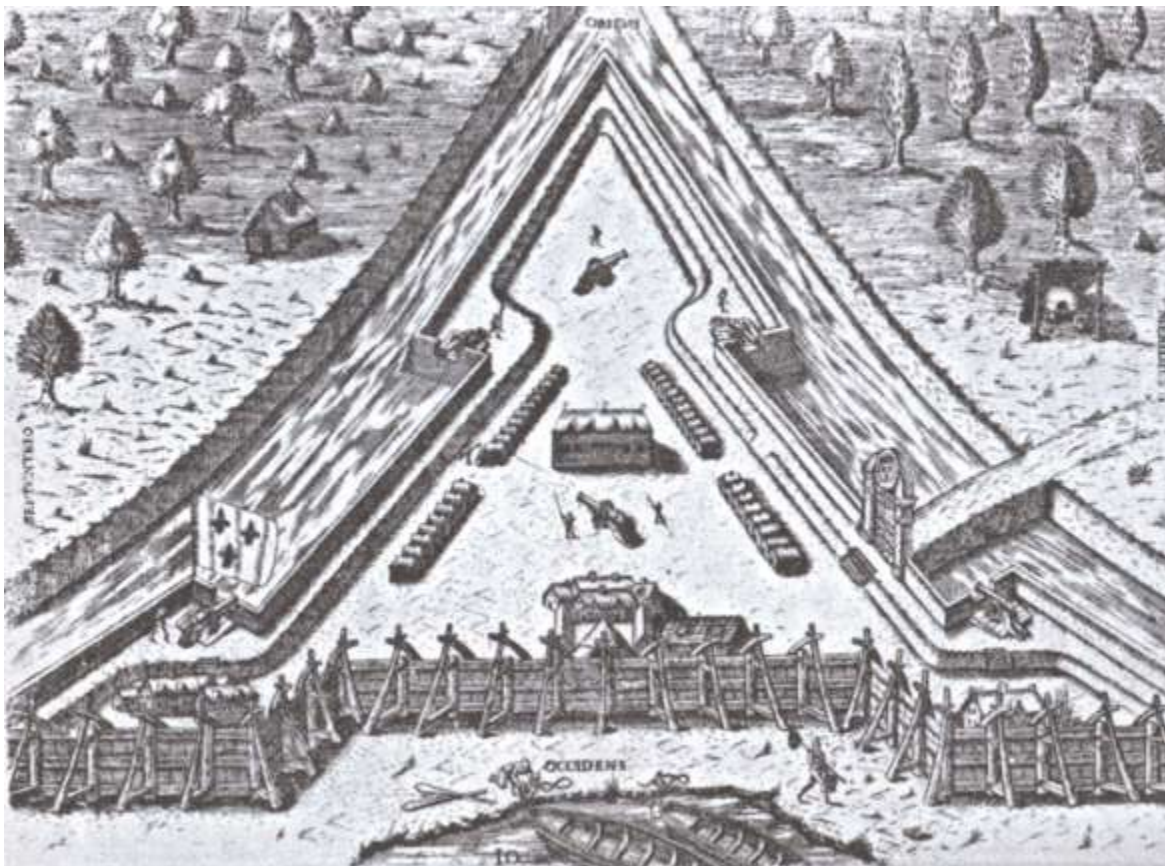
Сражение флотилии Моргана с испанской эскадрой, 1669 г. Старинная гравюра

Тортуга на карте XVII в.

*Флибустьеры в захваченном испанском городе. Из книги Д. ван дер Стерре,
1691 г.*

Форт в Сан-Аугустине. Гравюра XVII в.

Штурм Пуэрто-Бельо, 1668 г. Гравюра из книги Экскамблина

В то же время Граммон отрядил двух лоцманов с заданием провести «Ла Тромпёз» через пролив в лагуну. 5 июля, пополнив запасы провианта за счет грабежа окрестных плантаций, он с двумя судами и большой шлюпкой отправился в крейсерство по лагуне, надеясь захватить какие-нибудь испанские суда. «15-го суда флотилии отыскали меня в Санта-Марии, — сообщает Граммон в своем отчете, — и там я узнал, что мой корабль прошел через отмель. 18-го я отправил судно, перевозившее семь тонн *маиса*, в форт, после чего решил навестить ряд плантаций, поскольку наше снабжение провиантом происходило довольно туго; и я смог достать лишь 165 бочонков маиса, взятых на трех плантациях — Сен-Дирье, Сен-Педре и Сен-Антуан. 3 августа я послал два судна на поиски испанских судов... с приказом сжечь те, которые нельзя будет привести. И в тот же день я отправил судно, перевозившее восемь тонн маиса, в форт, а с ним еще одно, нагруженное какао и испанской добычей с 50 рабами...»

На следующий день, в восемь часов, Граммон с несколькими судами появился на якорной стоянке «перед фортом Жильбатара» — укреплением города Сан-Антонио-де-Гибралтар, который, как и Маракайбо, был покинут жителями. Высадившись на берег, флибустьеры практически без боя вошли в город, устроили в церкви на центральной площади гауптвахту и выставили дозоры. В тот же день вожак послал на поиски сбежавших жителей трех капитанов со 150 людьми. «7-го ночью мы дважды поднимались по тревоге часовыми, заметившими испанцев, — рассказывает Граммон. — У меня было две пушки, установленных на Орркейной площади, и там я отправил своих людей в бой, разместив пленных в подвале церкви... под охраной десяти мушкетеров...»

В четыре часа в город вернулся летучий отряд, который привел с собой 18 пленных. От одного из них Граммон узнал, что часть испанцев находится в хорошо защищенных городах Мерида и Трухильо, а некоторые сбежавшие белые и негры, почти мертвые от голода, скрываются в лесах.

15 августа Граммон собрал своих капитанов на совет, чтобы решить, против какого города, Мерида или Трухильо, им следует выступить; в конце концов в качестве объекта нападения выбрали второй. «Я приказал каждому капитану снабдить его отряд канатом,

двумя топорами и тремя гамаками, и взять на каждого флибустьера по сто пятьдесят пуль для стрельбы», — отмечает Граммон. Кроме того, пираты запаслись бананами и солониной — этого должно было хватить на шесть дней пути.

23 августа, перед началом похода, вожак велел погрузить на суда 250 пленных, захваченных в Гибралтаре и его окрестностях, и держать их под охраной 140 человек. На следующий день батальон в составе 425 пиратов начал поход на Трухильо. Граммон разделил его на семь рот по 48 человек в каждой, 50 человек были выделены для действий в авангарде, 28 — для следования в арьергарде и 24 — для охраны снаряжения. Впереди всех шел знаменосец, которому во время марша было запрещено покидать свой пост.

Еще до прихода пиратов испанцы успели вырыть для защиты города два окопа 30 августа флибустьеры вышли на берег быстрой реки; здесь им пришлось воспользоваться канатами, чтобы, держась за них, переправиться через речку вброд. В тот же день, в три часа, они атаковали и без боя захватили первый окоп, а 31-го числа напали на второй окоп, три сотни защитников которого, бросив две заряженные картечью пушки, спешно отступили на вершину холма Граммон не стал преследовать их, а, двигаясь вдоль берега реки, быстро приблизился к Трухильо и без труда захватил его.

1 сентября на поиски сбежавших горожан был выслан отряд из 150 человек. «А 4-го я отправил к судье Гаспару Барелю пленника с письмом и пропуском, чтобы он пришел и выкупил город, — читаем в отчете Граммона — 6-го летучий отряд вернулся с пленниками и королевским лейтенантом, которому я написал касательно выкупа за город, а затем отправил еще два летучих отряда 10-го два человека из моих отрядов нашли в полулье от лагеря мулата, пажа дона Диего Валереса, которого они убили, поскольку он не захотел сдаваться; перед смертью он сказал им, что губернатор Кюрасао был в Маракайбо, и что форт был взят голландцами. Я счел это откровенной ложью, придуманной испанцами, чтобы я поскорее покинул сушу; поэтому я не стал торопиться. 15-го падре А. Соэр, кюре большой креольской церкви города и весьма добрый человек, пришел поговорить со мной и предложил мне 4000 пиастров в качестве выкупа за город вместе с тысячью пакетов муки. Я потребовал у него за город 25 000 пиастров, но он не мог согласиться на это из-за трудностей,

связанных с необходимостью говорить с теми, у кого имелись деньги и кто успел уже уехать — одни в Каракас, другие в Санта-Фе, что в Новом Королевстве [Гранада], в двухстах лье оттуда, так что он вернулся, ни о чем не договорившись».

16 сентября, не получив выкуп за город, Граммон велел сжечь его. Пираты разрушили церкви и каменные дома, а церковную утварь вместе с распятиями, статуей Богородицы и образами святых забрали с собой. По оценке Граммона, они нанесли ущерб испанцам на 800 000 экю. «И в тот же день я ушел, — пишет он в отчете. — Я хотел также отправиться в Эль-Тукуйо, небольшое поселение в семнадцати лье оттуда, затем в Мериду, но новые пленники заверили меня, что я не застаю там ни одного человека».

Возвращаясь к Гибралтару, пираты 20 сентября напали на союзников испанцев — индейцев из Барбакоа, и, предав их деревню огню, 23-го числа двинулись дальше. 25-го отряд прибыл в Гибралтар, и Граммон отправил к капитану Хуану Феликсу запрос, будет ли уплачен выкуп за город; испанец ответил, что не знает, где искать «отцов города». «В тот же день, — пишет Граммон, — я допросил одного пленного, который сказал мне, что дон Киприан, королевский лейтенант Маракайбо, находится в Пунта-де-Пальма со 150 индейцами и 80 белыми, чтобы неожиданно напасть на моих людей во время охоты, и что он получил новости от епископа в Коро, что там было 300 человек из Каракаса, которые ожидали подкреплений с Кюрасао, чтобы пойти и осадить форт. 29-го я покинул Гибралтар, чтобы идти на реку Кулуба искать испанский корабль. Первого октября, оставив корабли на якорной стоянке... я прошел с несколькими каноэ на четыре лье вверх по реке Кулуба, где обнаружил корабль «Сан Хосе» из Маракайбо».

Фрегат имел на вооружении десять пушек и восемь камнеметов; команда его насчитывала полсотни человек. В завязавшейся перестрелке флибустьеры убили 7 человек, включая капитана, и ранили 19. В анонимном отчете сказано, что «съёр де Гранмон взял на abordаж фрегат, несмотря на огонь его пушек и камнеметов. Один из наших людей был убит и несколько ранено». Спустившись к устью реки, флибустьеры разгрузили свой приз, чтобы можно было провести его через мелководье в лагуну.

3 октября Граммон отправился на поиски товаров с большого 300-тонного торгового судна, которое он перед тем захватил, а после сжег, убедившись в его ветхом состоянии. Вечером пираты стали на якорь возле небольшого островка, на котором на следующий день отыскивали разыскиваемые товары с сожженного судна. К ним в руки попали мешки и ящики с какао, табаком, продовольствием, вином, бренди, полотном, сукном, шкурами, кружевами, лентами и нитками.

Вернувшись в Маракайбо 15 октября, флибустьеры нашли в городе несколько семей испанцев, умирающих от голода и умоляющих дать им хоть немного провизии. На следующий день к Граммону пришел монах-францисканец, преподобный отец Симон, который выкупил у него один из кораблей. «Этот отец сказал мне, что он весьма высокого мнения обо мне, — рассказывает Граммон, — что мои поступки были слишком честны, чтобы не привлекать честных людей, что он хотел бы служить мне и сообщать обо всем, что может замыслиться против меня. 22-го я отправил в форт мясо и маис 24-го я послал гонца к губернатору Маракайбо, в лес, где он скрывался, и просил его освободить трех моих людей, которые были захвачены на охоте и которых я, безусловно, хотел вернуть назад. И 25-го Мартин Десина, испанский капитан, вернул их мне от имени губернатора, за что я, в качестве обмена, отпустил две семьи его нации, о которых он просил, а, кроме того, я отправил к нему одного из его родственников, который был моим пленником. В тот же день в город под белым флагом прибыл судья, чтобы говорить со мной о выкупе за город. Я ему дал на это восемь дней, и в течение этого срока он должен был поставлять мне ежедневно по двадцать пять быков. В тот же день отец Симон прислал мне сообщение, что шесть фламандских фрегатов и два брандера объединились с испанцами, чтобы поджидать меня за отмелью и не позволить мне уйти. 7-го я отправил два корабля в Гибралтар с приказом одному из капитанов договориться относительно города или, в противном случае, сжечь его. 14-го... я согласился на выкуп за город в 6000 пиастров и 1000 голов скота. 16-го пришли суда из Гибралтара, которые сожгли город и все плантации, расположенные на побережье лагуны вплоть до Маракайбо. 3 декабря я погрузил на суда артиллерию, восемь единиц которой я держал на проспектах, улицах и Оружейной площади. И, почистив все наши суда, я передал на них приказы и сигналы для каждого капитана флотилии...

а сигналом к бою служит красный флаг на моей фок-мачте, который указывает на благоприятный момент, когда следует идти на абордаж...»

Чтобы никто из его капитанов не мог самовольно уйти на Ямайку или в другую иностранную колонию, Граммон перед выходом в море предусмотрительно изъял у них все каперские свидетельства 3 декабря, после полудня, флибустьеры снялись с якорей, покинув рейд Маракайбо на 7 своих судах и 5 трофейных (12-пушечный фрегат, три судна меньших размеров и один каик). Ими помимо Граммона командовали Лагард, Аршамбо, Стет, Жан Гасконец, Демулэн, Эмэ, Гуэн, Матье, Жосс, Гренезе и Никола Ле Фэ (последний шел на брандере, сопровождавшем флагман). Согласно данным самого Граммона, перед уходом он отпустил на свободу 450 пленных, удержав на борту лишь десять девиц — «мудрых и из хороших семей, которые слезно умоляли меня забрать их на Берег [Сен-Доменг], чтобы они могли там выйти замуж».

Вечером того же дня, примерно в девять часов, корабли стали на якорь примерно в трех лье от города «Я имел на судах засоленного мяса на два месяца и запас маиса на пятнадцать дней, — рассказывает далее Граммон. — Испанцы должны были дать мне еще 600 животных в качестве выкупа за город, коих я им оставил в достаточном количестве. 4-го я стал на якорь в месте у Кабрибы... и оставался там 5-го по причине сильного бриза; это было последнее убежище. 5-го я стал на якорь у островка Вихия, а 7-го поднял на борт «Сан Фелипе» чугунную пушку из форта, стреляющую 22-фунтовыми ядрами, амуницию и 14 камнеметов. Кроме того, я погрузил 34 железные пушки и заклепал остальные — примерно 42.8-го я снес его донжон, будку часового и брустверы, разрушил батарею и сжег все прочее».

9 декабря флибустьерская флотилия благополучно прошла через отмель в устье лагуны. 10-го Граммон отпустил еще несколько пленных, подарив им шляпку и снабдив запасом провизии. На случай разделения судов во время плавания вожак назначил местом встречи небольшую бухточку на Эспаньоле в шести лье к востоку от острова Ваш.

Выйдя из Венесуэльского залива, флотилия пошла на север под нижними парусами. 16-го она появилась у берегов Сен-Доменга и до 20-го числа оставалась в районе острова Ваш.

22 декабря, двигаясь на запад и северо-запад, суда обогнули мыс Тибурон, 23-го прибыли в Гранд-Анс, а 24 декабря, между пятью и шестью часами, стали на рейде Пти-Гоава.

Помимо пяти призов Граммон доставил на базу добычу в монете, какао, рабах и различных товарах, которую сам он оценил в 150 тыс экю.

Сражение за Ла-Гуайру

Одним из наиболее резонансных деяний Жана де Граммона был набег на венесуэльский портовый город Ла-Гуайра — «морские ворота» Каракаса, — лежащий в 30 километрах южнее, за горным хребтом Первоначально здесь находилось поселение Вилья-Росарио, на месте которого Диего де Осорио заложил в 1589 году город Сан-Педро-де-ла-Гуайра.

14 мая 1680 года корабль Граммона «Ла Тромпёз» бросил якорь у острова Бланкилья вблизи берегов Венесуэлы. На рандеву прибыли также пять других капитанов: англичане Томас Пейн и Уильям Райт и, возможно, Якоб Эвертсен, Аршамбо и Лагард. Спустя четыре дня он послал двух капитанов на поиски пирога, которые должны были служить им для высадки на берег. От острова Бланкилья Граммон прошел к островам Рокес, где 25 мая два упомянутых капитана присоединялись к нему с 7 пирогами, захваченными в заливе Пария. Наконец 3 июня один из его капитанов доставил пленных, которые сообщили Граммону, что в порту Ла-Гуайра под защитой крепостной артиллерии стоят на якоре три корабля: с 22, 18 и 12 пушками, а в гавани Пуэрто-Кавальо находится 40-пушечный «гвинеец», доставивший из Африки 800 негров-рабов. После этих известий флибустьеры стали готовиться к предстоящей операции.

25 июня Граммон с «Ла Тромпёз» и 7 пирогами двинулся в путь, велел остальным судам ждать от него сигнала. На заходе солнца, примерно в четырех лье от побережья, ударный отряд Граммона в составе 183 человек разместился в пирогах. Идя на веслах всю ночь, флибустьеры за час до рассвета появились примерно в полулье к востоку от Ла-Гуайры. Там, недалеко от берега, их пироги попали в полосу мощного прибоя и опрокинулись, но, к счастью, утонул только один человек. Поскольку начинало светать, действовать необходимо

было быстро. Однако, по словам Шарлевуа, когда пираты прошли триста шагов от места высадки, они неожиданно наткнулись на четырех испанских часовых. Прежде чем их разоружили, один из испанцев успел выстрелить из мушкета. Этот сигнал был услышан в Ла-Гуайре: там тут же выпалила пушка, затем послышался тревожный звон колоколов. Ускорив шаг, с развернутым флагом и барабанным боем, авангард из 47 флибустьеров во главе с Граммоном бросился к городу. Но пираты не могли стать его хозяевами, не подавив сопротивление расположенных в стратегических точках двух фортов.

Первый из фортов находился в ста шагах от юродской черты; гарнизон его насчитывал 38 солдат. Флибустьеры дважды бросались на штурм его стен, интенсивно забрасывая испанцев гранатами. Наконец, потеряв убитыми 26 человек, гарнизон капитулировал. У пиратов был убит лишь один человек.

Одержав победу, флибустьеры водрузили над фортом свой флаг и три раза прокричали: «Да здравствует король!», чем привели в ужас четыре десятка защитников второго форта и заставили их немедленно сдаться. Комендант Ла-Гуайры Киприано де Альберро, сын губернатора провинции Венесуэла, сам открыл перед Граммоном городские ворота.

По данным Д. Марли, небольшому испанскому отряду во главе с капитаном Хуаном де Лайя Мухика удалось бежать в окрестности порта, в Пеньон-де-Майкетиа, куда начали стягиваться другие беженцы. Вскоре весть о захвате пиратами Ла-Гуайры достигла Каракаса, вызвав там настоящую панику. Королевские сокровища и иные ценности были погружены на мулов и отправлены во внутренние районы страны. В то же время Франсиско де Альберро, губернатор провинции, мобилизовал всех мужчин, способных носить оружие, и двинулся во главе солдат и ополченцев к побережью.

Граммон расставил часовых в наиболее уязвимых местах, справедливо опасаясь, что из Каракаса в порт могут прислать подкрепления. Он лично наблюдал за состоянием дел в фортах, предприняв ряд мер предосторожности, в частности, снеся те укрепления, для удержания которых у пиратов не хватало людей. Утром следующего дня, 27 июня, в окрестностях Ла-Гуайры появились испанские солдаты, и пиратам пришлось сделать несколько вылазок, чтобы удержать их на расстоянии от города. К концу следующего дня

Граммон получил известие, что от 2 до 3 тыс вооруженных людей движутся к порту из Каракаса Французам пришлось спешно покинуть Ла-Гуайру. С флагмана были присланы две лодки для погрузки людей на суда В течение двух часов арьергард во главе с Граммоном отчаянно отбивался от 300 испанцев, креолов и индейцев, потеряв при этом шестерых бойцов. Во время стычек один из капитанов Граммона получил пулевое ранение в руку, а сам он был ранен индейской стрелой в горло. Сумев все же удержать неприятеля на расстоянии, «генерал» флибустьеров обеспечил погрузку на суда своих людей и 150 пленных, среди которых находился и комендант Альберро.

29 июня французы отплыли с захваченным в гавани судном к островам Авес Там они провели несколько недель, истязая Альберро и других пленных испанцев.

Захват Ла-Гуайры оказался весьма дерзкой акцией, но он не принес пиратам большой добычи. Более того, это предприятие едва не стоило жизни Граммону. Рана, полученная им при отступлении, долго не затягивалась. Таким образом, когда пираты 2 августа 1680 года подняли паруса, чтобы вернуться на Сен-Доменг, Граммон вынужден был передать командование своему лейтенанту — англичанину Пейну. 13 августа «Ла Тромпёз» и его приз прибыли на рейд Пти-Гоава, однако уже на следующий день оба судна были уничтожены ураганом, обрушившимся на побережье Эспаньолы.

Нападение отряда Джона Коксона на Пуэрто-Бельо

Несмотря на то, что в 1668 году Пуэрто-Бельо был основательно разорен флибустьерами под командованием Генри Моргана, испанцам удалось восстановить город из руин, и они продолжали использовали его гавань в качестве стоянки кораблей «серебряного флота». Богатства, которые скапливались здесь, по-прежнему привлекали к себе жадные взоры морских разбойников, и в 1680 году они снова рискнули напасть на Пуэрто-Бельо.

На этот раз во главе экспедиции стоял английский капитан Джон Коксон, один из руководителей набега на Санта-Марту в 1677 году. Его компаньонами были Бартоломью Шарп, Корнелис Эссекс, Роберт Эллисон и Томас Макетт (Мэготт). В декабре 1679 года флибустьеры купили у ямайского губернатора графа Карлайла лицензию,

разрешавшую им заготавливать кампешевое дерево в Гондурасе. Однако эта лицензия была лишь прикрытием для готовившегося пиратского предприятия.

В самом начале января 1680 года корабли упомянутых капитанов собрались в Порт-Моранте, недалеко от юго-восточной оконечности Ямайки. Выбрав Коксона «генералом», они отплыли в сторону Картахены. В открытом море к англичанам присоединилась французская бригантина под командованием Жана Роза. Вскоре начался шторм, разметавший суда пиратской флотилии в разные стороны.

Поскольку местом randevу заранее был определен остров Фуэрте, лежащий у берегов Новой Гранады, Коксон прибыл туда со своей баркой, бригантиной Роза и шлюпами Эллисона и Макетга. Взяв бригантину и один из шлюпов, он сразу же отправился к островам Сан-Бернардо, где провел три дня, используя это время для захвата 4 пирога и 6 каноэ. Они нужны были пиратам для высадки десанта в окрестностях Пуэрто-Бельо. Объединившись с судном Корнелиса Эссекса, флотилия Коксона взяла курс на остров Пинос, расположенный в архипелаге Сан-Блас (у побережья Панамского перешейка). Там все надеялись отыскать пропавший корабль Шарпа.

Командуя лучшим парусником флотилии, Коксон оторвался от своих компаньонов. Он обогнул Золотой остров, где два шлюпа, бригантина Роза и барка Эссекса были вынуждены задержаться из-за сильных встречных ветров, а затем продолжил путь к Пино-су. Повстречав барку еще одного ямайского флибустьера, Эдмунда Кука, Коксон прибыл наконец на якорную стоянку у острова Пинос. Там, как и ожидалось, уже стоял на якоре корабль Шарпа. После этого «генерал» флибустьеров отправил барку капитана Кука к Золотому острову, но из-за противных ветров та вынуждена была свернуть в залив Дарьен. На следующий день Коксон и сам отправился на Золотой остров. Опасаясь, что испанцы могут их обнаружить, он приказал всем капитанам присоединиться к нему у острова Пинос на пирогах и каноэ. Что касается пяти судов флотилии, то они были отведены к Спрингер-Ки — самому западному острову в архипелаге Сан-Блас, чтобы там ожидать возвращения отрядов, отправившихся в набег на Пуэрто-Бельо.

Коксон покинул остров Пинос во главе приблизительно 250 человек. Двигаясь на запад вдоль цепочки островов архипелага Сан-Блас, пираты неожиданно встретили французского корсара Лассона, который кренговал свой корабль на одном из островков. Вместе с 80 своими людьми он согласился примкнуть к отряду Коксона.

В среду 14 февраля 1680 года флибустьеры высадились в старом разрушенном порту в 20 лигах к востоку от Пуэрто-Бельо. Вначале они двинулись по каменистой дороге вдоль берега моря, чтобы не быть обнаруженными испанским сторожевым постом, находившимся поблизости на вершине высокого холма. Обойдя его незамеченными, пираты устремились к Пуэрто-Бельо. В субботу 17 февраля, примерно в десять часов утра, измученные участники похода вошли в индейскую деревню, лежавшую в трех милях от города. Один из ее жителей с криками «Ладронес!» («Разбойники»!) тут же бросился в город, намереваясь поднять там тревогу. Флибустьеры, голодавшие в течение трех дней, с израненными из-за отсутствия обуви ногами, не смогли его догнать. Тогда Коксон крикнул своим людям:

— Эй, парни! Те, кто может бежать, должны достичь города раньше, чем нас обнаружат!

Индеец достиг Пуэрто-Бельо гораздо быстрее — за полчаса до прихода туда джентльменов удачи. Испанцы вначале не поверили тому, о чем он говорил, но вскоре у стен города были замечены пять или шесть незнакомцев, вооруженных ружьями. Со стороны испанцев тут же раздался пушечный выстрел: была поднята тревога. Авангард флибустьеров, находившийся под командованием Эллисона, немедленно ускорил шаг и ворвался в город; вскоре за ним последовал Коксон и остальные. Охваченная паникой, большая часть жителей Пуэрто-Бельо во главе с губернатором Хуаном Инфанте бежала под защиту пушек форта Сантьяго-де-ла-Глория — цитадели города. Пираты стали хватать замешкавшихся горожан, а затем стали хозяевами домов, находившимися вне досягаемости ядер крепости, и ограбили их. «На следующий день, — сообщает участник событий Уильям Дик, — испанцы численностью до двухсот человек предприняли попытку выйти из Глории. Мы встретили их и заставили отступить назад в крепость... Город мы удерживали 2 дня, разграбили в нем всё, что смогли, и погрузили лучшую часть нашей добычи на захваченные нами каноэ».

В понедельник 19-го флибустьеры вышли из Пуэрто-Бельо двумя отрядами: одни в каноэ — с деньгами и товарами, а другие по суше — с пленниками, за которых надеялись получить выкуп. Испанцы, засевшие в малых фортах, стреляли по отряду, который отправился в лодках, ранив двух или трех пиратов, и потопили одно из каноэ с деньгами и грузом тканей. В тот же день разбойники прибыли на необитаемый островок в группе островов Бастиментос, укрыв на нем пленных и добычу.

Во вторник 20 февраля Коксон отправил капитана Эллисона на остров Спрингер-Ки, где стояла в укрытии пиратская флотилия. В тот же день около 700 вооруженных испанцев, посланных президентом Панамы, достигли Пуэрто-Бельо. Они сразу же бросились по следам флибустьеров и через три дня обнаружили их на упомянутом островке. Завязалась перестрелка. Не желая рисковать людьми, Коксон приказал всем перебраться на другой островок, расположенный вне досягаемости испанских мушкетов. Сюда же подошли шесть пиратских судов, а также барки капитанов Шарпа и Кука.

На следующий день у входа в гавань Пуэрто-Бельо была замечена испанская баркалона, которая шла из Картахены с грузом соли и маиса и была взята на абордаж людьми Шарпа. Спустя три дня с верхушки грот-мачты одного из кораблей флотилии дозорный заметил добротное испанское судно, направлявшееся в Пуэрто-Бельо. На его перехват двинулся шлюп капитана Эллисона. Начался бой, который длился приблизительно час. Коксон на своей барке поспешил на помощь Эллисону, и именно он в конечном счете захватил вражеское судно, не потеряв при этом ни одного человека. Приз оказался новым 8-пушечным кораблем водоизмещением около 90 тонн, шедшим из Картахены. Он вез древесину, соль и маис, а также 4 тюка шелка и 30 негров-рабов. На его борту пираты нашли письма из Испании; в некоторых из них, по свидетельству Уильяма Дампира, содержались предсказания астрологов о том, что пираты в этот год проникнут в Южное море. На призе обнаружили также кувшин вина, в котором хранились 500 золотых монет. Поговаривали, что Коксон сохранил это золото для себя, к неудовольствию некоторых пиратов, обвинивших его в воровстве и нарушении клятвы, данной при заключении шасс-парти перед захватом Пуэрто-Бельо. Более вероятно, однако, что Коксон раздал золотые монеты членам своей команды.

После раздела добычи, взятой в Пуэрто-Бельо, на долю каждого флибустьера пришлось по 100 пиастров (испанский посол в Англии дон Педро де Ронкильос в письме от 6 сентября 1680 года отметил, что, по его данным, на каждого участника экспедиции пришлось по 30 ф. ст.).

Набег капитана Шарпа на город Ило в Перу

В 80-е годы XVII века, когда несколько отрядов флибустьеров проникли из Карибского моря в Тихий океан, жертвами пиратских нападений стали деревни и города на тихоокеанских берегах Мексики, Центральной Америки, Перу и Чили. Подробности этих набегов известны, прежде всего, благодаря дневникам и воспоминаниям самих флибустьеров.

В конце весны 1680 года, находясь в убежище на острове Койба в Тихом океане, отряды капитанов Бартоломью Шарпа и Эдмунда Кука общей численностью 146 человек решили отправиться на кораблях «Тринити» (бывший испанский галеон «Ла Сантисима Тринидад») и «Мейфлауэр» к побережью Южной Америки. Там они планировали развернуть охоту за испанскими торговыми судами и осуществить серию нападений на прибрежные поселения (позже команда Кука сместила его с капитанской должности, избрав на его место Джона Кокса).

Корабли подняли паруса в середине июня. Посетив остров Горгона, где умер от тропической лихорадки главный проводник пиратов — испанский офицер Хосе Габриэль, Шарп вскоре потерял из виду «Мейфлауэр». Отыскать пропавшего компаньона удалось лишь спустя три недели на острове Ла-Плата. Покинув этот остров, флибустьеры через некоторое время захватили в открытом море испанскую барку. Сдавшихся в плен капитана, моряков и пассажиров они оставили в живых, но не пощадили находившегося на борту приза священника — последний был застрелен и выброшен за борт.

После того, как «Тринити» случайно столкнулся с «Мейфлауэром», команда поврежденного судна вынуждена была перебраться на борт флагмана. В это время в отряде насчитывалось 142 человека,

включая двух юнг; кроме того, флибустьеры удерживали в трюме 55 пленных испанцев.

Обогнув мыс Бланко, пираты в середине сентября перехватили корабль, шедший из Гуаякиля в Кальяо, а затем продолжили путь на юг на некотором отдалении от побережья Перу. Планировалось нападение на город Арику. 22 октября они вновь увидели землю немного севернее Арики — там, где сегодня проходит граница между Перу и Чили. Участник этой экспедиции Бэзил Рингроуз рассказывает:

«Вторник, 26 октября (по старому стилю. — В. Г.). Прошлым вечером... примерно в шесть часов мы отошли от корабля, чтобы идти на захват Арики, решив высадиться в наветренной стороне от города на расстоянии примерно одной лиги. Мы находились примерно в шести лигах от города, когда покинули наш корабль, из-за чего были вынуждены грести всю ночь, чтобы успеть достичь места нашей высадки до рассвета. К утру каноэ оставили ланчу, которая всю ночь тащила их за собой на буксире, и в которой я находился, и со всей возможной поспешностью устремились к берегу с намерением высадиться еще до того, как туда сможет прийти ланча. Но, приблизившись к тому месту, где мы собирались высадиться, они, к нашей величайшей досаде и огорчению, обнаружили, что наше намерение раскрыто, и что все побережье и вся страна уже знают о нашем прибытии. Тем не менее, мы все же готовы были высадиться, если бы смогли найти место, удобное для этого. Однако волны вздымались так высоко и с такой силой обрушивались на скалы, что наши лодки неизбежно разбились бы на тысячу кусков, и нам угрожало намокание нашего оружия, если бы мы рискнули пристать к берегу.

Местность вокруг бухты, а также вершины холмов были заняты отрядами всадников, которые, видимо, были собраны здесь по тревоге со всей страны... Они выстрелили в нас из ружья, но мы не стали отвечать им, решив, что будет лучше вернуться на корабль и отложить это предприятие до лучших времен... Разочаровавшись провалом наших замыслов относительно Арики, мы теперь решили отправиться отсюда к селению Ило, чтобы взять там воду и провизию, а также осуществить разведку. Всю эту ночь мы провели при полном безветрии.

27 октября, утром, мы находились в наветренной стороне примерно в лиге от Мора-де-Самы. Был полный штиль, и нас несло течением в подветренную сторону...»

Заметим, что к этому времени участники экспедиции испытывали острый недостаток питьевой воды. Ее потребление пришлось сократить до полупинты в день на человека.

Рассказ Рингроуза дополняют сведения из дневника Шарпа;

«27-го, среда. Этим днем, примерно в шесть или семь часов, мы снарядили наши каноэ и на заре высадили наших людей. На берегу моря находится лишь семь или восемь домов индейцев, а испанское поселение стоит на холме примерно в полумиле от места высадки; в нем имеется церковь».

Дальнейший ход событий, связанный с операцией по захвату Ило (город находился примерно в 70 милях к северо-западу от Арики), более подробно описывает Рингроуз:

«28 октября. Ночью, накануне этого дня, мы выслали четыре наших каноэ с пятьюдесятью людьми, чтобы захватить и ограбить город Ило...

Утром, перед самым рассветом, подул свежий бриз, с которым мы вошли прямо в этот порт. Примерно в час пополудни мы стали на якорь...

Мы бросили якорь на расстоянии двух миль от селения, а потом мы увидели два флага, вывешенные нашими людьми, захватившими город, и подняли [на мачтах] наши английские флаги. Испанцы отступили к холмам и там сделали то же самое. Став на якорь, наш командир капитан Шарп отправил каноэ к борту нашего судна и приказал, чтобы все люди, оставшиеся на корабле в запасе, отправились на берег.

Вместе с тем, они нам рассказали, что наш отряд, высадившийся прошлым утром, был встречен на берегу всадниками, которые обменялись лишь несколькими выстрелами с нашими людьми, а потом бежали. Что после этого наши силы двинулись прямо к городу, где испанцы, ожидавшие, что мы можем высадиться сначала там, возвели из глины и песка бруствер длиной тридцать шагов. Там, после небольшой стычки, мы убили индейца, который перед смертью рассказал нам, что из Лимы они получили известия о нашем прибытии девятью днями ранее, а из Арики — лишь днем ранее. Захватив город,

мы нашли в нем большое количество смолы, дегтя, оливкового масла, вина и муки, а также другие виды провизии. Мы старались быть весьма бдительными, как и испанцы на холмах, боясь, чтобы они не попытались внезапно уничтожить нас.

На следующий день, 30 октября, мы выбрали шестьдесят человек из тех, кто был снаряжен для похода, и приказали им пойти и изучить прилегающую к городу долину. Мы нашли эту долину весьма красивой, полной фиговых, оливковых, апельсиновых и лимонных деревьев, а также иных фруктов, приятных на вкус. Четырьмя милями выше, в той же долине, мы нашли большое предприятие по производству сахара, или *инхеио де асукар*, как его называют испанцы, где мы обнаружили большой запас сахара, оливкового масла и патоки, но большую часть сахара владельцы спрятали от нас непосредственно в сахарном тростнике. Когда мы отправились в долину, испанцы двинулись по холмам, наблюдая за нашим перемещением. С вершин холмов они часто обрушивали на нас большие камни, но с величайшей осторожностью мы старались избежать этой опасности, а огонь наших ружей принуждал их всех спешно прятать свои головы. Из этого дома, то есть из вышеназванного сахарного предприятия, мистер Кокс, я и некто Кэннис, голландец (который был тогда нашим переводчиком), пошли к испанцам с флагом перемирия. Они встретили нас весьма вежливо и обещали дать нам восемьдесят быков в виде выкупа за сахарное предприятие... Мы договорились с ними, что они смогут передать их нам в порту на следующий день в полдень. Соответственно, капитан Шарп в тот же вечер отправил в порт двадцать человек со строжайшим приказом, чтобы наши силы не учиняли никакого насилия над теми, кто приведет быков.

Воскресенье 31 октября... Этим утром капитан испанцев пришел к нашему командиру капитану Шарпу с флагом перемирия и сказал ему, что шестнадцать быков уже отправлены в порт, и что остальные несомненно будут там на следующее утро. С тем мы получили приказ готовиться к отступлению, вернуться в порт и там грузиться на борт нашего корабля. Я давал другой совет, а именно — чтобы мы все же оставили двадцать человек удерживать дом сахарного предприятия, и чтобы другие заняли холмы, очистив их тем самым от испанцев и их дозорных. Однако мой совет не был принят, каждый человек

прихватил с собой тот мешок сахара, какой хотел, и с тем мы вернулись к нашему судну. Прибыв туда, мы не нашли там никаких быков...

На следующее утро, 1 ноября, наш капитан отправился на вершину упомянутых холмов и говорил с испанцами по поводу выполнения ими соглашения. Испанцы ответили, что скот, несомненно, будет доставлен этой ночью, а если нет, то владелец или собственник сахарного предприятия уже вернулся из Потоси, и мы можем пойти и пообщаться с ним и, если нам будет угодно, заключить с ним новую сделку по поводу сохранения его дома и вещей: это было больше в его, а не в их интересах — сохранить оное от разорения. С этим ответом наши люди вернулись к нам, и мы решили ждать до следующего дня поставки быков.

На следующий день примерно в восемь утра пришел к нам от врагов парламентар, сказавший, что, мол, ветер был таким сильным, что они не смогли пригнать скот, иначе бы они его доставили в срок. Но, впрочем, к полудню мы в любом случае не будем обмануты, и скот приведут к нам. Настал полдень, но скот не появился; мы, набрав воду и завершив иные дела, решили отомстить врагам и причинить им всевозможный ущерб — по крайней мере, предать огню сахарное предприятие. Соответственно, шестьдесят наших людей отправились в долину и сожгли дом, сахарный тростник и мельницу, принадлежавшие этому *инхеньо*. Мы разбили также кухонную посуду, вазы и много кувшинов для оливкового масла, которые мы нашли в доме. Сделав это, мы забрали с собой сахар и вернулись в порт через холмы, или горы... Нам повезло, что мы возвращались назад этой дорогой, так как иначе наши люди на берегу моря несомненно были бы изрублены и разорваны на куски врагами, ведь они в это время рассеялись и бродили туда-сюда группами по два-три человека. С холмов мы заметили, как с северной стороны бухты движется более трехсот всадников — они скакали во весь дух к нашим людям, которые пока еще не видели их и не подозревали, что опасность со стороны врага так близка. Встревоженные увиденным, мы бросили имевшийся у нас сахар и тут же устремились навстречу им, дав тем самым другим нашим людям время собраться вместе и подготовиться к защите. Построившись в боевой порядок, мы вызвали их на бой возле бухты, но едва мы приблизились к ним, как они ретировались и поскакали в

горы, надеясь окружить нас и, если удастся, выбить нас со скал. Догадавшись об их намерениях, мы вернулись назад и снова овладели указанными скалами, а также нижним городом, тогда как испанцы заняли верхний город (на расстоянии полумили от нижнего), холмы и окрестные леса. Когда всадники овладели этими районами, мы увидели, как: к ним со всех сторон стекаются люди, так что их силы быстро увеличивались с каждым часом. Мы стреляли друг в друга с дальней дистанции, пока было светло. Но в то же время мы заметили, что некоторые из них поскакали на дозорный холм и стали часто осматривать берег моря. Это заставило нас опасаться, что этим путем к ним могут подойти подкрепления, ожидаемые ими с минуты на минуту. Поэтому... мы решили тихо погрузиться под покровом ночи и отойти от берега, где нас так легко было обнаружить и где враг весьма основательно подготовился для действий против нас. Мы утащили большой ящик сахара, который разделили по семь с половиной фунтов на человека, тридцать кувшинов оливкового масла и множество иных видов овощей и наилучших фруктов».

Утром следующего дня, примерно в семь часов, флибустьеры отплыли из Ило при слабом ветре с суши. От берегов Перу капитан Шарп отправился дальше на юг, к побережью Чили.

Захват и сожжение чилийского города Ла-Серена

Миновав Арику, Икике и Уаско, флибустьеры из шайки Бартоломью Шарпа приблизились к приморскому городу Аа-Серена, лежащему на берегу залива Кокимбо.

«2 декабря [1680 года], ранним утром, мы обнаружили землю, которая выглядела очень высокой, — рассказывает Бэзил Рингроуз. — Около полудня мы находились в шести лигах от нее. Всю предыдущую ночь дул такой сильный ветер, что мы вынуждены были использовать лишь два курса. Согласно обсервации, проведенной этим днем, мы находились на 30°35' ю. ш. Мы пошли прочь довольно резво, проходя за вахту более девяти лиг. При таком ветре мы подняли все паруса, какие только могли, намереваясь таким образом еще до ночи прийти в Кокимбо, возле побережья коего мы теперь находились. Но ветер стал таким сильным, что иногда мы были вынуждены убирать все паруса... К вечеру он ослабел, а в полночь совсем затих. В это время мы

спустили наши ланчу и каноэ и, погрузив в них сотню людей, отгребли прочь от корабля с намерением неожиданно захватить значительный город, расположенный на том побережье, который испанцы называют Сьюдад-де-ла-Серена».

По данным капитана Шарпа, в набег отправились «восемьдесят пять крепких парней», которые собирались разорить «город Кокимбо» в отместку за тот обман со стороны испанцев, с которым они столкнулись ранее в городе Ило. Поскольку Рингроуз говорит о нападении на Ла-Серену, а Шарп и некоторые другие источники — о нападении на Кокимбо, следует уточнить, что города Ла-Серена и Кокимбо в наши дни образуют агломерацию. На чертеже, составленном Рингроузом, атакованный флибустьерами город именуется именно Ла-Сереной, а залив, на берегу которого он стоит, — заливом Кокимбо. Очевидно, в XVII веке Ла-Серену нередко именовали так же, как и залив (то есть Кокимбо).

«Пятница, 3 декабря 1679 [1680] года. Когда мы отошли от корабля, чтобы грести к берегу, мы находились от него на расстоянии примерно двух лиг, — сообщает Рингроуз. — Однако из-за того, что ланча (в которой я находился) шла на веслах очень тяжело по сравнению с каноэ, мы не могли поспеть за упомянутыми лодками. Именно по этой причине день уже давно начался, когда мы добрались до какого-то склада, расположенного на берегу; здесь мы поняли, что наши люди прошли мимо него в ночной темноте, не заметив его. Высадившись на берег, они тут же отправились от своих каноэ к вышеупомянутому городу Ла-Серена, но, не успев пройти достаточно далеко, они к великому своему сожалению поняли, что мы были обнаружены здесь точно так же, как ранее в двух других местах — в Арике и Ило. Ибо, когда они двигались тесным строем в количестве тридцати пяти человек — а это были все те, кто высадился на берег с каноэ, — их неожиданно встретил и атаковал большой отряд из ста испанских кавалеристов. Мы находились позади, но, услышав шум борьбы, бросились следом за ними и со всей возможной поспешностью постарались прийти им на помощь. Однако еще до того, как мы смогли достигнуть места сражения, они успели разгромить испанцев и вынудили их бежать в сторону города».

Информацию Рингроуза дополняет переписчик дневника Шарпа «Каноэ, в которых находилось тридцать пять человек, оторвались от

лодки и высадили людей перед рассветом, и, когда рассвело, они обнаружили патруль, который находился возле бухты и насчитывал в то время около 150 человек; осмелев от своего превосходства в численности, они решили взять нас в кольцо, не сомневаясь, что легко одолеют столь малое число людей, и смело устремились на нас; наш командир, учитывая, что нас было лишь тридцать пять, приказал, чтобы вначале во врага выстрелили только шесть человек, чтобы не вступать в ближний бой; будучи вооруженными только фузеями и пистолетами и не зная, сможет ли наш основной отряд быстро прийти к нам на помощь, мы решили повернуться спиной к берегу, чтобы каждый стоял на своей позиции до последнего».

Когда испанские кавалеристы приблизились, пираты, имевшие в патронташах по несколько готовых зарядов, открыли по ним огонь из ружей и пистолетов. Несколько испанцев было убито, и их атака тут же захлебнулась. Подобрав тела убитых, они предпочли ретироваться на безопасное расстояние.

«Несмотря на то, что кавалерия была разбита, — продолжает свое повествование Рингроуз, — они снова собрались примерно в миле от того места, делая вид, что ожидают нас и хотят биться дальше. Но как только все наши силы объединились, имея в общей сложности восемьдесят восемь человек, тогда как прочие остались охранять лодки, мы двинулись на них и предложили им сразиться. Однако едва мы приблизились к ним, то сразу поняли, что они не хотят этого, поскольку сразу же ретировались и ускакали прочь от нас, держась на расстоянии, не достигаемом для наших ружей. Мы следовали за ними в том направлении, куда они скакали, а они умышленно уводили нас в сторону от дороги, ведущей в город, надеясь, что мы не сможем достигнуть ее или отыскать так скоро. В этом столкновении с кавалерией наш отряд убил трех их начальников и ранил еще четверых, убив также четырех лошадей. Когда мы обнаружили, что были уведены этой хитростью врага прочь от дороги на город, мы вернулись к бухте и пошли через зеленые поля, чтобы найти ее; часто шли вброд через отдельные канавы с водой, которые служили здесь для ограждения отдельных участков земли. На этом пути мы встретили несколько домов, но нашли их покинутыми... Кроме того, двигаясь по направлению к городу, мы видели в полях лошадей и крупный рогатый скот. Наш пилот сообщил, что Ла-Серена — небольшой город, но,

прибыв туда, мы нашли в нем не меньше семи больших церквей, а также одну часовню (по данным Шарпа, «в Кокимбо» было «девять хороших церквей». — В. Г.). Четыре из этих церквей были монастырями или обителями, и каждая церковь имела собственный орган для исполнения различных богослужений. Некоторые дома имели посадки фруктовых деревьев и сады; и дома, и сады были так же хороши и так тщательно ухожены, как и те, что можно видеть в Англии...

Когда мы приближались, жители Ла-Серены, обнаружив нас, бежали прочь, унеся с собой наиболее ценные вещи и драгоценные камни или те, что не были очень громоздкими. Многие ценные вещи они успели спрятать или зарыть, поскольку имели достаточно времени, чтобы сделать это, с того момента, когда мы впервые были замечены. Кроме того, они получили достаточно предупреждений, чтобы опасаться нас, которые были отправлены им по суше из Арики и некоторых иных мест, где мы высаживались или были замечены в море. Тем не менее, мы захватили в городе одного монаха и двух чилийцев, или испанцев, родившихся в королевстве Чили... Эти пленные сообщили нам, что испанцы, услышав о нашем прибытии, убили много чилийских рабов, так как боялись, что они могут взбунтоваться и сбежать от них к нам. Кроме того, что мы были обнаружены со стороны берега за четыре дня до нашего прихода или высадки на сушу, всё это время они занимались перевозкой своего серебра и вещей. К этому сообщению они добавили, что для своей защиты они получили в помощь шестьдесят человек из Арики. После взятия города в тот же вечер к нам явился один негр, сбежавший от испанцев. Он также сообщил нам, что, когда мы находились возле Панамы, мы захватили негра, который считался лучшим пилотом на всем Южном море, а особенно в этом месте и на всем побережье Кокимбо... Этой ночью, около полуночи, наш боцман, сопровождаемый сорока людьми, имея проводником одного чилийца, отошел от города на несколько миль в глубь страны с намерением найти места, где укрылись испанцы, и где они спрятали свои вещи и серебро. Но еще до их прихода испанцы получили сообщение об этом от неких тайных соглядатаев, затаившихся в городе, и как мужчины, так и их женщины убежали в более глухие и отдаленные места. Так что во время своих поисков они обнаружили лишь одну старую

индеанку и трех детей, но не нашли ни золота, ни серебра, ни других пленных. Этим утром наш корабль стал на якорь недалеко от вышеупомянутого склада..

На следующее утро, в субботу 4 декабря, в город прибыл от врага парламентар. Они предлагали заплатить выкуп за город, чтобы сохранить его от сожжения; ибо теперь они стали бояться, что мы можем поджечь его, так как не нашли в нем значительной добычи. Капитаны, или старшие командиры с обеих сторон... договорились между собой, что полная цена выкупа будет равна 95 000 пиастров».

Более подробно об этих переговорах сообщается в опубликованной версии дневника Шарпа:

«На второй день нашего пребывания в городе к нам явились шестеро джентльменов с флагом перемирия, спросившие, не можем ли мы отправить их губернатору немного вина, так как у него не было ни капли в тех полях, где он расположился, на что мы согласились, присовокупив также птицу и такую любезность: мол, ежели он сам и его леди нуждаются в каких-либо вещах, которых они лишились, то они вольны их потребовать, за исключением золота, серебра и драгоценных камней. После этого, найдя нас такими дружественными врагами и победителями столь доброго нрава, он пригласил нашего капитана выпить с ним по стакану вина на вершине холма, прямо на окраине города, и пожелал, чтобы наш капитан пришел без оружия и лишь с одним человеком, а он поступит точно так же; на что наш командир согласился и встретил губернатора с двумя бутылками вина. Они выпили и весело пообщались, и среди прочих разговоров наши интересы не были забыты. Наш командир договорился с губернатором, который не хотел, чтобы город был разрушен, о выкупе в 95 000 пиастров, каковые он обещал прислать нам на следующий день.

Так, выпив вино, они разошлись; мы встретили капитана в городе салютом из ручного оружия».

О дальнейших событиях сообщает Рингроуз: «В тот же день пополудни я был отправлен в бухту Кокимбо с отрядом из двадцати человек, чтобы доставить туда как вещи, захваченные в городе, так и провизию для нашего корабля... Испанцы предложили собрать и уплатить выкуп на следующий день...

Утром следующего дня я вернулся в город с теми людьми, которых я забрал днем ранее. Только шестеро из них я оставил позади,

чтобы присматривать за нашими каноэ в конце бухты. Когда я поднялся в город, я обнаружил, что испанцы не выполнили своих обещаний и не доставили выкуп, на который они дали согласие; но просили дать им еще время до завтра, до восьми часов утра. Этим вечером другой отряд наших людей спустился к кораблю, чтобы доставить туда вещи, которые мы награбили в городе. Кроме того, этой ночью, примерно в девять часов, произошло землетрясение, оказавшееся для нас весьма ощутимым, так как мы все находились в церкви Святого Иоанна, где располагались наша штаб-квартира и гауптвахта. В эту ночь испанцы открыли шлюзы и пустили потоки воды возле города, намереваясь либо затопить его, либо таким образом принудить нас покинуть это место, либо, наконец, для того, чтобы им было легче гасить пламя, если мы подожжем город.

На следующее утро мы подожгли город, обнаружив этот потоп, поскольку испанцы не выполнили, а точнее, даже не собирались выполнять свои обещания. Мы самым тщательным образом поджигали каждый дом в городе, собираясь полностью обратить его в пепел. С тем мы и покинули Ла-Серену, увезя с собой добычу, которую смогли найти... Когда мы спускались к бухте, мы разбили засаду из двухсот пятидесяти всадников, которые затаились у дороги с намерением напасть на наших людей в том случае, если бы мы отправили еще один отряд с вещами на корабль. Когда мы шли к морскому побережью, находясь примерно на полпути от нашего корабля, мы получили сообщение, что испанцы предприняли попытку с помощью обычной уловки сжечь наш корабль и таким образом уничтожить нас всех. Они сделали следующее: надули лошадиную шкуру, словно пузырь, и на этом надувном плавсредстве один человек рискнул поплыть от берега и подобраться под корму нашего корабля. Прибыв туда, он засунул конопат, серу и другие горючие материалы между пером руля и ахтерпиггевнем. Сделав так, он зажег это с помощью фитиля, так что вскоре руль был в огне, а весь корабль в дыму. Наши люди всполошились и были изумлены этим дымом, окутавшим корабль, заподозрив пленных в поджоге судна, которые таким образом хотели освободиться и уничтожить нас. Наконец, они отыскали источник огня и, к счастью, загасили его раньше, чем он смог распространиться далее. Как только они справились с этим, они отправили лодку на берег и нашли там как вышеупомянутую шкуру, так и горевший с двух

сторон фитиль, благодаря чему они поняли, как все было устроено. Когда мы пришли к складу на берегу моря, мы освободили монаха, нашего пленного, и другого джентльмена, который был нашим заложником — гарантом уплаты выкупа. Кроме того, когда мы прибыли на борт, мы отпустили и дали свободу капитану Перальте, дону Томасу де Аргандоне, дону Бальтасару, дону Кристобалью, капитану Хуану, помощнику пилота, старому мавру и некоторым другим нашим главным пленникам. К этому освобождению наших пленных нас подтолкнуло отчасти то, что мы не знали, что с ними делать дальше, а отчасти опасение, как бы они по примеру этой хитрости не составили заговор с целью нашего полного уничтожения и не осуществили это с помощью столь многих людей...»

Покинув побережье Чили, флибустьеры взяли курс на острова Хуан-Фернандес. Там они поделили добычу, сместили Шарпа с капитанской должности и избрали на его место некоего Джона Уотлинга.

Провал операции капитана Уотлинга по захвату Арики

Книга Бэзила Рингроуза содержит весьма детальный рассказ о том, каким образом флибустьеры осуществили нападение на портовый город Арику. Хотя в этом предприятии их постигла неудача, читателю наверняка будет интересно узнать, каким образом действовали пираты и испанцы в ходе сражения за город.

«...14 января мы пошли на NO, — сообщает Рингроуз. — Двигаясь курсом NNO плюс четверть к S, мы, по нашим расчетам, прошли тридцать лиг. Мы находились в четырех лигах к O от острова Хуан-Фернандес...

Суббота, 15 января, мы имели пасмурную погоду. Этим днем мы прошли к NO и O одиннадцать лиг. Такая же пасмурная погода сохранялась и 16-го. Но около десяти утра ветер стих. По нашим расчетам, идя на NO и N, мы прошли тридцать шесть лиг.

17-го мы имели легкий ветер и отличную видимость... На следующий день мы имели такую же ясную погоду... и прошли тридцать одну лигу. Обсервацию сделали на 27° 29' ю. ш., в среду 19 января; мы имели ясный день, как и прежде, и прошли... тридцать

пять лиг и еще две трети. Обсервацию сделали на 25°00' ю. ш. В этот день мы подняли брам-стенги и брамсея, которые сняли на острове Хуан-Фернандес, когда мы думали идти оттуда прямо к Магелланову проливу. Но теперь мы изменили наше решение и взяли курс на Арику... во второй раз, чтобы попытаться добиться успеха со второй попытки, в расчете окончательно поймать здесь свою удачу. В тот же вечер мы увидели землю на большом расстоянии.

Января 20-го, примерно в полночь, мы имели легкий ветер с суши... На рассвете мы смогли обнаружить землю снова, на расстоянии девяти или десяти лиг...

21-го мы имели очень слабый ветер, и пока мы шли, могли видеть высокую землю, совершенно пустынную. Мы пошли на NO и NNO вдоль побережья материка.

Следующим днем была суббота 22 января, мы имели очень жаркую погоду. Этим днем мы плыли на N и NO и все время высматривали остров Икике, который, по словам нашего пилота, был где-то поблизости. Мы держались на достаточной дистанции от земли из боязни быть обнаруженными врагом.

На следующий день, в воскресенье 23-го, мы плыли точно так же на NNO вдоль побережья, которое выглядело изобилующим близко расположенными бухтами...

Понедельник 24 января. Мы имели холодный сильный ветер... В полдень этого дня капитан Уотлинг, наш командир, и еще двадцать пять человек покинули корабль на двух каноэ с намерением отыскать и захватить остров Икике, и добыть там информацию о положении дел в Арике. Мы были на расстоянии двенадцати лиг от берега, когда они отошли от корабля.

Следующий день при ясной обсервации, 20°40' ю. ш. В четыре пополудни этого дня одно из наших каноэ вернулось, доставив сообщение, что они не смогли найти остров, хотя искали его тщательно. Вечером пришло другое; его привели назад из-за ошибочного сигнала, данного нам первым каноэ. Экипаж этого второго каноэ осуществил высадку на континент и здесь нашел тропу, по которой они немного прошли. Там они нашли мертвого кита, из костей которого испанцы соорудили хижину и установили крест... Они осмотрели на берегу много бухт с удобными местами для высадки и якорными стоянками для кораблей. Этим вечером, около семи часов,

свежая группа отправилась с корабля искать тот же остров, пока мы стояли без движения всю ночь...

Среда 26 января, мы имели очень жаркую погоду. В этот день испанский пилот рассказал нам, что на континенте, как раз напротив нас и на весьма незначительной дистанции внутри страны, имеется много серебряных рудников... Мы плыли на Н на расстоянии около двух лиг от берега В полдень при обсервации зафиксировали 20°21' ю. ш. В четыре часа мы заметили дым, посылаемый нашими людьми рядом с белой скалой, которая оказалась островом. Вследствие этого мы немедленно отправили другое каноэ с людьми, чтобы содействовать им... Но тем временем первое каноэ, которое ушло накануне вечером, вернулось к борту судна, доставив четырех пленников: двух белых стариков и двух индейцев. Другое каноэ, которое вышло позже, привезло назад патоку, рыбу и два кувшина вина. В наветренной стороне от этого острова имеется небольшой островок с восемнадцатью или двадцатью домами, имеющими поблизости маленькую часовню, построенную из камня... Они нашли в этой деревушке около пятидесяти человек, но большая часть из них убежала, как только каноэ причалило. К этому острову часто приходят барки из Арики, находящейся неподалеку, чтобы выбирать глину... Бедные индейцы, жители или туземцы этого острова, вынуждены привозить свежую воду, которой они пользуются... с реки, называемой Камаронес, которая находится в наветренной стороне острова Барка, в которой они возят ее, пошла за водой, когда наши люди осуществили высадку в этом месте...

Четверг 27 января. Этим утром на борту корабля мы допрашивали одного из стариков, взятых пленниками на острове накануне. Но, уличив его во множестве обманов, как мы полагали, относительно Арики, наш командир велел застрелить его, что и было сделано. Наш прежний командир, капитан Шарп, был очень расстроен и недоволен этим жестоким и опрометчивым поступком; поэтому он противился этому, как только мог. Но, видя, что его слова не возымели действия, он взял воду и умыл руки со словами; «Джентльмены, я очищаюсь от крови этого стрика; и я гарантирую вам горячий денек за это проявление жестокости, когда мы придем сражаться в Арику» Эти слова после окончания экспедиции на Арику найдут правдивыми и пророческими, о чем будет рассказано ниже. Другой старик, будучи

допрошенным, сообщил нам, что вышеупомянутый остров Икике принадлежит губернатору Арики, который был его собственником; и что он дает этим людям немного вина и иных необходимых припасов, чтобы они могли себя поддержать. Что он сам осуществляет контроль над сорока или пятьюдесятью губернаторскими рабами, которые ловят рыбу и сушат ее, ибо это приносит выгоду губернатору... Что из письма, полученного из Арики восемь дней тому назад, они поняли, что в гавани Арики тогда находилось три судна из Чили и один барк. Что они возвели там фортификации, установив на них двенадцать медных пушек... Что днем ранее пришла почта с сообщением о нашем появлении в Кокимбо. Что эмбарго, наложенное на все суда, идущие на север, было теперь отменено; так что им был дозволен свободный проход. Что по суше отсюда невозможно было добраться до Арики менее чем за четыре или пять дней, так как они вынуждены тащить воду для себя и лошадей в ходе всего путешествия. И, наконец, что оружие, которое было привезено из Лимы в Арику... было вывезено в Буэнос-Айрес. Все эти известия весьма нас обрадовали... Кроме вышеназванных вещей, пленники сообщили нам, что в Арике испанцы строят бруствер вокруг всего города и по одному — на каждой улице, чтобы в случае, если один конец города будет взят, они могли оборонять другой. Мы болтались туда-сюда большую часть этого дня. Пополудни мы были в восьми с половиной лигах от берега, имея свежий ветер. Утром, к тому же, мы взяли барк, который находился на реке Камаронес, набирая там воду для острова.

Пятница 28 января. Прошлой ночью около полуночи мы оставили корабль и сели в вышеназванный барк, ланчу и четыре каноэ с намерением неожиданно захватить Арику. Мы гребли и шли под парусом всю ночь, идя к берегу.

Суббота 29 января. Перед рассветом мы были у берега и там прятались среди скал в течение всего дня, опасаясь быть обнаруженными врагом до того, как достигнем Арики. В это время мы были примерно в пяти лигах к югу от Арики, возле Кебрада-де-Сан-Витор — места на том берегу, носящего такое название. Когда настала ночь, мы на веслах ушли оттуда.

Воскресенье 30 января 1680 года. Этим днем... перед восходом солнца мы высадились среди скал примерно в четырех милях к югу от Арики. Мы высадили на берег девяносто два человека, оставив

остальных в лодках, чтобы хранить и защищать их от внезапного нападения врага, предусмотрев возможность безопасного отступления для себя в случае необходимости. Этим людям мы оставили строгий приказ, чтобы, если мы подадим один дымовой сигнал из города или окрестных полей, они пришли за нами в гавань Арики с одним каноэ; а если будет два дымовых сигнала, то чтобы они привели все, оставив в лодках лишь пятнадцать человек. Когда мы двигались от места нашей высадки, мы взобрались на очень высокий холм и не увидели оттуда ни людей, ни вооруженных сил врага; это вселило в нас надежду, что мы не были обнаружены и нападём на них совершенно неожиданно. Но когда мы находились на полпути к городу, мы заметили трех всадников, которые прискакали осмотреть холм; и, заметив нас на марше, они со всей поспешностью поскакали в город, чтобы сообщить о нашем приближении. Наш командир Уотлинг выделил сорок человек для нападения на форт и отправил нас сначала к тому месту, остальные предназначались для города. Мы, которые были предназначены для форта, имели при себе десять ручных гранат, когда пошли на штурм, и вместе с ними, как и с другим нашим оружием, мы атаковали крепость и обменялись несколькими выстрелами с нашими врагами. Но, в конце концов, увидев, что наш главный отряд находится в опасности, одолеваемый множеством наших врагов, мы отказались от попытки захватить форт и со всей поспешностью бросились вниз в долину, чтобы спасти и помочь им в сражении. Здесь битва была весьма отчаянная, и они убили троих и ранили еще двух наших людей из-за своих укреплений до того, как мы смогли одолеть их. Но наша ярость росла вместе с нашими ранами, мы все еще продвигались вперед и, в конце концов, выбили врага отовсюду, заполнив каждую улицу в городе мертвыми телами. Враг сделал несколько отступлений в нескольких местах, от одного бруствера к другому; и у нас не было достаточного количества людей, чтобы держать под контролем все захваченные места. И не успевали мы выбить их из одного места, как они приходили в другое и обеспечивали его новыми силами и свежими людьми».

В городе пираты захватили большое количество пленных. Последние сообщили им, что гарнизон Арики узнал о появлении в окрестных водах пиратского судна еще за три дня до нападения и, соответственно, хорошо подготовился к защите. Пленные также

сообщили, что в город прибыло 400 солдат из Лимы, доставивших семьсот единиц оружия для использования местными жителями, и что в городе имеется 600 вооруженных человек, а в форте — 300.

«Владея теперь городом или большей его частью, — рассказывает Рингроуз, — мы отправились к форту, приказывая им сдаться, но они не удосужились ответить нам Тогда мы двинулись на него и атаковали во второй раз... Не сумев одержать верх, *мы поднялись на крышу дома, стоявшего рядом с ним, и оттуда стреляли вниз внутрь форта* (выделено нами. — В. Г.), убивая и ранив многих их людей себе на пользу и удовольствия ради. Но пока мы были заняты этой атакой, остальные силы врага снова взяли несколько постов в городе и начали окружать нас в большом количестве с намерением изрубить нас Из-за этого мы были вынуждены во второй раз отказаться от осады форта и повернуться лицом к ним. Пока мы это делали, их количество и энергия возрастали с каждой минутой, мы обнаружили, что они превосходят нас, и соответственно мы решили, что лучше отступить к тому месту, где находились наши раненые под присмотром наших хирургов, то есть к нашему госпиталю. В это время наш новый командир капитан Уотлинг, оба наших квартирмейстера и многие другие из наших людей были убиты, не считая тех, кто был ранен и умирал Так что теперь враги сплотились против нас и выбивали нас из всех мест, мы были в весьма расстроенном состоянии и гораздо ближе к тому, чтобы погибнуть всем, нежели избежать кровопускания в сей день. Теперь мы убедились, что слова капитана Шарпа оказались истинным пророчеством... и день выдался весьма жарким для нас после той жестокой горячности, проявленной при... хладнокровном лишении жизни старого метиса-индейца, которого мы взяли пленным в Икике, о чем сообщалось ранее. Имея препятствия со всех сторон, в великом смятении, не имея командующего или лидера, чтобы отдавать приказы, что делать дальше, мы были рады обратить наши взоры на нашего доброго старого командира Бартоломью Шарпа и просить его весьма настоятельно смилостивиться над нашим плачевным состоянием и вывести нас Нам пришлось потратить немало времени, повторяя ему наши просьбы, прежде чем он обратил внимание на наше ходатайство в этом пункте, так сильно был он огорчен прежним мятежом наших людей против него... Но Шарп — человек неустрашимой отваги и прекрасный вожак, ничуть не боящийся

посмотреть презренному врагу в лицо, человек, который знает как теоретическую, так и практическую части навигации. Поэтому по нашей просьбе и настойчивому ходатайству он взял на себя верховное командование снова, и начал раздавать указания, чтобы спасти нас. Он хотел забрать наших хирургов, но они понапивались, пока мы штурмовали форт, и не смогли уйти с нами, когда их звали».

Заметим, что хирурги находились в это время в церкви, временно превращенной флибустьерами в госпиталь. Поскольку в подвале церкви обнаружился склад вина, последователи Эскулапа не смогли удержаться от соблазна продегустировать его. Попад в результате перепоя в плен к испанцам, хирурги довольно быстро получили свободу — их профессия оказалась востребованной не только на пиратских кораблях.

После этого главным хирургом экспедиции был избран Лайонел Уофер, находившийся во время нападения на город среди тех, кто охранял оставленные на берегу каноэ.

Касаясь завершающей фазы сражения за Арику, Рингроуз пишет: «Они (испанцы. — В. Г.) убили и захватили у нас двадцать восемь человек; еще восемнадцать, коих мы спасли, были тяжело ранены. В это время мы крайне ослабли, мечтая о воде и провианте, ибо у нас ничего не было весь тот день. Кроме того, мы едва не задохнулись от городской пыли; она поднималась благодаря стрельбе, которую вели их пушки, так что алы едва могли различать друг друга. Они выбили нас из города, а затем преследовали нас в саваннах или на открытых полях, все еще атакуя нас со всей возможной поспешностью. Но когда они увидели, что мы снова собрались вместе, решив биться до последнего, они тогда убежали от нас в город и укрылись за своими брустверами. Таким образом, мы отступали в добром порядке, насколько это было возможно в такой неразберихе. Но их всадники преследовали нас, когда мы отступали, и стреляли в нас всю дорогу, хотя они не отваживались приблизиться к нам на расстояние выстрела из наших ружей; ибо их собственные поражали на большем расстоянии, чем наши, и стреляли дальше наших более чем на треть. Мы держались морского побережья для нашей большей безопасности; когда враги увидели это, они забрались на холмы и скатывали вниз большие камни и целые скалы, чтобы уничтожить нас. Тем временем те, что остались в городе, допросили наших хирургов и иных людей, которых они взяли в

плен. Те выдали им наши сигналы, которые мы передали нашим лодкам, оставшимся в тылу, так что они тут же подали два дымовых сигнала, которые были замечены теми каное. Для нас это было крайне опасно. Ибо, если бы мы не прибыли немедленно на берег моря, наши лодки ушли бы — они уже стояли под парусами; и мы бы все неизбежно погибли. Итак, мы покинули берег и прибыли на борт корабля около десяти часов ночи..»

31 января, в понедельник, флибустьеры вывели свой корабль в открытое море.

Согласно испанским данным, во время сражения за Арику защитники города потеряли 70 человек убитыми и две сотни ранеными. В то же время численность команды «Тринити» сократилась до 65 человек. Флибустьер Уильям Дик, еще один спутник Шарпа, записал в дневнике: «Теперь наша команда и наши силы были крайне ослаблены, но наш дух оставался крепким и, хотя нас постигли разочарования в нескольких местах, всё же мы надеялись, что рано или поздно, так или иначе, мы сможем реализовать наши планы, которые сделают нас богатыми».

Поход Николаса ван Хоорна на Веракрус

Операция флибустьеров по захвату мексиканского портового города Веракрус (1683) была одной из самых успешных в истории их деяний. Хотя она не вызвала такого резонанса в Европе, как нападение Генри Моргана на Панаму (1671), по своей прибыльности она, безусловно, превзошла «панамскую акцию». Верховное командование в этой экспедиции осуществлял уже известный нам голландский капитан Николас ван Хоорн, а его заместителями были Лауренс де Графф и Жан де Граммон.

Ван Хоорн прибыл в Пти-Гоав в январе 1683 года на 40-пушечном фрегате «Сент Николас». Губернатор колонии, съёр де Пуансэ, решил использовать корабль голландца в качестве судна береговой охраны, способного как отпугивать испанских и английских корсаров, так и бороться с непокорными пиратами. Он предложил эту ответственную миссию Ван Хоорну, и тот охотно согласился стать «морским полицейским».

Согласно полученному каперскому поручению, голландский капитан должен был найти и задержать пиратов, которые ушли на судне «Ла Тромпёз», захватив его у англичан с Ямайки. Вторая часть поручения разрешала Ван Хоорну вести войну против испанцев в ответ на недавние атаки их корсаров на французские торговые суда и плантации. Это было сделано в угоду Ван Хоорну и оставляло ему широкое поле для маневра.

Приблизительно 300 человек с Сен-Доменга, как праздных флибустьеров, так и колонистов, завербовались в команду «Сент Николаса». Кроме того, Ван Хоорн согласился взять на борт в качестве своего помощника съёра де Граммона. Помимо Граммона в походе участвовал еще один главарь местных флибустьеров — капитан Жан Тристан (Ян Кристиан), и небольшой фрегат под командованием Филиппа Гомбера де ла Флёра.

Ван Хоорн вышел из Пти-Гоава во второй половине февраля, имея запас провизии на шесть месяцев. Сначала он взял курс на Ямайку. В последний день месяца «Сент Николас» бросил якорь близ Порт-Ройяла. Ван Хоорн воспользовался этим визитом для передачи губернатору Ямайки сэру Томасу Линчу писем от Граммона и Пуансэ; в них английский губернатор информировался о намерении Ван Хоорна захватить пиратский корабль «Ла Тромпёз».

Линч встретил эту новость скептически. Что делал Ван Хоорн на Ямайке в то время, когда «Ла Тромпёз» болтался в окрестностях острова Ваш, у южного побережья Сен-Доменга? Прекрасно зная, какого сорта люди собрались на борту «Сент Николаса», он справедливо предположил, что охота на пиратов была лишь предлогом для людей, которые сами жили за счет грабежа испанцев. Тем не менее Линч прислал на борт «Сент Николаса» французского протестанта Шарля Барре, при посредничестве которого передал флибустьерам медикаменты и часть корабельного снаряжения.

Видимо, егце до выхода в открытое море Ван Хоорн и Граммон договорились осуществить набег на Веракрус — один из богатейших городов Новой Испании, куда ежегодно приходил «серебряный флот». Но трехсот человек, собравшихся на борту «Сент Николаса», было недостаточно для такого крупного предприятия. За несколько недель до прибытия Ван Хоорна в Пти-Гоав оттуда в сторону Гондурасского залива ушли три корабля под командованием Лауренса де Граффа Ван

Хоорн решил объединиться с указанным флибустьером. Разгадав замысел голландца, Линч послал испанским губернаторам Больших Антильских островов и Новой Испании предупреждение об опасности. Но курьеры прибыли к месту назначения слишком поздно.

Ван Хоорн появился в Гондурасском заливе в конце марта. Вместо того чтобы отправиться на остров Роатан, где находились де Графф и несколько других капитанов с Сен-Доменга, он пошел в залив Америк, расположенный в глубине Гондурасского залива. Там он захватил гондурасскую урку «Нуэстра Сеньора де Консоласьон» и сопровождавший ее паташ «Нуэстра Сеньора де ла Регла». Именно за этими двумя судами охотился в тех краях де Графф. На борту урки Ван Хоорн нашел лишь ящики с индиго стоимостью 2 тыс ливров. С захваченными испанскими судами он направился к Роатану.

В начале апреля, не дойдя до Роатана, Ван Хоорн встретил в море 30-пушечный корабль де Граффа и захваченный им приз, а также капитана Михела Андрессона с кораблем и баркалоной; последние как раз собирались идти в залив Америк в надежде захватить упомянутую урку. Узнав, что его опередили, де Графф не на шутку рассердился и повернул назад к Роатану. Там к нему присоединились его компаньоны, а затем и Ван Хоорн. Узнав о намерении последнего совершить нападение на Веракрус, большая часть флибустьеров убедила де Граффа смирить гнев на милость и присоединиться к Ван Хоорну.

На Роатане Ван Хоорн раснастил гондурасскую урку и сжег. Что касается паташа, то он вооружил его 24 орудиями и отдал под командование Жану Тристану вместе с третьей экипажа «Сент-Николаса». Кроме того, Ван Хоорн поручил Тристану специальную миссию — пригласить на Роатан несколько других пиратов, которые, как было известно, крейсировали в то время у южных берегов Кубы. Тристан вернулся на Роатан с голландскими капитанами Янки и Яном Блотом (во французских документах — Жан Бло); оба командовали 15-пушечными судами и имели по 150 человек команды. С ними прибыл и английский капитан Спарр (Спёрл) на своем барке. Таким образом, Ван Хоорну удалось собрать флот из десятка судов, имевших на борту около тысячи головорезов. Он предложил свой план всем капитанам и экипажам. Вопреки поддержке, которую Граммон, де Графф и другие влиятельные пираты оказали Ван Хоорну, некоторые флибустьеры

считили, что Веракрус — слишком укрепленный город, чтобы можно было взять его с такими скромными силами (для сравнения напомним, что в панамской экспедиции Моргана участвовало 2 тыс флибустьеров). Неожиданно они узнали новость, которая могла облегчить им выполнение задуманного. Несколько пленных признались на допросе, что в Веракресе ожидали прибытия двух кораблей из Аа-Гуайры с грузом какао. Пираты решили прибегнуть к старой военной хитрости — эффекту «троянского коня», а именно: выдать корабли Тристана и Янки за ожидаемые в городе испанские суда и использовать их в качестве транспортов для *скрытой доставки на берег штурмовых отрядов*.

Выбор «генерала» экспедиции спровоцировал трения между де Граффом и Ван Хоорном. Один мог претендовать на этот пост на основании своих недавних подвигов против испанцев, а также как главный капитан четырех судов, с которыми он оставил Пти-Гоав. У второго была новая каперская лицензия, и к тому же он был инициатором предприятия. В конечном счете именно Ван Хоорн стал «генералом», а де Графф был избран «адмиралом» (то есть вторым начальником).

Флот Ван Хоорна оставил Гондурасский залив в конце апреля или начале мая. У мыса Каточе к нему присоединились еще два корабля, которыми командовали английские капитаны Джекоб Холл и Дэниэлс. Войдя в Мексиканский залив, они бросили якорь у островка Сакрифисьос, в нескольких километрах к востоку от порта Веракрус. Там 800 человек сели на паташ «Нуэстра Сеньора де ла Регла» и фрегат «Падараме» (бывший «Падре Рамос»), которыми командовали Тристан и Янки. Оба судна пошли от островка Сакрифисьос к Верукрису под испанскими флагами, надеясь, что жители и защитники города спутают их с двумя ожидаемыми кораблями из Ла-Гуайры.

Во второй половине дня понедельника 17 мая 1683 года «Ла Регла» и «Ла Падараме» подошли к острову Сан-Хуан-де-Улуа, прикрывавшему вход в гавань Веракруса. Их присутствие показалось подозрительным коменданту форта Сан-Хуан-де-Улуа, поскольку, имея возможность войти в пролив между островом и портом еще до захода солнца и укрыться под прикрытием крепостных пушек, они не сделали этого. Испанский офицер сообщил об этой «странности» губернатору Веракруса Луису Фернандесу де Кордова Полагая, что речь идет о

двух судах из Венесуэлы или о судах флота Новой Испании, ожидающих своего адмирала, Кордова для очистки совести распорядился лишь удвоить охрану. Ближе к полуночи, не видя причин для волнения, он отправился спать. Тем временем Ван Хоорн и его пираты высадились на берег в так называемом «старом городе», расположенном примерно в трех лье к северо-западу от нового города.

Прибыв туда, пираты легко захватили наблюдательную вышку, стоявшую на берегу моря. Другие источники утверждают, что Ван Хоорн и его люди, высадившись на сушу, услышали удары колокола и, решив, что их обнаружили, уже думали вернуться на суда, но другие главари успокоили их, сказав, что часовой караульного помещения Веракруса звонит так каждый раз в полночь.

В этом деле Ван Хоорн не имел недостатка в проводниках. Помимо пленных испанцев при нем находилось несколько искателей приключений, которым довелось побывать заключенными в Веракрусе — это были главным образом английские лесорубы, которых испанцы захватили в 1680 году в заливе Кампече. Дампир в своей книге упоминает одного из них, Джона Рассела, который, видимо, был главным проводником в этой экспедиции. По дороге к Веракрусу Ван Хоорн нашел также новых проводников: несколько негров-рабов, которым была обещана свобода взамен их услуг.

Перед рассветом, во вторник 18 мая, пираты появились перед стенами Веракруса. А в четыре часа утра они штурмовали город в то время, когда тот открывал свои ворота Капитаны Андресзоон (во главе 70 человек), и де Графф (с 80 другими) повели наступление на два бастиона, защищавших город. Они легко справились с заданием и повернули испанские пушки в сторону жилых кварталов. Тем временем основной отряд под командованием Ван Хоорна и Граммона бросился к гауптвахте и на центральную площадь. Слишком любопытные горожане, которые рискнули появиться там во время атаки, были убиты на месте. Архенгольц так описывает этот эпизод: «Беспечные жители не помышляли ни о какой опасности, когда вдруг враги ворвались в город и перерезали всех сопротивлявшихся. Лауренс повел отборный отряд к крепости, защищавшей город со стороны суши, и вскоре овладел ею. Здесь нашли двенадцать пушек, из которых Лауренс велел сделать несколько выстрелов по городу, чтобы уведомить товарищей об удаче. Испанские солдаты, разбуженные

необыкновенным шумом, все еще не трогались с места В этот день был праздник известного святого, и они полагали, что некоторые из знатнейших жителей вздумали начать гулянье раньше намеченного времени. Даже смешанные вопли друзей и врагов они приняли за радостные крики, и, словом, защитники города узнали последними, что он находится уже в руках флибустьеров».

Рассеявшись по улицам города, пираты выбивали двери домов и выводили оттуда всех обитателей, среди которых некоторые были захвачены прямо в постели. Затем они собрали их в арсенале. В девять часов все жители (по испанским данным — в количестве 6000) были собраны на площади, а затем заперты в большой церкви под надежной охраной. На следующий день после захвата города пираты разместили пороховые бочки под сводами главной церкви Веракруса, угрожая всех взорвать, если испанцы не покажут, где они спрятали свои ценности. Ужасные крики слышались тогда среди пленников, которые начали теснить друг друга возле стен. Во время давки они высадили маленькую боковую дверь, в которую хлынула обезумевшая толпа Но пираты пинками и прикладами ружей загнали несчастных пленников назад. Потом, выбрав из толпы наиболее богатых горожан, они начали пытаться их, требуя показать, где спрятаны их сокровища Одновременно разбойники потребовали, чтобы руководители религиозных орденов собрали с горожан выкуп.

В четверг 20 мая два испанских капитана, Фермин де Сасуэта и Мигель Аскуэ, попросили у офицеров стражи, охранявшей большую церковь, разрешение встретиться с их вожаками. Представ перед Ван Хоорном и его капитанами, они пожаловались на дурное обращение, жертвами которого стали как они, так и их сограждане. Ван Хоорн внимательно выслушал их и пообещал, что они будут вскоре освобождены и им дадут воду и немного пищи. Ван Хоорн и Граммон далее пригласили за свой стол капитана Сасуэту. Между тем вечером 21 мая флибустьеры снова угрожали пленникам взорвать церковь. Под предлогом того, что испанцы прячут сокровища, флибустьеры жестоко истязали заложников. Викарий Бенито Альварес де Толедо поднялся тогда на кафедру и умолял своих соотечественников отказаться от имущества, чтобы спасти свои жизни. Принудительный обыск, который последовал за этим, принес пиратам 30 тыс песо в драгоценностях (женщины умудрились спрятать их под платьем).

Затем Ван Хоорн назначил за город выкуп в размере 200 тыс экю. Флибустьеры дали испанцам десять дней, чтобы собрать эти деньги, удержав в заложниках 20 знатных горожан, в том числе губернатора дона Луиса де Кордову (губернатор, прятаясь в конюшне, был найден капитаном Спарром в стоге сена и позже откупился за 70 тыс пиастров).

Плачевное состояние населения Веракруса несколько улучшилось после сообщения о появлении на горизонте флота Новой Испании из примерно 14 судов, которым командовали генерал дон Диего Фернандес де Сальдивар и адмирал дон Диего де Ороско. Его появление способствовало уменьшению размера выкупа и ускорило уход пиратов. Из общего числа пленных флибустьеры отобрали приблизительно 1500 негров и мулатов, чтобы продать их в рабство на Сен-Доменге. Эти мужчины, женщины и дети, которых собрали на центральной площади, были принуждены перевозить добычу пиратов на борт судов, стоявших на якоре у острова Сакрифисьос; погрузка была продолжена в субботу 22 мая. Наконец, заклепав орудия в крепости, пираты покинули город и стали ожидать выкуп на острове Сакрифисьос Там они заставили своих рабов и заложников построить 175 хижин вместимостью до 25 людей каждая.

В воскресенье 23 мая Ван Хоорн и его капитаны приступили к разделу добычи. В целом она оценивалась более чем в 1,5 млн пиастров. Это был один из наиболее богатых трофеев в истории пиратства: доля каждого участника похода доходила до 800 пиастров. Согласно данным губернатора Ямайки, Ван Хоорн для себя самого и двух своих кораблей — «Сент Николас» и «Ла Регла» — хотел получить тридцать долей, или 6000 ливров. Но выкуп за Веракрус задерживался, и должна была пройти еще неделя до его доставки. В это время нетерпеливый Ван Хоорн хотел ускорить уплату выкупа путем отправки в Мехико, в адрес вице-короля Новой Испании, голов нескольких знатных жителей Веракруса. Де Графф и другие вожаки проявили себя противниками подобной идеи. Эти разногласия могли стать причиной дуэли, которая произошла между главнокомандующим и его заместителем.

Источники расходятся относительно причин дуэли между Ван Хоорном и де Граффом. Например, губернатор Ямайки утверждал, что

причина крылась в отказе де Граффа напасть на флот Новой Испании, после чего Ван Хоорн обвинил де Граффа в трусости.

Экскумелин сообщает, что некий англичанин передал де Граффу оскорбительные слова, которые Ван Хоорн якобы произнес в его адрес. Возможно, причину надо искать в прошлом, Несмотря на успех экспедиции, де Графф не простил Ван Хоорну захвата двух испанских кораблей в Гондурасском заливе. К тому же Ван Хоорн слыл весьма хвастливым человеком, а это не всем нравилось. Как бы там ни было, дуэль произошла на островке Сакрифисьос между 22 и 29 мая. Правило было простым: первый, кто проливал кровь своего противника, считался победителем, отстаившим свою честь. Ван Хоорн проиграл поединок, будучи легко ранен в руку.

В пятницу 28 мая 1683 года пираты заметили два судна из флота Новой Испании, которые, однако, не осмелились приблизиться к ним. Ван Хоорн предложил своим компаньонам напасть на испанский флот, собираясь лично атаковать флагманский корабль, но его предложение было отклонено.

В субботу 29-го флибустьеры наконец получили выкуп за город. На следующий день, в воскресенье, когда они были заняты подсчетом выручки, флот Новой Испании снова появился на горизонте, готовый, по всей видимости, вступить в бой. Но битва так и не состоялась: испанские корабли прошли стороной, уйдя на стоянку к причалам острова Сан-Хуан-де-Улуа. А пираты в тот же день направились к мысу Каточе.

В условиях тропической жары рана, которую де Графф нанес Ван Хоорну, стала быстро гноиться; возможно, ее плохо лечили. Менее чем через неделю после дуэли Ван Хоорн умер на борту своего корабля. Он был похоронен на Логгерхэд-Ки — маленьком островке в нескольких километрах к востоку от мыса Каточе, у берегов Юкатана. Граммон сменил его в командовании «Сент-Николасом», переименованным в «Ле-Арди».

Нападение Граммона и Лауренса де Граффа на Кампече

Среди пиратских «подвигов» Жана де Граммона и Лауренса де Граффа одним из самых достопамятных был налет на мексиканский портовый город Сан-Франсиско-де-Кампече в 1685 году. При этом они

применили ту же тактику, которую использовал в 1663 году Кристофер Мингс.

В апреле 1685 года де Графф пришел на якорную стоянку у острова Пинос, что в архипелаге Сан-Блас, где застал флибустьерскую флотилию из десятка судов под командованием «генерала» Граммона. От этих пиратов голландец узнал, что часть его людей, отделившаяся от него несколькими неделями раньше, ушла через Панамский перешеек в сторону Тихого океана. Другие флибустьеры, поощряемые капитанами Тристаном, Маркхэмом и Шарпом, собирались последовать за ними, так что Граммону пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы удержать их от этого намерения.

Прибытие Лауренса де Граффа на остров Пинос дисциплинировало людей во флотилии Граммона. Собравшись на общий совет, они решили совершить набег на Кампече. Помимо Граммона и де Граффа в этом предприятии участвовали капитаны Джозеф Баннистер, Пьер Бар но кличке Брэха, Дюшен, Лагард и другие.

Спустя некоторое время испанский адмирал дон Гаспар де Паласьос, проплывая с несколькими кораблями Юкатанским проливом, заметил у мыса Каточе 8 пиратских судов, которые бросились за ним в погоню, но так и не догнали. 24 июня дон Гаспар прибыл в Кампече и поднял там тревогу, однако меры по защите города, предпринятые испанцами, оказались явно недостаточными.

5 июля флибустьерская флотилия в составе 10 кораблей, 6 барок и двух десятков каноэ появилась на траверзе Чампотона — селения, лежавшего в 14 лье к юго-западу от Кампече. В два часа ночи от 800 до 900 пиратов пересели в 22 каноэ, которые, «каждое под своим флагом», направились вдоль побережья к входу в гавань Кампече. 6 июля, в пять часов пополудни, они находились уже на расстоянии пушечного выстрела от города. В ночь с 6 на 7 июля к каноэ подошли также флагманский корабль флотилии и две барки. В 9 часов утра, оставив на судах 550 человек, десантный отряд из примерно 750 человек начал высаживаться на берег.

Согласно испанским данным, в Кампече в то время насчитывалось лишь 300 боеспособных людей. Они вели себя крайне пассивно. Военный корабль, стоявший на якоре под стенами форта, успел произвести в сторону неприятеля лишь несколько выстрелов, после

чего, по словам Шарлевуа, «огонь воспламенил порох, и этот корабль взлетел на воздух».

Высадившись на берег, флибустьеры двинулись к городу с развернутыми знаменами и барабанным боем. Неожиданно путь им преградила испанская засада, в которой, по оценке того же Шарлевуа (явно завышенной), укрывалось 800 человек. Они открыли огонь по пиратам, убив двух и ранив пятерых или шестерых. Выхватив сабли, французы бросились в атаку и преследовали неприятеля до самого города. «Здесь жители укрепились на улицах, установив везде пушки, — пишет Архенгольц — Но Граммон скоро уничтожил эту преграду. Он приказал лучшим стрелкам подняться на крыши и террасы, откуда они убивали всех артиллеристов, подходивших к орудиям (выделено нами. — В. Г.). Спустя короткое время во власти флибустьеров очутилось 40 пушек, и они направили их на жителей, которые не замедлили сдаться. Так-то флибустьеры, плохо вооруженные... в несколько часов овладели городом, укрепленным по всем правилам военного искусства и снабженным сильным гарнизоном».

Во время штурма города Лауренс де Графф командовал левым крылом флибустьеров. Со своим отрядом, насчитывавшим около 200 человек, он занял улицу, ведущую к центральной площади. Пиратам оставалось взять еще форт, вооруженный 18 большими и 6 малыми пушками. Граммон, однако, не стал торопиться. Он дал своим людям отдохнуть три дня, а затем с кораблей доставили порох и сотню ядер. 10 трофейных пушек, захваченных на баррикадах, были установлены в тюрьме, находившейся напротив форта. Эта батарея в течение 9 часов пыталась пробить брешь в крепостной стене, тогда как 600 флибустьеров, расположившихся на крышах соседних домов, вели непрерывный ружейный огонь, не позволяя ни одному испанскому солдату высунуть нос из укрытия. Три испанских флага, развевавшихся над фортом, были разорваны этим огнем в клочья, однако пробить брешь в стене пиратам не удалось. Граммон решил перенести штурм на следующий день, но неожиданно какой-то англичанин, находившийся в форте, начал кричать пиратам, что они могут спокойно войти туда, ибо весь гарнизон сбежал. «Такая трусливость показалась флибустьерам невероятной, — пишет Архенгольц, — и потому ждали утра, чтобы убедиться в правдивости

известия. В крепости нашли только двух человек: англичанина, служившего у испанцев в качестве артиллериста, и молодого офицера, который, движимый честью, счел за лучшее погибнуть, чем низким бегством осрамить свой мундир. Граммон принял его ласково и с уважением, приказал не трогать его имущества и тотчас освободил, сделав ему вдобавок еще несколько подарков».

Форт был передан под командование де Граффа, который разместился в нем со 180 людьми. Остальные пираты заняли дома богачей в районе центральной площади. Затем начался грабеж города, но поскольку большинство его жителей успело бежать в окрестные леса с наиболее ценными вещами еще до начала штурма, добыча, доставшаяся налетчикам, оказалась более чем скромной. Большие запасы кампешового дерева, найденные на складах, их не заинтересовали.

Пятьдесят семь дней флибустьеры оставались в Кампече, совершая ежедневные вылазки в окрестности города, удаляясь от него иногда на 10 или 12 лье. Однако и в окрестных селениях им не удавалось найти ничего ценного. Однажды летучий отряд пиратов, насчитывавший 130 человек, наткнулся на испанскую засаду, в которой, по данным Шарлевуа, находилось 900 солдат и ополченцев под командованием губернатора Мерида. Силы были неравными, и, отступая, флибустьеры потеряли 20 человек убитыми, еще двое угодили в плен.

На следующий день Граммон отправил губернатору Мерида просьбу освободить двух пленных флибустьеров в обмен на всех пленных испанцев, взятых в городе, включая губернатора Кампече и его офицеров. В случае отрицательного ответа «генерал» флибустьеров грозился сжечь город дотла и убить всех пленных.

Губернатор Мерида ответил Граммону, что он может жечь и убивать, сколько ему вздумается; что у него достаточно денег, чтобы отстроить город заново, и людей, чтобы переселить его. Услышав такой ответ, пиратский вожак взял губернаторского посланника за руку и повел его по улицам города; испанец должен был воочию убедиться, что флибустьеры шутить не намерены. Кампече был подожжен в нескольких местах, а пятерым пленным отрубили головы.

— Идите и передайте вашему хозяину, что я приступил к выполнению своих обещаний и намерен выполнить их до конца, —

сказал он перепуганному посланнику.

Хотя губернатор Мерида вновь ответил отказом, Граммон не стал убивать всех пленных и сжигать весь город. В голове его родилась новая идея. 25 августа, празднуя день Святого Людовика, «генерал» велел устроить в Кампече фейерверк: под грохот орудийного и ружейного салюта были сожжены склады с кампешевым деревом стоимостью 200 тыс экю.

Во время оккупации города флибустьеры захватили два или три испанских корабля. Лауренс хотел присвоить лучший из этих призов себе. Из-за этого у него вспыхнула ссора с Граммоном, который также имел виды на указанный трофей. Дело могло дойти до дуэли, как в случае с Ван Хоорном двумя годами ранее. Но на этот раз пираты стали между двумя главарями. Лауренс и Граммон должны были подчиниться их решению — подарить приз губернатору Сен-Доменга съёру де Кюсси.

Захват флибустьерами Гуаякиля

Одной из самых крупных операций флибустьеров на тихоокеанском побережье Южной Америки был захват в 1687 году портового города Гуаякиль, расположенного в глубине одноименного залива, в дельте реки Гуаяс. Подробности этой акции известны благодаря запискам французского флибустьера Равено де Люссана и письму губернатора Гуаякиля дона Хуана Альвареса де Авилеса президенту королевской аудиенсии Кито дону Лопе Антонио де Муниве от 25 апреля 1687 года. Командирами экспедиции были французские капитаны Франсуа Гронье и Пьер Пикардиец, а также англичанин Джордж Дью.

Равено де Люссан в «Дневнике путешествия» так описывал город, выбранный его компаньонами в качестве объекта нападения:

«Город Гуаякиль расположен вокруг небольшой горы, на которой находятся... три форта, из коих два прикрыты более большим, и все три господствуют над городом; большой — это тот, против которого мы особенно потрудились, — не укреплен со стороны реки, а два меньших, которые расположены ниже... и также напротив реки, окружены каждый весьма худосочной стеной, но весьма высоки с наружной стороны; мы там не нашли ничего, кроме камнеметов, для

их защиты; здесь имеется связь этих двух последних с другим по твердой дороге, с двух сторон находится два ряда палисадов, наполненных землей и снабженных также камнеметами. В большом форте, который также окружен палисадами, мы нашли семь 18- и 12-фунтовых пушек; но по причине того, что это место находится на возвышении, они не могут нацеливать свои пушки достаточно низко, поскольку можно задеть тех, кто находится в городе, ибо в случае попадания в дома они окажутся задавленными под руинами. Пороховые склады, расположенные в середине фортов, весьма легкой постройки. Город, как я уже отмечал, окружен со стороны реки стеной четыре с половиной фута высотой и три — толщиной. Улицы весьма прямые, приходские церкви здесь очень красивы, как и монастыри. Дома здесь почти все построены из досок и сооружены на сваях, так как в сезон дождей, который длится с января до конца апреля, они так сильно докучают, что вынуждают делать мосты и насыпи на всех улицах, чтобы избежать воды и грязи. Вся их торговля связана с какао, из которого делают шоколад».

Согласно испанским данным, в 1650 году в Гуаякиле насчитывалось 500 жителей и 100 домов, в 1678 году — 1200 жителей, 150 больших домов и 300 небольших, а в 1685 году, то есть за два года до нападения пиратов, — от 3 до 4 тыс жителей, включая 500 испанцев и креолов. После того, как в 1680 году Гуаякиль едва не подвергся нападению со стороны отряда Бартоломью Шарпа, испанские власти предприняли ряд экстренных мер по укреплению города Коррехидор Томас де Аргандонья начал изыскивать средства для строительства новых фортификаций; работы начались в июне 1682 года, а в 1684 году коррехидор Итурри привез для этих целей еще 3 тыс песо. На вершине холма Санта-Ана он возвел деревянный форт Сан-Карлос В июле 1686 года в Гуаякиль прибыл новый генеральный коррехидор, дон Фернандо Понсе де Леон, но, как видно, его усилия по дальнейшему укреплению города оказались недостаточными.

Оценивая силы флибустьеров, напавших на город, губернатор Гуаякиля писал:

«Силы этого врага, который пришел с пятью кораблями, а именно: с тремя фрегатами (из коих один с тридцатью шестью пушками) и двумя небольшими судами, насчитывали до шестисот человек...»

Очевидно, дон Хуан посчитал не только тех пиратов, которые принимали участие в штурме, но и людей из команды капитана Эдварда Дэвиса, 3 6-пушечный фрегат которого болтался неподалеку В другом месте своего письма он уточняет:

«Сеньор, враг прибыл в воскресенье 20-го текущего месяца, в четыре часа утра, с четыреста пятьюдесятью людьми четырех национальностей (французами, англичанами, голландцами и фламандцами) и некоторыми испанцами, индейцами и мулатами...»

Дневник Равено де Люссана содержит наиболее подробное описание операции по захвату Гуаякиля:

«14-го [апреля 1687 года] на рассвете мы убрали паруса, чтобы не быть замеченными с суши, рядом с которой мы находились. К десяти часам погода испортилась, сгустились тучи, и это способствовало нашему переходу для благополучного входа в залив протяженностью тридцать лье, который простирался в наветренной стороне реки Гуаякиль, и избавило нас от необходимости грести, ибо, будучи крайне уставшими, мы совсем уж выбились сил.

Мы двигались всю ночь на юго-восток, и пятнадцатого [во вторник] обнаружили мыс Бланко, который является подветренным мысом этого залива. К десяти часам утра мы погрузились в количестве двухсот шестидесяти человек в наши каноэ, приказав нашим судам лавировать в этом заливе до тех пор, пока не получат от нас новостей: мы правили весь день к острову Санта-Клара, где мы укрылись на закате солнца. Этот островок является всего лишь скалой, отстоящей к востоку и западу от материка на десять лье. Мы были вынуждены стоять на якоре весь прилив и отлив, не имея возможности противиться течениям в этом заливе, где мы нашли дно на глубине пяти броссов воды, и 16-го [в среду] утром мы находились между Санта-Кларой и Пуной примерно в пяти лье.

Пуна — очень красивый остров... Он имеет двадцать лье в окружности и расположен к востоку и западу в двух лье от большой земли, напротив устья реки Гуаякиль. Здесь есть большое поселение, которое раньше имело склады короля Испании. Большие корабли, как говорят, двух- и трехпалубные, которые не могут войти в реку, становятся на якорь между островом и ею. Мы оставались в укрытии на этом острове весь день, достаточно благополучно, чтобы не быть замеченными дозорными, коих здесь было сорок человек... Вечером

мы вышли и двинулись дальше... стараясь, чтобы нас не заметили с большой земли.

17-го [в четверг] мы укрылись на стоянке на том же острове [Пуна], где... тщательно расспросили наших пленных о состоянии, размещении и расположении города Гуаякиль, который мы собирались взять; мы расположили наши отряды таким порядком: решили, что пятьдесят молодцов останутся под предводительством капитана [Пьера] Пикара, который командовал нашим малым фрегатом, чтобы атаковать большой форт; что двадцать четыре гренадера останутся под командованием капитана нашей баркалоны, дабы служить там, где нам может понадобиться. Что капитан [Франсуа] Гронье со многими людьми останется хозяйничать в городе и в порту. Что капитан Джордж Дью, командующий английским судном, вместе с пятьюдесятью соратниками нападет на малый форт, и обещано было дать тысячу пиастров тому из шести знаменосцев, среди которых находился и я, кто первым водрузит свой флаг на большом форте. Также решено было покинуть эту стоянку вечером, полагая возможным войти в реку Гуаякиль той же ночью; во время движения нам удалось достичь лишь одного из мысов острова, который находится напротив реки, а потом мы не смогли двигаться вперед, так как с трех часов начался прилив; это стало причиной того, что [в пятницу] 18-го, когда мы вышли на открытое пространство, намереваясь снова идти в укрытие на острове, неожиданно наступил рассвет, и нас обнаружил дозорный, который зажег огонь, чтобы подать сигнал, чтобы мы были замечены другими дозорными, которые были размещены на обоих берегах реки один за другим, пока весть не дошла бы до города. Едва достигнув земли, мы бросились к дровам, сложенным для этого огня; мы застали здесь тех, кто разжег огонь, из коих двое были убиты за это, а еще один был захвачен, но мы не смогли получить от него никаких пояснений, так как он оказался маленьким мальчиком.

Этим днем мы увидели парусник, который вошел в реку; мы ему позволили идти, не желая покидать наше убежище и гнаться за ним, опасаясь быть обнаруженными теми, кто был на большой земле, которые, как мы полагали, еще не знали о нас, поскольку жители Гуаякиля не отреагировали на тот огонь, которым стража на Пуне подала им сигнал. Ночью мы отплыли отсюда и вошли в реку Гуаякиль

через одну из двух протоков, которые мы там обнаружили и каковыми можно входить и выходить с приливом и отливом, текущими так быстро, что они способны за час пронести каноэ на расстояние до двух лье; соответственно, мы преодолели за два часа четыре [лье].

В двух местах эта река гораздо шире и может иметь почти половину лье в ширину; здесь есть два очень хороших острова, в укрытии одного из которых мы прятались [в субботу] 19-го числа в течение всего дня; вечером мы снялись с якоря и стали снова подниматься вверх по воле течения, не прибегая к веслам из боязни, чтобы дозорные, которые были на берегах реки, не услышали шум, производимый нами во время плавания. Наш план состоял в том, чтобы пройти мимо города и высадиться на сушу с тыла (на северной стороне. — В. Г.), так как мы знали, что она была более твердой и менее защищенной с той стороны, нежели спереди, однако этот замысел не удался: ибо прилив, который раньше благоприятствовал нам, сменился отливом и заставил нас высадиться на землю за два часа до рассвета на расстоянии пушечного выстрела по эту сторону города (на южной стороне. — В. Г.); отсюда мы увидели множество огней, которые они обычно жгут в своих домах всю ночь.

Это место, где мы высадились на сушу, залито водой и наполнено множеством кустов, сквозь которые мы прокладывали себе дорогу нашими саблями. Но мы не знали, что, к несчастью, высадились как раз напротив дозора и что полчаса спустя один из наших людей, который был оставлен охранять каноэ, высек огонь, чтобы покурить, вопреки строжайшему запрету с нашей стороны, каковой был замечен этим дозорным; он не сомневался, что это могли быть их враги, так как испанцы запрещают под страхом смертной казни своим соотечественникам разжигать огонь ночью. В ту же минуту он выстрелил из камнемета, чтобы предупредить форт, который тоже ответил выстрелом из пушки.

В этот момент неожиданно пошел дождь, и мы вынуждены были укрыться в большом доме, который оказался перед нами, чтобы уберечь запальные фитили гренадеров и дожждаться дня; в течение всего этого времени враги постоянно стреляли в городе, чтобы напугать нас и дать понять, что они хорошо подготовились к встрече с нами.

[В воскресенье] 20-го, на рассвете, мы выстроились, чтобы достичь города; наши флаги развевались и бил барабан. Прибыв туда, мы встретились с 700 людьми, которые нас атаковали под прикрытием стены в четыре с половиной фута высотой и рва, который они вырыли на берегу реки; мы подумали сначала, что это и есть их форт, ибо не имели данных о положении этого места, а они делали все возможное, чтобы отбить нас, и в самом начале убили несколько наших людей. Это небольшое преимущество, которое не ускользнуло от их внимания, вселило в них смелость выйти против нас со шпагами в руках; но, увидев, что мы встретили их стойко, они тут же бежали и довольствовались тем, что отрезали нам путь к отступлению, стремясь нас задержать; это не мешало нам пройти через ров и достичь подножия указанной стены, хозяевами которой мы стали, несмотря на сопротивление с их стороны; они пострадали от наших гренадеров, отбросивших их к их домам, которые были построены с таким расчетом, чтобы можно было защищаться в случае нападения. Мы тут же бросились за ними, и они бежали к Арсеналу и окопались в укреплении, которое мы между собой именуем редут, но, продержавшись там в течение примерно часа, они его тоже покинули, так что мы преследовали их от укрепления к укреплению, пока не приблизились к третьему (форту Сан-Карлос. — В. Г.) — самому большому и наиболее значительному, где они защищались долго, укрываясь за дымом своих пушек, который мешал нам их рассмотреть, а они постоянно стреляли в нас. Когда мы приблизились к палисадам, они снова вышли со шпагами в руках и, ранив нескольких наших людей, взяли пленного, которого мы им вынуждены были оставить, и снова вернулись в форт, потеряв много своих. Наконец к одиннадцати часам, утомившись от столь долгого боя и почти не имея пороха, мы удвоили наши усилия, так что в итоге мы их одолели и стали хозяевами этого последнего форта, что не обошлось без потерь с нашей стороны, ибо мы потеряли здесь девять человек убитыми и двенадцать ранеными. В то же время мы послали много отрядов вдогонку за теми, кто бежал и был еще виден нам, в то время как иные из наших католиков спели *Te Deum* в главной церкви, предварительно оставив в форте гарнизон...»

Рассказ Равено де Люссана дополняет информация из письма губернатора города. По его сведениям, когда пираты проникли в эстуарий реки и очутились между двумя островками в районе Ягуачи, их пироги разделились и «две из них (под командованием Джорджа Дью. — В. Г.) подошли к месту, называемому «Позади скал», к пристани индеанки Марии Фико». Затем на берег высадились два отряда по 50 человек в каждом; один направился к Арсеналу, а второй стал подниматься на соседний холм. Тем временем основной ударный отряд в составе 250 человек, возглавляемый Франсуа Гронье, на 6 пирогах достиг якорной стоянки Касонес, высадился на берег и, быстро миновав верфи, атаковал переброшенный через болото мост. Последний защищал его владелец дон Хуан де Вильямар и отряд мулатов. Коррехидор дон Фернандо Понсе де Леон собирался оказать им помощь, но, вскочив на коня, тут же получил пулю в бедро. Пока испанцы ожидали подкреплений из Порто-Вьехо, основной отряд флибустьеров разделился, и рота из ста человек прошла через заболоченный участок по деревянному настилу, проложенному между домами Хосе дель Хунко и кузнеца Карлоса, выбила испанских солдат с их позиций и заставила отступить. Одновременно вторая сотня пиратов прорвалась через район церкви Сан-Франсиско на участок доньи Анны де Валенсуэлы, расположенный у подножья холма Санта-Ана; на его вершине находился форт Сан-Карлос с 7 пушками, окруженный траншеей. В то время как отряд Джорджа Дью штурмовал это укрепление с северной стороны, два отряда Гронье проникли в город: один — по улице Лос-Морлакос, второй — по берегу реки. Испанцы спешно ретировались к монастырю Санто-Доминго, откуда контратаковали неприятеля «и убили некоторых из их людей». Затем, отступая, они стали подниматься на холм, на котором заняли траншею, окружавшую форт Сан-Карлос. Дон Хуан оставил краткое описание того, каким образом действовали флибустьеры во время штурма холма: «В это время враги двинулись вперед со всех сторон, но не сплоченными рядами, а врассыпную — это их обычный способ ведения войны, — держась друг от друга на расстоянии двух-трех шагов, прыгая, падая ниц и стреляя (выделено нами. — В. Г.). Они проникли к нам с разных сторон в траншею, которая защищала артиллерию на вершине холма... В траншее мы бились против них, пока не взялись за шпаги, и они убили у нас несколько человек, а мы — столько же у них.

В конце концов, они окружили нас со всех сторон всеми своими силами; мы сдались и с нами — наш генерал дон Фернандо Понсе, который упал с коня, так как потерял много крови».

Успех флибустьеров отчасти объяснялся тем, что они *располагали* *детальной информацией о городе и его укреплениях*. По словам губернатора Гуаякиля, пираты стали хозяевами положения «благодаря хорошим и проворным шпионам, которые пробрались в этот город; это были индеец по имени Хосефилю, прибывший сюда с барками, грузившимися на реке, и один мулат, житель этого города, по имени Мануэль Босо, который, проводя здесь некоторое время, скрылся после убийства Хуана Мендеса, а также два других замаскировавшихся, коих мы потом видели в большой церкви, где они осматривали пленных».

Флибустьерам помогла также *беспечность властей и гарнизона Гуаякиля*, не веривших в возможность нападения пиратов «в сезон дождей, которые гасят фитили». Правда, в субботу, после поступления с острова Пуна сигнала тревоги, все боеспособные мужчины в городе были подняты на ноги. Но поскольку в течение дня ничего необычного так и не произошло, вечером была дана команда «отбой». Именно поэтому появление флибустьеров на подступах к городу воскресным утром стало для жителей и защитников Гуаякиля полной неожиданностью.

Оценивая потери обеих сторон, дон Хуан писал в своем отчете:

«Мы убили у врага более пятидесяти человек и ранили двенадцать или четырнадцать, а с нашей стороны потери... на сей час достигли тридцати человек убитыми, включая несколько женщин, которых они хладнокровно убили, чтобы не охранять, и до двенадцати раненых. Знатными жителями, погибшими с нашей стороны, были капитан дон Николас Альварес де Авилес, мой брат, который командовал одной из рот испанцев, капитан Доминго дель Касар из роты иностранцев и его альферес Матео Саэнс Кабесон, так же как его сержант Андрес де Кабриа, бухгалтер Антонио Ромеро Мальдонадо, дон Франсиско де Солис, лейтенант кавалерии Хосе Карранса, коннетабль Маркос Норато и альферес Маркос де Альсегас. Тяжелоранеными были капитан Хосе де Салас из роты мулатов, капитан Хуан де Агирре из роты испанцев, дон Бернардо Хименес Гойонете, дон Себастьян Корреа, доктор дон Бартоломе де Касерес-и-Бургос и маэстро Хуан де Медина, пресвитер».

По другим данным, в ходе сражения защитники города потеряли убитыми 34 человека; у пиратов, согласно информации Равено де Люссана, было 9 убитых и 12 раненых, включая капитана Гронье.

Продолжая свой рассказ, Равено де Люссан пишет;

«Мы взяли здесь семьсот пленных, как мужчин, так и женщин, среди которых оказался губернатор с семьей. Он был ранен, так же как и многие офицеры и знатные лица, которые весьма храбро бились, как и пять тысяч других людей, которые защищали этот город.

Мы нашли себя обладателями различных товаров, множества жемчуга и камней, значительного количества прекрасных серебряных чаш, не меньше семидесяти тысяч пиастров, хотя могли взять три миллиона; но, пока мы были заняты взятием фортов, они использовали это время для того, чтобы спасти их по реке вместе с большой партией того, что имело наибольшую ценность. Когда наши каноэ пришли на якорную стоянку к городу, мы отправили четыре вдогонку за лодками, которые увозили эти богатства, но было слишком поздно; они захватили только одну серебряную пушку стоимостью двадцать две тысячи пиастров и орла из позолоченного серебра, который служил дарохранильницей в какой-то церкви, имел вес шестьдесят восемь фунтов и был так красиво сделан, что два больших изумруда заменяли ему глаза. В порту находилось четырнадцать барок вместе с баркалоной, против которой мы сражались в Пуэбло-Нуэво, а на верфях — два корабля короля Испании, постройка которых была почти завершена. Вечером мы условились с губернатором о размере выкупа за его людей, город, форт, пушки и корабли, оцененных в один миллион пиастров в золоте и четыреста пакетов муки; и для обеспечения доставки этого выкупа, который должен был прибыть из юрода Кито, лежащего на расстоянии 80 лье, он просил нас отпустить его генерального викария, который пользовался среди них большим авторитетом и доверием.

Мы нашли дом этого губернатора столь богато украшенным и обставленным такой чудесной мебелью, какую не увидишь даже в Европе. Женщины города были весьма прекрасны, но многие духовные отцы, или монахи, жили здесь в великой распущенности и сексуальной свободе... Эти отцы вызвали у нас очень сильную ненависть тем, что они убеждали женщин, которые никогда не видели флибустьеров, будто все мы не похожи на них, что мы вообще не

похожи на людей, и что мы съедем их и их маленьких детей, и это вселило в них такой ужас и отвращение к нам, что они были поражены, когда узнали нас лучше...»

Равено де Люссан обходит молчанием насилия, которые пираты чинили над пленниками. Между тем дон Хуан писал, что захватчики «с самого начала предались жестокостям и тиранству, к которым они были привычны, и показывали, что способны на большее; они угрожали нам и женщинам смертью, если мы не отдадим им триста тысяч песо. И с самого начала применяя по отношению к нашему генералу свою жестокость, грубые слова и действия, они нанесли ему удары саблей в спину и потащили за волосы в церковь, угрожая застрелить его. Наконец, они прекратили колоть его и выбросили за ворота церкви, а с ним — всех священников и семь или восемь знатных горожан, в том числе дона Лоренсо де Сотомайора, которому они снова стали грозить, требуя отдать им деньги, на что он ответил им, что у него их нет, что они забрали их, когда застали его в его жилище; тогда они выстрелили в него из пистолета и убили, после чего оттащили его тело на берег реки и бросили там. Сделав так, они велели нам вернуться в церковь и обещали оставить в живых, если мы дадим им деньги. На другой день, в понедельник, они снова стали угрожать нам и вели переговоры о выкупе. Сначала они требовали вышеупомянутые триста тысяч песо, затем, передумав, сошлись на ста тысячах песо, которые следовало найти в провинции Кито, на что они давали нам двенадцать дней. Они послали за ними лиценсиата дона Антонио Мигеса, кюре и викария этого города и отца-проповедника Роке де Молину, монахов ордена Святого Франциска».

Вернемся, однако, к воспоминаниям Равено де Люссана;

«[В понедельник] 21-го, после того как один из наших людей весь день жег огонь в одном из домов в городе, а потом, не погасив огонь, вернулся вечером в караульное помещение, ночью огонь охватил этот дом; и, опасаясь, как бы он не достиг нашего караульного помещения, в котором находились весь порох и часть товаров и богатств этого города, мы были вынуждены погрузить всё на борт судов, что стояли в городском порту, и отвели всех наших пленных в форт. Затем мы старались преградить дорогу огню, который тем временем охватил треть города, несмотря на все старания, которые мы прилагали, дабы его затушить».

По данным дона Хуана, пираты «сожгли большую часть города, в том числе монастырь Святого Августина».

«[Во вторник] 22-го утром, — продолжает свой рассказ французский флибустьер, — мы снова пришли в наше караульное помещение и стали думать, что предпринять, чтобы испанцы не отказались уплатить выкуп за город из-за этого инцидента, поскольку мы обещали по нашему договору не сжигать его; и мы сделали вид, будто уверены, что это случилось по их вине, и отправили им письмо, каковым извещали их, что весьма удивлены происшедшим, что после нашей сделки они ночью подожгли товары и муку, которая была нам так нужна... Что если они нам не заплатят за то, что уничтожил огонь, мы им отправим пятьдесят голов пленников. Они принесли нам извинения и сказали, что это какая-то каналья нанесла сей удар, и что они нас полностью удовлетворят.

23-го [в среду] губернатор дал нам лоцмана побережья, который отправился на одном из наших каноэ искать наши суда (которым мы велели лавировать в заливе), чтобы отвести их на якорную стоянку острова Пуна, куда мы, покинув Гуаякиль, отправились ожидать наш выкуп. [В четверг] 24-го, видя, что часть наших людей заболела по причине инфекции, которая была вызвана мертвыми телами, валявшимися по всему городу в количестве более девятисот, мы отправились демонтировать и заклепать пушки форта, забрав с собой пятьсот главных пленников, коих мы затем отвели на борт судов, на которых [в пятницу] 25-го прибыли на Пуну...

2 мая капитан Гронье умер от раны, полученной в день захвата города, желая не пропустить семьсот испанцев в форт, и в тот же день, 2-го, у нас умерло еще четверо. 4-го мы отправили нашу галеру на остров Ла-Плата, чтобы посмотреть, не пришел ли на randevу фрегат [Эдварда] Дэвиса 9-го срок уплаты выкупа за Гуаякиль истек, прошло уже четыре дня, и нам эта задержка стала порядком надоедать, когда испанская барка, которая обычно подвозила нам провизию, привезла одного офицера, который сказал нам, чтобы мы потерпели еще и что выкуп вот-вот привезут».

Хотя Равено де Люссан утверждает, что флибустьеры перевезли на Пуну 500 пленников, Хуан Альварес де Авилес приводит в своем письме иные данные. По его информации, пираты отправились на остров Пуна «на восьми пирогах, четырех больших барках с этой реки

и одной совершенно новой бригантине, спущенной на воду, и увезли с собой более двухсот пятидесяти человек, среди которых находились наиболее знатные мужи и дамы этого города с их детьми, и мой коррехидор генерал дон Фернандо Понсе с женой и всем семейством тоже оставался пленником врага во время посадки на судно...

На Пуне пираты провели целый месяц. «К ним подвозили ежедневно из Гуаякиля не только свежие припасы, но и всевозможные предметы наслаждения, — пишет Архенгольц в своей «Истории флибустьеров». — Весь день раздавалась разнообразная музыка, дни и ночи проводили в непрерывных плясках. Все заботы были забыты с обеих сторон, ибо условие было заключено, и победители показывали себя столь же учтивыми, сколь и веселыми. Это расположение духа перешло, наконец, и на пленных женщин, которые имели здесь больше свободы, чем дома; они принимали участие в пирах, плясках и пении и притом не оказывались слишком жестокосердными, забавляя победителей и более чувственным образом.

Но сцена скоро переменилась. Срок внесению выкупа истек, а уплаты не последовало. Флибустьеры согласились на отсрочку, но вместо денег прислали офицера, который уговаривал пиратов ждать терпеливо. Флибустьеры убедились, что испанцы обманывают их и хотят только выиграть время, чтобы приступить к враждебным действиям, а потому нужно было внушить им страх. Пленные должны были бросить жребий, и четверем из них немедленно отрубили головы и отдали в ответ испанскому офицеру, добавив, что если через четыре дня не будет внесен выкуп, то отрубят головы всем остальным.

На другой день подозрения флибустьеров оправдались: они перехватили курьера, отправленного временным губернатором Гуаякиля к вице-королю Лимы; в бумагах его обозначались дальнейшие меры к истреблению пиратов. В них, между прочим, уведомляли о четырех присланных в город головах казненных испанцев, обещали время от времени посылать флибустьерам по несколько тысяч пиастров и тем задержать их до прибытия помощи. «Если они, — было сказано в письме, — пришлют даже полсотни голов, то эта потеря с лихвой вознаградится истреблением всех пиратов».

Это известие привело пленников в неопиcуемый ужас. Пленный губернатор отправил в город одного всеми уважаемого монаха с

полномочием, несмотря на действия вице-губернатора, употребить все меры к скорейшей доставке выкупа. Следствием этого было прибытие на Пуну барки с 24 мешками муки и 20 000 пиастров золотом, причем просили ждать остальной суммы еще три дня. Флибустьеры согласились на эту отсрочку, но с угрозой, что по истечении ее они снова явятся в Гуаякиль. На другой же день город объявил решительно, что не заплатит более 22 000 пиастров, впрочем, у него наготове 5000 войска, чтобы прилично принять пиратов. Это известие привело флибустьеров в ярость. Одни требовали немедленной казни испанцев, другие же доказывали бесполезность этой меры, тем более что и так собирались оставить Южный океан. При сильном подкреплении, присланном испанцам, нельзя было предвидеть, чем кончатся враждебные действия, и потому большинство решилось принять предлагаемую сумму. Деньги были присланы и за них отпущены пленники, за исключением пятидесяти знатнейших жителей, между которыми находился и губернатор».

26 мая флотилия Пикардийца и Дью объединилась с 36-пушечным фрегатом «Бэчелор'с дилайт», находившимся под командованием Эдварда Дэвиса. Вечером того же дня на горизонте были замечены два испанских 20-пушечных фрегата — «Сан Хосе» и «Сан Николас» — и сопровождавший их паташ. Фрегатами командовали баски Дионисио Лопес де Артундуага и Николас де Игарса. Команда «Бэчелор'с дилайта» была тут же усилена 80 людьми из отряда Пикардийца; кроме корабля Дэвиса у флибустьеров были небольшой корабль, барка, пироги и призовые суда.

Утром 27 мая пираты сблизились с испанскими фрегатами у острова Санта-Клара и до вечера обменивались с ними орудийными и мушкетными выстрелами. 28 мая все повторилось: испанцы и пираты маневрировали, паля друг в друга из пушек и ружей, но ни одна из сторон не добила преимущества. Это странное сражение продолжалось до вечера 2 июня. За семь дней ни один пират не был убит, и только несколько матросов получили ранения. Во время маневрирования «Сан Николас» сел на мель, а позже ушел в порт Кальяо. Вместо него в море вышли фрегат «Сан Франсиско де Паула» и еще один паташ, присоединившиеся к судну Лопеса де Артундуаги. В конце концов флибустьеры вынуждены были бросить один из своих

наибольших призов — судно «Сан Хасинто». На рассвете 3 июня они обнаружили, что испанские корабли прекратили преследование.

11 июня в районе мыса Сан-Франсиско флибустьеры разделили добычу, взятую в Гуаякиле. Она оценивалась примерно в 1,5 млн ливров, хотя никто из пиратов не мог точно определить, какова была стоимость золотых изделий, драгоценных камней и жемчуга. В итоге на каждого джентльмена удачи пришлось по 400 пиастров, не считая всевозможных ценных вещей. Хотя Дэвис и его люди не участвовали в штурме Гуаякиля, их помощь в деле спасения добычи и добытчиков тоже учли, позволив получить свою долю наравне с другими.

Экспедиция барона де Пуанти на Картахену

«Лебединой песней» флибустьеров Вест-Индии стало их участие в экспедиции барона де Пуанти на богатейший город-крепость Картахену, расположенный на побережье Новой Гранады. Хотя в этом предприятии флибустьеры использовались в качестве вспомогательной силы, можно утверждать, что без их помощи французским морякам и солдатам вряд ли удалось бы взять столь мощную цитадель.

Французский корсар и флотоводец Жан-Бернар-Луи Дежан де Пуанти родился в 1645 году в Бретани. Подобно многим отпрыскам обедневших дворянских фамилий, он избрал карьеру военного моряка и отличился в нескольких сражениях на Средиземном море. Когда началась Орлеанская война (1688–1697), Пуанти оставил воды Средиземноморья и включился в боевые операции в Ла-Манше. В 1690 году он числился среди капитанов эскадры адмирала Турвиля, вступившей в сражение с англоголландским флотом между островом Уайт и мысом Фрехел.

Когда французский флот был разбит в битве при Ла-Уге (1692) и перевес морских сил в войне перешел к англоголландской коалиции, Пуанти решил заняться корсарским промыслом. Заветной мечтой барона стал захват испанского «серебряного флота». Пуанти полагал, что галеоны с сокровищами удобней всего захватить в Картахене, когда они вернутся туда из Пуэрто-Бельо. В начале 1696 года, узнав, что флот Тулона отправлен из Средиземного моря в Брест для оснащения и сдачи в аренду частным корсарским компаниям, он с помощью морского министра Поншартрэна добился аудиенции у

короля и предложил ему свой проект. Этот проект предусматривал захват Картахены и испанских галеонов кораблями королевского флота, которые правительство должно было одолжить барону «вместе с их оснасткой, запасами, такелажем, якорями, пушками, оружием и амуницией, необходимыми для военной кампании на девять месяцев». Людовику замысел понравился.

Утвердив Пуанти начальником экспедиции, король поручил генеральному казначею де Ванолю и ответственному за вооружения графу де Морегй организовать подписку на акционерный капитал, и вскоре заявки на участие в предприятии посыпались как от влиятельных придворных, так и от представителей купечества. В марте того же года Поншартрэн заверил барона, что дополнительная помощь будет оказана ему на Сен-Доменге, населенном плантаторами, мелкими торговцами, буканьерами, а также флибустьерами, обосновавшимися в гавани Пти-Гоав.

В июле барон де Пуанти и его компания заключили с Людовиком XIV договор, содержание которого сводилось к следующим шести пунктам:

1) Картахена станет владением короля Франции с губернатором и французским населением, откуда будет осуществляться торговля с испанскими колониями в Америке.

2) Король несет $\frac{1}{5}$ часть расходов на экспедицию и получит соответствующую долю добычи.

3) Десятая часть добычи предназначается графу Тулузскому как верховному адмиралу Франции.

4) Флибустьеры Пти-Гоава получают $\frac{1}{10}$ часть с первого миллиона и по $\frac{1}{30}$ — с последующих. Кроме того, им будет выплачено жалованье, как солдатам короля.

5) Следующая десятина будет разделена на три части:

- а) для командиров и капитанов;
- б) для лейтенантов и младших офицеров;
- в) для солдат.

6) Остальное причитается пайщикам, участвующим в предприятии своими вкладами.

Корабли флибустьеров должны были быть присоединены к экспедиции губернатором Сен-Доменга Жаном-Батистом Дюкассом,

которому Поншартрэн написал письмо с сообщением о готовящемся предприятии барона де Пуанти. В этом письме по вполне понятным соображениям о Картахене не говорилось ни слова. Губернатор лишь понял, что Пуанти прибудет в Карибское море «для нападения на врагов Франции».

В сентябре из Бреста на Сен-Доменг был отправлен королевский фрегат «Марэн», капитану которого, съёру де Сен-Вандрилю, было поручено уведомить Дюкасса о скором выходе эскадры в море и передать ему приказ Поншартрэна собрать около 1500 человек, в том числе флибустьеров, для оказания поддержки барону; прибытие последнего на Эспаньоле ожидалось не позднее 15 февраля.

Сен-Вандриль появился на Эспаньоле в начале января 1697 года и передал Дюкасу адресованные ему инструкции. В инструкциях подчеркивалось, что губернатору следует самому определить оптимальное количество людей, которых можно было бы включить в состав экспедиции без риска ослабить обороноспособность колонии. Далее назывались возможные объекты нападения, в том числе — Картахена.

В начале октября барон прибыл в Брест и убедился, что снаряжение вест-индской эскадры почти завершено. Она состояла из 7 линейных кораблей, 3 фрегатов и 9 судов меньших размеров, на борту которых разместились более 4 тыс. моряков и солдат. Переждав сезон штормов и неблагоприятных ветров, Пуанти поднял свой флаг на 84-пушечном двухпалубном линейном корабле «Скептр» и 6 января 1697 года вышел в море. Ловко маневрируя, он ухитрился избежать встречи с английским флотом, блокировавшим подходы к порту, и взял курс на Антильские острова.

1 марта корабли экспедиции появились на траверсе порта Кап-Франсуа. Из беседы с местным управляющим Дононом де Галифе барон понял, что губернатору Сен-Доменга удалось собрать для участия в походе лишь 400 флибустьеров. Встревоженный этой информацией, Пуанти с частью своей эскадры отправился в Кюль-де-Сак, куда и прибыл через несколько дней. Едва Дюкасс поднялся на борт «Скептра», как в адрес его посыпались обвинения в неисполнительности и халатном отношении к выполнению королевских инструкций.

— Если вы не дадите мне полторы тысячи человек, — заявил барон губернатору, — я вынужден буду отказаться от задуманного предприятия, вернуться во Францию и рассказать обо всем королю.

— Полученные мною инструкции позволяли мне рекрутировать такое количество людей, которое не привело бы к ослаблению обороны колонии, — парировал Дюкасс, — к тому же вы опоздали на полмесяца, а флибустьеры не те люди, которых можно держать в бездействии длительное время.

Конфликт между бароном и жителями Сен-Доменга обострился после того, как офицер с флагманского корабля, несший караульную службу в городе, арестовал и бросил в казематы форта какого-то флибустьера-дебошира. Друзья задержанного собрались у ворот форта и, размахивая оружием, стали требовать его освобождения. На приказ разойтись они отреагировали потоком брани и угроз, и офицер велел своим солдатам стрелять в толпу. Грянули выстрелы из мушкетов, и три человека упали замертво. Вzbешенные подобными действиями солдат, участники сборища решили взять форт штурмом и захватить офицера, отдавшего приказ открыть огонь.

Дюкасс предупредил барона, что ситуация выходит из-под контроля и угрожает непредсказуемыми последствиями. Пуанти выскочил из своей резиденции и помчался к воротам форта «наводить порядок». Его появление, однако, вызвало еще большее озлобление флибустьеров. Лишь благодаря своевременному вмешательству Дюкасса, которого пираты не только уважали, но и считали «своим парнем», страсти удалось погасить. Позже барон уверял, что он заставил флибустьеров присоединиться к экспедиции под угрозой уничтожения их судов и конфискации накопленного ими имущества. Вряд ли это соответствовало действительности. Скорее всего, на морских разбойников и колонистов благоприятное впечатление произвело обещание Пуанти выделить их в особый контингент, во главе которого был поставлен Дюкасс.

Контингент Сен-Доменга состоял из четырех отрядов: флибустьеров — а их было не менее 650 человек — возглавил майор Ле Паж; 170 солдат были переданы под командование месье де Бомон-Колона; под началом Галифе оказалось 110 волонтеров-колонистов, а капитан гарнизона Сен-Доменга Жан-Жозеф дю Пати получил под свое командование 180 негров. Все они разместились на борту 7

фрегатов и 4 судов меньших размеров. Дюкасс шел на собственном 40-пушечный фрегате «Поншартрэн».

Шарлевуа приводит названия 7 флибустьерских фрегатов и имена их капитанов: «Этими фрегатами были «Серпан», возглавляемый тем храбрым Годфруа, который был захвачен четырьмя годами ранее испанцами и которого месье Дюкасс считал уже погибшим; «Серф воланом» командовал капитан Пьер; «Грасьёзои' — Блу; «Пемброком» — Гал; «Мутэном» — Пэ; «Джерси» — Макари; «Англуа» — Котюи. Историк флибустьеров (Экскевелин издания 1699 года. — В. Г.) добавляет к этому еще бригантину под командованием Саля...»

Под флагом Пуанти находились линейные корабли «Скептр» (84 пушки, капитан съёр де Гильотэн, экипаж — 650 человек), «Сен Луи» (от 56 до 64 пушек, командир — вице-адмирал де Леви-Мирпуа, экипаж — от 430 до 450 человек), «Фор» (от 54 до 70 пушек, командир — контр-адмирал виконт де Коэтлогон, экипаж — 450 человек), «Фурьё» (от 50 до 64 пушек, капитан Ла Мот Мишель, экипаж — 350 человек), «Вермандуа» (от 50 до 64 пушек, капитан Дюбюиссон, экипаж — 350 человек), «Аполлон» (от 50 до 64 пушек, капитан Гомбо, экипаж — 350 человек) и «Сен Мишель» (64 пушки, капитан — шевалье де Мароль, экипаж — 350 человек). За ними следовали фрегаты «Крист» (44 пушки, капитан — шевалье де ла Мот д'Аран, экипаж — 220 человек), «Мутэн» (34 пушки, капитан Масья, экипаж — 200 человек), «Авенан» (30 пушек, капитан — шевалье де Франсэн, экипаж — 200 человек), «Марэн» (28 пушек, капитан де Сен-Вандриль, экипаж — 180 человек); корветы «Сен Луи» (18 пушек, капитан Шарль) и «Дорад» (16 пушек); бомбардирский галиот «Эклатан» (2 мортиры и несколько пушек, капитан де Монц, экипаж — 60 человек); бригантина «Провидан» (4 пушки, капитан — шевалье де л'Экоэ, экипаж — 30 человек); флейты «Дьепп» (или «Дьеппуа») и «Виль д'Амстердам» (каждый имел по одной пушке и мортире) и четыре транспорта.

Точное число людей, прибывших с бароном в Вест-Индию, не установлено. Шарлевуа приводит такие цифры: 110 офицеров, 55 гардемаринов, 2100 моряков, 1750 солдат, то есть всего 4015 человек. Если учесть, что контингент Сен-Доменга насчитывал 1100 человек, то общее количество участников экспедиции превышало 5 тыс человек. Сухопутные силы были разделены на шесть батальонов. Батальон из

150 гренадеров находился под командованием полковника Ла Роша В остальных пяти батальонах находилось по 300 пехотинцев; ими командовали шевалье де Мароль, Ла Шено, де Брем, Симон и Пидмон (Фимон). Отдельным подразделением был батальон Сен-Доменга, которым командовал Бомон-Колон.

Хотя Пуанти и рассчитывал на большее, в целом находившихся под его командованием сил было достаточно для осуществления намеченной акции.

Закончив погрузку на корабли провианта, питьевой воды и дров, он уже поднял паруса, когда случилось непредвиденное: флибустьеры снова забузили. Дюкасс объяснил барону, что они не выйдут в море до тех пор, пока с ними не будет заключено соглашение о принципах раздела будущей добычи. Не желая втягиваться в дискуссию и терять драгоценное время, Пуанти тут же подписал заявление о том, что люди с Сен-Доменга получают свою долю добычи наравне с королевскими экипажами. Что он имел в виду, барон не стал конкретизировать, а пираты решили, что все будет сделано в соответствии с их обычаями — то есть все поделят поровну, — и поэтому прекратили забастовку.

18 марта та часть эскадры, которая оставалась в Кап-Франсэ, присоединилась к основным силам экспедиции, и на следующий день, отсалютовав форту, весь флот двинулся к юго-западной оконечности Эспаньолы — мысу Тибурон. В море, однако, на корабли обрушился шторм, вынудивший их снова зайти в Пти-Гоав. В конце марта или начале апреля погода наконец наладилась, и французская эскадра, покинув воды Эспаньолы, пошла с попутным ветром к берегам Южной Америки.

Город, избранный французами в качестве объекта нападения, лежал на северном берегу обширной двойной лагуны, соединенной с морем проливом Бока-Чика Конкистадор Педро де Эредия, основавший его в 1533 году, дал ему имя одной из красивейших испанских гаваней на Средиземном море. И хотя с тех пор Картахена-де-Индиас трижды подвергалась опустошительным набегам французских, голландских и английских корсаров (в 1544, 1559 и 1586 годах), к началу XVII века она, тем не менее, смогла вырасти в грозную цитадель, объявленную испанским правительством «ключом от Индий».

Вход в лагуну защищал форт Сан-Луис-де-Бока-Чика. Он возвышался на скалистом месте слева от входа, имел прямоугольную форму и был окружен сухим рвом глубиной 18 футов и шириной около 35 футов. Его стены высотой 32 фута и толщиной 8 футов были выложены из камня и могли выдержать огонь даже тяжелой артиллерии. За валом шириной 40 футов имелась платформа с 33 пушками, установленными на лафеты из кедра. Обслуживали их всего 15 солдат.

Внутри бухты, у входа во внутреннюю гавань, находился другой форт — Санта-Крус. Он также возвышался на левом берегу, имел четыре бастиона и был окружен рвом, но, несмотря на наличие нескольких железных пушек, постоянного гарнизона в нем не было. Еще два форта составляли часть внешних оборонительных сооружений Картахены, однако в них не было ни солдат, ни орудий. Оборонительную систему города завершала сплошная каменная стена с двенадцатью бастионами и 84 бронзовыми пушками, охраняемая отрядом из сорока солдат.

Когда в Мадриде узнали, что во Франции снаряжается крупная эскадра для захвата одного из испанских портов в Карибском море, в Вест-Индию тут же отправили гонцов с предупреждением о нависшей угрозе. Они прибыли в Картахену в июле 1696 года, и губернатор города дон Диего де лос Риос-и-Кесада срочно написал президенту аудиенсии Санта-Фе просьбу прислать ему военные припасы и подкрепления. В письме подчеркивалось, что гарнизон Картахены располагает 150 солдатами, из коих артиллеристов было лишь 37 человек.

Вечером 8 апреля 1697 года курьер известил дона Диего о прибытии двух десятков кораблей в залив Самба, расположенный в 12 лигах от города. Их принадлежность была не ясна. Хотя некоторые оптимисты полагали, что это, скорее всего, корабли англичан или голландцев, присланные для сопровождения «серебряного флота», жителей города охватил страх. Не мешкая, губернатор распорядился отправить баландру «Эль Феникс» в Пуэрто-Бельо, чтобы уведомить галеоны об опасности и выпросить у генерала флотилии несколько судов с подкреплениями. Одновременно сообщение о появлении неприятеля и просьбы прислать людей и оружие были разосланы в различные части провинции.

На следующий день комендант форта Сан-Луис-де-Бока-Чика дон Санчо Химено де Ороско сообщил губернатору, что посланная в Пуэрто-Бельо баландра не смогла выйти из устья лагуны, так как последнее было блокировано неприятельским кораблем. В то же время он посетовал на недостаток находившихся в форте сил и военного снаряжения. Из 90 человек, которыми он располагал, боеспособных было лишь 66, в том числе артиллеристов — 9 (по данным очевидца события, дона Хосе Вальехо де ла Канала, гарнизон Бока-Чики насчитывал 139 человек, включая испанцев, мулатов и негров). Отметив, что его гарнизону понадобятся медикаменты и хирург, дон Санчо закончил свое послание просьбой перебросить в Бока-Чика еще один отряд солдат.

В полдень в Картахене были удвоены караулы и сформирован отряд пешей милиции, в который зачислили почти всех купцов, прибывших из Кито и Санта-Фе для торговли с галеонами. Губернатор, желая, по всей видимости, явить собой образец выдержки и хладнокровия, а может быть, не желая менять однажды заведенный порядок, разослал своим друзьям приглашения на традиционную вечеринку. Позже Хосе де Араухо доносил королю, что на эту вечеринку был приглашен гость из Санта-Фе, некто Франсиско Бердуго. Последний заявил, однако, что «для игры уже не осталось времени», на что дон Диего с юмором ответил;

— Поскольку деньги все равно отдавать французам, лучше сыграть заранее.

В субботу 13 апреля на разведку побережья был выслан конный разъезд, а в десять часов утра поступило сообщение о 29 судах, появившихся к северо-востоку от города. На мачтах адмиральского, вице-адмиральского и контр-адмиральского судов развевались английские, испанские и голландские флаги, и наблюдатели, укрывшиеся на берегу, поначалу приняли эту эскадру за часть «серебряного флота». Но вскоре обман раскрылся. Отправив в Пуэрто-Бельо новое предупреждение о неприятеле, дон Диего покинул свою резиденцию и в сопровождении членов *кабильдо* пошел осматривать склады с порохом и военным снаряжением.

Тем временем барон де Пуанти, прогуливаясь на шканцах своего флагманского корабля, перебирал в уме различные варианты предстоящей операции. Перед отплытием из Франции он получил

подробные инструкции о том, какой тактики ему следует придерживаться по прибытии на место. И хотя Дюкасс передал главнокомандующему более свежую и выверенную информацию, собранную в Картахене его шпионами, барон решил действовать в соответствии с королевскими инструкциями. Особую уверенность ему придавал план города, составленный с помощью одного английского капитана, который до перехода на французскую службу долгое время служил королю Испании и неоднократно бывал в Картахене. Он предложил французам, прежде всего, захватить укрепленный монастырь на горе Ла-Попа, контролировавший восточную дорогу, по которой в город можно было доставить подкрепления, а из города — вывезти женщин и сокровища. Чтобы реализовать этот план, необходимо было высадить десант к северо-востоку от города. Другой вариант предусматривал вход в лагуну через пролив Бока-Чика и нападение на Картахену с противоположной стороны. Однако последний маневр был сопряжен с большим риском, так как, во-первых, неизбежно подставлял эскадру под огонь из форта Сан-Луис, а во-вторых, вынуждал буксировать корабли по каналу столь узкому, что для блокирования его устья вполне хватило бы двух испанских судов. Взвесив все за и против, Пуанти отдал предпочтение первому варианту.

Вечером того же дня барон сообщил Дюкассе о своем решении высадить флибустьеров в районе большого пляжа и бросить их под покровом ночи на Ла-Попу. В ходе этой операции связь с флагманом должна была поддерживаться при помощи сигнальных огней.

Спустя короткое время эскадра стала на якорь в обширной бухте близ Пунта-Икакос, в 4 лигах к северо-востоку от Картахены. Пиратам велели садиться в лодки, и они это сделали, но с большой неохотой, ибо, по словам Пуанти, «были напуганы мыслью о походе против врага, способного стойко обороняться».

Прежде чем отдать приказ о начале операции, барон и Дюкасс сами сели в шлюпку и отправились к берегу, рассчитывая присмотреть удобное место для высадки десанта. У берега они обнаружили довольно сильный прибой, образуемый подводным рифом; этот риф тянулся в юго-западном направлении и служил городу надежной защитой, так как не позволял французским судам подойти к его стенам на пушечный выстрел. Ночная рекогносцировка чуть было не

закончилась для начальников экспедиции трагически. Дело в том, что их шлюпка чересчур близко подошла к полосе прибоя и во время разворота была опрокинута набежавшим валом. Все, кто находился в ней, едва сумели спастись. Вернувшись на борт «Скептра», барон отказался от первоначального замысла атаковать город с востока и велел подать кораблям сигнал идти к Бока-Чике.

В воскресенье 12 французских кораблей, маневрируя напротив стены Ла-Марина, начали артобстрел фортификаций города. Хотя большинство ядер не достигало цели, сам по себе факт бомбардировки создал в Картахене нервную обстановку, граничившую с паникой. Старики, женщины и дети с плачем и криками отчаянья устремились к воротам, и городской страже не удалось сдержать натиск этой обезумевшей толпы. Некоторые струхнувшие кабальеро, желая улизнуть из города, переоделись в женское платье. Трибунал инквизиции, охранявший горожан от «предателей и возмутителей общественного спокойствия», покинул Картахену в составе двух инквизиторов с соответствующим персоналом следователей, писарей, приставов и палачей; по их стопам, прихватив наиболее ценные вещи, двинулись монахини из монастырей Санта-Клара и Санта-Тереса.

Во второй половине дня французские корабли выстроились в линию недалеко от входа в лагуну и выслали шлюпки для замера глубин. Устье Бока-Чики оказалось достаточно глубоким, но высокий прибой не позволял приблизиться к берегу. Одна из шлюпок, появившаяся недалеко от западного бастиона Картахены — Санто-Доминго, была обстреляна испанцами и поспешно повернула назад. Но остальные обнаружили на полуострове Тьерра-Бомба маленький мыс, за которым имелось удобное место для высадки, не видимое с башен форта Сан-Луис.

15 апреля в девять утра французы прекратили бомбардировку, а спустя час их корабли вошли в устье Бока-Чики. Десант из 1200 человек был высажен в лиге от форта, в месте, называвшемся Лос-Орнос («Печи»). Пытаясь сбросить неприятеля в море, испанцы вышли за ворота форта и устремились к берегу, но в этот момент заговорили мощные пушки двух линейных кораблей и бомбардирского галиота. Их поддержали отдельными залпами «Скептр». Неся потери, испанские солдаты были вынуждены повернуть с полпути назад.

Встав во главе десанта, Пуанти двинулся вдоль берега к ближайшей возвышенности, которая давала возможность, с одной стороны, укрыться от пушек форта, а с другой стороны — наблюдать за испанскими позициями. Здесь, на склоне возвышенности, среди развалин покинутой деревни, французы установили мортиру и разбили лагерь.

После полудня в Картахене был собран военный совет {хунта}. Обсуждались вопросы укрепления обороны города и порта. Было предложено, в частности, затопить в проливе Бока-Чика галеон дона Маркоса де Консуэгра и отправить подкрепления к дону Санчо Химено. Выполнение последнего задания возложили на экс-губернатора Санта-Марты дона Антонио Фернандеса Бальиаса.

Ночью Пуанти в сопровождении вице-адмирала де Леви и нескольких своих офицеров предпринял вылазку к стенам форта. Пока они производили топографическую съемку крепости и рва, с кораблей была выгружена артиллерия, необходимая для штурма. На рассвете, когда солдаты приступили к постройке туров и фашинов и установке на них пушек, в проливе неожиданно появилось большое каное с отрядом испанцев. Игнорируя присутствие неприятеля, оно не спеша двигалось в сторону форта. Французы, дождавшись, когда испанцы приблизились к берегу на расстояние выстрела, открыли по ним огонь из мушкетов. Около 15 человек было убито, а из оставшихся в живых одни попрыгали за борт, другие спрятались на дне каное. Всех их захватили в плен. Обнаружив среди пленных двух монахов, Пуанти решил отправить одного из них к коменданту форта с требованием сдаться; но перед этим, желая припугнуть испанцев, он показал святому отцу выгруженную на берег артиллерию и устроил для него смотр экспедиционных войск Монаху было невдомек, что с помощью хитроумной перестановки отрядов с места на место французы постарались ввести его в заблуждение относительно их реальной численности.

В восемь часов утра парламентар передал то, что ему было велено, однако дон Санчо не придавал значения сообщению о силе неприятеля и в грубой форме отверг предложение сдать форт. Очевидно, он надеялся на скорое прибытие подкреплений, отправленных в Бока-Чик губернатором Риосом В тот же день некоторые флибустьеры, укрывшиеся в покинутых домах близ форта,

решили повторить подвиг, совершенный солдатами на рассвете. Они подкараулили лодки, перевозившие испанские отряды, и начали стрелять в них. Шум сражения привлек внимание других пиратов. Схватив ружья и сабли, они бросились к берегу, но, оказавшись в пределах досягаемости форта и угодив под сильный мушкетный обстрел, вынуждены были отступить. Позже Пуанти с издевкой писал в своем отчете: «Буканьеры, не видевшие пользы в несении службы там, где была хоть какая-то опасность, большей частью бросились в укрытие. Я встретил их по пути и, убедившись, что слова до них не доходят, пустил в ход палку, заставив их тем самым вернуться на пост, который они оставили».

Как бы там ни было, высадку испанцев удалось сорвать, и их лодки вернулись в Картахену.

Получив от испанского перебежчика дополнительные сведения о численности гарнизона Бока-Чики, барон назначил начало штурма на 16 часов. Первыми к откосу, на вершине которого находился форт, устремились два отряда гренадеров и батальон регулярных войск; следом за ними двинулись солдаты, тащившие длинные приставные лестницы. Когда они достигли основания откоса, испанцы встретили их огнем из мушкетов и пистолетов. Правда, чтобы видеть атакующих, защитникам форта приходилось постоянно высовываться из укрытий и наклоняться вперед, подставляя себя под выстрелы французских снайперов. Поэтому число жертв среди них увеличивалось с каждой минутой. Вскоре негры и мулаты, находившиеся в крепости, дезертировали, и оставшейся на бастионах кучке испанцев, деморализованной численным превосходством неприятеля, не оставалось ничего иного, как сложить оружие. Пуанти обещал им быть мягким и предложил щадящие условия капитуляции.

Из-за нагромождения завалов, образовавшихся перед воротами форта, испанцы не могли быстро связаться с бароном, и он с нетерпением ожидал, когда со стены спустится человек, уполномоченный передать ему ответ коменданта. Наконец, путь был расчищен и ворота открыты. Дон Санчо, сломав свою шпагу, вышел навстречу Пуанти и холодно заявил, что молить о пощаде не хочет и не будет.

— Если бы не трусость моих подчиненных, — добавил он, — я бы не сдал вам эту крепость и не сдался бы сам.

Восхищенный его мужественным поведением, барон снял свою шпагу и передал ее дону Санчо со словами:

— Такому человеку, как вы, не приличествует быть без шпаги. Вручаю ее вам в знак преклонения перед вашей храбростью и героизмом.

Химено передал барону ключи от форта.

— Вручаю вам, — сказал он, — ключи от всех Испанских Индий.

Пуанти сохранил коменданту Бока-Чики жизнь и имущество и разрешил удалиться вместе с семьей и рабами в имение, находившееся на дальней стороне лагуны. Офицеры также были освобождены, а простых солдат заперли в подвальном помещении.

По замечанию очевидца событий, «победа стоила французам малой крови и еще меньших трудов». Луи-Шансель Лагранж писал, что потери французов составили 6 солдат и 7 флибустьеров убитыми и 22 человека ранеными; по другим данным, французы потеряли 50 человек. Потери испанцев составили, по одним данным, 9 человек, по другим — 41 человек (в том числе убитыми — 21, ранеными — 20).

Подняв над фортом флаг Бурбонов, французы обыскивали подземные казематы и обнаружили в них двухмесячный запас провизии. После этого, оставив в форте 34 пушки и гарнизон из 160 или 170 солдат, Пуанти приказал нескольким фрегатам охранять пролив Бока-Чика, а остальной части эскадры подготовиться к входу в лагуну.

17 апреля, когда отряды, участвовавшие в штурме форта Сан-Луис, вернулись на борт кораблей, началась буксировка их в Картахенскую бухту. Отсюда по каналу Сургидеро можно было проникнуть во внутреннюю гавань и к городским причалам. Устье канала защищал форт Санта-Крус, лежавший на расстоянии примерно двух с половиной лиг от Бока-Чики, и Пуанти решил овладеть им одновременно с захватом монастыря Нуэстра-Сеньора-де-ла-Попа. Взять Ла-Попу должны были флибустьеры. Но когда им велели садиться в лодки и сообщили, что вместо раненого в бою Дюкасса их возглавит Донон де Галифе, со стороны пиратов послышались протестующие возгласы. Галифе был новичком на Сен-Доменге и уже по одной этой причине не пользовался среди морских разбойников авторитетом. Чтобы подавить начавшийся мятеж и заставить пиратов выполнять его приказы, Галифе пришлось прибегнуть к крайним

мерам Он захватил одного из бунтовщиков, силой усадил его в лодку и отвез к Пуанти. Барон тут же велел привязать пирата к дереву и завязать ему глаза; затем была вызвана рота мушкетеров. Возбужденной толпе флибустьеров дали понять, что любого, кто откажется подчиняться, ожидает расстрел. Вслед за этим Галифе, желая завоевать симпатии флибустьеров, стал просить Пуанти помиловать осужденного (никто не подозревал, что об этом он договорился с бароном заранее). Продемонстрировав силу, барон в конце концов «уступил» и вернул пирата его друзьям. Естественно, что последние в знак благодарности признали Галифе своим командиром.

Тем временем губернатор Риос, получив достоверные сведения о потере Бока-Чики, созвал хунту в составе 22 офицеров. Рассматривались вопросы о состоянии защиты крепости Санта-Крус; о недостатке сил, на которые они могли рассчитывать; о значительном моральном уроне, который был причинен известием о быстром захвате французами Бока-Чики, и та.

— Существует опасность, что подобная участь постигнет форт Санта-Крус, — заявил дон Педро Каньярте. — Предлагаю немедленно оставить его, перебросив солдат в город.

Ему возражал комендант форта дон Франсиско де Сантарен, заверивший членов хунты, что сумеет защитить его с 80 людьми. Большинство присутствующих поддержало Сантарена. Несмотря на болезнь, он сразу же отправился в путь, но, прибыв на место и обнаружив слабую защищенность крепости, послал в город Хуана дель Мармоля с поручением найти еще 30 человек и 8 пушек. Губернатор, выслушав просьбу о помощи, отрицательно покачал головой.

— У меня нет возможности выделить дону Франсиско дополнительные силы. Они нужны здесь для защиты города. И пусть дон Франсиско не удивляется — хунта знает, чем он располагает, и помнит, что он обещал удержать крепость с теми силами, которые имелись в наличии. Если защитить крепость нет возможности, ее следует покинуть. Это гораздо выгоднее для нас, учитывая, что гарнизон города тоже нуждается в усилении.

Сантарену пришлось согласиться с доводами губернатора. Отдав приказ заклепать пушки и взорвать бочки с порохом, он оставил крепость и, по словам хрониста Вальехо, «тем самым открыл ворота настежь перед врагом».

В полдень 18 апреля французы, двигаясь по полуострову Тьерра-Бомба, достигли руин разрушенной крепости, лежавшей в полумиле от форта Санта-Крус, и сделали привал Пуанти вызвал к себе контр-адмирала виконта де Коэтлогона и поставил перед ним задачу: с отрядом солдат пройти по южной стороне перешейка, соединяющего полуостров с материком, и выбрать место для размещения осадных сил Сам главнокомандующий после обеда двинулся через мангровые заросли к бастиону Санто-Доминго. Спустя короткое время к нему прибежал курьер от Коэтлогона Он сообщил, что испанцы, уничтожив в форте Санта-Крус все, что не смогли вывезти, покинули его. Удовлетворенный столь доброй новостью, барон занялся изучением местности, лежавшей на пути следования экспедиционных войск. Полоса земли, тянувшаяся к Картахене, оказалась сильно заболоченной и постепенно сужалась до нескольких ярдов. Атаковать испанцев с этого фланга было невозможно. Тем не менее, приблизившись к городской стене и увидев множество людей, наблюдавших за ним с бастиона, Пуанти решил, что вид его армии внушает им страх, и отправил к ним парламентариев с предложением сдаться и обещанием хорошего обращения. Губернатор Риос ответил, что капитулировать не намерен, и что у него имеется достаточно сил для отражения нападения французов на город. Тогда же отправил в провинциальный город Момпокс гонца с просьбой поскорее прислать подкрепления, а также согласился затопить в канале Сургидеро корабль, чтобы не позволить французской эскадре войти в порт. Понимая, что предпринимаемые контрмеры носят половинчатый характер и недостаточно эффективны, 60 испанцев вызвались под покровом ночи поджечь флагманское судно французов, но губернатор, усомнившись в возможности успешного осуществления подобной акции, не разрешил им это сделать.

В тот же день Риос приказал оставить форт Пастелильо, находившийся на восточном берегу Сургидеро и имевший неплохую батарею, откуда можно было бы обстреливать корабли неприятеля. Тем самым испанцы окончательно утратили контроль над входом во внутреннюю гавань.

Флибустьеры, отправленные во главе с Галифе на захват монастыря Ла-Попа, благополучно пересекли мелководную часть внутренней гавани и высадились в пункте, называвшемся Лос-Техарес

(«Черепицы»). Здесь они натолкнулись на капитана Пальму, прибывшего из Картахены с двумя сотнями негров и мулатов, и, не дав противнику опомниться, с ходу атаковали его. Недисциплинированное войско Пальмы тут же разбежалось, а сам капитан, пав смертью героя, был доставлен в город скорбящими, но уцелевшими в бою товарищами. 19-го утром, ворвавшись в монастырь, флибустьеры нашли его покинутым, и, уведомив об этом Пуанти, расположились лагерем недалеко от крепости Сан-Ласаро, или Сан-Фелипе-де-Барахас, входившей во вторую линию обороны Картахены и защищавшей подходы к ней с восточной стороны.

Убедившись в невозможности захватить город с юга, Пуанти решил преподнести испанцам сюрприз — перевезти своих людей через внутреннюю гавань и атаковать Картахену с юго-востока. Жан дю Пати и его негры были отправлены на противоположный берег с заданием найти удобное место для высадки и изучить состояние почвы. Когда Дю Пати вернулся, барон вызвал с кораблей шлюпки, погрузил свою армию на борт и перебросил ее к подножию холма, на котором стоял напоминающий египетскую пирамиду форт Сан-Ласаро. Здесь к нему присоединились отряды Галифе и виконта де Коэтлогона.

Форт Сан-Ласаро прикрывал основные коммуникации и, не овладев им, невозможно было подступиться к городу. Бегло осмотрев вражеские позиции, Пуанти убедился, что заставить испанский гарнизон капитулировать будет непросто, так как холм, на вершине которого находился форт, был защищен естественным откосом, покрытым густым кустарником. Вызвав к себе одного из разведчиков, барон приказал ему взять индейца-проводника, захваченного в Бока-Чике, и с его помощью пробраться к подножию крепостной стены. Разведчик установил, что перед стеной нет ни рва с водой, ни канавы. Приняв эту информацию к сведению, Пуанти и начальник артиллерии Коэтлогон поднялись на соседнюю возвышенность и обнаружили, что форт занимает не весь холм, а оставляет достаточно пространства справа от себя. Здесь можно было незаметно приблизиться к крепости, прячась в зарослях лесного массива.

Приняв решение штурмовать Сан-Ласаро, Пуанти объявил общий сбор и велел рабам рубить проход через заросли. Следуя по их стопам, экспедиционные части прошли полпути вверх по холму, после чего

разделились, охватывая форт с флангов. Одновременно французская артиллерия начала обстрел предместья Картахены.

Положение гарнизона Сан-Ласаро было незавидным. Комендант крепости Хуан де Беррио, сославшись на неотложные дела в городе, еще в десять утра покинул свой пост и без вызова явился в резиденцию Риоса, заслужив тем самым два дня ареста. Дон Хосе Маркес и капитан Хуан Мигель Родригес де Роблес, собрав отряд из 150 негров, пытались помочь осажденному гарнизону, но губернатор города, узнав об их намерении, приказал им вернуться. Лишенные поддержки извне, защитники форта смогли продержаться только два дня, и 20 апреля, ближе к вечеру, прекратили сопротивление. Пока французы возились с осадными лестницами, испанские солдаты незаметно выскользнули из ворот, ближайших к городской стене, и сломя голову бросились к Картахене. Каждая из сторон потеряла в этом сражении по 12 человек. Но когда отряды Пуанти, двигаясь по дальней стороне холма, приблизились к бастионам пригорода, их встретили залпы тяжелых орудий. В итоге потери французов возросли еще на 60 человек.

Между Сан-Ласаро и Картахеной лежало предместье Гетсемани; оно было расположено на острове, соединенном плотиной и узким мостом с материком. Мост, названный позже Пуэнте-Медиа-Луна, перекрывал рукав бухты и с восточной, материковой, стороны был защищен каменной стеной с бастионами Сан-Франсиско-де-Асис, Сан-Хосе и др.

В течение шести дней французы готовились к штурму этого укрепления — фактически последнего серьезного оплота картахенцев. 21 апреля Пуанти распорядился ввести во внутреннюю гавань несколько малых судов, которые, став на якорь, начали обстреливать пригород из мортир; однако из-за большой дистанции ядра не долетали до цели, и суда, изрядно покалеченные ответным артиллерийским огнем с испанских батарей, пришлось отвести на исходные позиции. Поскольку стало очевидным, что на серьезную поддержку со стороны кораблей эскадры рассчитывать нечего, Пуанти и его офицеры сосредоточили все внимание на подготовке сухопутных частей. Солдаты подняли на мостовое оборонительное сооружение фашины и туры, в то время как моряки выгрузили на берег пушки, снятые с больших кораблей, и с помощью негров втащили их на площадки,

откуда должен был вестись огонь по испанским позициям. Что касается флибустьеров, то они, верные своим обычаям, отказывались от выполнения каких бы то ни было тяжелых физических работ. Дело, следовательно, двигалось вперед медленно; солдаты, опасаясь возможных вылазок неприятеля, работали с перенапряжением, не расставаясь с мушкетами. Наконец, к 26 апреля удалось разместить на берегу 27 пушек и 5 мортир. 6 тяжелых орудий установили напротив ворот Медиа-Луна на расстоянии 120 ярдов; 5 других пушек, находившихся в распоряжении Ко-этлогона, были установлены у подножия холма Сан-Ласаро; еще 7 пушек подняли на бастион форта; мортиры были размещены между батареями.

Пока шли эти приготовления, испанцы обстреливали французские позиции и причинили им некоторый ущерб. Возведение бруствера, призванного, по замыслу барона, защитить батареи, не было закончено в срок, и главнокомандующий получил серьезное ранение. Ему сделали операцию и уложили на носилки, откуда он мог контролировать ситуацию и следить за выполнением приказов. Попечителем тех работ, которые барон не имел возможности проверить лично, стал его первый заместитель вице-адмирал де Леви.

26-го числа французские батареи открыли огонь по пригороду и окружавшей его стене, надеясь пробить в ней брешь. Со стороны бухты их взялся поддержать огнем линейный корабль «Вермандуа». Однако едва он приблизился к берегу, испанские артиллеристы избрали его борт в качестве мишени и всадили в него несколько ядер.

Видя, что «Вермандуа» не столько бомбардирует пригород, сколько пытается выйти из-под огня вражеских батарей, командование решило не рисковать и велело отвести его на безопасное расстояние.

В тот же день 17 испанских артиллеристов, деморализованных численным превосходством французов, покинули ворота Медиа-Луна и отступили в город. Как ни странно, никто из них не был наказан.

На рассвете 28-го числа французские батареи начали массированную бомбардировку Гетсемани. Основной огонь велся по воротам Медиа-Луна и бастиону Сан-Педро-Мартин; лишь несколько пушек и мортир били по городу; их поддерживал отдельными бортовыми залпами флагманский корабль эскадры. Бомбардировка продолжалась весь день и всю ночь, а когда вновь взошло солнце,

осаждающие обнаружили, что эффективность их огня была ничтожной — брешь в стене пробить не удалось. Пуанти приказал продолжить бомбардировку.

Обороной бастиона Медиа-Луна руководил дон Франсиско де Сантарен, в распоряжении которого находилось примерно 100 человек (в основном негры и мулаты) и 11 пушек. Когда обстрел Медиа-Луны усилился, темнокожие воины самовольно покинули свои позиции. С Сантареном осталось не больше 15 солдат. Чувствуя, что предместье вот-вот захватят французы, губернатор Риос спешно отправил к Медиа-Луне отряд из 200 человек, но все они были плохо обучены и позже дезертировали.

К вечеру стена у ворот Медиа-Луна лежала в развалинах. Желая во что бы то ни стало довести дело до победного конца, вице-адмирал де Леви предложил барону немедленно атаковать неприятеля через брешь, но Пуанти не отважился на это без предварительной разведки. Ночью инженеры выяснили, что стена, несмотря на сильные разрушения, все еще представляет собой серьезное препятствие и может быть преодолена только с помощью лестниц. Капитан инженеров сообщил также, что мост, который соединял остров с материком и который испанцы пытались разрушить с помощью брандера, находится в удовлетворительном состоянии и может быть использован для переброски войск; что касается ворот Медиа-Луна, которые представлялись французам разбитыми, то, по словам капитана, испанцам удалось замуровать их створ изнутри, насыпав кучу земли. Таким образом, наиболее предпочтительным представлялся прорыв через брешь в стене. Однако из-за того, что туры и фашины, возведенные французами, оказались сильно разбитыми, для их восстановления необходимо было подвезти из гавани мешки с припасами. Естественно, делать это пришлось бы под огнем испанских батарей, и Пуанти решил отложить штурм до тех пор, пока его артиллеристы не пробьют в стене более широкую брешь.

Штурм был назначен на 30 апреля. В девять утра прекратили бомбардировку, и через час барон отправил Дюкасса на переговоры с Сантареном. Когда они встретились у основания бреши, Дюкасс попросил испанского командира передать губернатору Картахены предложение Пуанти прекратить сопротивление и сдать город. Одновременно он внимательно осмотрел состояние стены. Брешь

оказалась чересчур мала; и тем не менее, не дождавшись от Риоса ответа, французы решили нанести удар именно в этом месте. Приказ об атаке был следующий: первыми наступают сержант с 10 гренадерами, прикрываемые таким же по численности отрядом солдат; за ними движется основной корпус (батальон) гренадеров; в третьем эшелоне идут 150 саперов; а в арьергарде — такое же количество флибустьеров и негров.

В четыре часа пополудни прозвучала команда «В ружье!», и колонна атакующих, руководимая де Леви, устремила к брешу. Приказ о порядке движения вскоре был нарушен, и виной тому послужила горячность молодых офицеров: желая отличиться, они бросились с саблями в руках к подножию стены и первыми ворвались в узкий пролом. Здесь их встретили мушкетным огнем, моментально сократившим численность безумцев наполовину. Лишь когда подоспели гренадеры, подгоняемые криками де Леви, испанцев удалось отбросить в глубь предместья. Там, перегруппировав свои силы, они взяли под контроль главные улицы Гетсемани и контратаковали французов. Все это время Сантарен, измученный подагрой, отдавал приказы, сидя в кресле. Пуанти, несмотря на свои раны, тоже вел себя похвально: сопровождаемый двумя десятками мушкетеров, он велел очистить вал от испанских снайперов и тем самым облегчил участь отрядов, пересекавших мост. Не выдержав бешеный натиск атакующих, сотня испанцев во главе с Педро Каньярте бросилась к плотине, соединявшей Гетсемани с Картахеной, и здесь смешалась с орудней толпой крестьян, вооруженных отбитым у французов оружием. Толкаясь и стреляя во все стороны, они настойчиво пытались проникнуть в город, но Риос благоразумно держал ворота Картахены закрытыми. Трусам и паникерам дали понять, что их впустят в город только после того, как они предпримут попытку задержать продвижение французов. Лишенные выбора, жители Гетсемани и солдаты, подогретые вином и ожесточенные безвыходностью своего положения, в отчаянье двинулись по плотине назад, к центральной улице предместья, и в какой-то момент потеснили неприятеля; однако вскоре французы, получив подкрепления, перешли в контрнаступление и обратили испанцев в бегство. Некоторые картагенцы, наблюдавшие за этой картиной с городских бастионов, хотели оказать помощь своим братьям, но

губернатор вернул их, после чего велел открыть ворота и впустить уцелевших защитников Гетсемани в город. 150 солдат и ополченцев, заколотых штыками, остались лежать на плотине.

Разместившись в предместье, французы всю ночь готовились к решающему наступлению, подвозя с кораблей оружие и снаряжение. Испанцы не препятствовали им в этом, хотя несколько групп добровольцев предлагали Риосу нанести неожиданный удар по неприятельскому лагерю. Губернатор ответил им отказом, решив, что в случае провала операции оборона города будет существенно ослаблена.

— Надо еще немного подождать, — сказал он. — К нам идут подкрепления из провинции, объединившись с которыми, мы сможем легко разгромить и уничтожить врага.

К утру 1 мая французы закончили ремонт моста и перевезли по нему пушки, предназначенные для обстрела городских ворот. Одновременно корабли «Скептр», «Вермандуа» и «Сен-Луи» подошли ближе к берегу, чтобы заставить умолкнуть бастион, артиллерия которого причиняла осаждающим наибольший урон.

Днем в кафедральном соборе Картахены собрались девять священнослужителей, обсуждавших вопрос, как спасти церкви, а также детей, женщин и престарелых, не успевших эвакуироваться. Созвал хунту и губернатор. Совещание проходило в нервной обстановке, большинство его участников отмечало низкую боеспособность защитников города и не верило в то, что с прибытием войск из провинции ситуация изменится в лучшую сторону. Диего Мануэль де Моралес прямо заявил, что пора сдаваться. Губернатор Риос был более осторожен в своих высказываниях, однако и его предложение, в сущности, мало чем отличалось от предложения Моралеса.

— Мы все готовы пролить кровь, дабы защитить город и честь оружия Его Католического Величества, — заявил он. — Но мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что в случае нашего поражения погибнет около тысячи женщин и детей. Чтобы их спасти, лучше всего было бы капитулировать, тем более что у нас еще есть время договориться с врагом о сдаче города на условиях, почетных для королевского оружия.

Однако окончательного решения о капитуляции хунта не приняла. В три часа пополудни французские корабли начали бомбардировку испанских позиций и закончили ее лишь в шесть часов вечера, когда на стенах города были вывешены белые флаги. Тогда же губернатор Риос приказал подсчитать, сколько боеспособных людей осталось на бастионах. Оказалось — 1160 человек. Сопrotивляться с такими силами было невозможно, поэтому испанское командование решило вступить в переговоры с врагом и обсудить условия капитуляции.

Тем временем во французский лагерь прибежал индеец, сообщивший, что с юга на помощь осажденному городу движутся подкрепления численностью более тысячи человек. Не менее тревожное известие принес также гонец от офицера, оставленного командовать фортом Сан-Луис-де-Бока-Чика. Последний отправил солдат на захват имения дона Санчо Химено, и ее участники наткнулись на отряды, маршировавшие к Картахене вдоль восточного берега лагуны. Желая обезопасить свои тылы, Пуанти приказал высадить с кораблей отряд моряков, известных под именем «косарей»; эти моряки, вооруженные небольшими косами, насаженными на длинные шесты, в ближнем бою представляли собой страшную силу. Одновременно Дюкасс, взяв 500 флибустьеров и 300 солдат, отправился на перехват приближающихся испанских частей. Он разместил своих людей в зарослях среди мелких заболоченных озер, а на следующий день на помощь к нему пришел еще один отряд, возглавляемый Галифе. Вступить в сражение, однако, им не пришлось, поскольку в ожидаемом месте неприятель так и не появился. По мнению французского иезуита Шарльвуа, барон намеренно отправил пиратов подальше от города, чтобы после победы присвоить себе лучшую часть добычи.

2 мая испанцы сообщили французам о готовности сдаться, и Пуанти поручил Дюкассе передать губернатору Риосу следующие условия капитуляции:

- 1) Город уплачивает выкуп в 12 миллионов песо.
- 2) Чтобы избавить его от грабежа, необходимо заплатить еще один миллион песо.
- 3) Тем, кто пожелает остаться в городе, сохраняют их имущество, исключая золото, серебро и драгоценные камни.

4) Те, кто останется, должны будут присягнуть на верность королю Франции.

5) Для продолжения переговоров требуется прислать двух заложников.

В шестнадцать часов губернатор Картахены отправил во французский лагерь в качестве заложников дона Хосе де Арбису и Хосе Маркеса Болкортеса. В ту же ночь военные действия прекратились, а к рассвету 3 мая французы заняли стены города. Учитывая, что барон предложил довольно тяжелые (в материальном отношении) условия капитуляции, в городе была собрана хунта, на которой решили послать на переговоры с Пуанти ректора иезуитской братии дона Педро Сапату, *ойдора* аудиенсии Санто-Доминго дона Мануэля де ла Крус-Аэдо и кабальеро дона Кристобаля де Себальоса. Вечером договор о капитуляции был заключен. Когда парламентареры вернулись, губернатор подписал его.

Условия капитуляции сводились к следующим шести пунктам:

1) Губернатор покидает город вместе с гарнизоном и знатными людьми. Кроме того, ему предоставляется право взять 40 тюков с имуществом, принадлежащим его семье, а также слуг и рабов.

2) Горожане, которые пожелают уйти, забирают с собой платье, утварь и домашних рабов. Наличными можно было оставить при себе: капитанам — по 1000 песо, церковникам — по 600 песо, альфересам — по 400 песо, кавалеристам — по 400 песо, солдатам — по 25 песо.

3) Те горожане, которые захотят остаться, сохраняют свои права и привилегии, но должны будут присягнуть на верность королю Франции и сдать половину своего имущества.

4) Королевские чиновники должны сдать деньги, содержащиеся в кассах города.

5) Церкви и монастыри со священными сосудами будут неприкосновенны.

6) Уход из Картахены осуществляется со всеми воинскими почестями: с барабанным боем, развевающимися знаменами, зажженными фиталями и двумя пушками.

4 мая Пуанти объявил, что любой солдат или флибустьер, который причинит малейшую обиду испанцам, будет наказан смертью. После этого, примерно в девять часов утра, в город вошел французский отряд.

из 500 человек под командованием де Леви, занявший все стратегические точки.

Испанскому губернатору дали время подготовиться к уходу. Через день, 6 мая, в четыре часа пополудни дон Диего де лос Риос сел на лошадь и двинулся во главе колонны к главным воротам. Его сопровождали четыре отряда с двумя небольшими пушками; затем шли женщины, дети и священнослужители; следом за ними — 8 отрядов пешей милиции (каждый милиционер имел «ажурную перевязь и пулю в стволе»); далее — слуги с багажом губернатора и, наконец, в арьергарде — члены *кабильдо*, судьи и полк с развернутыми знаменами. В общей сложности Картахену покидало 2800 человек. Их путь проходил между двумя рядами французских солдат и моряков, выстроившихся вдоль линии следования не столько для оказания почестей врагу, сколько с целью предотвращения выноса золота и драгоценностей.

Когда испанцы ушли, основные силы французов вступили на улицы города. Первым маршировал батальон гренадеров под командованием месье де Ла Роша Барон, сопровождаемый гардемарины, был внесен в город на руках. У кафедрального собора оккупантов встретили члены церковного *кабильдо* во главе с епископом, которые спели гимн *Te Deum*. Выслушав овации в честь Людовика XIV, удовлетворенный Пуанти отправился к зданию Счетной палаты (Бухгалтерии), где решено было разместить штаб.

Утром 7 мая барон издал указ, обязывавший горожан сдать половину своего имущества, подлежащую конфискации согласно статье 3 договора. Кроме того, он обещал каждому жителю оставить десятую часть конфискуемых сокровищ, если ценности будут сданы без проволочек. Любой «стукач», который разоблачал соседа, утаившего свои богатства, получал премию — десятую часть обнаруженного. Подобного рода уступки, по мнению барона, должны были побудить испанцев вести с захватчиками «честную игру» и ускорить сбор контрибуции.

Некоторые трудности возникли в связи с собственностью монастырей. Статья 5 договора предусматривала их неприкосновенность, и монахи были уверены, что эта неприкосновенность распространяется как на их собственные деньги, так и на те суммы, которые передавали им на хранение частные лица.

— Ничего подобного! — заявил Пуанти. — Статья пятая требует от меня уважения монастырских построек, а не того, что укрыто в них. Иначе все богатство города может быть передано им на сохранение.

Осознав свою ошибку, монахи и священники позаботились о том, чтобы понадежнее укрыть имущество монастырей и церквей. Но тут из Гетсемани в город пришли несколько флибустьеров, обладавших, по словам барона, «особым талантом в отыскании спрятанных сокровищ», и святые отцы, хорошо осведомленные об этом «особом таланте», согласились показать французам монастырские тайники. Впрочем, едва пираты ушли, как монахи снова прикусили языки. Раздраженный их упрямством, а также желая избежать злоупотреблений со стороны солдат и флибустьеров, Пуанти приказал провести осмотр монастырей своим капитанам 11 мая де Леви обыскал монастырь братства иезуитов и обнаружил в нем большое количество серебряных блюд, чаш и шкатулок с драгоценностями. В жилище падре Антонио Гранели были найдены золото, серебро и драгоценные камни на сумму более 30 тыс. песо. За сокрытие этих богатств бедняга Гранели был арестован.

В воскресенье 12 мая, узнав о намерении французов взорвать городские фортификации и увезти с собой всю артиллерию, несколько знатных испанцев собрали хунту. На ней присутствовали оставшиеся в городе дон Хосе Вальехо де ла Каналь, дон Санчо Химено, дон Фелипе Нуньес, дон Мартин де Вергара и дон Франсиско де Сантарен. Было решено предложить Пуанти выкуп за сохранение крепостных стен и артиллерии; деньги предполагалось взять на галеонах «серебряного флота», все еще стоявшего в Пуэрто-Бельо. Выслушав это предложение, барон согласился отпустить в Пуэрто-Бельо курьера в лице дона Антонио де Отейса; последний должен был в течение пятнадцати дней достать выкуп в размере 500 тыс песо. Однако через десять дней курьер вернулся с пустыми руками, не сумев добраться до цели своего путешествия из-за неблагоприятных ветров.

Тем временем грабеж города продолжался. Обыску подверглись монастыри Сан-Аугустин, Ла-Мерсед, Санто-Доминго, Санта-Клара и кафедральный собор. Со всех церквей были сняты колокола (за исключением церкви иезуитов, уплатившей выкуп в 300 песо, и церкви Сан-Диего, уплатившей 410 песо). Кстати, львиная доля реквизиции была осуществлена не пиратами, а офицерами королевской эскадры.

Объясняется это тем, что в первые дни оккупации Картахены флибустьеры сидели в засадах на подступах к городу, имея приказ задержать продвижение испанских войск из провинции. Не встретив, однако, неприятеля, они пошли охотиться на диких гусей, а когда вернулись, увидели, что Пуанти закрыл перед ними ворота. Покричав и наградив барона нелестными эпитетами, флибустьеры вынуждены были расположиться в Гетсемани и удовлетвориться тем, что их командира — Дюкасса — назначили губернатором Картахены.

Когда добыча была собрана и уложена в сундуки, Пуанти разрешил открыть ворота и впустить флибустьеров в город. Их поведение, как и ожидалось, совершенно не соответствовало духу договора, заключенного с испанцами, но удержать пиратов от мародерства и насилия в отношении горожан не представлялось возможным. Выслушав жалобы потерпевших, барон велел казнить одного из пойманных мародеров и разрешил жителям создавать в районах нечто подобное силам самообороны; не прибегая к оружию, они могли хватать насильников и доставлять их к нему на суд. Однако на практике подобные меры не действовали, ибо, занимаясь разбоем, флибустьеры постоянно перемещались из одних районов в другие — туда, где их не могли узнать.

Неприязнь, возникшая между Пуанти и Дюкассом еще на Сен-Доменге, после захвата Картахены усилилась и переросла в открытую вражду. Углублению конфликта способствовала выдача Дюкассом специальных пропусков тем испанцам, которые проявили мужество при защите ворот Медиа-Луна. Это шло вразрез с замыслами барона, приказавшего до описи имущества никого из города не выпускать. Обиженным разносом, учиненным ему главнокомандующим, Дюкасс покинул город и перебрался к своим флибустьерам в Гетсемани. Здесь он обнаружил, что значительная часть пиратов голодает, поскольку то, что удалось отнять у испанцев, было уже съедено, а свежая провизия из города не поступала. Губернатор написал барону, что некоторые его люди опустились до поедания собак, кошек и лошадей, но получил холодный ответ, что тут, мол, не из-за чего переживать, поскольку пиратам «такая пища только на пользу». Далее Дюкасс сообщил главнокомандующему, что из-за ухода многих флибустьеров в город его контингент в Гетсемани сильно сократился и что поэтому в случае внезапного нападения врага предместье может быть потеряно.

Посмеявшись над этими опасениями, Пуанти предложил рассерженному губернатору забрать три четверти своих людей — всех волонтеров с Сен-Доменга и значительную часть негров — и покинуть экспедицию. Озадаченный подобным предложением, Дюкасс решил изменить тактику, ибо главное, что по-настоящему беспокоило его и его людей — это судьба награбленных сокровищ. Подозревая возможный обман, Дюкасс отправил к барону своего заместителя Галифе; последний просил допустить людей с Сен-Доменга в зал, где была сложена добыча, дабы осмотреть ее. Последовал категорический отказ. Галифе внушили, что для его же блага впредь подобных предложений лучше не делать, так как они бросают тень на честь главнокомандующего.

— Я лишь старался собрать добычу наиболее разумным способом, — пояснил Пуанти. — Мне и в голову не приходило обманывать членов экспедиции. Соответствующее распределение паев будет сделано после того, как закончим опись.

Хотя Дюкасс, выслушав Галифе, остался удовлетворен этим ответом, основная масса флибустьеров не поверила барону. Видя, как сундуки с золотом и драгоценностями переносят на борт королевских кораблей, они стали кричать, что прибегнут к насилию и не позволят увезти награбленное до того, как им выплатят их долю. Потрясая оружием, возбужденная толпа двинулась к берегу — по всему было видно, что пираты готовы подкрепить свою угрозу конкретными действиями. Понимая, что назревает мятеж, отвечать за который придется ему, Дюкасс стал на их пути и стал убеждать не совершать опрометчивых поступков. Напомнив им об их обязанности уважать не только короля, но и королевских офицеров, он закончил свою речь словами о том, что они смогут прорваться к золоту «только через его труп». Толпа тут же успокоилась. Трезво оценив ситуацию, Пуанти, со своей стороны, тоже решил пойти на уступки, ибо прекрасно понимал — в данный момент прибегать к контрмерам и кого-то наказывать нецелесообразно. Пираты и их корабли могли ему еще пригодиться. Поэтому в соответствии с обычаями флибустьеров был утвержден порядок выплаты компенсаций за полученные в бою ранения, а также выданы премии капитанам и тем, кто отличился добросовестной службой.

Новые проблемы возникли в связи с началом сезона дождей. Из-за нездорового климата Пуанти потерял в течение каких-нибудь шести дней 800 человек, которых охватила «заразная болезнь», и это обстоятельство заставило его отказаться от первоначального плана оставить в Картахене французский гарнизон. В отчете об экспедиции он писал; «Все мысли о победах и сокровищах были стерты этими болезнью и смертями. Одним словом, если бы болезнь продолжалась с такой же суровостью, я стал бы свидетелем моего неизбежного уничтожения в красивейшем порту мира, хотя врага близ меня не было; были бы потеряны не только плоды всех наших трудов, но также и эскадра, доверенная мне».

Закончив погрузку сундуков с сокровищами, французы начали грузить на суда военную технику и трофейную артиллерию, в том числе от 80 до 84 бронзовых пушек, а поскольку эпидемия дизентерии и тропической лихорадки практически не затронула акклиматизировавшихся в тропиках флибустьеров, Пуанти просил их оказать помощь изнуренным болезнью солдатам и морякам королевской эскадры. Пираты, однако, ответили, что приступят к работе только тогда, когда получат свою долю добычи. Не уступив им в этом, барон подкупил часть из них, и с их помощью к 25 мая артиллерия и штурмовые орудия были погружены на борт кораблей. Учитывая, что испанцы так и не заплатили выкуп за сохранность фортификационных сооружений, французы подорвали все бастионы города, после чего, снявшись с якорей, эскадра начала медленно выбираться из бухты.

Когда добрались до Бока-Чики, кто-то предложил оставить Галифе в форте Сан-Луис, отдав под его командование небольшой гарнизон из флибустьеров и солдат. Сам Галифе встретил это предложение с энтузиазмом; он даже пообещал удержать под своим контролем Картахену, если главнокомандующий дополнительно выделит ему еще сотню солдат, однако Пуанти нашел эту идею вздорной. Он сообщил Галифе, что если Дюкасс сможет обеспечить его своими людьми, то в форте будет оставлена артиллерия.

— Но, — добавил он, — я не могу дать вам ни одного человека из своих поредевших сил.

— Я берусь уладить все дела и найти людей, — заявил Галифе, — если флибустьерам немедленно отдадут их долю добычи.

На это барон ничего не ответил. 30 мая он приказал погрузить на корабли пушки из форта Сан-Луис-де-Бока-Чика, а сам форт разрушить. Как только приказ был выполнен, Пуанти сообщил флибустьерам, что они могут взять в Картахене любые товары, принадлежавшие испанцам, покинувшему город, но предупредил, что если они начнут грабить все прочие дома, он сожжет их фрегаты.

Наконец перешли к самому интересному занятию — дележу золота и драгоценных камней. В ходе дележа Дюкасс с удивлением обнаружил, что соглашение, заключенное между ним и бароном на Сен-Доменге, неверно трактуется. По договору флибустьеры и колонисты должны были получить долю добычи наравне с солдатами и экипажами королевских кораблей. Если учесть, что стоимость захваченной добычи в монете, золоте, серебре, драгоценных камнях и товарах равнялась 20 млн песо, а доля офицеров, солдат и моряков эскадры составляла V_{10} часть, или 2 млн песо, то получится, что люди с Сен-Доменга тоже должны были получить 2 млн. Но барон заявил, что договор, заключенный ранее между ним и правительством Людовика XIV, предусматривал иной порядок распределения награбленного: флибустьерам полагалась V_{10} часть с первого миллиона и по Узо — с последующих. В таком случае они должны были получить около 630 тыс. песо. В действительности Пуанти определил их долю в 40 тыс песо.

Познакомившись с результатами расчетов барона, Дюкасс пришел в ярость, а его офицеры решили, что период дипломатических игр закончился и пора переходить к силовым методам. Был срочно созван военный совет. Наиболее горячие головы предлагали обстрелять и захватить корабль барона, но тут один из участников дискуссии воскликнул:

— И охота вам, братцы, связываться с этой собакой! Ведь он ничего нашего не увозит. Наша доля добычи осталась в Картахене, и там надо взять ее!

Хотя Дюкасс был против подобного решения проблемы, большинство офицеров высказалось за возвращение в Картахену; в тот же вечер вся пиратская флотилия встала на якорь у города Понимая, что это бунт, губернатор Сен-Доменга попытался примирить флибустьеров с моряками королевской эскадры: он послал Галифе к

барону с сообщением о намерениях бунтовщиков и просьбой удовлетворить их требования, в то время как Ле Паж был отправлен к бунтовщикам с заданием удержать их от повторного грабежа города. Увидеться с заболевшим главнокомандующим Галифе не удалось, а преемник барона вице-адмирал де Леви прямо сказал, что не побежит за разбойниками, «коих надобно повесить всех без исключения». Передать Дюкассу 100 солдат для подавления мятежа он также отказался.

Ле Паж, прибыв в распоряжение пиратской флотилии, добросовестно зачитал мятежникам воззвание Дюкасса; в воззвании говорилось, что своим поведением они оскорбляют величайшего в мире государя, который не виноват в бесчестном поступке одного из своих офицеров; что он, Дюкасс, сам поедет во Францию и, добившись аудиенции, лично передаст их жалобу королю; что они должны оставить мысль о возвращении в Картахену, а если, несмотря на все это, они будут непослушны, то возведут его, невинного и любящего их командира, на эшафот. Но флибустьеры отказались повиноваться, решив, что «птица в Картахене стоит двух в Версале».

— Лучше помочь себе самим, — заявил один из вожаков флибустьеров, — чем ждать небесных благ и решения из Франции, тем более что оно может не удовлетворить нас, если даже и дойдет до нас.

Ночью пираты высадились в городе. Захватив в плен дон Санчо Химено и некоторых других испанских офицеров, они согнали жителей — в основном мужчин — в кафедральный собор, притащили туда бочки с порохом и обратились к своим жертвам со следующим заявлением:

— Мы отлично понимаем, что вы считаете нас людьми без веры и чести, существами, более похожими на дьяволов, чем на людей. Это вы доказали многими оскорбительными примерами во время нашего пребывания у вас. Теперь мы явились с оружием в руках и имеем возможность отомстить вам, если захотим, — вы же не можете не ждать жесточайшей мести, о чем свидетельствует бледность ваших лиц. Однако мы намерены вывести вас из заблуждения и доказать, что гнусные качества, которые вы нам приписываете, принадлежат отнюдь не нам, а тому генералу, под командованием которого мы сражались с вами. Этот вероломный человек обманул нас хотя лишь благодаря нашей храбрости и отваге ему удалось взять ваш город, он, однако,

отказался выплатить нам причитающуюся долю добычи, поэтому мы вынуждены были снова вернуться сюда Жалеем вас, да делать нечего. Впрочем, льстим себя надеждой, что вы будете довольны нашей умеренностью и правдивостью. Обещаем оградить ваш город от малейшего насилия и беспорядка, как только заплатите нам пять миллионов. Требовать большего не желаем Если же вы не примете столь умеренное предложение, то ждите любого несчастья, виновниками которого окажетесь лишь вы сами да генерал Пуанти; имя последнего мы разрешаем вам покрыть всевозможными бранными словами и проклятиями.

Тут же какой-то монах взошел на амвон и начал убеждать всех отдать флибустьерам оставшиеся деньги и драгоценности. Затем начался сбор требуемой суммы, но к утру 1 июня удалось наскрести всего несколько десятков тысяч песо. Пираты не хотели слушать заверения, будто это все, что осталось после Пуанти, и решили «помочь» горожанам в дальнейших поисках.

Тем временем в Бока-Чикю зашел небольшой фрегат, командир которого передал барону сообщение о близости англо-голландской эскадры. Не желая рисковать награбленным, Пуанти отдал приказ немедленно сниматься с якорей.

Флибустьеры хозяйничали в городе до 3 июня. Тщательно обыскав все дома, они учинили повторный грабеж церквей, разрыли могилы на кладбищах и, не обнаружив достаточного количества сокровищ, решили пойти на хитрость. Отобрав из числа заложников, запертых в соборе, двух самых знатных горожан, пираты потребовали от них выкуп и, не получив желаемого, объявили:

— Эти люди будут убиты первыми!

Под жалобные крики свидетелей этой процедуры обоих сеньоров отвели в укромное место, откуда вскоре послышались ружейные выстрелы. Хотя казнь была инсценированной и никто из «расстреливаемых» не пострадал, горожанам сообщили, что оба испанца убиты. Вслед за этим из собора вывели еще двух знатных жителей, которым также стали угрожать расстрелом Подействовало. В тот же день удалось собрать около 1 миллиона песо.

Убедившись, что взять в городе больше нечего, флибустьеры стали готовиться к отплытию. Незадолго до их ухода картахенцы

получили прекрасную возможность понаблюдать за тем, как действуют законы пиратов. Двое мерзавцев нарушили приказ, запрещавший какие бы то ни было бесчинства, и лишили невинности нескольких девушек. Родственники последних набрались храбрости и пожаловались пиратскому начальству. Насильников схватили, устроили над ними суд и приговорили обоих к расстрелу. Несмотря на то, что сами пострадавшие ходатайствовали о смягчении наказания, приговор был приведен в исполнение немедленно.

Разделив золото, серебро и драгоценные камни таким образом, что на каждого пришлось более чем по 3 тыс песо, флибустьеры погрузились на борт 9 кораблей и, прихватив с собой 120 африканских невольниц, отплыли в сторону острова Ваш, где было решено разделить рабов и товары.

Вернемся, однако, к эскадре барона. Не успела она пройти и 50 лье от Картахены, как в водах южнее Ямайки дорогу ей преградил объединенный англо-голландский флот под командованием вице-адмирала Джона Невилла. Этот флот насчитывал 29 кораблей, в том числе 24 военных судна, 4 брандера и 1 кеч; 13 из них пришли с Невиллом из Англии, 8 принадлежали союзникам-голландцам.

Ранним утром 7 июня прямо по курсу впередсмотрящие французской эскадры заметили сигнальные огни вражеской эскадры. Когда рассвело, французы с ужасом обнаружили, что их 10 кораблей находятся на расстоянии пушечного выстрела от англо-голландского флота. Соотношение сил было один к трем. К тому же французские суда были перегружены добычей и осадными орудиями, а потери в ходе операции и в результате болезней значительно сократили численность их команд. Оставалось одно — спастись бегством. Пуанти приказал разворачиваться и одновременно готовиться к возможной баталии. Те больные, кто еще мог держаться на ногах, заняли свои места на боевых позициях, после чего с флагмана поступил новый приказ — всем судам выстроиться в линию. Английские корабли приблизились к неприятелю, и «Уорвик», находившийся в авангарде, открыл огонь по ближайшему французскому фрегату. Это судно отказалось от поединка и, имея хороший ход, сумело оторваться от преследователя; тогда «Уорвик» атаковал и взял на abordаж флибот, на борту которого помимо 800

бочек пороха и сотни негров оказался груз серебра на сумму порядка 20 тыс ф. ст.

Догадавшись, что французы хотят уйти из Карибского бассейна Флоридским проливом, Невилл изменил тактику и, отказавшись от активных действий, попытался слегка опередить их. Заметив этот маневр, Пуанти приказал ночью развернуться и возвращаться к Картахене. Англичане поняли, что совершили ошибку, и на всех парусах устремились в погоню за убегающим противником. Преследование продолжалось в течение нескольких дней и было прервано разыгравшейся бурей. Французские суда оказались лучшей постройки и, за исключением «Фора», не получили таких серьезных поломок, как английские.

9 июня барон определил, что его эскадра находится в 20 лигах от Картахены. Вечером он передал всем капитанам приказ повернуть на запад, и в ту же ночь французы пошли новым курсом. К утру они с облегчением увидели, что горизонт пуст.

Потеряв корабли Пуанти, Невилл отправился к Бока-Чике и застал в полуразрушенном форте Сан-Луис небольшой испанский гарнизон. Войдя в бухту, он достиг Картахены и высадился на берег, желая осмотреть город. Город оказался покинутым.

Снова выйдя в море, англо-голландский флот пошел в восточном направлении, в район залива Самба. Здесь были обнаружены 9 судов флибустьеров, возвращавшиеся под командованием Дюкасса на Сен-Доменг. Невилл отправил против них 4 корабля, и когда англичане догнали пиратов, последние бросились врассыпную. Взять на abordаж удалось лишь 2 фрегата, на борту которых находились деньги и товары на 1 млн песо. Третий корабль устремился назад к Картахене и сел на мель; его команда была захвачена испанцами в плен и использована на строительстве новых фортификационных сооружений. Четвертое судно загорелось и было выброшено на берег Эспаньолы — правда, люди и добыча не пострадали. Остальные 5 судов благополучно достигли французских гаваней на Сен-Доменге.

Тем временем Пуанти, окольными путями пробираясь во Францию, прошел Юкатанским проливом в Мексиканский залив, повернул на северо-восток и, миновав Флоридский пролив, устремился к берегам Ньюфаундленда. Пополнив там запасы дров и питьевой воды, он пошел через Атлантику во Францию.

На подходе к Бресту французов ожидало новое препятствие: 24 английских и голландских судна под командованием коммодора Норриса преградили им вход в гавань. Отступать было поздно, и французская эскадра начала маневрировать; затем, приблизившись к флангу неприятельского флота на расстояние пушечного выстрела, открыла огонь. Бой длился недолго — ровно столько, чтобы не уронить честь оружия его величества. Ночью английские и голландские суда отступили, и 29 августа барон смог провести свою эскадру на рейд.

Узнав о фантастической добыче, захваченной бароном в Картахене, власти города устроили ему сердечную встречу. Под охраной офицеров и солдат на берег были выгружены сундуки, набитые золотыми и серебряными слитками, ящики с пиастрами, коллекция изумрудов, весившая 1947 марок (1 марка равнялась восьми унциям, а 1 унция равнялась примерно 27,3 грамма), шкатулка с 71 аметистом и ящик, полный священных католических реликвий, сделанных из золота и серебра. Кроме этих и других сокровищ с борта кораблей сняли 82 трофейные пушки и 32 колокола.

Когда подвели итоги экспедиции, оказалось, что общий ущерб, нанесенный Картахене, составил более 46 млн песо. Из них 20 млн досталось победителям в виде сокровищ и товаров; пушки, оружие, боеприпасы, снаряжение и рабы оценивались примерно в 3 млн песо; ущерб, нанесенный городу, порту, кораблям и фортификационным сооружениям, равнялся 23 млн песо.

Наибольшие доходы картахенская экспедиция принесла Людовику XIV (пятая часть добычи, или 4 млн песо), а также дельцам, финансировавшим это предприятие (только в золотых и серебряных слитках — 7 646 948 франков). Восхищенный столь сказочными результатами, король решил разыграть роль благочестивого католика: по его указанию из добычи было изъято все церковное серебро и после заключения Рисвикского мира отправлено на Сен-Доменг с предписанием вернуть его испанцам.

Вскоре из Вест-Индии во Францию прибыл Донон де Галифе; он передал правительству жалобу Дюкасса и его людей по поводу несправедливого раздела добычи, взятой в Картахене. Галифе повезло: король поддержал колонистов Сен-Доменга в их споре с бароном и выделил флибустьерам и колонистам, участвовавшим в экспедиции,

премию в размере 400 тыс. ливров (Шарлевуа называет иную цифру — 1 млн 400 тыс. ливров). Впрочем, из-за нечестности королевских чиновников и офицеров те, кому предназначалась эта сумма, смогли получить лишь незначительную ее часть. Дюкасс вложил причитавшуюся ему долю добычи в расширение плантационного хозяйства и тем самым значительно упрочил материальное положение своей семьи. Что касается флибустьеров, то они, разочарованные предшествующими событиями, отказались иметь с Дюкассом какие-либо дела и стали толпами покидать остров.

Часть 4

ОПЕРАЦИИ В УДАЛЕННЫХ ОТ МОРЯ РАЙОНАХ

Поход флибустьеров Тортуги на Сантьяго-де-лос-Кабальерос

В истории флибустьерской эпопеи обращает на себя внимание тот факт, что многие свои операции они осуществляли вдали от морского побережья, иногда вторгаясь в глубь провинций на десятки километров. При этом пиратам приходилось изобретать всевозможные уловки, которые должны были обеспечить им не только скрытное приближение к объектам нападения, но и безопасные пути отступления к оставленным у побережья кораблям.

В 1659 году флибустьеры и охотники Тортуги совершили дерзкий поход на Сантьяго-де-лос-Кабальерос — город, расположенный во внутренних районах Эспаньолы (Гаити). Поводом для этой экспедиции послужили варварские действия капитана испанского военного корабля в отношении группы пленных французов.

«Поскольку, — пишет миссионер Жан-Батист дю Тертр, — упомянутые Аавалье, Жак Клеман, Никола Масье, Жиль Бонбье, его жена и маленький мальчик и другие, всего в количестве десяти или двенадцати человек, не чувствовали себя хорошо на острове Тортуге, они получили разрешение господина Элиазурда (губернатора Элиаса Уоттса. — В. Г.) отправиться на Наветренные острова, как называют Сент-Кристофер, Гваделупу, Мартинику и другие, расположенные на той параллели; и с этой целью они сели на корабль капитана-фламандца, который, отплыв на следующий день, был к несчастью встречен военным испанским кораблем, капитан которого, спросив фламандца, кого он везет, получил ответ, что это — пассажиры-французы. Он велел ему немедленно выдать их. Фламандский капитан противился, сколько мог, но после долгого спора был вынужден выдать своих пассажиров-французов, однако при условии, что их пощадят и что им не причинят вреда; и испанец твердо обещал ему это. Но едва

оба корабля разошлись, испанец со своими пленниками взял курс на остров Монтекристе, где, высадив наших французов, солдаты всех их расстреляли из аркебузов, за исключением женщины и маленького мальчика, который спрятался под рясой одного монаха, а его эти набожные убийцы и мнимые христиане уважали больше, чем кровь этого невинного».

Дю Тертр добавляет, что «эта рана долго кровоточила в сердцах всех французов на побережье Сен-Доменга», искавших случая отомстить испанцам.

Такой случай представился в 1659 году, когда на Тортугу из Нанта прибыл фрегат некоего капитана Лекубля. Флибустьеры решили, что этот корабль послан им самим Всевышним, так как его можно было использовать для доставки их к гавани Пуэрто-Плата (что на северном побережье Эспаньолы), откуда они планировали двинуться в глубь острова и атаковать Сантьяго-де-лос-Кабальерос.

Сформировав батальон из 400 человек во главе с неким капитаном Делилем (по-французски — Capitaine de L'Isle, что в переводе означает «капитан Острова»), флибустьеры разделились на четыре роты, причем первую возглавил сам Делиль, вторую — пират по имени Адам, третью — Лормель, а четвертую — Ан Леру. Согласовав свой проект с губернатором Уоттсом, который, надеясь на получение части пиратской добычи, выдал флибустьерам английское каперское свидетельство, Делиль и его сообщники отыскивали в порту капитана Лекубля и предложили ему отдать им свой корабль «в аренду». По словам дю Тертра, «ему сказали откровенно, что он более не хозяин его и что, если он не отдаст его добром и по-дружески, они заберут его силой». Конечно, Лекубль не стал упрямиться.

Погрузившись на «арендованный» фрегат и на два-три других суденышка, флибустьеры взяли курс на Пуэрто-Плату. Высадившись там на берег в день Вербного воскресенья или днем позже, они двинулись обходными путями через леса и саванны к Сантьяго и в ночь на Святую пятницу, незадолго до рассвета, неожиданно напали на спящий город. Заколов около трех десятков испанцев, пытавшихся оказать им сопротивление, французы устремились прямо к дому губернатора. Последний был найден в постели. «Он свалился с кровати, — рассказывает дю Тертр, — и, услышав, что враги говорят по-французски, высказал свое удивление тем, что французы пришли

нападать и убивать, ибо он получил известия о прекращении военных действий и о заключении мира между коронами Франции и Испании. Эти пираты ответили, что у них имеется английское каперское свидетельство, и обвинили его во всех избиениях французов, совершенных по его распоряжениям и иных губернаторов его нации, велев ему готовиться к смерти».

Когда губернатор Сантьяго-де-лос-Кабальероса упал на колени и начал молиться, флибустьеры прервали его, спросив, сколько он может заплатить за свое спасение. Испанец сказал, что готов отдать им всё, чем владеет. «Тогда наши мошенники, — продолжает дю Тертр, — потребовали с него не менее шестидесяти тысяч экю. Он им ответил, что у него нет столько, но что он готов уплатить часть выкупа шкурами, что и было сделано; а остальное, что надлежало выплатить деньгами, он им обещал, однако так и не заплатил».

За сутки флибустьеры разграбили весь город и забрали из церквей колокола, украшения и священные сосуды. Позже на Антилах рассказывали, что пираты увели с собой и изнасиловали захваченных в городе знатных дам. Дю Тертр опровергает эти слухи, заявляя, что у французов был уговор — кто будет уличен в подобного рода преступлении, тот лишится своей доли добычи. После того как они запаслись провизией и вином, пираты забрали с собой в качестве заложников губернатора и несколько знатных горожан и двинулись через лес в обратный путь.

Тем временем жители окрестных мест, объединившись с беглецами из Сантьяго, собрали отряд в тысячу человек и устроили на выходе из леса засаду. Несмотря на свою малочисленность, флибустьеры отчаянно защищались; «так как все они были хорошими стрелками, то каждый выбрал себе по человеку, и они сразу же уложили наповал более шестидесяти». После двухчасового сражения испанцы отступили, намереваясь собраться с силами и повторить атаку. Но во время этой передышки французы, потерявшие 10 человек убитыми и 5 или 6 ранеными, решили показать им губернатора и других знатных пленников. При этом было заявлено, что в случае нового нападения они перебьют всех заложников и «продадут свою жизнь дорогой ценой». Посовещавшись, испанцы разрешили пиратам продолжить путь к побережью.

Несколько дней флибустьеры провели на морском берегу, надеясь получить оставшуюся часть выкупа, но, так и не дождавшись обещанных денег, отпустили заложников и отбыли на Тортугу.

После дележа добычи на каждого участника похода пришлось по 300 крон. Довольные полученными трофеями, они решили отблагодарить своего вожака и подарили ему часть сокровищ сверх его доли. Упаковав добычу в сундук, капитан Делиль решил вернуться во Францию и там жить в свое удовольствие. Он сел на английское судно, однако во время перехода через Атлантику шкипер корабля, надеясь прикарманить пиратские денежки, затеял с Делилем ссору и выбросил его за борт. Говоря о судьбе остальных участников похода, дю Тертр назидательно замечает, что «все другие тоже ничего не выиграли от этого добра, и многие из них нашли несчастный конец».

Экспедиции флибустьеров Ямайки на Вилья-Эрмосу и Гранаду

В августе 1665 года в рапорте герцогу Альбемарлю сэр Томас Модифорд упомянул об отряде ямайских флибустьеров, отплывших из Порт-Ройял в конце 1663 года с каперским свидетельством от лорда Виндзора. Отряд насчитывал примерно 150 человек, во главе его стояли капитаны Давид Маартен, Якоб Факман (Джекоб Джекмэн), Генри Морган, Фримен и Джон Моррис.

В британских архивах сохранился подробный отчет Модифорда об этой экспедиции, составленный 20 (30) сентября 1665 года на основе показаний трех капитанов — Морриса, Факмана и Моргана. В этом отчете указывалось:

«Опрашиваемые говорят, что, отсутствуя 22 месяца и ничего не зная о перемирии между королем и испанцами, они действовали наилучшим образом в соответствии с их каперским поручением от лорда Виндзора брать добычу у этой [испанской] нации; и что примерно в минувшем январе [1665 года], продвигаясь рекой Табаско [Грихальва], впадающей в Мексиканский залив, они взяли несколько индейцев, которые пообещали провести их к городу Вильдемос [Вилья-Эрмоса], куда они шли примерно 300 миль, чтобы не быть обнаруженными; и придя к ним утром [24 февраля] со 107 людьми, они захватили их форт с артиллерией, в коем было 11 пушек, взяли 300

пленных и оставались там 24 часа И, отобрав лучших пленных, чтобы обезопасить себя, они спустились к устью реки и обнаружили свои корабли, оставленные там, пропавшими, захваченными (как они позже поняли) испанской флотилией. Примерно 10 дней спустя они обнаружили испанцев вместе со своими кораблями и 300 людьми на них, идущими на них. Едва завидев их, они возвели небольшое укрепление на мысу и установили 5 больших пушек, которые они унесли из города Испанцы послали человека с флагом и предложили им пощаду. Они сказали им, что они — англичане и ради чести своей страны презирают принимать пощаду. Тогда враг высадил 150 человек, а прочие оставались возле них на своих кораблях. Когда они оказались на расстоянии выстрела, они открыли по ним огонь и пробили бреши в их рядах в нескольких местах. И в то же время их сухопутные силы подошли к ним, но с Божьей помощью они разбили их как на море, так и на суше, не потеряв ни одного человека.

После этого они отпустили своих пленных, снарядили 2 барки и 4 каноэ и попытались повернуть в наветренную сторону; они осуществили высадку в Рио-де-Гартас и взяли город с 30 людьми, но когда они находились в городе, враг дал залп по ним из-за бруствера, о котором индейцы им не сказали и за которым находилось 30 человек. Они убили 4 из них. Тогда они в ярости штурмовали его и убили 15 человек, а прочих 15 испанцев взяли пленниками. И, взяв то, что хотели, они вернулись на борт, пересекли Гондурасский залив, прибыли на остров Роатан и там запаслись водой. Затем, плывя к Москитовому берегу, они увидели судно, стоявшее на рейде Трухильо, и захватили его, а затем высадились на берег и овладели городом».

Испанские источники дают возможность уточнить отдельные моменты этой экспедиции с момента ухода флибустьеров из Вилья-Эрмосы до захвата ими Трухильо. Возвращаясь к побережью Мексиканского залива, пираты остановились в Санта-Тересе, и там потребовали за освобождение пленных 300 голов крупного рогатого скота. Прибыв к месту стоянки своих судов, они увидели три испанских фрегата, которыми командовал Хосе Альдана — племянник и заместитель Антонио Мальдонадо де Альданы, губернатора Кампече. На борту фрегатом находилось 270 моряков и солдат. Небольшой отряд флибустьеров, охранявший пиратские суда, успел сбежать на одном из них; остальные были захвачены испанцами.

Морган и его товарищи освободили заложников, взятых в Вилья-Эрмосе, и двинулись в западном направлении на двух барках. Утром 17 марта 1665 года в районе островка Санта-Ана их попытался задержать патруль испанской береговой охраны, однако флибустьеры проигнорировали призывы испанцев сдаться, продолжая следовать тем же курсом.

На рассвете следующего дня солдаты Альданы попытались одолеть джентльменов удачи силой, но те проявили стойкость и отбили все атаки нападающих. На третий день испанские суда неожиданно сели на мель. Это позволило флибустьерам уйти от преследования, двигаясь вдоль побережья Юкатана на северо-восток. По пути они ухитрились захватить несколько небольших призов. С ними они вошли в Гондурасский залив, где и напали на гавань Трухильо.

«И оттуда они прибыли к Москитовому берегу, — читаем далее в отчете командиров экспедиции. — Страна эта, как и мыс Грасьяс-а-Дьос... населена индейцами, которые защищаются против испанцев и являются добрыми друзьями англичан. Оттуда, взяв 9 индейцев, которые пожелали отправиться с ними, они прибыли в Манки-Бей и здесь стали на якорь близ реки Никарагуа, где, снарядив свои каноэ, они отправили 2 вверх по реке, чтобы захватить дозор, который шпионил за ними, а потом убежал. Итак, они двинулись дальше и на 3-й день прибыли к водопаду, расположенному в 30 лигах. Через 24 часа они прибыли ко 2-му водопаду, находившемуся в 5 лигах, где течение бежало им навстречу так быстро, словно прилив в Англии. На следующий день в полдень они прибыли к последнему водопаду, который был в 2-х лигах, где начинался вход в красивую лагуну, или озеро [Никарагуа], имеющее, по оценкам, 50 лиг в длину и 3 в ширину, с хорошей целебной и чистой водой, полное прекрасной рыбы нескольких видов, все берега полны прекрасных пастбищ, а саванны покрыты крупным рогатым скотом и лошадьми, где они достали на обратном пути такую хорошую говядину и баранину, как в Англии».

Согласно испанским данным, в начале июня 1665 года из озера Никарагуа в направлении порта Сан-Хуан вышло судно дон Франсиско Веласко-и-Сагредо с богатым грузом. Достигнув устья реки Покосоль, находившийся на борту судна капитан Мигель Мартин заметил две пироги с двумя десятками корсаров. Дон Франсиско тут же повернул свое судно назад. Высадившись на берег, он отправил к

алькальду Гранады дону Педро де Окон-и-Трильо гонцов с сообщением об опасности. 25 июня это сообщение было передано дону Педро, однако последний не стал поднимать тревогу, ограничившись тем, что послал в город Леон к губернатору провинции просьбу прислать подкрепления.

«На этом озере множество островков и островов, среди которых они (т. е. флибустьеры. — В. Г.) прятались весь день и гребли всю ночь, чтобы не дать себя обнаружить, — читаем далее в отчете капитана Морриса и его компаньонов. — На 5-ю ночь после того, как они вошли в эту лагуну по совету их индейского проводника, они высадились на берег примерно в 2 часа ночи [30 июня], в одной миле от города Гранд-Гранада, и так прошли незамеченными в центр города и неожиданно дали залп из ручного оружия, тотчас захватив и опрокинув 18 больших пушек, которые они нашли на главной площади, и взяли дом сержант-майора, где (как сообщил им наш индеец) хранилось все огнестрельное оружие и амуниция. И, заперев в церкви 300 их лучших людей в качестве пленников, многие из которых были священниками, они бросились грабить и удерживали город 16 часов. А затем, погрузив свою добычу на борт, они освободили пленных и затопили все лодки, которые не могли использовать, после чего ушли.

Этот город вдвое больше, чем Портсмут. Здесь имеются церкви и очень красивый собор, а также коллегиумы и монастыри, все построены из легкого строительного камня, как и большинство их домов. У них имеется 6 пехотных и конных лагерей, а также большое количество индейцев и рабов, из коих индейцев пришло к ним около 1000 и грабили так же быстро, как и они, и хотели убить наших пленных, особенно священников. Они думали, что англичане останутся с ними и будут удерживать город. Но когда они обнаружили, что те хотят вернуться домой, они предложили им прийти снова и тогда же сказали им, что уйдут в горы и там укроются. Один вместе с женой и детьми и 3 или 4 другими молодыми людьми ушел с ними, и теперь они находятся на судне Мартина (Давида Маартена. — В. Г.), который пришел на Тортугу, так как, будучи голландцем, боялся показаться здесь.

Некоторые пленники в благодарность за их вежливое обхождение спустились вместе с ними к лагуне и оказали им радушный прием на

своих ранчо, где было полно крупного рогатого скота и хорошей пшеницы, из которой делают самый вкусный хлеб на свете. Недалеко от конца лагуны они захватили 100-тонный корабль с канатами, рангоутом, жиром, бразильским деревом, смолой, дёгтем, коноплей и льном — всем тем, что в большом количестве производится в этом месте. Они захватили также остров на этой лагуне, у ее южной стороны, который называется Лида, такой же большой, как Барбадос, с красивым чистым городком на нем, который они ограбили, а затем ушли к своим кораблям».

Губернатор Модифорд не наказал Моргана, Морриса и иных пиратов за несанкционированные действия против испанцев в Мексике и Центральной Америке, решив, что в ближайшее время их «таланты» могут пригодиться для служения королю и отечеству.

Провал экспедиции Мансфелта на Картаго

Весной 1666 года флотилия Эдварта Мансфелта отправилась к побережью Центральной Америки после того, как его люди ограбили город Санкти-Спиритус на Кубе. По данным губернатора Коста-Рики, флибустьеры хотели пробиться к городу Картаго, а затем к Тихому океану, хотя и делали вид, что собираются идти «против Кюрасао» (именно против голландской колонии на Кюрасао они должны были действовать согласно каперской лицензии, полученной от губернатора Ямайки). В составе флибустьерских команд помимо англичан были фламандцы, голландцы, французы, генуэзцы, греки, выходцы из стран Леванта, португальцы, индейцы и негры. Среди капитанов Мансфелта документы упоминают Давида (очевидно, Давид Маартен), Джозефа Брэдли и француза Жана Лемэра.

Из письма президента аудиенсии Панамы дона Хуана Переса де Гусмана от 16 марта 1666 года явствует, что у Мансфелта было 14 судов с 800 людьми на борту. 8 апреля, оставив в районе Бокас-дель-Торо 7 кораблей, флибустьеры на девяти барках вошли в гавань Эль-Портете и, высадив на берег от 500 до 700 человек, напали на селение Матина (Коста-Рика). Взяв в плен 35 индейцев, они отправились в глубь страны, в сторону города Турриальба, откуда хотели атаковать главный юрод провинции — Картаго. Проводником у них был молодой индеец по имени Роке Хасинто Эрмосо.

Губернатор Коста-Рики дон Хуан Лопес де ла Флор-и-Рейносо узнал о вторжении пиратов из письма викария деревни Теотике дона Хуана де Луны, которому, в свою очередь, рассказал о них индеец Эстеван Япири; последний заметил разбойников возле асьенды дона Алонсо де Бонильи, сержант-майора провинции, и убежал от них, переплыв горную речку. Получив эту информацию перед рассветом 14 апреля, губернатор отправил дона Алонсо с четырьмя разведчиками осмотреть дорогу на Турриальбу и Матину. За ними двинулся отряд из 36 солдат под командованием капитана Педро де Венегаса. Солдаты должны были построить баррикаду в самой узкой части Глубокого ущелья (Кебрада-Онда), по которому флибустьеры неизбежно должны были пройти, если бы захотели достичь Картаго. На следующий день губернатор выслал в сторону указанного ущелья отряды конных и пеших воинов под командованием капитанов Альварадо, Боливара и Гевары, а потом и сам двинулся туда с ополчением из 600 испанцев и верных индейцев.

Войдя в Турриальбу утром 15 апреля, флибустьеры увидели на улице оседланного мула. Старая индеанка сказала им, что мул принадлежит сержант-майору Бонилье, который находится где-то поблизости с несколькими мушкетерами, а также добавила, что губернатор провинции поджидает пиратов в Глубоком ущелье с огромным войском. Заняв здание *кабильдо* и несколько индейских хижин, пираты заявили пленным аборигенам, что их цель — Картаго, где они собираются выпить пару чашек шоколада с местным губернатором и проверить, насколько красивы тамошние женщины. Правда, нехватка провианта, отсутствие хорошей дороги и со' 268 общение о присутствии в Кебрада-Онда большого войска испанцев и индейцев несколько охладило воинственный пыл захватчиков. Мансфелт собрал военный совет, чтобы обсудить перспективы дальнейшего продвижения отряда в глубь вражеской территории. В это время разведчики Бонильи, прячась в лесных зарослях, начали вести прицельный огонь по непрошеным гостям. Понимая, что жители Картаго еще до их прихода успеют вывезти все ценное из города, а впереди их ждет кровопролитный бой с нешуточными силами защитников провинции, большинство капитанов сочло продолжение похода нецелесообразным.

На следующее утро, бросив часть оружия и боевого снаряжения, флибустьеры стали спешно отходить назад к Эль-Портете. Дон Хуан Лопес де ла Флор с отрядом из 120 солдат бросился за ними в погоню и преследовал их на протяжении нескольких миль. При этом в плен к испанцам попали двое отставших пиратов, и еще несколько человек утонуло при переправе через горную речку.

23 апреля флибустьеры стали грузиться на свои суда. Перед отплытием Мансфелт раздал подарки дружественным индейцам из Тариаки, заверив их, что скоро вернется и поможет им свергнуть власть испанских колонизаторов. Затем суда снялись с якоря и отошли в залив Альмиранте, что к юго-востоку от устья реки Сиксаола.

Провал похода на Картаго привел к тому, что несколько капитанов покинули Мансфелта, отправившись искать удачу самостоятельно. Сам же «генерал», оставшись с пятью судами, компенсировал свой провал на Мейне успешным нападением на остров Санта-Каталина (совр. Провиденсия), о чем рассказывалось ранее.

Захват отрядом Моргана Пуэрто-Принсипе

Генри Морган стал «генералом» флибустьеров Ямайки вскоре после того, как их прежний предводитель, Эдварт Мансфелт, угодил в плен к испанцам и был казнен ими на Кубе. Первой операцией Моргана в роли главнокомандующего стал дерзкий поход на город Пуэрто-Принсипе (совр. Камагуэй), расположенный во внутренних районах Кубы. При этом пираты применили ту же тактику, что и в январе 1666 года, во время набега на Санти-Спиритус Экспедиции предшествовала выдача Моргану соответствующей каперской лицензии. В январе 1668 года Совет Ямайки поручил ему «собрать английских приватиров и захватывать пленных испанской нации, посредством чего он мог бы узнать о намерениях неприятеля вторгнуться на Ямайку». Данное поручение фактически санкционировало пиратские действия флибустьеров Ямайки против подданных испанской короны.

«Морган провел на прибрежных островах Кубы не меньше двух месяцев, — рассказывает Эсквемелин. — За это время он собрал флотилию из двенадцати кораблей с командой в семьсот человек Там были англичане и французы. Морган созвал пиратов на совет и стал

выяснять, куда же нужно идти. Некоторые высказались за то, чтобы захватить Гавану: разграбить ее и взять в плен ее жителей будет совсем нетрудно, стоит только захватить крепость. К ним присоединились и другие, однако окончательного решения вынести не удалось, потому что среди пиратов оказался человек, который прежде содержался в Гаване под стражей. Он считал, что для такого дела силы у пиратов явно недостаточны. Понадобилась бы, сказал он, флотилия с полуторатысячным войском. Только в этом случае у пиратов явилась бы надежда захватить город, да и то следующим образом: нужно было бы подойти со стороны острова Пинос, затем доставить людей на маленьких судах в Матамано, селение, расположенное примерно в четырнадцати милях от Гаваны».

Согласно данным кубинского историка Франсиско Моты, Морган с десятью судами обогнул мыс Сан-Антонио и 1 марта появился у входа в Гаванскую бухту. Крейсируя напротив крепости Эль-Морро, он выяснял возможности нападения, но, убедившись, что оборона столицы Кубы достаточно крепка, вернулся к островам Хардинес-дела-Рейна.

Здесь один из пиратов предложил напасть на город Пуэрто-Принсипе (совр. Камагуэй), расположенный во внутренних районах Кубы, в тридцати милях от побережья; ходили слухи, что «у его жителей было много денег, ибо туда часто приезжали торговцы из Гаваны и привозили деньги; здесь они скупали кожу, которую затем перепродавали». После некоторых сомнений Морган согласился с этим предложением. Снявшись с якорей, суда пиратской флотилии направились к гавани Санта-Мария (совр. Санта-Крус-дель-Сур).

«Когда пираты уже были в море, — сообщает Эксквемелин, — один испанец, долгое время находившийся в плену у англичан, уловил из их бесед, что речь идет именно о Пуэрто-дель-Принсипе. Ночью он прыгнул в воду и поплыл на берег. Правда, за ним тотчас же спустили каноэ, но он оказался на берегу значительно раньше и моментально затерялся среди деревьев. На следующий день он переплыл с одного острова на другой и таким образом добрался до Кубы. Он знал все тропки и довольно скоро достиг Пуэрто-дель-Принсипе, где предупредил испанцев, что появились пираты. Жители города тут же стали прятать свое добро, а губернатор вышел с отрядом рабов к той дороге, где могли появиться пираты. Он приказал срубить побольше

деревьев, завалить ими дорогу и устроить различные засады. На них он поставил несколько пушек. В городе и в окрестных селениях он набрал человек восемьсот, оставил на каждой засаде необходимый отряд, а остальных привел на довольно открытое место, лежащее близ города: оттуда можно было приметить врага еще издали».

Флибустьеры высадились в Санта-Марии 27 марта и тут же двинулись в глубь острова.

«Пираты наткнулись на испанцев, когда они еще только укреплялись, — продолжает свой рассказ Эксквемелин. — Все взвесив, они свернули в лес и обошли несколько испанских укреплений. Наконец пираты вышли на открытое место, которое испанцы называли саванной. Пиратов заметили, и губернатор тотчас же выслал им навстречу конников и приказал им обратить пиратов в бегство и переловить всех до одного. Он полагал, что пираты, видя, какая на них надвигается сила, дрогнут и лишатся мужества. Однако все произошло не так, как ему думалось: пираты, наступавшие с барабанным боем и развевающимися знаменами, перестроились и образовали полумесяц. В этом строю они стремительно атаковали испанцев. Те выставили довольно сильную заградительную линию, но бой продолжался недолго: заметив, что их атака не действует на пиратов и что те непрерывно ведут стрельбу, испанцы начали отходить, причем первым дал деру их губернатор, который бросился к лесу, стараясь побыстрее скрыться. Но немногие добежали до леса — большинство пало на поле битвы. Правда, небольшой кучке испанцев все же удалось спрятаться в зарослях. Пираты немедленно двинулись на город; они были воодушевлены бесспорной победой; действительно, в этом бою — а длился он часа четыре — убитых и раненых у них почти не было. Пираты покинули саванну и вступили в город. Тут им снова оказали сопротивление, на этот раз в бой вступил гарнизон города, причем плечом к плечу с солдатами сражались женщины. К этим защитникам города присоединились и остатки испанцев, разбитых в саванне. Горожане все еще надеялись уберечь город от разграбления. Некоторые закрылись в домах и стреляли из окон; однако пираты пригрозили спалить весь город и истребить всех женщин и детей. Испанцы очень испугались — они-то хорошо знали, что пираты мигом выполняют свои посулы, — и сдали город».

Согласно испанским источникам, пираты захватили Пуэрто-Принсипе в Страстной четверг 29 марта 1668 года на рассвете; при этом в сражении погибло около сотни солдат и ополченцев. Став хозяевами города, флибустьеры согнали всех испанцев и их рабов в две церкви — Ла-Мерсед и Сан-Франсиско, — а сами отправились грабить покинутые дома. Во время погрома сгорел или, возможно, был похищен городской архив с документами и ценные церковные книги, содержавшие регистрационные записи о крещениях «белых детей».

Опустошив Пуэрто-Принсипе, англичане и французы организовали несколько отрядов для набегов на окрестности.

«Времени у них было в обрез, — замечает Эксквемелин, — ибо они собирались оставаться в городе, пока не иссякнет пища и питье. Бедным, несчастным пленникам, сидевшим в церкви, приходилось очень туго, они проводили время куда менее приятно, чем пираты, живя впроголодь и испытывая всяческие муки, которые им причиняли пираты, старавшиеся выведать, где спрятано их добро и деньги. Но у большинства бедняг, как ни пытай, не было ни того, ни другого: ведь они трудились день-деньской, чтобы прокормить своих жен и детей. Изверги не желали обычно ничего знать; они говорили: либо принеси деньги, либо повесим. И бедные женщины, прижимая к груди своих младенцев, жили в ожидании ужасного конца, ибо не за юрами была гибель от голода и страданий. А пираты были лишены чувства жалости. Всякий раз, когда являлась у них нужда в мясе, они приканчивали корову или иную скотину, себе выкраивали лучшие куски, а остатки бросали пленникам...

Когда припасы кончились и грабить уже было больше некою, пираты решили уйти. Они приказали пленникам внести выкуп и пригрозили, что в случае отказа всех увезут на Ямайку; кроме того, они посулили, что подожгут город и оставят после себя лишь руины и пепел. Все это они передали пленникам через четырех пленных испанцев...

Четверо испанцев вернулись и в один голос заявили предводителю пиратов: горожане готовы сделать все, лишь бы не допустить пожара, но у людей больше ничего не осталось. Генерал пиратов сказал, что подождет четырнадцать дней и за это время деньги должны быть доставлены во что бы то ни стало. Пока испанцы торговались с Морганом, стремясь спасти город от сожжения, семь или

восемь пиратов отправились на охоту и поймали негра, который возвращался в город с письмом к одному из пленников. Когда письмо вскрыли, оказалось, что оно послано губернатором города Сантьяго, который писал, что вскоре придет многочисленное подкрепление и что горожанам не следует спешить с выкупом, они должны добиться новой отсрочки дней на четырнадцать. Морган понял, что испанцы, прикидываясь бедняками, его обманывают. Он велел перенести всю добычу на берег к тому месту, где стояли корабли, и объявил испанцам, что, если завтра же они не внесут выкуп за город, он тотчас же предаст его огню. О письме, которое попало в его руки, он, конечно, не упоминал.

Но испанцы ответили ему, что Морган требует невозможного: люди рассеялись кто куда и их не соберешь. Наконец путем всяческих козней Моргану удалось получить пятьсот голов скота и засолить впрок мяса и сала. Он взял с собой шесть знатнейших жителей в качестве заложников, прихватив также рабов, и отправился на побережье (по испанским данным, флибустьеры покинули Пуэрто-Принсипе 1 апреля — в день Воскресения Иисуса Христа. — В. Г.). Днем на то место, где стоял Морган со своей флотилией, пришли испанцы, привели последних коров и потребовали заложников. Но Морган... отказался выдать заложников, пока мясо не будет перенесено на корабль. Чтобы освободить своих сограждан и главу города, испанцам пришлось вместе с пиратами разделять туши и засаливать мясо».

Выручка от этой экспедиции составила 50 тыс пиастров золотом, серебром и различными товарами, хотя все надеялись на более солидный доход.

8 апреля 1668 года губернатор Сантьяго-де-Кубы дон Педро де Байона Вильянуэва в письме королеве-регентше дал свою оценку того, что произошло в Пуэрто-Принсипе:

«Корабли англичан и французов продолжают оставаться у этого побережья, изучая его порты, источники пополнения запасов пресной воды и места охоты, предполагая, что, захватив в Пуэрто-Принсипе огромное количество солонины, они достаточно обеспечили себя для более крупных предприятий; об этом я представил отчет губернатору Гаваны... Сеньора, когда я поразмыслил над случившемся в Пуэрто-Принсипе и о том, что тамошние жители всегда проявляли интерес к

такого рода торговле с пиратами, мне показалось уместным вызвать к себе сержант-майора и ординарного алькальда, чтобы выслушать их после того, как им было предъявлено обвинение в преступлении, которое они совершили, и посмотреть, какое же опровержение они могут представить, учитывая, что в том поселении имеется весьма значительное количество людей, и что при тех возможностях, которые предоставляют местность и скалистые горы на протяжении четырнадцати лиг, местные жители, столь практичные и опытные в горах, даже имея на две трети меньше народа, могли бы разбить врага. Если потребуется, они понесут суровое наказание, дабы послужить уроком другим местам, для которых стало уже привычным уступать любому числу врагов, не рискуя людьми даже по такому серьезному поводу, как защита своей родины и своего короля».

Это горькое признание губернатора Сантьяго-де-Кубы свидетельствовало не только о бездарности испанских военачальников и юродских властей, но также о трагической неспособности Испании защитить свои колониальные владения от набегов морских разбойников.

Экспедиция Олоне на Сан-Педро

Город Сан-Педро (совр. Сан-Педро-Сула), расположенный в Гондурасе, примерно в 60 км к югу от побережья Гондурасского залива, стал жертвой пиратского нападения в 1667 году. Набег на этот город возглавлял «генерал» флибустьеров Тортуги Франсуа Олоне, который успел к тому времени прославиться захватом венесуэльского города Маракайбо (1666).

Поскольку деньги, добытые пиратами Олоне во время маракайбской экспедиции, к 1667 году иссякли, вожак решил собрать флотилию для нового антииспанского похода. На сей раз он планировал отправиться в Центральную Америку и, проникнув по реке Сан-Хуан в озеро Никарагуа, разграбить испанские поселения, находившиеся на его берегах. Идею этого похода мог подкинуть ему либо голландский флибустьер Давид Маартен, который летом 1665 года в компании с несколькими ямайскими капитанами принял участие в нападении на никарагуанский город Гранаду, а затем (до лета 1666 года) проживавший на Тортуге, либо кто-нибудь из членов его

команды. Индейцы Москитового берега, традиционно враждовавшие с испанцами и поддерживавшие дружеские отношения с флибустьерами, могли быть использованы в качестве разведчиков и проводников экспедиции.

Флагманом своей флотилии Олоне сделал 26-пушечный испанский флейт, захваченный им в Маракайбо и переименованный в «Сен-Жан». На его борту разместилось около 300 пиратов. Примерно столько же флибустьеров поднялось на борт 4 судов меньших размеров, причем двумя из них командовали уже известные нам капитаны Моисей Воклэн и Пьер Пикар.

3 мая 1667 года флотилия Олоне покинула рейд Тортуги, отправившись сначала к северному побережью Эспаньолы. Место сбора было назначено в Байяхе, где пираты запаслись копченым мясом. Возможно, там же к флотилии присоединился еще один корабль, поскольку в книге Эксквемелина говорится о том, что в поход отправилось не 5, а 6 судов с 700 людьми на борту.

«Когда все дела были окончены и корабли готовы были к плаванию, — пишет Эксквемелин, — пираты поставили паруса и взяли курс на Матамано, селение на южном побережье острова Кубы (очевидно, в заливе Батабано. — В. Г.). Там они предполагали захватить каноэ, ибо в тех местах было много охотников за черепахами... Каноэ были нужны пиратам для высадки в мелких протоках, потому что осадка у их кораблей была довольно глубокая, и суда не могли идти по мелководью. Наконец, после того как пираты ограбили этих несчастных людей и захватили что им нужно, забрав с собой и несколько рыбаков, корабли вышли в море и взяли курс на мыс Грасиас-а-Дьос, расположенный на материке... Но тут они попали в штиль. Их сразу же подхватило течение и отнесло в сторону залива Гондурас. Пираты делали все, что могли, стараясь вырваться из потока, но ветер и течение словно ополчились на них, и остальные суда не смогли поспеть за кораблем Олоне. Но хуже всего, что припасы быстро иссякли, и пираты принялись за поиски мест, где можно было бы добыть провиант...

Затем пираты достигли Пуэрто-Кавальо (совр. Пуэрто-Кортес. — В. Г.), а там стояли испанские склады, в которых торговцы, поджидая свои корабли, хранили товары. В этой гавани пираты застали

испанское торговое судно, на борту которого было двадцать чугунных и шестнадцать бронзовых пушек».

Шарлевуа оценивает боевую мощь этого корабля иначе. По его данным, оно было вооружено 24 пушками. Кроме того, в гавани было захвачено еще несколько мелких судов.

«Сняв пушки с корабля, — продолжает свое повествование Эксквемелин, — пираты высадились, предали все, что было на берегу, огню. Они сожгли и склады вместе с кожами, которые там сушились. Захватив группу пленных, они принялись издеваться над ними как только могли. Несчастные испытали все мучения, какие только можно придумать. Уж если начинал пытать Олоне и бедняга не сразу отвечал на вопросы, то этому пирату ничего не стоило разъять свою жертву на части, а напоследок слизать с сабли кровь. Он готов был убить любой испанца Если кто-либо из них, убоявшись пыток или не выдержав их, соглашался провести пиратов к своим соотечественникам, но по растерянности находил путь не сразу, его подвергали адским мучениям и забивали до смерти».

После таких издевательств двое пленников согласились провести французов в глубь территории, к городу Сан-Педро, основанному испанским конкистадором Педро де Альварадо в 1536 году под названием Вилья-де-Сан-Педро-де-Пуэрто-Кабальос Отобрав около 300 головорезов, Олоне решил сам возглавить эту вылазку; на время его отсутствия командование кораблями перешло к Моисею Воклэну.

«Не успели пираты пройти и трех миль, как натолкнулись на засаду, — пишет Эксквемелин. — Несмотря ни на что, пираты довольно быстро овладели укреплением и обратили неприятеля в бегство. Олоне спросил раненых испанцев, которых здесь удалось захватить, каковы силы их отряда Они ответили, что предателями быть не желают, и Олоне перебил всех до единого. То же самое произошло и с другими пленниками. Он спросил одного из них, куда ведет дорога, и приказал при встрече с испанцами на вопрос «кто идет» отвечать «свои». Потом Олоне стал пытать у одного испанца, есть ли в Сан-Педро путь, которым туда можно дойти без риска нарваться на засаду. Когда тот сказал, что он никаких дорог не знает, Олоне подвел его к остальным пленникам и задал им тот же вопрос Однако и те ответили, что никакого пути не знают. Олоне страшно разъярился, разрубил одному из пленников саблей грудь, вырвал сердце и, показав

это сердце пленникам, сказал: «Если вы мне не покажете другой дороги, я сделаю с вами то же самое».

Бедные парни оказались в большом затруднении, ибо другая дорога была почти непроходима. Как смогли, они вывели пиратов на этот путь. Когда стало ясно, что по нему пройти не удастся, Олоне решил вернуться на старую широкую дорогу и с гневом сказал* «Головой создателя клянусь, испанцы мне за это заплатят!»

На следующий день пираты снова натолкнулись на засаду и атаковали ее так стремительно, что испанцы не продержались и часа. Олоне приказал никому не давать пощады: чем больше вы их убьете на пути, сказал он, тем меньше нам будут сопротивляться в городе.

Испанцы надеялись, что засады измотают пиратов, и ставили их одну за другой. Наконец Олоне подошел к третьей засаде. На этот раз сопротивление было намного сильнее, но пираты забросали испанцев гранатами и обратили их в бегство, преследуя до тех пор, пока не перебили всех до единого... А в городе успели подготовиться к прибытию пиратов и везде соорудили баррикады. Их ставили повсюду, не оставляя ни одного свободного прохода; а дороги, ведущие к городу, преградили, срубив большие деревья...

Когда за баррикадами заметили пиратов, батареи открыли огонь. Но пираты тотчас же залегли, дали дружный залп из ружей и бросились на штурм с пистолетами и гранатами, перебив множество испанцев. Однако войти в город им не удалось, и они вынуждены были отступить. Чуть позже они вернулись с гораздо меньшим отрядом и на этот раз стреляли, только тщательно прицелившись. И каждый выстрел поражал противника, убитых и раненых было очень много. Наконец к вечеру испанцы прекратили сопротивление. Они подняли белый флаг и заявили, что готовы сдать город с тем условием, что им даруют жизнь и два часа, надеясь перенести в другое место свое добро. Олоне согласился. Пираты вошли в город и два часа, согласно уговору, никого не трогали. Но испанцы ничего не выгадали: пираты следовали за ними буквально по пятам и забирали добро прежде, чем его успевали спрятать. Впрочем, большую часть имущества испанцы уже успели вынести. В городе осталось лишь несколько кожаных мешков с индиго».

Краткое сообщение о том, как в 1667 году «враг, войдя через Пуэрто-де-Кавальос, ограбил и сжег город Сан-Педро», содержится в

письме ойдора Гватемалы дона Хуана де Гарате-и-Франсиа королю (это письмо датировано 20 мая 1668 года).

Опустошив Сан-Педро, флибустьеры упаковали добычу в мешки, после чего подожгли город и двинулись назад к побережью Гондурасского залива. Это был последний удачный сухопутный поход Франсуа Олоне. Все его последующие операции оказались провальными и не принесли его людям желанной добычи.

Походы Принса, Харрисона и Ладбери в Новую Гранаду и Никарагуа

Осенью 1670 года, когда адмирал ямайской флотилии Генри Морган собирал силы для похода на Панаму, к нему, среди прочих, присоединились отряды капитанов Лауренса Принса, Томаса Харрисона и Ричарда Ладбери. Перед этим упомянутые капитаны совершили многомесячный поход на Испанский Мейн, о чем они представили отчет губернатору Ямайки сэру Томасу Модифорду.

Из отчета явствует, что сначала, поднявшись по реке Магдалена в глубь Новой Гранады (совр. Колумбия), флибустьеры пытались оказать помощь восставшим индейским племенам. Планировался захват города Санта-Крус-де-Момпос (совр. Момпос), основанного конкистадором Алонсо де Эредией в 1537 году на берегу Магдалены, недалеко от впадения в нее речки Каука, примерно в 250 километрах от Картахены. Здесь находились дома богатых купцов, госпиталь Сан-Хуан-де-Дьос, опекавшийся орденом всех братьев-госпитальеров, церковь и монастырь Сан-Франсиско, кафедральный собор Нуэстра-Сеньора-де-ла-Консепсьон, монастырь Сан-Карлос, здание *кабахьдо* — городского совета — и другие объекты, привлекавшие к себе жадные взоры «вольных добытчиков». Однако нападение на город завершилось полным провалом: угодив под обстрел артиллерии форта, возведенного испанцами на острове посреди реки, флибустьеры вынуждены были уйти с пустыми руками.

В августе 1670 года отряд Принса, Харрисона и Лад бери, насчитывавший около двухсот человек, отправился к побережью Никарагуа. Проникнув в устье реки Сан-Хуан, пираты оставили свои суда под присмотром немногочисленной охраны, добрались с помощью индейцев-проводников до истока реки и напали на форт Сан-

Карлос, возведенный испанцами рядом с озером Никарагуа. Гарнизон форта насчитывал лишь 37 солдат. Испанцы отвергли ультиматум о капитуляции, убив в завязавшемся бою шестнадцать и ранив восемнадцать флибустьеров.

Когда форт все же пал, комендант Гонсало Ногера Ребольедо под пытками признался, что четыремя часами ранее отправил лодку с сообщением о появлении пиратов в город Гранаду. Капитан Принс тут же снарядил быстроходное каноэ, которое на третий день смогло перехватить упомянутую лодку. Оставив в форте Сан-Карлос два десятка человек, отряд из 120 флибустьеров незаметно проник в Гранаду, захватил заложников и до полудня ограбил дома самых зажиточных горожан.

В своем отчете Модифорду руководители экспедиции утверждали, что взятая в Гранаде добыча оказалась скромной — на каждого участника пришлось по 7 фунтов серебра и 12 ф. ст. в звонкой монете. В испанском отчете об этом нападении отмечалось, что Лауренс Принс «осуществил разорение и тысячу разрушений, отправив голову священника в корзине и потребовав 70 000 песо выкупа».

На Ямайке капитаны Принс, Харрисон и Ладбери объявились в октябре, получив выговор от Модифорда за действия без каперской грамоты. Хирург Ричард Браун упомянул о них в своем письме лорду Арлингтону, датированном 12 (22) октября. По его сведениям, после грабежа Гранады на каждого участника экспедиции пришлось по 30 или 40 ф. ст. Морган, узнав о похождениях Принса, охотно взял его в экспедицию на Панаму и назначил одним из своих первых помощников.

«Панамская акция» Генри Моргана

Поход флибустьеров через Панамский перешеек на город Панаму в начале 1671 года стал одним из самых знаменитых их деяний. Подробности этой экспедиции известны благодаря многочисленным английским, голландским и испанским документам, включая книги А. О. Эксквемелина и Д.-ван дер Стерре, отчет президента аудиенции Панамы дона Хуана Переса де Гусмана, а также отчеты Генри Моргана, Уильяма Фогга и некоторых других ее участников.

Сухопутному походу через перешеек предшествовал захват флибустьерами крепости Сан-Лоренсо-де-Чагрес, о чем рассказывалось в третьей части нашей книги. Морган использовал указанную крепость для надежного прикрытия своих тылов.

8 (18) января (по данным Моргана — «в понедельник девятого») флотилия флибустьеров двинулась по реке Чагрес в сторону Тихого океана. По данным Эксквемелина, в ее составе было 5 небольших судов и 32 каноэ; в «Правдивом отчете и сообщении о моей последней экспедиции против испанцев в силу каперского поручения от сэра Томаса Модифорда, губернатора Ямайки, по согласованию с его Советом», написанном со слов Моргана 20 апреля 1671 года, указывается, что флибустьеры имели в своем распоряжении 7 судов и 36 лодок.

Наиболее живописное и подробное описание панамской экспедиции оставил Эксквемелин:

«В первый же день они (флибустьеры. — В. Г.) прошли примерно шесть испанских миль и к вечеру достигли места, которое называлось Рио-де-дос-Брадос, где часть отряда сошла на берег, чтобы отоспаться; на плаву об этом нечего было и думать — в такой тесноте сидели на палубах. На берегу были возделанные поля. Пираты надеялись найти какие-нибудь овощи или фрукты, чтобы утолить голод, однако испанцы унесли буквально все и дома оставили совершенно пустыми. Пираты расположились на ночлег, надеясь, что на следующий день им удастся найти, чем набить желудок. На этот раз у них хоть был табак, и они курили вволю».

На рассвете следующего дня (9 января — по Эксквемелину и Яну Эрасмусу, 10 января — по Моргану) флибустьеры двинулись дальше и к полудню достигли деревни Крус-де-Хуан-Гальего. Здесь, по данным Яна Эрасмуса, четыре судна со 160 людьми вынуждены были повернуть назад. Эксквемелин пишет, что в этом месте пираты «должны были оставить свои корабли, потому что река стала очень мелкой — в верховьях ее давно не было дождей. Кроме того, в воде

плавало много бревен, которые мешали продвигаться дальше, и приходилось предпринимать большие усилия, чтобы проводить корабли через эти заторы. Проводники сказали нам, что в двух-трех милях выше начинается участок, где удобно идти берегом; решено было часть отряда направить по суше, а часть по воде на каноэ. В этот вечер команды пожелали остаться на кораблях: ведь в случае нападения многочисленного отряда они все равно должны были бы отойти на суда, под защиту корабельных пушек. Когда Морган двинулся дальше, он оставил на кораблях сто шестьдесят человек. Им было запрещено сходить на берег, чтобы никто из них не попал в плен и чтобы никто не узнал численность экипажей».

По свидетельству самого Моргана, он оставил для охраны кораблей и лодок 200 человек под командованием капитана Роберта Деландера.

«На следующий день, это уже был третий по счету, ранним утром несколько пиратов вышли в сопровождении проводника, чтобы поглядеть, можно ли высадиться на берег, — продолжает свое повествование Эксквемелин. — Пираты, естественно, опасались, что враги могут устроить засаду: ведь леса на побережье были очень густые; кроме того, вокруг тянулись болота, и это еще больше осложняло все дело. Морган счел необходимым высадить часть отряда на каноэ в местечке Седро-Буэно; вечером каноэ вернулись и забрали еще одну партию. Пираты рвались в бой, чтобы раздобыть чего-либо съестного — уж больно они страдали от голода.

На четвертый день большинство пиратов уже шло по суше, их вел провожатый; часть отправилась на каноэ с другими проводниками. Они плыли на двух каноэ впереди флотилии на расстоянии примерно трех мушкетных выстрелов и должны были первыми обнаружить засады испанцев. Но у испанцев были лазутчики, которые обогнали пиратов и сообщили обо всем, что видели; они предупредили испанцев о приближении пиратов за полдня до того, как те появились. К обеду отряд добрался до селения Торна-Кабальос. Там их уже поджидали ушедшие вперед каноэ, которые обнаружили испанскую засаду. Пираты тотчас же приготовились к бою, да с таким воодушевлением и радостью, будто шли на свадьбу, надеясь разжиться пищей и питьем. Они теснили друг друга, каждый стремился вырваться вперед; однако, захватив укрепление, они убедились, что птицы покинули гнездо;

нашли они здесь лишь полтора десятка кожаных мешков из-под хлеба и мяса, в них лишь несколько краюшек хлеба, а этого было явно недостаточно, чтобы накормить такую ораву. Хижины, построенные испанцами, были снесены. Поскольку ничего больше не было, пираты съели кожаные мешки, да с таким аппетитом, словно это было мясо. Каждый готовил их по своему вкусу, некоторые даже дрались из-за них; те, кто успел захватить мешки, были рады, что им достался лакомый кусочек. Вероятно, в этой засаде было не меньше пятисот испанцев. Передохнув и немного утолив голод кожей, пираты снова отправились в путь.

К вечеру они достигли поста Торна-Муни, где была устроена еще одна засада. Однако и ее испанцы покинули. Это открытие не вызвало у пиратов радости: я говорю радости, а не печали, потому что, нарвись пираты на испанцев, они испытали бы истинное счастье, бой окрылял их надеждой на пищу и питье. Вторую засаду они захватили мгновенно и сразу принялись за поиски съестного, однако, увы, испанцы оставили очень мало пищи; поэтому те, у кого не было даже кожи, должны были довольствоваться только водой...

На следующий день, пятый по счету, с наступлением дня пираты двинулись дальше. К обеду добрались до местечка под названием Барбакоа, где наткнулись на еще одну покинутую засаду. Вокруг было много возделанных полей, и пираты отправились обшаривать их в надежде хоть как-нибудь утолить страшный голод. Однако испанцы и здесь почти ничего не оставили. В конце концов, после долгих поисков, обнюхав и обшарив все углы, пираты заметили яму, которая, очевидно, была вырыта совсем недавно; в ней оказалось два мешка муки, две большие бутылки вина и бананы. Морган, зная, что от голода многие его люди размякли и ослабели, отдал приказ разделить найденные запасы между теми, кто в этом больше всего нуждался. Когда пираты кое-как утолили голод, отряд снова отправился в путь; те, кто от усталости уже не мог идти, сели в каноэ, а те, кто до этого плыл в них и раньше, сошли на берег. Так они плелись до самого позднего вечера, пока не добрались до какого-то поля и там заночевали. Испанцы и здесь поступили также, как и в других местах, — они опустошили плантацию».

Из рассказа Эксквемелина видно, что испанцы сдавали все свои позиции на пути следования флибустьеров без сопротивления и,

отступая, прибегали к тактике выжженной земли. Необходимо, впрочем, уточнить, что почти на всех сторожевых постах находились не испанские солдаты, а ополченцы из числа мобилизованных индейцев, метисов, мулатов, негров и самбо. Губернатор Панамы позже с горечью писал:

«Получив несчастные новости о потере этой значительной крепости [Сан-Лоренсо-де-Чагрес], каковые на реке были восприняты с изумлением, и опасаясь, что англичане могут подняться к ним с двумя тысячами человек, Луис де Кастильо, капитан мулатов, которому комендант [Франсиско Гонсалес] Саладо велел отправиться на его пост в место, именуемое Барро Колорадо, созвал военный совет из офицеров, находившихся под его командованием, и, не получив от меня никакого приказа или полномочия к тому, отступил к Барбакоа, покинув свой пост, не встретившись с врагом лицом к лицу. Комендант Саладо сделал то же самое, оставив укрепления Барбакоа, и отступил со своими людьми к Крусес (Вента-де-Крусес. — В. Г.). Перед этим я впервые узнал о потере крепости Чагре, Два метиса, именуемые Соллисами, и негр из Верагуа предложили с сотней людей вернуть крепость и либо рассеять врагов, ежели те попытаются подняться вверх по реке, либо задержать их. Опасаясь, что они могут взять крепость Сантос, я отправил Хиля де ла Торе, который находился там в качестве лейтенанта, управлять ею и защищать ее. Но никто из них не справился со своим заданием; ибо, хотя я и отправил с этими Соллисами двести пятьдесят отборных человек вместо ста, желаемых ими, они, встретив врага на реке, не отважились сразиться с ним, как должны были сделать, и не пошли отвоевывать крепость Чагре, а предпочли обойти вокруг горы и выйти к Капире, после чего все рассеялись, так и не сделав ничего путного».

Вернемся, однако, к войску Моргана.

«На следующий день, а это был день шестой, будить никого уже не надо было — всех томила голодная бессонница, — пишет Эксквемелин. — Пираты продолжали путь обычным образом: одни шли через лес, другие плыли на каноэ. Когда делали привал, кто-нибудь отправлялся в лес в поисках пищи; одни ели листья, другие — семена деревьев или траву, настолько все оголодали. В тот же день пиратам удалось дойти до плантации, на которой стояла хижина, набитая маисом; ее тотчас же разнесли, и каждый получил столько

маиса, сколько хотел; его ели прямо из горсти. Поделив маис, пираты отправились дальше; примерно через милю они наткнулись на индейскую засаду. Пираты бросили маис, надеясь, что встретят здесь людей и найдут съестные припасы, но, подойдя поближе к тому месту, где видели индейцев, не нашли ни людей, ни продовольствия; только на другом берегу они заметили сотню индейцев, пустившихся наутек. Кое-кто из пиратов бросился в воду, чтобы догнать индейцев; они решили, что если не будет ничего съестного, то съедят самих беглецов. Однако индейцы моментально скрылись в зарослях и успели ранить при этом двух или трех пиратов, причем один был убит наповал. Индейцы закричали: «На, perros, a la savanna, a la savanna!» Это означало: «Вот вам, собаки, какова саванна!» Пираты в этот день уже не могли идти дальше, ибо, чтобы продолжать путь, надо было переправиться на другой берег.

На ночлеге они стали роптать. Одни хотели вернуться назад, другие — таких было большинство — принялись ругать их. Однако вскоре все ожили: один из проводников сказал, что неподалеку должно быть селение, жители которого, без сомнения, окажут сопротивление, и поэтому там найдется кое-что съестное.

На следующий день, это был уже день седьмой, пираты проверили и прочистили ружья, чтобы при встрече с врагами не случилось осечки. Потом они переправились на каноэ на другую сторону реки; место, где они ночевали, называлось Санта-Крус. Когда все переправились и привели себя в порядок, отряд тронулся, надеясь напасть на защитников селения и, как я уже говорил, утолить голод».

По данным самого Моргана, ударную группу пиратов, продвигавшуюся в авангарде, возглавлял капитан Томас Роджерс. За оборону Санта-Круса и сторожевых постов, стоявших на пути следования пиратов, отвечал комендант Франсиско Гонсалес Саладо. Последний, однако, не проявил должного мужества и продолжал отступать.

«Около полудня они подошли к деревне Крус и увидели густой дым, — рассказывает Эксквемелин. — Все приободрились — испанцы, мол, уже готовят вертелы, чтобы встретить нас. Однако когда они подошли поближе, то убедились, что хоть огонь и полыхал, но пищи никакой в этом месте не было: испанцы сожгли все постройки, исключая укрепления и казенные скотные дворы. Коров, которые

паслись неподалеку, куда-то увели, так что нигде не было ни одной скотины, кроме собаки, которую пираты тотчас же убили и разодрали на части. В королевском складе нашли не то пятнадцать, не то шестнадцать глиняных сосудов с испанским вином и кожаный мешок с хлебом. Пираты, захватив вино, напившись без всякой меры и чуть не умерли, и их вырвало всем, что они ели в пути, листьями и всякой прочей дрянью, — всем, чем они набили себе желудки. Им невдомек была истинная причина, и они было подумали, что испанцы добавили в вино яд; на следующий день они не в состоянии были передвигаться и вынуждены были заночевать в селении Крус, которое они накануне разорили... В это селение по реке приходят суда, потому что здесь есть склады, где хранят товары; отсюда грузы везут на ослах в Панаму. Морган был вынужден оставить каноэ и со всем своим отрядом двинулся по суше, а каноэ он вернул назад, туда, где остались корабли. Одно каноэ он приказал спрятать, чтобы в случае необходимости использовать его для связи с остальными пиратами.

Неподалеку от селения и на полях, окружавших его, пираты временами замечали испанцев и индейцев. Поэтому Морган решил сделать высадку с отрядом, по меньшей мере, в сто человек. Несмотря на голод, на предложение Моргана откликнулось довольно мною пиратов. Они разбились по трое и по четверо, а также группами в пять-шесть человек и отправились на поиски пищи. Индейцы и испанцы, которые внимательно наблюдали за их действиями, напали на одну из таких партий и захватили ее в плен; остальные пираты вернулись и сообщили об этом Моргану, однако Морган скрыл от пиратов этот случай, чтобы они не пали духом, а на ночь выставил сильную стражу.

На следующий день, это был день уже восьмой, Морган двинулся к Панаме. Он выслал вперед хорошо вооруженный отряд в двести человек, дабы разузнать, нет ли на пути засад. Сделать их было очень легко: дорога сузилась и стала почти непроходимой; по ней могли идти не больше двенадцати человек в ряд, местами она была еще уже. Часам к десяти пираты подошли к местечку Кебрада-Обскура. Там в них выпустили три или четыре тысячи стрел, причем, откуда сыпались эти стрелы, нельзя было понять. А затем дорога вступила в ущелье и так сузилась, что по ней едва мог пройти только один навьюченный осел. Это вызывало большую тревогу, поскольку пираты никого не видели, а стрелы сыпались на них градом. Они храбро бросились в

лес, некоторые открыли огонь по испанцам, которые показались на склонах ущелья, но те через заросли отошли в глубь леса, к выходу из теснины, и там встретили пиратов тучей стрел. Испанцам помогал отряд индейцев, причем индейцы держались очень стойко до тех пор, пока не ранило их командира; он пытался подняться, чтобы поразить одного из пиратов дротиком, но был убит и остался лежать на месте рядом с еще двумя или тремя павшими в бою индейцами. Пираты шли на все, только бы захватить пленных, но это никак не удавалось, потому что индейцы бегали значительно быстрее. В этом бою пираты потеряли восемь человек убитыми и десять ранеными, и, если бы у индейцев было чуть больше выдержки, ни один из пиратов не ушел бы живым; к тому же индейцы стреляли из луков через заросли, из-за деревьев их стрелы в полете теряли силу и, никого не поражая, падали на дорогу».

По свидетельству Фогга, в этом бою флибустьеры потеряли лишь одного человека, тогда как у индейцев погибло около 30 человек, включая их касика.

Экскуемелин продолжает: «Немного спустя пираты вышли в большую долину, сплошь заросшую травой; все вокруг было видно далеко, и пираты заметили на горе несколько индейцев, недалеко как раз от той дороги, по которой им предстояло идти. Когда раненые были перевязаны, пятьдесят наиболее проворных пиратов тут же погнались за индейцами, чтобы взять кого-нибудь из них в плен, однако все было тщетно. Но как только все пираты двинулись вперед, индейцы снова вынырнули перед ними и закричали, как и прежде: «A la savanna, a la savanna, Comudos perros ingleses!» Они были на горе, и пираты, находясь в долине, предположили, что где-то должна быть еще одна засада. Чтобы обезопасить путь, Морган послал вперед двести человек, а остальных пиратов оставил на склоне горы. Как только испанцы или индейцы увидели спускавшихся в долину пиратов, они тотчас же туда помчались, словно хотели вступить в бой, но скрылись из виду и ушли через лес, оставив пиратов в покое. Вечером начался дождь, поэтому пираты уклонились в сторону, чтобы отыскать место для ночлега и там подсушить оружие. Но индейцы сожгли все свои жилища и увели коров, так что, страдая от голода, пираты были вынуждены вернуться. Они нашли несколько жилищ, но ничего съестного там не было. Все люди не могли разместиться в этих

хижинах, поэтому от каждой группы было выделено несколько человек, чтобы охранять оружие, которое и сложили в хижинах... Остальные спали под открытым небом, но сон был плохим, потому что дождь лил всю ночь не переставая».

Тем временем губернатор Панамы, страдая как от известий о быстром приближении врага, так и от рожистого воспаления на правой ноге (из-за чего ему трижды делали кровопускание), заставил себя встать с постели, одеться, облачиться в доспехи и почти со всеми наличными силами выехать из города в соседнюю деревню Гуйябаль. В своем отчете он позже напишет:

«С собой я взял восемьсот человек и три сотни негров, которые были прислужниками и рабами по контракту. И из вышеназванного места [Гуйябаль] я отправил в Крусес три сотни людей, среди которых пошла сотня индейцев из Дарьена с их командирами; к ним я питал больше доверия и был о них более высокого мнения, чем о других, пока что не проявивших смелости исполнить что-либо.

Находясь днем в Гуйябале, где мои люди восстанавливали силы, я получил письмо от капитана-негра по имени Прадо, в котором он заверил меня, что враг движется против нас в количестве двух тысяч человек; эти новости так расстроили моих людей, что они стали докучать мне и понуждать вернуться в город, заявляя, что в нем они будут защищаться до конца. Но в то время укрепить его было невозможно, он имел много входов, и все дома были построены из дерева. И как только враги сделали бы брешь, мы быстро оказались бы перед лицом их неистовства и принуждены были бы плачевно спасать себя. В силу означенных доводов я не согласился с ними. На следующее утро на рассвете я обнаружил, что со мной осталось не более трети моих людей, остальные покинули меня. Так что я был вынужден вернуться в город, дабы убедить их сражаться возле Панамы — иного выхода не было».

Пока дон Хуан Перес де Гусман совершал свои бестолковые маневры, войско флибустьеров продолжало неумолимо приближаться к Панаме.

«На следующий день, день девятый, когда забрезжила заря, причем было еще весьма прохладно, Морган приказал снова отправиться в путь, и путь этот был труднее, чем когда бы то ни было прежде, потому что солнце палило немилосердно, — читаем у

Экскемелина — Спустя два или три часа пираты заметили десятка два испанцев, которые следили за их действиями. Пираты попытались догнать их, но тщетно: испанцы были очень хитры и хорошо знали дорогу, и, когда пираты думали, что испанцы где-то впереди, оказалось, что они идут в хвосте отряда. Наконец пираты взобрались на гору (примерно в 9 часов утра; с тех пор ее называют Горой буканьеров. — В. Г.), откуда открылся вид на Южное море и на большой корабль с пятью или шестью барками: суда эти шли из Панама на острова Тобаго и Тавагилья. Тут отвага снова наполнила сердца пиратов; и еще больше они возликовали, когда спустились с горы в обширную долину, где паслось много скота. Они тотчас же разогнали стадо и перебили всю скотину, которую удалось им догнать. Все делалось очень рьяно: одни пираты охотились, другие разводили огонь, чтобы без промедления приступить к приготовлению пищи. Кто волок быка, кто корову, кто лошадь, кто осла; туши тотчас же разрубили и неободренные куски мяса бросили в огонь; едва опалилась шерсть, как пираты накинулись на сырое мясо так, что кровь текла по их щекам. В разгар пиршества Морган приказал бить ложную тревогу: кто вскочил, кто пустился бежать, однако никто не расстался с мясом, свои куски они прихватили с собой. Наконец [около 4 часов пополудни] все собрались и построились для дальнейшего похода. Отряду почти в пятьдесят человек было приказано выступить вперед, чтобы добыть пленных, поскольку Морган весьма опасался, что так и не получит никаких сведений о силах испанцев. Вечером снова показался отряд испанцев человек в двести, они что-то кричали, однако понять ничего было нельзя; зы ними погнались, но испанцы словно провалились сквозь землю. Пройдя еще немного, пираты заметили башни Панама, трижды произнесли слова заклятия и принялись кидать вверх шляпы, заранее уже празднуя победу. В эту ночь они решили выспаться, надеясь вступить в Панаму на следующий день рано утром. Они расположились в чистом поле и стали бить в барабаны, трубить в трубы и махать флажками, будто наступил большой праздник. На звуки труб прискакало около пятидесяти всадников, которые остановились на расстоянии выстрела; у них тоже были при себе трубы, и, дудя в них, они кричали: «Manana, man ana regtos nos veremos!» («Завтра, завтра, собаки, мы вернемся!») С этим они ускакали, оставив на месте человек семь или восемь для

наблюдения за пиратами. Однако дозор этот не встревожил пиратов: все принялись резать траву, сооружая себе на ночь постель. Отряд в двести человек, который был выслан вперед, вернулся и попытался поймать испанцев. Пираты вообще не очень-то тревожились: мясо у них еще оставалось, а наелись они досыта. Каждому из них было заранее сказано, что делать, если ночью нападут испанцы; вокруг лагеря (если это стойбище можно было назвать лагерем) выставили караулы. Испанцы всю ночь вели из города огонь из тяжелых пушек».

Накануне сражения в Панаме прошли пышные празднества и молебны. Дон Хуан Перес де Гусман предпринимал последние титанические усилия, чтобы воодушевить своих солдат и ополченцев на битву с грозным противником.

«Я прибыл в субботу вечером в Панаму, а в воскресенье утром пошел в большую церковь, где с великим благочестием получил святое вероисповедание пред ликом нашей Блаженной Божьей Матери Непорочного Зачатия. Затем я отправился к главной страже, и ко всем, кто присутствовал там, обратился следующим образом. Чтобы все истинные католики, защитники веры, преданные нашей Богородице Чистого и Непорочного Зачатия, последовали за мной в тот же день в четыре часа пополудни, дабы выйти навстречу врагу, с предупреждением, что тот, кто откажется сделать это, будет арестован за бесчестие, трусость и подлое пренебрежение своим долгом.

Все предложили мне свое содействие, кроме тех, кто сбежал от меня в Гуйябале; и, приведя их в должный порядок, я повел основную их часть к главной церкви, где пред ликом нашей Богородицы Чистого и Непорочного Зачатия поклялся умереть, защищая Ее. И я отдал Ей кольцо с бриллиантом стоимостью сорок тысяч пиастров в знак моей покорности, с клятвой на устах и сердечной мольбой к Ней о помощи. И все присутствующие с большим воодушевлением принесли такую же клятву.

Образы Чистого и Непорочного Зачатия впервые со дня сражения в крепости Чагре были пронесены во время общего шествия, в котором приняли участия все религиозные общины и братство кафедрального собора Святого Франциска, а также монахини Богородицы из [монастырей] Росарио, Сан-Доминго и Мерседес, вместе со всеми святыми и покровителями религиозных общин. И все

святейшие таинства во всех церквах были открыты и выставлены на всеобщее обозрение. Были проведены мессы, дабы мне сопутствовал успех. Я разделил со всеми мои драгоценности и реликвии, собранные во время моих странствий, пожертвовав их вышеназванным образам, святым и патронам.

После этого я прошел с моей армией примерно лигу от Панамы, имея при себе три полевых орудия... И с того места я приказал другому отряду с двумя другими пушками, состоявшему из людей, которые пришли с реки [Чагрес] в количестве более трехсот человек, двинуться в сторону врага, но он не сделал ничего путного.

Этот корпус людей, который я означенным образом привел с собой, состоял из двух видов: доблестных военных и лишенных мужества подлецов, многие из которых все свое имущество или плату, положенную им, оставили в крепости Чагре и в Пуэрто-Бельо, а большая часть моих людей состояла из негров, мулатов и индейцев — всего около тысячи двухсот, не считая еще двухсот негров из числа завербованных. *У нас было мало ручного огнестрельного оружия, и оно было плохим по сравнению с тем, что нес враг* (выделено нами. — В. Г.). Ибо у нас имелись карабины, аркебузы и охотничьи ружья, но было мало мушкетов, поскольку их также оставили в Пуэрто-Бельо и Чагре.

Итак, мы сформировали армию из двух батальонов и кавалеристов, каковых было две сотни, сидевших на утомленных лошадях; их привели туда вместе с двумя большими стадами волов и быков, пригнанных пятьюдесятью погонщиками в надежде расстроить ряды врага. Вся армия выглядела живой и отважной, горевшей желанием ринуться в бой и не желавшей придерживаться каких бы то ни было правил для поднятия духа. Вот то, что я видел, и они сказали мне, что способны поразить врага, словно молния».

По данным Фогга, войско испанцев насчитывало 700 кавалеристов и около 2 тыс. пехотинцев. Морган в своем отчете утверждал, что у испанцев было 600 всадников и 2100 пехотинцев. Иные данные приводит Ян Эрасмус 2400 пехотинцев, 400 кавалеристов, от 600 до 700 индейцев и «большое количество негров».

На рассвете 18 (28) января 1671 года Морган поднял свой лагерь и двинулся к Панаме под грохот барабанов с развевающимися знаменами красного и зеленого цветов. Проводники, однако,

предупредили его, что «лучше было бы здесь свернуть с большой дороги и поискать другой путь, ибо испанцы на главной дороге безусловно устроили засады и, сидя в них, могут причинить много вреда». Вняв этому совету, Морган повел своих людей через лес по холмам Толедо и спустился на равнины Матаснильос. Там флибустьеры заняли позицию на склонах возвышенности, известной с тех пор под названием Передовая гора, где болото и заливные луга надежно прикрывали один из их флангов. Отсюда была видна вся равнина от отрогов *съерры* до побережья Тихого океана; в центре этой панорамы лежала, как на ладони, Панама.

«В среду утром враг обнаружил себя идущим в направлении нашего тыла тремя эскадронами, в которых они имели две тысячи триста человек, как я точно узнал впоследствии, но раз за разом они образовывали круг, продвигаясь вперед к фронту нашей армии, — рассказывает дон Хуан. — Я назначил командиром нашего левого крыла [коменданта Пуэрто-Бельо] дона Алонсо де Алькаудете, командиром правого крыла — губернатора Верагуа дона Хуана Портуондо Боргеньо, а в центре — сержант-майора [Панамы дона Хуана Хименеса]. К этому я добавил прямое указание, чтобы никто не двигался с места без моего приказа и чтобы, приблизившись на расстояние выстрела, три первых шеренги произвели огонь с колена, а после этого залпа они должны были уступить место арьергарду, чтобы ему продвинуться вперед и выстрелить, и чтобы, даже увидев, что кто-то упал мертвым или раненым, они не покинули свою позицию, а до конца соблюдали этот порядок».

Морган, готовясь к сражению, разделил свое войско на три батальона и построил в виде терции. Авангард из 300 охотников-буканьеров и корсаров возглавили подполковник Лауренс Принс и майор Джон Моррис «Ядро» состояло из 600 флибустьеров, причем правое крыло находилось под командованием самого Моргана, а левое — под командованием Эдварда Коллира Арьергард из 300 корсаров возглавил полковник Бледри Морган.

Мы имеем возможность сравнить, как описывали начавшееся сражение губернатор Панамы, Эксквемелин и Морган.

«Я был в это время на правом крыле авангарда, — рассказывает дон Хуан, — ожидая приближения врага; оно происходило быстро, пешим порядком, с холма в довольно узком месте, на расстоянии

примерно трех мушкетных выстрелов от левого крыла нашей армии. И тут неожиданно я услышал громкий шум и выкрики: «Нападаем, нападаем, чтобы рассеять их!» Однако дон Алонсо де Алькаудете не смог ни удержать их в строю, ни пресечь их бегства, хотя он и рубил их шпагой, но они все пришли в замешательство; и я, хорошо зная фатальность этого, дал команду, чтобы они двинули стадо скота и ударили кавалерией. И тут же сам стал во главе эскадрона на правом крыле, крича: «Вперед, ребята, теперь осталось лишь одно — или победить, или умереть! За мной!» Я двинулся прямо на врага, но едва наши люди увидели, как кто-то упал мертвым, а кто-то раненым, они сразу же повернули назад и убежали, оставив меня лишь с одним негром и слугой, которые сопровождали меня. Все еще двигаясь вперед в соответствии с моим обещанием Деве Марии умереть, чтобы ее защитить, я получил пулю в жезл, который держал в руке прямо возле щеки. В этот момент ко мне подскочил священник из большой церкви по имени Хуан де Дьос (который собирался провести мессу в моем доме), умоляя меня отступить и спасти себя, на что я дважды резко ответил отказом. Но на третий раз он проявил настойчивость, заявив мне, что подобное поведение — сущее безумие по отношению к Богу и не подобает христианину. С тем я и отступил, и это было чудо от Девы — сберечь меня от попадания многих тысяч пуль.

После этого я попытался со всей энергией убедить солдат повернуться лицом к врагу, но всё было напрасно...».

Свою, более подробную, версию боя приводит Эксквемелин:

«Буканьеры двинулись вперед, остальные последовали за ними, спустились с холма, а испанцы уже поджидали их на широком открытом поле. Когда большая часть пиратов спустилась в долину, испанцы стали кричать: «Viva el Roy!» («Да здравствует король!»). Одновременно пиратов атаковала конница, но тут всадникам помешало болото, и они продвигались очень медленно. Двести охотников, на которых как раз и мчались всадники, подпустили их поближе. *Часть буканьеров вдруг встала на колени и дала залп, потом то же самое сделали остальные, так что огонь велся непрерывно* (выделено нами. — В. Г.). Испанцы же не могли причинить им никакого вреда, хотя стреляли довольно метко и делали все, чтобы отбить пиратов. Пехота попыталась прийти коннице на помощь, но ее обстрелял другой пиратский отряд. Тогда испанцы решили выпустить с тыла

быков и привести пиратов в замешательство. Однако пираты мгновенно перестроились; в то время как остальные сражались с наступающими спереди, люди в арьергарде махали флажками, затем дали по быкам два залпа; быки обратились в бегство вопреки стараниям их погонщиков, которые побежали вслед за ними. Бой продолжался примерно часа два, пока испанская конница не была разбита наголову: большинство всадников было убито, остальные бежали. Пехота, убедившись, что нападение их кавалерии принесло мало пользы, и не имея дальнейших приказов, которые должен был бы отдать их предводитель, выстрелили из мушкетов, бросили их и побежали во всю прыть; пираты, измотанные голодом и утомленные долгой дорогой, не смогли пуститься в погоню. Некоторые испанцы, не надеясь на свои ноги, спрятались в зарослях тростника у небольших прудов, однако пираты находили их и тут же убивали, словно это были собаки. Они взяли в плен группу серых монахов; те предстали перед Морганом, но он приказал их перебить без всякой пощады, не желая выслушать от них ни единого слова. После этого к нему привели командира конницы, который был ранен в бою. Морган приказал допросить его, и тот сообщил, каковы у испанцев силы; он признался, что в бою участвовали четыреста всадников и двадцать рот пехоты, в каждой роте по сто человек, а также шестьсот индейцев, негров и мулатов и что в бой ввели две тысячи быков, чтобы расстроить ряды пиратов и затем перебить их всех до единого; кроме того, в различных местах города испанцы устроили баррикады из мешков с мукой, за которыми они поставили пушки со стороны той дороги, по которой должны были пройти пираты; были устроены редуты и на них установлено по восемь бронзовых пушек и выставлено пятьдесят человек».

Описание боя, которое дает в своей книге Эксквемелин, в целом соответствует «Правдивому отчету...», составленному на основе реляции Моргана:

«Наш адмирал, проведя смотр своих людей и подбодрив их, приказал всем офицерам идти исполнить полученные предписания. Тем временем неприятель, выстроившись в линию в выгодном месте, все еще оставался на месте и совершенно не хотел двигаться (хотя часто провоцировался нами), боясь потерять безопасную позицию в случае отступления. И наш адмирал, заметив это, немедленно отдал

приказ, чтобы наши офицеры повернули наш корпус влево и попытались достичь соседнего холма; если бы мы им овладели, мы смогли бы тогда принудить неприятеля вступить в бой к их великому ущербу, поскольку он не смог бы ввести в бой одновременно весь свой большой корпус или больше людей, чем мы, учитывая, что нас было меньше; и мы получили бы, таким образом, преимущество как от ветра, так и от солнца.

Наши офицеры строго исполнили полученный приказ, и спустя короткое время мы заняли этот холм с небольшим сухим проходом, выгодным для нас. Таким образом, враг был вынужден ударить по нам в ходе спешного марша, не имея достаточно простора, дабы бросить вперед весь свой корпус, из-за большого болота, находившегося как раз у них за спиной и перед которым они преднамеренно выстроились в линию, рассчитывая поймать нас в ловушку. Но мы сменили нашу дислокацию так, что в итоге нанесли ущерб им самим.

Когда мы поступили указанным образом, дон Франсиско де Аро, который командовал их кавалерией, вместе со своими всадниками предпринял первую атаку на наш авангард, каковую он провел весьма яростно, летя на полном скаку. А поскольку у нас не было пик, наш адмирал отдал приказ сдвоить наши ряды справа и сомкнуть шеренги справа и слева, чтобы замкнуть строй. Но их пылкий командир не мог остановить свой стремительный бег, пока не упал, расставшись с жизнью во фронтальной шеренге нашего авангарда.

На этом движение их конницы справа прекратилось, и тогда выступила их пехота, надеясь испытать свою удачу; но они оказались такими же безуспешными, как и их товарищи. Ибо мы, подготовившись вместе с нашим главным корпусом встретить их, первым же залпом оказали им такой горячий прием и продолжали нашу работу с такой силой и проворством, что наши друзья-испанцы решили, что лучше всего им было бы отступить, и вскоре были так крепко побиты еще и нашим левым крылом, которое вначале не могло вступить в сражение (так как ему мешали холмы), что наши враги не смогли выстоять... и, в конце концов, все разом обратились в бегство.

Перед этим они использовали такую тактику, о которой редко можно услышать. Ибо пока пехота ударяла нас во фронт и фланги, они решили заставить два больших стада быков, в каждом — более тысячи голов, вклиниться в правый и левый угол нашего арьергарда с

намерением разбить и рассеять нас. Сей проект мог, наверное, иметь эффект, если бы наш благоразумный адмирал с великим присутствием духа не сорвал их замысел, отдав приказ небольшому отряду стрелять в погонщиков, а не в скот, и это так сильно напугало остальных, что быки вскоре вынуждены были повернуть назад. Так что указанная тактика не сработала; они находились в столь великом смятении, что счастлив был тот, кто смог первым убежать в город. Там они имели две сотни свежих людей и два форта; в одном было установлено шесть бронзовых пушек, а в другом восемь. Они забаррикадировали все улицы и на многих из них тоже поставили большие пушки...»

Сражение выиграли флибустьеры. Около полудня барабанщики Моргана дали сигнал к всеобщему сбору. На поверке выяснилось, что убитых среди них почти не было, а ранено лишь несколько человек. Потери испанцев составили от 60 до 100 человек убитыми, не считая раненых. Дон Хуан Перес де Гусман с остатками своего войска отступил к Капире, а часть пехотинцев вместе с раненым Алонсо де Алькаудете ушла в сторону Пуэрто-Бельо.

Воодушевленные первым успехом, флибустьеры под прикрытием пленных направились к городу. Там им открылось нежданное зрелище: все улицы были перекрыты баррикадами, сложенными из мешков с мукой, на которых были установлены пушки. Взять их оказалось намного труднее, чем сражаться с противником в открытом поле. Тем не менее через два часа Панама оказалась во власти англичан и французов.

В отчете Моргана указывается, что, войдя в город, они нашли в нем две сотни испанских солдат, два форта, а на каждой улице — баррикады, на которых было установлено в общей сложности 32 бронзовые пушки. Вместо того чтобы защищаться из последних сил, испанцы поспешно подожгли порох в главной крепости, и она взлетела на воздух, забрав жизни у сорока не успевших эвакуироваться солдат. Небольшое сопротивление пиратам было оказано на Пласа-Майор, или Главной рыночной площади, но к трем часам пополудни захватчики стали хозяевами города. Их потери в тот день составили лишь пять человек убитыми и десять ранеными; испанцы потеряли в общей сложности около 400 человек.

«Как только сопротивление было подавлено, — пишет Эксквемелин, — Морган приказал собрать всех своих людей, и

запретил им пить вино; он сказал, что у него есть сведения, что вино отравлено испанцами. Хотя это и было ложью, однако он понимал, что после крепкой выпивки его люди станут небоеспособными. Впрочем, угроза появления врага была маловероятной».

Согласно «Правдивому отчету...» и испанским данным, когда флибустьеры вступили в Панаму, весь город уже был объят пламенем. Эксквемелин утверждал, что поджог был осуществлен пиратами:

«После полудня Морган приказал тайно поджечь дома, чтобы к вечеру большая часть города была охвачена пламенем. Пираты же пустили слух, будто это сделали испанцы. Местные жители хотели сбить огонь, однако это им не удалось: пламя распространилось очень быстро; если загорался какой-нибудь проулок, то спустя полчаса он уже весь был в огне и от домов оставались одни головешки... Внутри многие дома были украшены великолепными картинами, которые сюда завезли испанцы. Кроме того, в городе было семь мужских монастырей и один женский, госпиталь, кафедральный собор и приходская церковь, которые также были украшены картинами и скульптурами, однако серебро и золото монахи уже унесли. В городе насчитывалось две тысячи отличных домов, в которых жили люди иных званий; было здесь много конюшен, в которых содержались лошади и мулы для перевозки серебра к Северному берегу... Кроме того, там был великолепный дом, принадлежащий генуэзцам, и в нем помещалось заведение, которое вело торговлю неграми. Его тоже сожгли. На следующий день весь город превратился в кучу золы; уцелели лишь двести складов и конюшни: они стояли в стороне. Все животные сгорели вместе с домами, и погибло много рабов, которые спрятались в домах и уже не смогли вырваться наружу. На складах пострадало много мешков с мукой, после пожара они тлели еще целый месяц».

Эту информацию опровергает автор «Правдивого отчета...», писавший, что, войдя в город, «мы вынуждены были бросить все силы на тушение огня, охватившего дома наших врагов, которые они сами подожгли, чтобы не дать нам возможности ограбить их; но все наши усилия были напрасны, ибо к полуночи весь город сгорел, кроме части пригорода, которую благодаря великим стараниям мы ухитрились сберечь, включая две церкви и около трехсот домов».

Дон Хуан Перес де Гусман не скрывал, что город был подожжен самими жителями — «рабами и владельцами домов»; при этом пожар

не затронул здания Королевской аудиенсии и Бухгалтерии, особняк губернатора, монастыри Ла-Мерсед и Сан-Хосе, отдельные жилища на окраинах и около 300 хижин негров — погонщиков мулов из предместий Маламбо и Пьерда-Видас.

Всю ночь флибустьеры простояли в окрестностях Панамы, а на рассвете снова вошли в город — точнее, в то, что от него осталось. Раненых доставили в церковь одного из монастырей, вокруг которой устроили арсеналы и установили орудийную батарею. Проведя смотр войскам, Морган и его офицеры констатировали, что во время захвата города погибло около 20 человек и примерно столько же было ранено.

Губернатор Панамы отмечал в своем отчете, что велел сжечь все суда и лодки, остававшиеся на побережье, но горожане не успели выполнить этот приказ. Пиратам удалось захватить одну барку в предместье Фаске. Когда испанцы, сетует дон Хуан, «собирались поджечь ее, врагц быстро пришли и не дали это сделать» и с нею они причинили нам большой ущерб, ибо вместе с нею они захватили еще три [барки] и совершили великое опустошение всего, что нашли на островах Табога, Отоке и Лас-Ислас-дель-Рей, взяв и доставив оттуда много пленных.

После этого несчастья я приказывал всем людям, которых встречал, идти со мной в Нату, чтобы я попытался сформировать там армейский корпус и встретить англичан. Но когда я прибыл в этот город, я не нашел в нем ни одной души, ибо все убежали в горы».

Проведя в Панаме неделю, Морган, по словам Эксквемелина, «послал отряд в сто пятьдесят человек в крепость Чагре, чтобы в тот же день известить ее гарнизон о счастливой победе. Через город отряд провожали все. Испанцы, стоявшие за городом, заметив их, отошли.

После полудня Морган снова вернулся в город, каждый отряд занял положенное ему помещение, а одна группа пиратов отправилась к руинам сожженных домов, где еще была надежда выудить знатную поживу: серебряную посуду и слитки серебра, которые испанцы бросали в колодцы. На следующий день было снаряжено еще два отряда, каждый по сто пятьдесят человек, чтобы разыскать жителей города, рассеянных по окрестностям. Через два дня пираты вернулись и привели с собой двести пленников — мужчин, женщин и рабов. В тот же день посланная Морганом барка вернулась еще с тремя захваченными барками, однако самый ценный приз — галеон («Ла

Сантисима Тринидад». — В. Г.), груженный королевским серебром и драгоценностями самых богатых торговцев Панамы, — был упущен; исчезли и монахи со всеми церковными украшениями, серебром и золотом. На этом галеоне было семь пушек и десять или двенадцать мушкетов, и стоял он только под нижним парусом, причем у команды не была заготовлена вода. Пираты захватили шлюп с этого корабля с семью матросами. Эти испанские моряки и сообщили разбойникам обо всем, что рке было сказано. Кроме того, они добавили, что галеон не мог выйти без воды в открытое море, однако предводителю пиратов было намного милее пьянствовать и проводить время с испанскими женщинами, которых он захватил в плен, нежели преследовать корабль. На следующий день пиратские барки отправились на поиски галеона, но эти поиски оказались бесполезными, поскольку на корабле рке узнали, что пираты выходили в море и захватили шлюп. На галеоне тотчас же подняли паруса. Когда пираты увидели, что корабль ушел, они напали на барки, груженные различными товарами, которые направлялись на острова Товаго и Тавагилья, и затем вернулись в Панаму. По возвращении они сообщили Моргану обо всем, что произошло. Пленных матросов допросили, и те ответили, что догадываются, куда отправился галеон, однако за это время его команда могла получить пополнение. Морган приказал собрать все суда, которые были в Панаме, снарядить их и догнать корабль; пираты вышли в море на четырех барках с командой в сто двадцать человек. Они пробыли в море целых восемь дней, но никого не встретили. Галеон улизнул быстро и бесследно. У пиратов не было больше никакой надежды догнать этот корабль, и они решили отправиться на острова Товаго и Тавагилья. Там они повстречали судно, шедшее из Пайты; оно было гружено шелком, сукном, сухарями и сахаром; на нем было примерно на двадцать тысяч пиастров чеканного серебра. С этим судном и сопровождавшей его баркой, на которую они погрузили добро и пленных, захваченных на островах Товаго и Тавагилья, пираты вернулись в Панаму».

Корсарами, оперировавшими в Южном море, командовал уже известный нам капитан Роберт Сирл — тот самый, который отличился нападением на город Сан-Августин во Флориде в 1668 году.

Морган не смог простить Сирлу то, что он упустил галеон с сокровищами, и в дальнейшем никогда больше не оказывал ему

содействия.

Тем временем люди, отправленные в Сан-Лоренсо-де-Чагрес, вернулись в Панаму с хорошей новостью. По их словам, два судна, вышедшие на поиски добычи, встретились близ устья реки с испанским кораблем. Когда они начали преследовать его, капитан корабля, увидев над крепостью испанские флаги, опрометчиво решил войти в гавань. Там его и захватили. В трюмах призового судна обнаружили большое количество продовольствия, что привело сидевших на голодном пайке флибустьеров в совершенный восторг.

Узнав, что Сан-Лоренсо по-прежнему остается в руках его людей и гарнизон крепости в достаточной мере обеспечен продуктами питания, Морган решил не спешить с уходом из Панамы. «В то время как часть пиратов грабила на море, — продолжает свой рассказ Эксквемелин, — остальные грабили на суше каждый день из города выходил отряд человек в двести, и, когда эта партия возвращалась, ей на смену выходила новая; все они приносили большую добычу и приводили много пленников. Эти походы сопровождались невероятными жестокостями и всевозможными пытками; чего только ни приходило в голову пиратам, когда они допытывались у всех без исключения пленников, где спрятано золото».

Проведя в Панаме три недели и «добросовестно разграбив все, что попадалось ему под руку на воде и на суше», Морган отдал приказ готовиться к уходу. 14 (24) февраля 1671 года флибустьеры вышли из Панамы, ведя за собой 157 мулов, груженных ломаным и чеканным серебром, а также заложников — 50 или 60 мужчин, женщин, детей и рабов. Эти данные взяты нами из советского издания «Пиратов Америки». В английских переводах книги Эксквемелина говорится о 175 мулах и 600 заложниках; во французских переводах упоминается о 500–600 заложниках.

Достигнув селения Вента-де-Крусес, Морган сообщил пленным, что они должны уплатить выкуп в трехдневный срок, иначе он заберет их с собой на Ямайку. Тем временем разбойники принялись заготавливать рис и маис.

Из «Правдивого отчета..»:

«Четырнадцатого февраля мы покинули Панаму и начали наш марш к нашим кораблям со всеми нашими пленными, и на следующий день прибыли в Вента-Крус примерно в два часа пополудни, который находится примерно в пятнадцати английских милях. Здесь мы оставались, восстанавливая наши силы, до двадцать четвертого [февраля], дав испанцам возможность выкупить пленных».

Вся добыча была разделена в крепости Сан-Лоренсо, при этом каждому участнику похода досталось по 200 пиастров.

«Слитки серебра оценивали в десять пиастров за штуку, драгоценности пошли буквально за бесценок, и много их пропало, о чем Морган предупредил пиратов, — сообщает Эксквемелин. — Заметив, что дележ этот вызвал у пиратов недовольство, Морган стал готовиться к возвращению на Ямайку. Он приказал разрушить крепость и сжечь ее, а бронзовые пушки доставить на борт своего корабля; затем он поставил паруса и без обычных сигналов вышел в море; кто хотел, мог следовать за ним. За Морганом пошли лишь три, а может быть, четыре корабля, на которых были его единомышленники... Французские пираты погнались за ним на трех или четырех кораблях, рассчитывая, если догонят, совершить на них нападение. Однако у Моргана были изрядные запасы всего съестного, и он мог идти без стоянок, что его врагам было не под силу: один остановился здесь, другой — там ради поисков себе пропитания, иначе они не могли бы добраться до Ямайки».

Согласно более поздним оценкам, добыча, взятая Морганом в Панаме и доставленная в Порт-Ройял, могла стоить 6 млн эскудо. Сам Морган оценил всю добычу в 30 тыс ф. ст. По сведениям главного хирурга экспедиции Ричарда Брауна, серебро и другая ценная добыча стоила около 70 тыс ф. ст. (без учета иных товаров), но «людей обманули», на каждого пришлось всего по 10 фунтов, не считая негров-рабов (по данным сэра Томаса Линча, флибустьеры доставили из Панамы на Ямайку от 400 до 500 негров). Некоторые источники указывают на то, что после дележа рядовые участники похода получили примерно по 15–18 ф. ст. Как бы то ни было, самый

грандиозный поход флибустьеров Вест-Индии принес им совершенно мизерный доход.

Переход флибустьеров через Дарьенский перешеек. Захват Санта-Марии

3(13) апреля 1680 года в глубине укромной бухты на Золотом острове (что в архипелаге Сан-Блас) стояли на якоре семь флибустьерских судов: два корабля и пять небольших барок. Их капитаны — Джон Коксон, Питер Харрис, Бартоломью Шарп, Ричард Сокинс, Эдмунд Кук, Роберт Эллисон и Томас Макетт (Мэготт) — обсуждали очередной антииспанский проект. Индейцы из племени куна, возглавляемые касиком по имени Андреас, уговорили пиратов совершить набег на Санта-Марию — небольшой, но очень богатый городок, стоявший на реке, впадающей в Панамский залив. Его гарнизон, по данным разведки, насчитывал 400 солдат. На следующий день, в воскресенье 4 (14) апреля, англичане запаслись провиантом, намереваясь на следующее утро высадиться на перешейке. Капитаны Эллисон и Макетт, больные и крайне уставшие, остались с примерно 30 людьми, чтобы охранять суда флотилии.

Когда в понедельник утром 5(15) апреля 331 пират высадился на Панамском перешейке, их «генералом» был Питер Харрис. Весь отряд разделили на семь команд. Люди капитана Шарпа двигались впереди под красным флагом с белыми и зелеными полосами; следом продвигались флибустьеры Ричарда Сокинса под красным флагом с желтыми полосами; отряд Питера Харриса сосоял из экипажей двух кораблей, и каждый из них нес свой флаг — зеленого цвета, но с разными изображениями. Пятый и шестой отряды под командованием Коксона имели красные флаги, а арьергард под командованием Кука нес красный флаг с желтой полосой и с изображением руки и тесака. Проводниками им служили несколько индейцев куна.

Выйдя на берег реки, пираты в тот же день сделали привал, соорудили хижины и вскоре встретились с еще одним индейским касиком, которого звали «капитаном Антонио». Он тоже советовал англичанам совершить набег на Санта-Марию.

Во вторник 6 (16) апреля, продолжив свой путь, отряд перевалил через крутой холм и вышел к реке, впадавшей в Тихий океан; ниже по

течению, по словам Андреаса, на берегу этой реки находилась Санта-Мария.

Флибустьеры шли за своими проводниками до полудня, затем начали карабкаться вверх на еще более крутую гору. Только к вечеру они смогли спуститься к подножию горы и выйти на берег той же реки. По их подсчетам, они прошли в тот день 18 миль. Заночевать пришлось под проливным дождем.

В среду утром 7 (17) отряд пустился в путь по берегу реки, которая постоянно петляла. Из-за этого пираты несколько раз переходили ее вброд: в одних местах вода доходила им до колен, в других — до пояса. Течение было довольно быстрым.

Около полудня достигли небольшой индейской деревушки, состоявшей из четырех дворов. Сюда же пожаловал местный «король» или «главный капитан этих индейцев Дарьена» в праздничном наряде, с золотой короной на голове; его сопровождали жена, дети и вооруженная стража. «И мужчины и женщины получили большое удовольствие от нашего барабанного боя и развевающихся знамен, — записал в своем дневнике участник экспедиции Уильям Дик, — но мушкетные вспышки и поднятый ими грохот напугали их».

В пятницу 9 (19) апреля флибустьеры двинулись дальше вдоль берега реки. Туземцы время от времени снабжали их бананами, корнями кассавы и маисом.

Утром 10 (20) апреля, в то время, когда пираты готовились к продолжению марша, между Коксоном и Харрисом неожиданно вспыхнула крупная ссора. Причины ее неизвестны. Однако, учитывая последующие события, можно предположить, что разногласия касались вопроса о верховном командовании экспедицией. Как бы там ни было, разругавшись с Харрисом, Коксон выстрелил из ружья в сторону своего противника, но промахнулся. Тот приготовился ответить ему тем же, но их товарищ Шарп вовремя вмешался и разнял их. Эта ссора, безусловно, повлияла на решение разделить весь отряд на две большие группы. В то время как Харрис с основным контингентом продолжал двигаться по суше, Коксон с Шарпом и Куком, а также с 60 людьми и примерно 15 индейцами куна под предводительством Андреаса погрузились на 14 каноэ. По данным Бэзила Рингроуза, в каждом каноэ разместилось по два индейца-проводника.

Спуск по реке оказался более утомительным, чем движение по суше, поскольку каноэ приходилось постоянно перетаскивать то через песчаные банки, то через пороги, то через поваленные деревья. Вечером лодки вытащили на берег, где соорудили несколько хижин и расположились на ночлег.

На следующий день, в понедельник, группа Коксона потеряла из виду главный отряд, двигавшийся по суше. Коксон и его люди начали подозревать, что их индейские союзники преднамеренно отделили их от товарищей, чтобы истребить по просьбе испанцев. Они избавились от своего страха во вторник 13 (23) апреля, когда все встретились на берегу реки в том месте, о котором говорили индейцы. «Мы простояли там весь день, желая отдохнуть и привести в порядок наше оружие», — писал капитан Шарп.

14 (24) апреля весь отряд — 327 флибустьеров и 50 индейцев — поднялся на заре и погрузился на 68 каноэ. Если до этого они двигались по воде, используя длинные шесты или палки, то теперь, находясь уже недалеко от цели своего путешествия, индейцы и англичане вооружились веслами и работали ими весьма энергично. В полночь каноэ пристали к заболоченному берегу примерно в полумиле от Санта-Марии (по данным Шарпа — в двух милях). Чтобы не утонуть в болотной грязи, пираты соорудили из весел и веток деревьев простейшие гати. Затем им пришлось прорубать себе дорогу через густые заросли леса, в котором все заночевали.

15 (25) апреля, примерно в шесть утра, флибустьеры были разбужены ружейным выстрелом и барабанным боем, означавшими, что их прибытие в окрестности Санта-Марии не осталось незамеченным. Отряд тут же построился и двинулся к городу. Испанцы укрылись в форте, окруженном палисадом высотой до 12 футов. «Капитан Ричард Сокинс, — сообщает Уильям Дик, — бросился к частоколу, и весь отряд бросился за ним так быстро, как только мог. И стреляли по частоколу, а они [испанцы] стреляли в нас из своих аркебузов, бросали пики и пускали стрелы. У них за частоколом было около 200 человек. Мы убили около 70 человек. Потом мы полчаса дрались с ними, капитан Ричард Сокинс ринулся к частоколу с 2 или 3 храбрецами, прорубил 2 или 3 очень крепких частокола и проник внутрь. Они тут же попросили пощады, которая была им дана».

Согласно данным Бэзила Рингроуза, испанцы потеряли 26 человек убитыми и 16 — ранеными. Кроме того, уже после окончания сражения индейцы в отместку за былые обиды истребили еще около 50 испанцев, и они продолжили бы бойню, если бы не вмешательство пиратов, которым удалось спасти от истребления около 260 испанцев. От пленных флибустьеры узнали, что комендант города сбежал с двумя женщинами и двумя неграми-рабами; кроме того, предупрежденный заранее о присутствии пиратов в их землях, отряд испанцев из 200 человек успел уйти в сторону Панамы с большим количеством золота.

Добыча, взятая в Санта-Марии, оказалась мизерной: немного серебра и золотого песка, вино, бренди, свинина и хлеб. Разочарованный результатами похода, капитан Коксон возглавил недовольных и сообщил о своем намерении вернуться на карибское побережье. Наверняка за ним последовали бы и другие, и сторонники продолжения похода к побережью Тихого океана могли остаться в меньшинстве. Чтобы удержать Коксона, Харрис и Сокинс предложили ему стать главнокомандующим. Он дал свое согласие в пятницу 16 (26) апреля.

В день избрания Коксона «генералом» скромная добыча, взятая в Санта-Марии, была отправлена на карибское побережье с несколькими пленными под охраной дюжины флибустьеров. Коксон выделил также десяток других пиратов, которые под командованием капитана Сокинса спустились на шестивесельном каноэ вниз по реке Бока-Чика, пытаясь догнать сбежавшего коменданта Санта-Марии.

На следующий день, 17 (27) апреля, Коксон велел сжечь форт, церковь и весь город; это было сделано по просьбе верховного касика индейцев, которого англичане называли «королем Золотая Шапка». Хотя большинство куна возвратилось тогда назад, сам касик, несколько его родственников и «капитаны» Андреас и Антонио остались с пиратами.

В качестве главного проводника Коксон взял испанского офицера из гарнизона Санта-Марии, которого он спас от преследования индейцев. Этот испанец похитил старшую дочь Золотой Шапки и жил с ней в Санта-Марии. Чтобы флибустьеры не выдали его индейцам, испанец обещал привести их в Панаму, прямо к дому президента королевской аудиенсии. Затем, имея в общей сложности 305 человек,

пираты на 35 каноэ и одной пироге, взятой в селении, оставили руины Санта-Марии и двинулись вслед за капитаном Сокинсом по Бока-Чике. Они обнаружили Сокинса около полуночи немного выше по течению реки. Из-за проливных дождей река вышла из берегов, опрокинув несколько каноэ. 18 (28) апреля, незадолго до полудня, большая часть флотилии достигла наконец устья реки, впадавшей в залив Сан-Мигель. Выйдя в Тихий океан, Коксон достиг маленького острова, на котором комендант Санта-Марии оставил двух рабов для разгрузки лодки. На этой посудине «генерал» флибустьеров снова отправил капитана Сокинса на поиски испанского коменданта, однако участники погони вернулись ни с чем.

На следующий день Коксон вышел со своими каноэ в Южное море. Началась новая страница флибустьерской эпопеи, связанная с операциями в тихоокеанском регионе.

Набег на город Леон

Поход флибустьеров на город Леон, лежащий на берегу озера Манагуа в Никарагуа, был осуществлен летом 1685 года под общим командованием капитана Эдварда Дэвиса. Кроме команды Дэвиса в нем участвовали экипажи еще нескольких капитанов, оперировавших в то время у тихоокеанских берегов Центральной Америки, а именно: Чарлза Свана, Фрэнсиса Таунли, Уильяма Найта, Питера Харриса и Жана Роза. План этого предприятия созрел в головах джентльменов удачи во время стоянки на острове Койба; поскольку их активность в Южном море полностью парализовала испанские перевозки у тихоокеанских берегов, дальнейший поиск богатых испанских судов потерял для пиратов всякий смысл.

Подробности леонской экспедиции известны из сочинения Уильяма Дампира, принимавшегося в ней непосредственное участие.

«Капитан Дэвис сделал два очень больших каноэ... В месячный срок мы завершили все наши дела и были готовы отплыть. Тут капитан Харрис решил положить свой корабль на бок, чтобы очистить его, но он был старым и полностью прогнившим; поэтому он и все его люди перешли на борт судов капитана Дэвиса и капитана Свана... 18 июля Жан Роз, француз, и еще 14 человек из команды капитана Гронье, сделав новое каноэ, прибыли на нем к капитану Дэвису и пожелали

служить под его командованием; и капитан Дэвис принял их, поскольку у них имелось свое каноэ.

20 июля мы отплыли от [острова] Койбы, взяв курс на Реа-лехо, который служит портом для Леона — города, на который мы решили теперь напасть. Мы имели теперь 640 человек на 8 парусных судах, которыми командовали капитан Дэвис, капитан Сван, капитан Таунли и капитан Найт, с брандером и 3 тендерами, не имевшими постоянных команд... Мы прошли вдоль побережья, миновав залив Никоя, залив Дульсе и остров Канео...

9-го утром, находясь примерно в 8 лигах от берега, мы оставили наши корабли под присмотром небольшого количества людей, а 520 из нас отправились на 31 каноэ, гребя по направлению к гавани Реалехо. Стояла прекрасная погода и дул слабый ветер до 2 часов пополудни, затем с берега налетел смерч с громом, молниями и дождем и такой порыв ветра, что мы все едва не пошли ко дну. В этой экстремальной ситуации мы повернулись кормой к ветру, каждая команда делала все возможное, чтобы избежать грозящей опасности. Малые каноэ, будучи легкими и устойчивыми, проворно перелетали через волны, но большие тяжелые каноэ вели себя как бревна в море, готовые быть поглощенными любым пенящимся валом. Некоторые из наших каноэ были наполовину залиты водой, так что два человека постоянно должны были вычерпывать ее. Свирепый ветер дул около получаса и постепенно затихал; когда он стих окончательно, ярость моря тоже улеглась... В семь часов вечера установился штиль, и море было гладким, как мельничный пруд. Затем мы двинулись в сторону берега, но, обнаружив, что до окончания дня не достигнем его, снова отгребли назад, чтобы оставаться вне видимости. К рассвету мы были в 5 лигах от земли, хотя полагали, что находимся гораздо дальше от берега. Здесь мы предполагали оставаться до вечера, но в три часа пополудни на нас налетел еще один смерч, более свирепый, чем днем ранее. Наша жизнь оказалась на волоске от смерти, однако он оказался скоротечным. Когда сила смерча иссякла, мы стали грести к берегу и в ту же ночь вошли в гавань: речушка, которая вела прямо к Леону, находилась на юго-восточной стороне гавани. Наш пилот, хорошо знакомый с местностью, повел нас в ее устье, но смог вести нас лишь до начала дня, ибо это очень маленькая речушка, и там имеются другие речушки, подобные этой. Утром, едва рассвело, мы начали

грести в очень узкую речушку; земля с обеих сторон была столь низменной, что при каждом приливе ее заливало море. На этих почвах растут красные мангровы, которые здесь столь многочисленны и густы, что через них невозможно пройти. За этими мангровами, на твердой почве возле берега реки, испанцы построили бруствер, чтобы не дать врагам высадиться. Едза завидев этот бруствер, мы стали грести изо всех сил к берегу; шум наших весел всполюшил индейцев, находившихся в дозоре, и они тут же убежали в сторону города Леон, чтобы сообщить о нашем появлении. Мы высадились со всей возможной поспешностью и устремились следом за ними: 470 человек выступили, чтобы маршировать к городу, а я остался с 59 людьми охранять каноэ до их возвращения.

Город Леон лежит в 20 милях в глубине страны. Дорога к нему идет по равнине, через покрытые высокой травой саванны и участки высокого леса. Примерно в 5 милях от места высадки имеется сахарное предприятие, через 3 мили — другое, а еще через 2 мили — прекрасная река с бродом, которая не очень глубока; кроме нее, здесь нет иных водных источников на всем протяжении пути, пока вы не достигнете индейского селения, расположенного в двух милях от города, от которого ведет прекрасная песчаная дорога до самого Леона. Этот город лежит в долине недалеко от высокой остроконечной горы, которая часто извергает огонь и дым из своей вершины. Ее можно увидеть даже с моря, и она называется Леонским вулканом. Дома в Леоне невысокие, но прочные и большие, окруженные садами. Стены каменные, а покрытие из коньковой черепицы. Здесь имеется 3 церкви и кафедральный собор, являющийся главной церковью в здешних краях. Наш соотечественник мистер Гейдж, который путешествовал в этих краях, рекомендовал его всем как самое замечательное место во всей Америке и назвал его Райским садом Индий...

Теперь наши люди шли туда; они покинули каноэ около 8 часов. Капитан Таунли с 80 самыми проворными людьми маршировал впереди; капитан Сван со 100 людьми двигался следом; капитан Дэвис со 170 людьми шел за ними, а капитан Найт — в арьергарде. Капитан Таунли, который двигался примерно в 2 милях впереди остальных, встретил около 70 всадников в 4 милях от города, но они ничуть не остановили их. Около 3 часов капитан Таунли лишь с 80 людьми вошел в город и был живо атакован на широкой улице примерно 170—

200 испанскими всадниками, но, когда два или три их командира были выбиты из седел, остальные убежали. Их пехота насчитывала около 500 человек, которые собрались на *параде*; ибо испанцы в этих краях имеют большую площадь в каждом городе, даже если город — малых размеров. Площадь называется *парадом*: обычно церковь сооружают на ее одной стороне, а дома знати с галереями вокруг них — на другой стороне. Пехота, увидев, что их кавалерия ретировалась, тоже оставила город капитану Таунли, бросившись спасаться бегством. Капитан Сван прибыл примерно в 4 часа, капитан Дэвис со своими людьми — около 5, а капитан Найт с теми людьми, кого он смог заставить идти, прибыл около 6, но многих уставших людей ему пришлось оставить на дороге; они, по обыкновению, падали с ног по одному или по двое, уж как получалось. На следующее утро испанцы убили одного из наших обессиленных людей; это был гордый седовласый старик в возрасте около 84 лет, который служил под командованием Оливера [Кромвеля] во время ирландского восстания; когда он попал на Ямайку, он занялся приватирством. Он отверг предложение наших людей остаться на берегу, заявив, что он готов рискнуть идти так далеко, как лучший из них. И когда испанцы окружили его, он отказался просить пощады, а выстрелил в них из ружья, имея в то же время заряженный пистолет, поэтому они, держась в стороне, прострелили ему голову. Его звали Сван; он был очень веселым искренним стариком и всегда заявлял, что никогда не будет просить пощады. Однако они захватили мистера Смита, который также обессилен; он был купцом у капитана Свана, и, когда его привели к губернатору Леона, его узнала одна мулатка, которая прислуживала ему. Мистер Смит много лет прожил на Канарах и мог очень хорошо говорить и писать по-испански, и эта мулатка запомнила его. Когда его спросили, сколько людей было у нас, он ответил, что 1000 — в городе и 500 — возле каноэ, и это было хорошо для нас, находившихся возле каноэ, поскольку мы каждый день бродили по окрестностям и могли быть легко уничтожены. Это так напугало губернатора, что он ничего не предпринял против наших людей... Около полудня он отправил парламентаря, предлагая выкуп за город, чтобы его не сожгли, но наши капитаны потребовали 300 000 пиастров выкупа за него и столько провизии, чтобы можно было кормить 1000 человек в течение 4 месяцев, а мистер Смит должен был быть обменен на нескольких их пленных; однако испанцы не

собирались платить выкуп за город, а лишь тянули время день за днем, накапливая силы. Поэтому наши капитаны, учитывая, на каком расстоянии от каноэ они находились, решили возвращаться. Утром 14-го дня они приказали поджечь город, что было тут же исполнено, а затем ушли. Но они потратили больше времени на обратный путь, чем на дорогу туда. Утром 15-го дня испанцы прислали мистера Смита, обменяв его на знатную женщину.

Затем наши капитаны отправили письмо губернатору, сообщая ему, что мы собираемся теперь посетить Реалехо, и пожелали встретиться с ним там. Они также отпустили одного дворянина, обещавшего уплатить за себя выкуп 150 быками, которые он должен был доставить в Реалехо; и в тот же день наши люди прибыли к своим каноэ. Там, простояв всю ночь, мы все на следующее утро сели в наши каноэ и отправились в гавань Реалехо; в полдень наши корабли пришли туда на якорную стоянку.

Речушка, текущая к Реалехо, вытекает с северо-западной стороны гавани и бежит на север. От острова в устье гавани до города примерно 2 лиги; две трети пути она остается широкой, а затем вы попадаете в узкую глубокую протоку, окаймленную с обеих сторон красными мангровыми, которые почти смыкаются [у вас над головой]. В миле от устья речушка поворачивает на запад. Здесь испанцы соорудили очень прочный бруствер, повернутый фронтом к устью речушки, в котором было размещено 100 солдат, чтобы не дать нам высадиться. Ниже, в 20 ярдах от бруствера, речушку перекрывал ряд больших деревьев, сваленных крест-накрест так, что 10 человек могли сдерживать здесь 500, а то и 1000 человек.

Когда мы появились возле бруствера, мы выстрелили лишь из двух ружей, и они тут же все убежали. И потом почти полчаса рубили преграду из бревен. Там мы высадились и двинулись к городу Реалехо, или Реа-Лехо, лежащему примерно в полумиле оттуда. Город стоит на равнине возле небольшой речки. Это красивый большой город с 3 церквями и госпиталем, который располагает прекрасным садом, принадлежащим ему. Кроме того, здесь множество больших красивых домов, стоящих на значительном удалении друг от друга, с дворами возле них. Это очень нездоровое место, так что, я думаю, госпиталь им крайне необходим; ибо он расположен так близко к речушкам и болотам, что никогда не бывает свободным от вредных испарений.

Земля вокруг него представляет собой твердую желтую глину, а сам город, кажется, стоит на песке...

В окрестностях имеется много сахарных предприятий и станций, или животноводческих ферм. Также здесь много смолы, дегтя и канатов, которые производятся в сельской округе и которые являются главными предметами торговли. Мы достигли этого города без всякого сопротивления и ничего в нем не нашли, кроме покинутых домов; также здесь остались вещи, которые они не смогли или не пожелали унести с собой: около 500 упаковок муки, доставленных сюда на большом корабле, который мы оставили в Амапалье, и немного смолы, дегтя и канатов. Эти вещи были нам нужны, и поэтому мы отправили их на борт. Здесь же мы получили 150 быков, обещанных дворянином, который был отпущен из Леона; кроме того, мы каждый день посещали скотоводческие фермы и сахарные предприятия, отправляя небольшие отряды по 20 или 30 человек, и каждый человек уносил все на себе; ведь мы не нашли здесь лошадей, но если бы мы их получили, они все равно не смогли бы служить нам, поскольку дороги были размытыми и утопали в грязи. Мы стояли здесь с 17-го до 24-го, а затем кое-кто из нашей дурной команды подожгли дома. Я не знаю, по чьему приказу, но мы пошли прочь, оставив их горящими; возле бруствера мы погрузились на наши каноэ и вернулись на борт наших кораблей».

После леонской экспедиции пираты решили разделиться на небольшие отряды: Сван хотел крейсировать у берегов Новой Испании и подняться на север до Калифорнии, чтобы потом идти оттуда через Тихий океан в Ост-Индию. Таунли и его товарищи соглашались сопровождать Свана до Калифорнии, а затем рассчитывали вернуться к Панамскому перешейку. Дэвис и Найт решили идти к берегам Перу. 27 августа они отплыли из Реалехо; при этом Сван салютовал Дэвису из 15 пушек, а Дэвис салютовал ему из 11 пушек.

Нападение отряда Франсуа Гронье на Чирикиту

В конце 1685 года отряд французского капитана Франсуа Гронье без особого успеха промышлял у тихоокеанских берегов провинции Верагуа Испанцы, приведя свои силы в боевую готовность, угнали весь скот от побережья в глубь страны, так что флибустьерам

пришлось столкнуться с острой нехваткой продовольствия. Именно поиски провизии привели их к городку Чирикита, лежавшему вдали от моря.

Подробности нападения пиратов на Чирикиту известны из дневника Равено де Акххана, принимавшего непосредственное участие в этой акции:

«22-го [декабря 1685 года], не имея пищи, мы высадили на берег шестьдесят человек с наших трех каноэ, чтобы идти на ее поиски; и, пройдя одно лье, мы захватили красивый дом с двумя пленными, которые сказали нам, что мы находимся в полутора лье от городка Чирикита, в котором проживает семьсот человек. Мы тут же забрали все продукты, которые смогли найти в доме, чтобы доставить их к нашим каноэ, но на обратном пути встретили четыреста всадников, которые перекрыли нам дорогу... Мы сражались с ними, отступая к берегу моря, и только один человек был ранен в палец. Они настойчиво приглашали нас к себе, и мы отвечали им угрозами прийти в их город, что мы и сделали несколько дней спустя. Тем временем мы снова отправились к острову Сан-Хуан (Койба. — В. Г.), и, прибыв туда 1 января 1686 года, мы нашли там наш корабль и две наши барки, стоявшие на якоре.

5-го. Мы вышли с восемью каноэ, с двумястами тридцатью людьми, чтобы взглянуть на жителей Чирикиты и нанести им визит, к чему они нас приглашали; так как остров Сан-Хуан лежит на расстоянии примерно двадцати лье от них, мы достигли земли 6-го в десять или одиннадцать часов ночи, не будучи обнаруженными, и поскольку у нас не было проводника, мы шли до самого утра без какой-либо разведки. Весь день 7-го мы прятались в лесу, откуда с наступлением ночи вышли, чтобы идти до утра 8-го без разведки, как и в предыдущую ночь. Мы снова укрылись в небольшой роще и провели там весь день, в ходе которого узнали, что мы ошиблись, высадившись на сушу на одном берегу реки, вместо того, чтобы высадиться на другом. Это было не очень-то радостно для таких уставших людей, как мы, однако мы сразу же вернулись ночью к нашим каноэ, на которых пересекли эту реку, достигнув другого берега. Мы захватили дозорного из города, который сообщил нам, что испанцы спрятали все свои вещи после того, как мы побывали в их домах.

9-го мы прибыли в Чирикиту за два часа до рассвета и неожиданно захватили всех жителей, которые два дня провели в пререканиях, выясняя, кому из них идти в дозор... Мы также взяли врасплох их караульное помещение, где они играли; увидев нас, они тут же бросились к своему оружию, собираясь защищаться, но так как это было сделано слишком поздно, мы освободили их от этой обузы. Мы узнали от них, что выше по реке находится небольшой фрегат, который, собираясь выйти, наткнулся на песчаную мель в ее устье и был вынужден вернуться назад и выгрузить на берег продукты, из которых состоял его груз.

К двум часам пополудни мы узнали от нескольких испанцев о доме, расположенном за городом; мы прихватили пятерых, чтобы они отправились с нами, но когда пришли к тому дому, те, с кем мы собирались поговорить, не захотели показаться, как мы того желали, и скрылись. В тот же момент почти сто двадцать других вышли из лесных зарослей, где они скрывались, и окружили нас. Не сомневаясь, что нас обманули, мы решили не отказываться от провианта и дорого продать им наши жизни. Со своей стороны, мы стали спина к спине, чтобы быть готовыми к любым неожиданностям, и дрались таким образом против них более полутора часов. Когда же с нашей стороны осталось не более двух человек, способных сражаться, Господу было угодно, чтобы наши люди, которые находились в караулке, пришли нам на помощь, привлекая к себе внимание как криками, которые привели испанцев в ужас, так и шумом ружейного огня... Когда враги увидели подкрепление, которое прибыло к нам, они убежали с такой быстротой, что трудно и представить. Если бы не эта помощь, мы неизбежно простились бы с жизнью; ибо враги уже убили у нас двух человек и покалечили другого, и не было никакой возможности устоять долгое время против града ударов, сыпавшихся на нас со всех сторон. Замечу также, что я еще счастливо отделался, ибо, будучи раненым, все же избежал резни, что можно объяснить лишь защитой небес. Что до испанцев, то они потеряли тридцать человек, которые остались на месте, ибо мы защищались отчаянно...

Тем же днем мы подожгли все дома в городе, чтобы наши враги не могли найти в них убежище, не напали внезапно на наших часовых и не атаковали нас внезапно среди ночи. Затем мы отступили в большую церковь, на которую они не дерзнули напасть, удовлетворившись лишь

тем, что время от времени стреляли в нас из мушкетов, к тому же издалека.

Чирикита — небольшое поселение, расположенное на саванной равнине... Много малых речек течет здесь в разных местах...

10-го мы вышли с захваченными здесь пленными, надеясь дожидаться выкупа за них на острове, который находится на той же реке...

16-го выкуп за наших пленных прибыл, и после того как они были отпущены, мы вернулись на борт нашего корабля, который стоял на якоре у острова Сан-Хуан (Койба. — В. Г.)».

Взятие и разграбление Чирикиты было лишь небольшим эпизодом в биографии капитана Франсуа Гронье. Гораздо большую известность приобрели его набеги на города Гранада (в Никарагуа) и Гуаякиль (в современном Эквадоре).

Захват Гранады отрядами Гронье и Туаньи

В середине марта 1686 года отряд Франсуа Гронье покинул свое убежище на острове Койба с двумя барками, взятыми у испанцев, а также с полугалерой, 10 большими пирогами и 4 каноэ. В конце того же месяца они стали на якорь в заливе Никоя, чтобы оттуда отправиться в поход на город Гранаду, расположенный на берегу озера Никарагуа. Перед походом к ним присоединился отряд английского капитана Фрэнсиса Таунли.

Поскольку Равено де Люссан был непосредственным участником этой экспедиции, мы можем проследить ее ход по его дневнику:

«25-го [марта] мы отправились все вместе, французы и англичане, на наших пирогах и каноэ; мы оставили их корабль и наши две барки под прикрытием мыса Бланко, который находился в двадцати лье в наветренную сторону от того места, где мы собирались высадиться на сушу, приказав тем, кто остался стеречь их, выйти через шесть дней после нас и пройти вдоль берега на якорную стоянку в том месте, где мы собирались оставить наши каноэ.

7 апреля мы высадились на сушу на низменном берегу в количестве трехсот сорока пяти человек, ведомые весьма ловким проводником, который повел нас через лес, чтобы нас не могли обнаружить. Мы шли до девятого числа как днем, так и ночью, но,

несмотря на все наши предосторожности, нас все же заметили люди из города Гранада, которые ловили рыбу на реке, расположенной на расстоянии примерно пятнадцати лье; и хотя они весьма проворно побежали предупредить испанцев о нашем движении, они не успели бы вывезти все свое имущество... если бы, к несчастью для нас, они не были предупреждены тремя неделями ранее некоторыми людьми из Эспарсы, которые видели большое количество наших каноэ, что прошли там, и догадались о наших намерениях.

Усталость, вызванная этим маршем и дополненная сильным голодом, вынудила нас остановиться 9-го вечером на ночлег на большой сахарной плантации, расположенной не далее как в четверти лье от Гранады... Она принадлежала одному рыцарю ордена Сантьяго, которого мы едва не сделали нашим пленником, когда прибыли туда, но мы не стали гнаться за ним, так как наши ноги уже отказывались служить нам. 10-го мы двинулись дальше и, находясь недалеко от города, увидели с вершины холма... два корабля на озере Никарагуа, которые, как мы позже узнали, увозили с собой все богатства Гранады на остров, расположенный в двух лье. В небольшом поселке, попавшемся нам на пути, мы взяли пленного, который рассказал нам, что жители города окопались на Оружейной площади и окружили себя стеной после того, как наш квартирмейстер, сбежавший к ним, предупредил их, что мы можем явиться туда; пленный также сказал, что место это снабжено четырнадцатью пушками и шестью камнеметами, и что, наконец, они выделили шесть рот кавалерии, чтобы атаковать наш арьергард в то время, когда наш передовой отряд вяжется в бой, ежели так случится, что мы бросимся на них».

Равено де Люссан заявляет, что «подобное сообщение, без сомнения, могло привести в трепет кого бы то ни было, только не флибустьеров». Не тратя даром ни минуты времени, они в два часа пополудни подошли к городу, на входе в который обнаружили баррикаду. Флибустьеры тут же пошли на штурм. Через час, пишет Люссан, «мы бросились на нее с такой решимостью, что уложили на месте всех тех, кто там был, потеряв с нашей стороны лишь одного человека, и оттуда вступили в город, на входе в который остановились, чтобы дожидаться ответа от некоторых наших людей, выделенных для проведения разведки окрестностей форта, который виден был в конце той улицы, на которую мы вышли. Минуту спустя вернулась группа,

сообщившая нам, что форт имеет четырехугольную форму, и что за улицей, где мы находились, они заметили еще три, которые примыкали к трем другим сторонам этого форта, откуда враги могли замечать всех тех, кто попытался бы приблизиться к ним по этим улицам, находившимся под обстрелом их пушек и мушкетов».

Решив, что у них слишком мало сил для того, чтобы атаковать форт с нескольких сторон* флибустьеры сконцентрировали все силы на одном — центральном — участке. Заметив неприятеля еще издали, испанцы открыли по нему бешеный огонь из пушек, но их ядра падали на землю, не долетая до цели. Тем временем пираты, расположившись вдоль домов и заняв небольшую возвышенность, начали швырять в испанцев гранаты. В ходе этого боя была захвачена главная церковь города, стоявшая на краю Оружейной площади, а затем, увидев, что испанские солдаты в панике отступают, атакующий отряд бросился на стены форта и овладел этим укреплением. «Так мы стали хозяевами их Оружейной площади, — сообщает Равено де Люссан, — и, соответственно, города, откуда они ушли, потеряв много народа; с нашей стороны было четверо убитых и восемь раненых, из которых, честно говоря, мало кто выжил. Когда мы вошли в этот форт, мы нашли его достаточно обширным, способным в ходе сражения содержать шесть тысяч человек; он был окружен стеной... с множеством амбразур, которые были хорошо обеспечены людьми и мушкетами; лицевая сторона, выходившая на улицу, по которой мы атаковали их, была снабжена двумя пушками и четырьмя камнеметами, защищавшими подступы, не считая нескольких иных отверстий, имевшихся у основания стены...»

Овладев городом, который Шарлевуа назвал «одним из самых красивых и самых богатых в Америке», французские флибустьеры-католики исполнили в главной церкви Гранады торжественный гимн *Te Deum*, затем выставили на колокольне четырех дозорных, а в самых прочных каменных домах на Оружейной площади устроили караульные помещения. Сюда доставляли найденные в форте и жилищах горожан военное снаряжение, вещи и провизию.

«Вечером следующего дня, — продолжает свой рассказ Люссан, — мы выделили отряд в сто пятьдесят человек, чтобы пойти отыскать женщин (с целью получения выкупа) и кое-какое добро, которое, как нам сказали, находилось с ними на сахарной плантации в

одном лье от города. Но они убежали оттуда, едва явившись, поскольку не чувствовали себя там в безопасности; так что отряд вернулся ни с чем. В тот же день алы отправили одного пленного к испанцам, чтобы потребовать выкуп за город, угрожая в противном случае сжечь его; они прислали в качестве парламентаря одного падре, или священника, который сказал нам, что офицеры и жители собрались на совещание, но один из наших людей, который из-за усталости отстал по пути и был захвачен в плен... заверил их, что мы не сожжем его, так как в наши планы входило возвращение спустя несколько месяцев в Северное (т. е. Карибское. — В. Г.) море через озеро (Никарагуа. — В. Г.) и взятие в этом городе припасов, необходимых для нашего перехода; что нам не удастся вернуться, если мы устроим здесь пожар, и таким вот образом этот человек их успокоил».

После такого ответа, понимая, что выкуп за город они не получают, некоторые флибустьеры решили от досады немедленно предать его огню.

15 апреля пиратский отряд покинул Гранаду, забрав с собой одну пушку и четыре камнемета. До побережья Тихого океана предстояло пройти по вражеской территории приблизительно 20 лье. На этом пути, естественно, испанцы постарались устроить несколько засад. В четверти лье от Гранады флибустьеры наткнулись на первую засаду. Поскольку засевшие там испанские солдаты не подозревали, что противник располагает артиллерией, двух выстрелов из пушки оказалось достаточно, чтобы обратить их в бегство. Одного из беглецов удалось поймать. Он признался на допросе, что в стене дома старшего счетовода Гранады были замурованы 1,5 миллиона пиастров, предназначавшиеся для выкупа города в случае его захвата неприятелем. Если бы флибустьеры проявили больше настойчивости, возможно, им удалось бы получить эти деньги. Впрочем, проверить правдивость информации пленного было уже невозможно — вернуться в город в сложившейся ситуации, когда вокруг рыскали отряды испанских солдат и ополченцев, не представлялось возможным.

Вечером того же дня пиратам пришлось заклепать трофейную пушку и оставить ее на дороге, поскольку тащившие ее волы умирали от жажды и валялись с ног. Люди тоже были измучены жарой, пылью

и недостатком питьевой воды. Тем не менее они не рискнули избавиться от камнеметов — последние были погружены на мулов.

В деревеньке Масайя отряд встретили миролюбивые индейцы, однако все запасы воды, ранее хранившиеся в этом поселении, были предусмотрительно вылиты побывавшими здесь испанскими солдатами. Флибустьеры хотели в отместку сжечь поселок, но индейцы стали умолять их не делать этого и пообещали достать для них всё, в чем они нуждались.

17 апреля отряд двинулся дальше и остановился на ночлег в другой деревне, находившейся в трех лье от Масайи. Утром 18-го пираты снова пустились в путь. Пройдя через лес, они вышли на равнину, и тут обнаружили отряд испанцев численностью до 500 человек. Их возглавлял сбежавший от флибустьеров квартирмейстер-каталонец. «Они подняли красный флаг, чтобы дать нам понять, что никому из нас пощады не будет; в ответ мы свернули наши белые флаги и развернули красные, как и они, — сообщает Люссан. — Мы двинулись на них, не стреляя, тогда как они вели по нам очень интенсивный огонь». Лишь очутившись на расстоянии мушкетного выстрела, пираты дали по противнику залп из своих фузей. Испанцы тут же ретировались. Победителям достались полсотни лошадей, кое-какое оружие и пленные. Последние признались, что их отряд был послан из Леона на помощь Гранаде, но не успел прибыть туда вовремя.

Отдохнув в течение часа, флибустьеры пошли дальше. Заночевали в покинутой жителями деревеньке 19 апреля марш к морю продолжился, двигались до заката солнца, после чего снова устроились на ночлег. «20-го мы заночевали на постоялом дворе, где провели несколько дней, чтобы отдохнуть от тягот нашего путешествия и засолить мясо, чтобы потом доставить его на борт наших судов, на которых, по нашим расчетам, уже не осталось провизии, — продолжает свое повествование Люссан. — Я все же отправился вперед с отрядом из пятидесяти человек, чтобы информировать о нашем возвращении тех, кто их охранял. 26-го остальные наши люди прибыли на берег моря, где мы все поднялись на борт...

Так завершился победоносный поход флибустьеров на город Гранаду, который принес им ратную славу, но мало богатств. На

следующий день они снялись с якоря, пустившись на поиски новых приключений.

«Великий исход» флибустьеров из Южного моря

15 декабря 1687 года отряд французских флибустьеров, насчитывавший 280 человек, прибыл под командованием капитана Пьера Пикардийца в залив Амапалья (совр. Фонсека), расположенный на тихоокеанском побережье Центральной Америки. Отсюда решено было начать переход через пограничную территорию между Никарагуа и Гондурасом к Карибскому морю. Подробности этой экспедиции известны из записок Равено де Люссана, к которым мы уже неоднократно обращались.

17 декабря пираты собрались на совет и, допросив пленных испанцев, узнали, что сначала им придется пробиться к никарагуанскому городу Нуэва-Сеговия (совр. Окоталь), лежащему в 40 лье от побережья Тихого океана. Примерно в 25 лье от этого города находились верховья реки Сеговия (совр. Коко), по которой можно было добраться до карибского побережья в районе мыса Грасьяс-а-Дьос. Это был оптимальный вариант «великого исхода» из Южного моря, но, прежде чем остановиться на нем, французы решили подстраховаться и захватить новых пленников — они могли подтвердить или опровергнуть полученную информацию.

18-го числа отряд из 70 человек отправился в двух каноэ к побережью. Более суток они бродили по окрестностям, не встретив ни одной живой души. Наконец, 52 человека, изнемогая от усталости, отказались двигаться дальше, тогда как 18 наиболее стойких парней продолжили поиски, пока не вышли на большую дорогу. Там им удалось захватить трех всадников, которые сообщили, что в четверти лье от них находится селение Чилотека (ныне город Чолутека на юге Гондураса); в нем проживало 400 испанцев и креолов, не считая негров, мулатов и индейцев. Флибустьеры напали на него прежде, чем жители узнали о их появлении в окрестностях селения, и взяли Чилотеку в результате решительной атаки. Местный алькальд, угодивший в плен вместе с 50 другими жителями — как мужчинами, так и женщинами, — признался, что в гавани Кальдера стоит на якоре галера, присланная из Панамы, а в порту Реалехо — 30-пушечный

фрегат «Сан Лоренсо» с 400 людьми на борту. Они поджидали пиратов, имея приказ не допустить их высадки на берег. По словам пленника, испанские власти предполагали, что джентльмены удачи могут попытаться вернуться в Карибское море по суше.

Тем временем, проведая о малочисленности захвативших Чилотеку разбойников, сбежавшие из селения мужчины настолько осмелели, что стали группами возвращаться назад. После нескольких стычек с ними флибустьеры укрепились в церкви, куда согнали всех пленников. Последние, однако, решили помочь своим соплеменникам разделаться с французами и, пользуясь численным превосходством, неожиданно набросились на пиратов с тыла. Прикрываясь четырьмя заложниками-мужчинами и несколькими женщинами, налетчики открыли огонь по заседавшим на них испанцам, потом, пробившись к выходу из церкви, вскочили на трофейных лошадей и бросились наутек. При этом заложников они прихватили с собой.

Видя такое дело, преследователи отправили к пиратам парламентера, намереваясь вступить с ними в переговоры и выкупить своих людей; но французы отказались говорить с ним и даже стреляли в него, не желая, чтобы враг узнал, насколько ничтожно малы их силы.

Утром 20-го они наткнулись на большую хижину, в которой нашли полсотни своих товарищей, ранее отставших от них. Объединенный отряд мог теперь не бояться преследователей; оставив при себе четырех заложников-мужчин, флибустьеры отпустили пленных женщин и 21-го числа благополучно прибыли на берег моря, к ожидавшим их каноэ.

22 декабря отряд вернулся на борт кораблей, стоявших на якоре близ одного из островов в заливе Амапалья. После допроса пленных и бурных дебатов касательно того, каким же путем им следует возвращаться в Вест-Индию — по суше или по морю, вокруг мыса Горн, — флибустьеры окончательно решили идти через территорию Центральной Америки, двигаясь сначала к городу Нуэва-Сеговия, а оттуда — к реке Коко, впадающей в Карибское море. Путь по морю представлялся им более опасным, поскольку имевшиеся в их распоряжении суда были изношенными и не годились для дальних плаваний.

24-го числа они затопили свои корабли, сохранив лишь галеру и пироги, которые должны были доставить их на «большую землю». 25-

го весь отряд был разделен на четыре роты — по 70 человек в каждой. Затем был заключен *чартерный договор* (charte-partie), согласно которому каждому, кто получит увечье в пути, выплатят компенсацию в 1000 пиастров. Все трофейные лошади делились между ротами поровну. Суровые наказания предусматривались за изнасилование, трусость и пьянство.

27 декабря пираты заметили неизвестный корабль, появившийся между островами. Они тут же снарядили свою галеру и одну пирогу и приблизились к незнакомцу на расстояние ружейного выстрела. На корабле подняли испанский флаг, и флибустьеры выпустили в его сторону дюжину ядер. Затем галера и пирога вернулись к берегу, чтобы предупредить своих товарищей об опасности, и те перевели пироги со всей добычей и пленными на мелководье за островом, на котором они находились. В полдень испанский корабль, воспользовавшись приливом, приблизился к пиратскому убежищу, откуда по нему открыли огонь из двух пушек. Пальба не утихла до вечера, после чего испанцы отошли на безопасное расстояние.

Утром 28 декабря они снова приблизились, вынудив флибустьеров отойти за торчавшие из воды скалы и оттуда вести по ним огонь. Видя, что испанский корабль не собирается уходить, пираты скрытно высадили на побережье материка сотню человек с заданием добыть лошадей для погрузки на них багажа и приказом ожидать остальных в условленном месте.

Ночью флибустьеры жгли на острове огни и имитировали активную работу по ремонту своих судов, отвлекая внимание испанцев от того, что происходило на материке. 29-го числа на борту испанского корабля вспыхнул пожар, и для тушения его испанцам пришлось отойти от пиратского убежища дальше в море.

30 декабря флибустьеры придумали новую хитрость, которая должна была отвлечь внимание неприятеля от их ухода с острова на материк. Они зарядили четыре пушки и подготовили несколько десятков гранат, к которым подвели зажженные фитили разной длины. Стреляя и взрываясь через определенные промежутки времени, они почти всю ночь создавали иллюзию присутствия пиратов на боевых позициях, тогда как в действительности флибустьеры вместе с пленными незаметно покинули свое убежище на острове.

«Первого января года 1688-го алы высадились на материке, — сообщает Равено де Люссан, — и вечером того же дня отряд, который мы отправили на поиски лошадей, тоже прибыл туда; он захватил шестьдесят восемь [лошадей] с несколькими пленниками-мужчинами, которые без всякого насилия с нашей стороны сказали, что они не советуют нам идти дорогой через Сеговию, поскольку испанцы знают, что мы избрали эту провинцию для прохода [в Вест-Индию]».

Но решение уже было принято, и пираты не стали менять свои планы. Каждый должен был нести свое снаряжение и свою долю добычи на себе, причем те, у кого было много золота и серебра, испытывали гораздо больше трудностей, чем те, кто проигрался в кости и в карты и мог теперь двигаться налегке. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, некоторые «богачи» просили «бедняков» помочь им нести часть их имущества с условием, что после успешного завершения экспедиции они отдадут им половину сокровищ.

Равено де Люссан отмечает, что хотя его доля добычи «была менее тяжелой, она не была при этом менее значительной по своей ценности, так как я обменял тридцать тысяч пиастров на золото, жемчуг и драгоценные камни; но поскольку лучшая часть этих вещей происходила из барыша, полученного в игре, некоторые из тех, кто проиграл, всего 17 или 18 человек, так настроились против меня и других, что, отчаявшись вернуть такую потерю, сговорились зарезать тех, кто был более богат. Но, к счастью, я был предупрежден некоторыми друзьями...»

Размышляя над тем, как уберечь себя от возможных покушений, Люссан решил у всех на виду раздать свои сокровища нескольким компаньонам, уговорившись с ними, что они вернут их ему после прибытия на Сен-Доменг за вычетом той платы, о которой он с ними условился. «Это правда, — пишет он, — что я заплатил весьма дорого за эту предосторожность; но чего не сделаешь, чтобы уберечься от смерти».

Утром 2 января, помолившись и затопив свои пироги, отряд Пьера Пикардийца двинулся в глубь материка. День прошел без происшествий; на ночлег расположились в четырех лье от побережья. На следующий день, в полдень, нашли большое строение и остановились в нем, чтобы пообедать, после чего продолжили поход. Тропа, петляя, уходила все выше в горы.

4 января флибустьеры заночевали на площадке, находившейся на вершине горы; здесь обнаружили, что испанцы следят за ними, расположившись на почтительном расстоянии в тылу и с флангов.

5-го числа отряд остановился на ночлег в большом загородном доме, принадлежавшем губернатору Чилотеки. Недалеко от него испанцы начали делать первые завалы на дорогах, пытаясь перекрыть пиратам путь в глубь страны.

6-го достигли поместья, обитатели которого заблаговременно скрылись. На кровати в одной из комнат разбойники обнаружили письмо, адресованное им.

«Мы рады, что вы выбрали нашу провинцию для возвращения в вашу страну, — говорилось в письме, — но мы удручены, что вы прихватили с собой так мало денег; тем не менее, если вы нуждаетесь в мулах, мы вам их пришлем. Мы надеемся увидеться вскоре с генералом Франсуа Гронье...»

Из текста письма было видно, что местные жители ничего не знали о судьбе капитана Гронье, умершего от ран в Гуаякиле, и полагали, что он всё еще командует французским отрядом. 7 января флибустьеры наткнулись на засаду, устроенную испанцами, однако никого там не обнаружили. Описывая трудности, с которыми им приходилось сталкиваться во время перехода, Равено де Люссан отмечал: «Испанцы, которые использовали различные способы, чтобы покончить с нами, уничтожали все съестные припасы у нас на пути, а когда мы оказывались в саваннах с очень сухой травой, и ветер дул в нашу сторону, они поджигали ее, чем причиняли нам массу неудобств, и наши лошади тоже задыхались там от дыма».

8-го числа французы прибыли на живописную сахарную плантацию — *инхеньо*. Желая раздобыть «языка», знакомого с окрестностями, они придумали следующую хитрость: большая часть отряда прошла через *инхеньо* без остановки, а двадцать человек подожгли один из домов и укрылись в соседнем здании. Они рассчитывали, что кто-то из хозяев или слуг прибежит тушить пожар, и не ошиблись. Но, обнаружив засаду, испанцы тут же ретировались. Пираты стреляли им вслед и ранили одного из беглецов. На допросе раненый признался, что испанцы собирают силы для нападения на флибустьеров и уже имеют под ружьем до трех сотен человек.

От *инхеньо* отряд двинулся в сторону большого селения, лежавшего у них на пути. В нем должны были находиться упомянутые 300 солдат и ополченцев. В тот же вечер флибустьеры стали лагерем на вершине горы в четверти лье от этого селения (они всегда ночевали либо на возвышенных местах, либо в чистом поле, где их трудно было застигнуть врасплох).

Утром 9 января, дождавшись возвращения летучего отряда, который регулярно производил разведку местности и обстреливал подозрительные места, флибустьеры свернули лагерь и продолжили свой марш. Через десять часов они достигли открытого участка, на котором росли лишь редкие деревца. Казалось бы, враг не мог подобраться здесь к ним незамеченным, однако именно в этом месте испанцы открыли по пиратам неожиданный огонь с обоих флангов, убив наповал двух человек. Быстро свернув с дороги, разбойники отбили нападение неприятеля, затем заняли соседнюю деревню и там перекусили. Вечером они стали лагерем в полулье от указанного селения.

«10-го мы обнаружили другую засаду, — рассказывает Равено де Люссан, — но смогли отразить нападение наших врагов, и они бросили своих лошадей, которые достались нам; затем мы пообедали в другом селении и заночевали недалеко от него».

11 января, когда флибустьеры приближались к Нуэва-Сеговии, они встретили в одном лье от города еще одну засаду. Засевшие в ней испанцы убежали после первого же залпа из фузей. Пираты полагали, что более серьезный отпор они встретят в самом городе, но, как оказалось, жители и гарнизон покинули его заблаговременно. Лишь горстка смельчаков, прячась за соснами на окружавших город возвышенностях, произвела в сторону французов несколько выстрелов из мушкетов, после чего их больше никто не беспокоил.

«К счастью, — пишет Равено де Люссан, — мы захватили пленного, чтобы он провел нас к реке, которую мы разыскивали, и до которой оставалось еще двадцать лье, поскольку те, кто вел нас до Сеговии, не знали дальнейшего пути.

Этот город расположен в долине и так тесно окружен горами, что кажется, будто он находится у них в плену; церкви здесь скверной постройки, но Оружейная площадь весьма значительна и красива, как и отдельные дома. Он находится на территории, отстоящей от Южного

моря на сорок лье; дорога, идущая сюда из тех мест, откуда мы вышли, весьма трудна, все горы здесь необычайно высокие, так что на их вершины мы взбирались с величайшим трудом, а долины, соответственно, столь малой протяженности, что на одно лье пути по низменности приходилось шесть лье пути по горам. Когда мы продвигались этими горами, нас мучал лютый холод и окутывал такой густой туман, что даже днем, когда мы разговаривали, то распознавали друг друга только по голосам; но это продолжалось только до десяти часов утра, когда туман полностью рассеивался; жара, которая сменяла холод, была очень сильной, такой же, как в долинах, где холод вовсе не ощущался...»

12 января отряд покинул Нуэва-Сеговию, двинувшись навстречу новым приключениям. Дорога по-прежнему шла через горы. Когда остановились на ночлег, испанцы приблизились к пиратскому лагерю и несколько раз обстреливали его из ружей.

13-го числа, за час до заката солнца, флибустьеры взобрались на вершину горы, удобную для разбивки лагеря. Отсюда они неожиданно увидели на склоне соседней горы, в получетверти лье от 1200 до 1500 лошадей, которых приняли сначала за коров и быков. На разведку были посланы сорок человек. Вернувшись, разведчики сообщили, что обнаружили не крупный рогатый скот, а оседланных лошадей, а также три укрепления, располагавшиеся ступенчато одно над другим (на расстоянии пистолетного выстрела одно от другого) в средней части горы. Эти укрепления возвышались над стекавшим в долину ручьем и полностью перекрывали дорогу, по которой пираты собирались пройти на следующий день. Разведчики также добавили, что видели испанца, который пригрозил им обнаженной саблей.

Обескураженные этими новостями, флибустьеры начали ломать голову над тем, как выпутаться из создавшегося положения. Обойти возникшее на их пути препятствие не представлялось ни малейшей возможности: вокруг громоздились горы, изобиловавшие непроходимыми лесами, болотами, скалами и ущельями. Оставалось одно — пробиваться с боем через испанские укрепления.

Опираясь на записки Равено де Люссана, Архенгольц описал начало этой операции следующим образом; «... Пираты решились... пройти в тыл испанцев и неожиданно напасть на них в самих укреплениях. Это могло, быть может, исполниться, если бы

флибустьеры, оставив все свои вещи, с одним лишь оружием решились взобраться поодиночке на горы и отвесные скалы. Но это средство было единодушно отвергнуто, потому что оставление своего имущества было всегда для флибустьеров самым неприятным и ненавистным делом. Поэтому необходимо было в этом решительном деле еще уменьшить и без того незначительное число бойцов, потому что трехсотенный отряд испанцев все еще следовал за пиратами и следил за всеми их передвижениями. Надо было, сколько возможно, обезопасить лагерь. Вот что сделали флибустьеры. Багаж, лошадей, больных, пленных — словом, всё оставили на месте привала под прикрытием 80 флибустьеров. Чтобы обмануть неприятелей, находившихся впереди и в тылу, ночью необходимо было зажигать огни, бить тревогу, а часовым было велено беспрестанно перекликаться и время от времени стрелять из ружей. Удачным расположением багажа четырехугольником они устроили настоящий укрепленный табор, в котором лошади, больные, раненые и пленные были расположены в определенных местах. Все это было исполнено с величайшей поспешностью, потому что уже наступали сумерки. Покончив со всеми делами, флибустьеры стали ждать ночи, чтобы пуститься в путь. Вследствие донесения посланного для рекогносцировки сметливого пирата, они составили план марша. Перед выступлением прочли общую молитву, но тихо, чтобы испанцы не слышали шума. Вскоре после этого раздались громогласные молитвы и духовные гимны испанцев, которые в честь своих святых (и для устрашения пиратов. — В. Г.) сопровождали их... ружейной пальбой».

В час ночи, при ясной луне, отряд из 200 человек покинул лагерь, намереваясь проникнуть в тыл испанских укреплений. Пиратам пришлось в темноте пробиваться через лес, карабкаться на скалы и потом спускаться с них. На рассвете 14 января, продвигаясь ползком, они достигли вершины горы. Испанские укрепления, скрытые густым туманом, находились внизу, слева от них.

Отдохнув полчаса, флибустьеры услышали голоса испанцев, собравшихся на утреннюю молитву. Решено было осторожно спускаться вниз, но тут, к несчастью, они натолкнулись на двух часовых. Пришлось пустить в ход оружие. Шум выстрелов всполошил испанцев, ожидавших появления неприятеля снизу, а не сверху. «Они всерьез решили, что флибустьеры упали с облаков, и в испуге тотчас

убежали, — пишет Архенгольц — Остальные испанцы в [двух оставшихся нижних] укреплениях, сделавшихся бесполезными, защищались лучше. Битва (несмотря на густой туман. — В. Г.) продолжалась час, после чего и прочие испанцы, оставив надежду на победу, стали думать о своем спасении. Они бросились [по дороге] в долину, но теперь бегство их чрезвычайно затрудняли собственные засеки и баррикады, тогда как они (и отсутствие деревьев, полностью вырубленных испанцами ниже укреплений. — В. Г.) облегчали флибустьерам дело истребления врагов. Несчастные поклялись не просить пощады у людей, которых описали им исчадиями ада, и теперь они безмолвно давали убивать себя.

Флибустьеры, из которых только один был убит и двое ранены, наконец, устали убивать врагов, и даровали жизнь тем, кто уцелел. Командовавший испанцами старый фламандский генерал (разработавший весь план обороны. — В. Г.) также нашел здесь смерть. Генерал-губернатор Коста-Рики хотел прислать ему 8000 человек, но генерал просил только 1500. Другой старый воин советовал ему при таком неприступном положении спереди обеспечить также и тыл, но этот совет показался ему излишним по причине препятствий, сооруженных здесь самой природой. «Разбойники эти — или люди, — сказал он, — или черти. Если они люди, то даже при самых сверхчеловеческих усилиях не смогут взобраться на эти скалы и за неделю, если же они черти, то тут не помогут никакие укрепления». Этот случай снова подтвердил древнее правило, которым пренебрегают часто и ныне, что от приведенного в отчаяние неприятеля следует ожидать даже невозможного.

Флибустьеры сами были изумлены своей победой. Они видели ясно, что если бы первый пятисотенный отряд выполнил свой долг, то все они были бы сброшены в пропасть».

В карманах убитого генерала было найдено несколько писем от губернаторов провинции, в которых они сообщали ему о количестве вооруженных людей, отправленных в его распоряжение, а также письмо генерал-губернатора Коста-Рики от 6 января 1688 года, содержащее в себе необходимые инструкции. В нем сообщалось:

«Полагаю, что я поступил правильно, когда доверил вам руководство делами, призванными восстановить нашу репутацию в случае, если вы одержите обещанную мне победу. Я готов был

прислать вам пять тысяч человек, но вы сообщили мне, что полутора тысяч достаточно...

Из рассказа о ваших укреплениях, который вы мне предствили, видно, что совершенно невозможно, чтобы эти люди могли их уничтожить... Я советую вам разместить тысячу человек внутри, а две сотни — возле реки, по которой они собираются достичь Северного моря, на случай, если некоторые из них спасутся, пройдя через горы; дон Родриго Сермадо, новый губернатор Тиусигаля, возглавил три сотни людей, чтобы напасть на них с тыла, как только они атакуют вас; поскольку вряд ли их багаж будет при них, примите все необходимые меры, ибо эти черти знают уловки, совершенно нам неведомые.

Когда вы увидите их на расстоянии аркебузного выстрела, пусть ваши люди стреляют двадцатка за двадцаткой, чтобы огонь велся постоянно, и когда они пойдут в атаку, кричите, чтобы напугать их; и смело атакуйте их с белыми шлемами на голове, тогда как дон Родриго ударит им в тыл. Я надеюсь, что Бог будет содействовать нашим планам, поскольку они имеют целью восстановление Его славы и уничтожение этих новых турков. Внушите вашим людям мужество, ибо, если они последуют вашему примеру, им это зачтется на небе, и, если они победят, у них будет много золота и серебра, коим сии разбойники нагружены».

Однако пираты оказались более искусными воинами, чем их враги. После захвата испанских укреплений они исполнили *Te Deum*, благодаря Господа за ниспосланную им победу, затем 60 человек поскакали на трофейных лошадях в лагерь, спеша поделиться радостной вестью со своими товарищами.

«В продолжение этого времени трехсотенный испанский отряд не оставался без дела, — сообщает о дальнейших событиях Архенгольц. — Едва заметив, с наступлением дня, удаление большей части флибустьеров, он выступил вперед, предполагая, что нападение на укрепление сделано спереди и... закончилось несчастливо. Флибустьеры, оставшиеся в лагере, находились в плохом положении: они должны были защищать багаж и множество лошадей, караулить пленных и при всем том защищаться против неприятеля, вчетверо их сильнейшего. Но испанцы не воспользовались всеми этими выгодами, а, напротив, действовали очень боязливо. Вместо того, чтобы доказать свое превосходство быстрым и решительным нападением, они

предложили переговоры. Один офицер подошел к самому лагерю флибустьеров и объявил им, что нападение их товарищей на укрепление не удалось, что они в настоящее время спасаются бегством и никак не уйдут от отряда в 200 человек, поставленного у реки. Сообщив предварительно это известие, он старался доказать оставшимся в лагере, что и они погибнут неминуемо, если не сдадутся... В последнем случае он торжественно обещал им от имени генерала, что им позволят спокойно продолжать свое путешествие к Северному морю под прикрытием испанского отряда.

Флибустьеры очень сомневались как в истине известия о разгроме своих товарищей, так и в обещании испанского генерала, и смело отвечали, что, если даже испанцы... уничтожили две трети их отряда, остатки его справятся с ними всеми, что они прошли в глубь страны единственно за тем, чтобы возвратиться на свою родину, и надеются исполнить это наперекор всем усилиям испанцев не допустить их до того. С этим ответом офицер уехал, но флибустьеры не удовлетвоались тем. Увидев вскоре сигналы товарищей и не опасаясь более нападения, они оставили багаж и пленных под присмотром незначительного караула, сели на коней и сами неожиданно напали на вызывавших их испанцев, убили значительное число их и рассеяли остальных. Овладев, таким образом, всей страной, оба отряда соединились и провели остальную часть дня на месте для отдыха. Между тем, флибустьеров все еще беспокоила одна забота: они узнали от пленных, что в 6 лье дальше находится другое укрепление, сильнее только что взятого, и его также невозможно миновать, что множество спасшихся от смерти солдат поднимут всю страну, соединятся с отрядом в укреплении и еще более затруднят им и без того опасный переход... В отдалении увидели они на нескольких высоких горах огни, которые не без основания сочли сигнальными. Однако же на следующий день они продолжили свой путь, изувечив 900 лошадей, которых не могли увести, и почти столько же взяли с собой — не так для езды и перевозки багажа, как ради пищи в ходе, без сомнения, еще долгого пути».

15 января отряд прошел мимо упомянутого испанского укрепления и остановился на ночлег в четырех лье от него. Поскольку строительные работы в этом укреплении еще не были завершены,

испанцы, напуганные известием о недавней победе флибустьеров, не рискнули вступить с ними в новое сражение.

16-го числа отряд преодолел еще порядка шести лье. «Наконец 17-го, на шестнадцатый день нашего похода, — сообщает Равено де Люссан, — мы прибыли к этой реке, столь желаемой, и немедленно вошли в лес на ее берегу, где каждый принялся в поте лица своего рубить деревья, чтобы построить специальные бочки (Piperies), которые служили бы нам для спуска [по реке]».

Архенгольц ошибочно предположил, что флибустьеры собирались спускаться к Карибскому морю по реке Магдалене, которая, как известно, протекает в Южной Америке. В действительности это была река Коко.

Бочки, или короба, предназначавшиеся для плавания по бурным водам реки, строились из досок легкого дерева *Mabot d'berbe*; доски скреплялись между собой лианами и канатами, сплетенными из длинных полос древесной коры. В одном таком плавсредстве могли поместиться два человека с багажом и оружием; при этом короб погружался в воду на глубину до 2–3 футов. Управлять им можно было с помощью длинного шеста, служившего также для предотвращения столкновения со скалами и большими камнями, на которые их могло вынести стремительное течение.

«Эта река берет свое начало в горах Сеговии, — пишет Равено де Люссан, — и впадает в Северное море близ мыса Грасьяс-а-Дьос после того, как проносит свои воды со страшной скоростью мимо бесконечного множества невероятно огромных скал, через ужасные пропасти, которые невозможно себе представить, и большое количество водопадов, числом более ста, как больших, так и малых, расположенных на некотором расстоянии один от другого, особенно три, на которые невозможно смотреть без содрогания, и голова идет кругом, когда видишь и слышишь, как вода низвергается с такой высоты в эти ужасные пропасти».

Перед тем как пуститься в плавание по реке, флибустьеры зарезали часть лошадей и засолили их мясо. Затем перетащили короба из леса на берег, отпустили пленных испанцев и, помолившись, приступили к спуску своих экзотических плавсредств на воду. «Маленькие машины с самого начала были увлечены с ужасной силой быстрым потоком, перебрасываемы волнами и покрываемы пенящейся

водой, так что одна лишь легкость их делала поднятие возможным, причем пираты обыкновенно были выбрасываемы и держались за края, — рассказывает Архенгольц. — Но это беспрестанное держание истощало силы и препятствовало принятию других мер безопасности, из-за чего флибустьеры решились привязывать себя к своим корзинам... Привязанные, они могли действовать с большей легкостью, потому что должны были непрерывно работать шестами, чтобы избежать постоянно встречающихся скал. Но это часто не удавалось, а между тем флибустьеры, привязанные к корзинам, увлекаемым в бездну, тяжестью своей топили их окончательно, или, опрокинувшись, захлебывались и тонули. Иные спасались, правда, но с потерей всего своего имущества.

Огромные водопады, в которых вода низвергалась со страшной высоты... заставляли содрогаться самых мужественных пиратов, как ни привыкли они к опасностям. Оказавшись по-соседству с подобными водопадами, они употребляли все свои силы для достижения ближайшего берега, там вытаскивали свои машины на берег, разгружали их и навьючивали весь груз на себя... Обремененные таким образом, они переползали через целые гряды скал, пока не достигали конца водопада. Потом отправляли несколько человек на место выгрузки, те вталкивали машины в воду, сносившую их вниз, где флибустьеры пускались вплавь ловить их. Между тем течение было столь стремительным, что часто суда эти молнией проносились мимо поджидавших их. Те, кто претерпевал неудачу в ловле, выплывали на берег и принимались строить новые корабли.

Некоторое время эта странная флотилия держалась вместе, чтобы взаимно помогать друг другу, но следствием этого было много несчастий. Один корабль, увлекаемый потоком, часто наваливался на другой, и нередко оба тонули; иные попадали на скалы, с которых только с трудом и то изредка могли освободиться, потому что следовавшие за ними мешали им в этом. В таких случаях оставалось одно средство: развязать веревки и доверить себя реке на разрозненных досках. На третий день плавания Равено де Люссан сообщил своим товарищам, что поскольку теперь нечего больше опасаться испанцев, то совместное опасное плавание становится совершенно излишним, и что теперь все внимание следует обратить не на защиту от неприятелей, а единственно на преодоление

препятствий... Он уговорил их плыть далее врозь, причем передние должны были извещать плывущих сзади сигналами об опаснейших местах и указывать удобнейшие места для высадок. Несмотря на все эти предосторожности, однако, ежедневно несколько человек были поглощаемы рекой».

Вскоре к мучениям, связанным с трудностями навигации по реке, добавились муки голода. Конина, которую пираты взяли с собой, промокла и начала гнить, так что уже на второй день пути ее пришлось выбросить. В зарослях на берегах водилось много дичи, но они не могли охотиться на нее, поскольку порох их отсырел, а ружья заржавели. Единственной пищей, доступной флибустьерам, были бананы, однако такая еда плохо восстанавливала силы лкздей, изнурявших себя непрестанной борьбой со стихией.

Спустя некоторое время участники экспедиции столкнулись с еще одной опасностью. Причем источником ее были не природные силы и не испанцы, а те разбойники, которые лишились в пути своих богатств.

«Надежда попасть скоро к людям, у которых золото и серебро имели ценность, подействовала на некоторых злодеев сильнее всех настоящих нужд и опасностей, — читаем у Архенгольца. — Шестеро французов, проигравших все свои деньги, решились вознаградить себя грабежом и убийством богатейших товарищей. Рассеянное плавание очень пригодилось им они спрятались за скалы и зарезали пятерых англичан, о которых узнали, что у них много денег и что они близко. Убив их, они овладели имуществом несчастных».

Равено де Люссан и его компаньон обнаружили трупы англичан на берегу реки. При виде окровавленных тел Люссан живо представил себе, какая печальная участь могла постичь его в случае, если бы он держал свои сокровища при себе.

«20 февраля, — записал он в своем дневнике, — мы увидели, что река стала более просторной и широкой, чем прежде, и нам больше не встречались водопады; но она была наполнена таким огромным количеством деревьев и бамбука, в избытке принесенным сюда, что наши убогие суденышки временами не могли уклониться от них; между тем глубина, которую она имела в этом месте, умеряла ее скорость, так что утонувших здесь было мало».

Спустившись вниз еще на несколько лье, несколько передовых групп флибустьеров вышли на чистую воду и вскоре пристали к

поросшему лесом берегу. Здесь, примерно в 60 лье от карибского побережья, они разделились на отряды по 40 человек в каждом и приступили к строительству каноэ.

«Первого марта, завершив с крайним прилежанием строительство четырех каноэ, рассчитанных на сто двадцать человек., мы спустили их на воду, — сообщает Равено де Люссан, — и погрузились на них, не дожидаясь остальных ста сорока человек, которые завершали строительство своих».

Англичане, не пожелавшие строить каноэ, продолжили плавание на коробах и достигли Карибского моря раньше французов. Возле мыса Грасьяс-а-Дьос они встретили английское судно с Ямайки, стоявшее на якоре. Поскольку у них не было каперского свидетельства, они просили шкипера связаться с ямайским губернатором и узнать, разрешат ли им свободно высадиться на острове. За такую услугу шкипер потребовал от них аванс в размере 6000 ф. ст., но флибустьеры наотрез отказались передать ему такую крупную сумму денег. За неимением лучшего, они решили пока остаться среди дружественных индейцев *мискито*, обитавших на Москитовом берегу Никарагуа, южнее мыса Грасьяс-а-Дьос. Позже англичане надеялись упротить своих французских коллег связаться с губернатором Сен-Доменга и добиться его согласия предоставить им убежище во французской колонии.

«9-го мы счастливо прибыли к устью реки, у мыса Грасьяс-а-Дьос, — пишет Равено де Люссан, — и вышли в море, в котором с большим удовольствием признали Северное море; там мы вынуждены были дожидаться английского судна, ушедшего на острова Лас-Перлас, которые лежат в двенадцати лье к востоку от мыса. Мы оставались там до 14-го числа с проживавшими там мулатами, которые в течение нескольких дней кормили нас рыбой...»

Когда английское судно вернулось к мысу Грасьяс-а-Дьос, французы договорились с его шкипером, что он отвезет их на Сен-Доменг. За эту услугу шкипер взял с каждого флибустьера по 40 пиастров.

6 апреля судно благополучно достигло французской гавани Нипп, а 8-го числа бросило якорь на рейде Пти-Гоава. Так закончилась эта беспрецедентная четырехлетняя экспедиция флибустьеров в Южное море, в ходе которой многие из них сложили свои буйные головы, а те,

что уцелели — по крайней мере, многие из них, — вернулись домой вполне состоятельными людьми.

БИБЛИОГРАФИЯ

Исторические источники

1. Эксквемелин А. О. Пираты Америки. — М: Мысль, 1968.
2. A Buccaneer's Atlas: Basil Ringrose's South Sea Waggoner / Ed. by D. Howse, N. Thrower. — Berkeley-Los Angeles-Oxford University of California Press, 1992.
3. An Authentick and Particular Account of the Taking of Carthage by the French, In the Year 1697 / By the Sieur Pointis, Commander in Chief. The Second Edition. — L: Printed for Olive Payne, 1740. — 86 p.
4. Calendar of State Papers, Colonial Series: America and West Indies. 1574–1660. — L: Public Record Office, 1860. — Vol. 1–4.
5. Calendar of State Papers, Colonial Series: America and West Indies. 1661–1739. — L: Public Record Office, 1880–1994. — Vol. 5–45.
6. Charlevoix, P.-F.-X. de. Histoire de l'Isle Espagnole ou de S. Domingue. Ecrite particulièrement sur des Memoires Manuscrits du P. Jean-Baptiste le Pers... T. I–IV. — Amsterdam: Chez Francois L'Honnore, 1733.
7. Coleccion de documentos para la historia de Costa Rica. Recogidos por el Lie D. Leon Fernandez. Publ. D. Ricardo Fernandez Guardia. T. VIII. — Barcelona: Viuda de Luis Tasso, 1907.
8. Cowley's Voyage Round the Globe / In: Collection of Original Voyages... Ed. by William Hacke. — L.: Printed for James Knapton, 1699.
9. Dampier, W. A New Voyage round the World, etc — Lj Printed for James Knapton, M.DGXCVII [1697].
10. Dampier, W. Voyages and descriptions. — Lj Printed for James Knapton, 1699.
11. Documents relating to law and custom of the sea / Ed. by R.G. Marsden. — L.: Navy Records Soc, 1915–1916. — Vol. I–II.
12. Du Tertre, J.-B. Histoire generale des Antilles habitees par les Francois. T. I–IV. — Paris: T. Jolly, 1667–1671.
13. Esquemeling J. Bucaniers of America, or a true account of the most remarkable assaults committed of late years upon the Coasts of the West Indies... containing also Basil Ringrose's account of the dangerous

voyage and bold assaults of Captain Bartholomew Sharp and others. — L.: William Crooke, 1685.

14. Interesting tracts, relating to the Island of Jamaica, consisting of curious state-papers, councils of war, letters, petitions, narratives etc which throw great light on the history of that Island, from its conquest, down to the year 1702. — Santiago de la Vega, Jamaica: Printed by Lewis, Lunan, and Jones, 1800.

15. *Labat, J-B.* Nouveau voyage aux isles de l'Amerique. T. I–VI. — Paris: G. Cavelier; P.-F. Giflard, 1722.

16. Les Archives de la flibuste: Depot de documents relatifs aux flibustiers, pirates et corsaires de la Jamaïque, de Saint-Domingue et autres lieux en Amérique provenant de divers fonds d'archives anglais, français, espagnols et néerlandais réunis, retranscrits et adaptés par Le Diable Volant [Raynald Laprise] / <http://www.geocities.com/trebutor/ADF2005>.

17. *Oexmelin A. O.* Histoire des aventuriers [ou] flibustiers, qui se sont signalez dans les Indes contenant ce qu'ils ont fait de remarquable depuis vingt années avec la vie les moeurs & les coutumes des boucaniers & des habitants de S. Domingue & de la Tortue... / Par Alexandre Olivier Oexmelin. — A Paris: Chez Jacques le Febvre, M.DCJCCIX [1699].-T. 1–2.

18. Privateering and Piracy in the Colonial Period: Illustrative Documents / Ed. by J. F. Jameson. — N. Y: The Macmillan Company, 1923.

19. *Raveneau de Lussan.* Journal du voyage fait a la mer de Sud avec les flibustiers de l'Amerique, en 1684 et années suivantes, par le sieur Raveneau de Lussan. — Paris: Jean-Baptiste Coignard, 1689.

20. Relation de ce qui s'est fait a la prise de Cartagene, scituee aux Indes Espagnoles, par l'Escadre Commandee par Mr. de Pointis. — A Bruxelles: Chez Jean Fricx, Imp. & Marchand Libraire, MDGXC VIII [1698].

21. Relation de voyage du sieur de Montauban, capitaine des flibustiers, en Guinee en l'année 1695. — Amsterdam: Chez J, Louis de Lorme, M.DGXC VIII [1698].

22. Relations et memoires inedits pour servir a l'histoire de la France dans les pays d'outremer tires des archives du ministere de la marine et des colonies / PubL par Pierre Margry. — Paris: Challamel aine, 1867.

23. The voyages and adventures of Capt Barth. Sharp and others, in the South Sea: being a journal of the same, also Capt Van Horn with his

Buccanieres surprizing of la Vera Cruz to which is added The true Relation of Sir Henry Morgan, his Expedition against the Spaniards in the West-Indies, and his taking Panama. Together with The President of Panama's Account of the same Expedition: Translated out of Spanish. And Col. Beeston's adjustment of the Peace between the Spaniards and English in the West Indies. — L: Printed by B.W. for RH. and S.T, 1684.

24. *Wafer, L.* A new voyage and description of the Isthmus of America by Lionel Wafer. Reprint from the original edition of 1699 / Ed. by George Parker Winship. — Cleveland: Burrows Brothers Company, 1903.

25. *Zeer Aanmerkelijke Reysen Gedaan door Jan Erasmus Reining,* Meest in de West-Indien en ook in veel andere deelen des Werelds / Samengesteld door D. van der Sterre. — Amsterdam: Jan ten Hoorn, 1691.

Литература

1. *Архенгольц И. В. фон.* История морских разбойников Средиземного моря и океана Ч. 1. История флибустьеров, морских разбойников, опустошавших Испанскую Америку в XVII столетии. — СПб, 1848.

2. *Блок Ж.* Флибустьерское море. — М.: Мысль, 1985.

3. *Герхард П.* Пираты Новой Испании, 1575–1742. — Изд. Центрполиграф, 2004.

4. *Губарев В. К.* За кулисами «панамской акции» (1670–1671 гг.) // Вопросы истории. — 1987. — № 11. — С. 184–188.

5. *Губарев В. К.* Неофициальная война: особенности англоиспанского колониального соперничества в Вест-Индии в 1660 — 1671 гг. // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія «Гуманітарні науки». Вип. 57.—Донецьк: ДонНТУ, 2002.—С. 40–50.

6. *Губарев В. К.* Флибустьерський кодекс образ життя і звичаї піратів Карибського моря (60–90-е роки XVII в.) // Наука. Релігія. Суспільство. — Донецьк, 2005. — № 3. — С 39–49.

7. *Губарев В. К.* Рейдерські операції К. Мінгса в Вест-Індії в кінці 50 — початку 60-х років XVII в. // Історичний весник. 36. наук, праць. Вип. 1. — Донецьк: ДонНТУ, 2010. — С. 93–104.

8. Губарев В. К. Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов. — Изд. Эксмо; Яуза, 2009.
9. Губарев В. К. Пираты острова Тортуга. — Изд. Вече, 2011.
10. Губарев В. К. 100 великих пиратов. — Изд. Вече, 2011.
11. Губарев В. К. Флибустьеры Ямайки: эпоха «великих походов». — Изд. Вече, 2011.
12. Констам Э. Пираты. Буканьеры, флибустьеры, приватиры XVII–XIX вв. — Изд. Эксмо, 2008.
13. Констам Э. Пираты: всеобщая история от Античности до наших дней / Энгус Констам; [пер. с англ О. Серебровской]. — М.: Эксмо, 2009. — 464 ст.
14. Копелев ДН. Золотая эпоха морского разбоя. — Изд. Осгожье, 1997.
15. Малаховский К. В. Трижды вокруг света. — Изд. Наука, 1982.
16. Маховский Я. История морского пиратства. — Изд. Наука, 1972.
17. Мерьен Ж. Энциклопедия пиратства. — Изд. ТЕРРА — Книжный клуб, 1999.
18. Можейко И. В. Пираты, корсары, рейдеры: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV–XX века). — Наука, 1991.
19. Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов. — Изд. Вече; А. Корженевский, 1998.
20. Свет ЯМ. Пираты антильских морей // Новая и новейшая история. — 1966. — № 1. — С. 132–144; № 2. — С. 106–115.
21. Anderson, C. L. G. Old Panama and Castilla del Oro; a narrative history of the discovery, conquest, and settlement by the Spaniards of Panama, Darien, Veragua, Santo Domingo, Santa Marta, Cartagena, Nicaragua, and Peru: including... the daring raids of Sir Francis Drake, the buccaneers in the Caribbean and South seas, the sack of the city of old Panama by Henry Morgan, and the story of the Scots colony on Caledonia bay / Charles Loftus Grant Anderson. — Boston: The Page Company, 1914.
22. Barbour, V. Privateers and Pirates of the West Indies // The American Historical Review. — April 1911. — Vol. XVI. — N 3.
23. Bermudez Bermudez, A. E. Materials para la historia de Santa Marta. — Bogota, 1981.
24. Blond, G. Histoire de la flibuste. — Paris: Stock, 1969.

25. *Breverton, T.* Admiral Sir Henry Morgan: «king of the buccaneers». — Gretna, Louisiana: Pelican Publ., 2005.

26. *Bridges, G. W.* The annals of Jamaica. — L: John Murray, 1828. — Vol. 1.

27. *Burney, J.* The History of the Buccaneers of America. — L; Payne and Foss, 1816; L., 1949; N.Y: W.W.Norton and Company Inc, 1950.

28. *Butel, P.* Les Caraïbes au temps des flibustiers, XVIe — XVIIe siècles. — P., 1982.

29. *Camus, M. C.* L'île de la Tortue au cœur de la Flibuste caribbe. Preface de Pierre Pluchon. — Paris; Montreal, 1997.

30. *Corse, R.* The Age of Piracy; a History.—N.Y.; Toronto: Rinehart and Co., Inc, 1957.

31. *Conly, & L* St Augustin, Nation's Oldest City, Turns 400 // National Geographic — Feb. 1966. — Vol. 129. — № 2.

32. *Crouse, N. M.* French Pioneers in the West Indies, 1624–1664. — N.Y: Columbia University Press, 1940.

33. *Crouse, N. M.* The French Struggle for the West Indies, 1665 — 1713. — N.Y: Columbia University Press, 1943.

34. *Crutkshank, E. A.* The Life of Sir Henry Morgan. With an account of the English settlement of the island of Jamaica (1655–1688). — Toronto: Macmillan Company of Canada, 1935.

35. *CundaU, F.* The governors of Jamaica in the seventeenth century. — Lj The West India Committee, 1936.

36. *Earle, P.* The sack of Panama Captain Morgan and the battle for the Caribbean. — New York Thomas Dunne Books / St Martin's Press, 2007.

37. *Fernandez, L.* Historia de Costa Rica durante la dominacion espanola 1502–1821. — San Jose: Ed. Costa Rica, 1975.

38. *Firth, C. H.* The capture of Santiago, in Cuba, by Captain Myngs, 1662 // The English Historical Review, 1899, Vol. XIV (Number LV): pp 536–540.

39. *Gall, J. y F.* El Filibusterismo. — Mexico; Buenos Aires, 1957.

40. *Gonzalez Suarez, F.* Historia General de la Republica del Ecuador. Tomo IV. Libro tercero: La colonia o el Ecuador durante el gobierno de los reyes de Espana (1564–1809) / Federico Gonzalez Suarez. — Quito: Imprenta del Clero, 1893.

41. *Haring, C. H.* The Buccaneers in the West Indies in the XVII Century. — Hamden, Conn: Archon Books, 1966.
42. *Hart, F.* Я Admirals of the Caribbean. — Boston, N.Y: Houghton Mifflin Company, 1922.
43. *Howard, E.* Sir Henry Morgan, the Buccaneer. — L.: Henry Colburn, Publ., 1842.
44. *Hurwitz, S. J. and Hurwitz, E. F.* Jamaica. A Historical Portrait. — L.: Pall Mall Press, 1971.
45. *Konstant A., McBride A.* Pirates 1660–1730. — Oxford: Osprey Pub., 1998.
46. *Konstant A., McBride A.* Buccaneers, 1620–1700. — Oxford: Osprey, 2000.
47. *Konstant, A.* Scourge of the seas: buccaneers, pirates and privateers. — Oxford: Osprey, 2007.
48. *Lane, K. E.* Blood and silver, a history of piracy in the Caribbean and Central America. — Oxford: Signal Books, 1999.
49. *Lane, K. E.* Pillaging the empire: piracy in the Americas, 1500 — 1750. — N. Y.: M.E. Sharpe, 1998.
50. *Latimer, J.* Buccaneers of the Caribbean: how piracy forged an empire. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009.
51. *Unon-Chipon, S., Requemora, S.* Les tyrans de la men pirates, corsaires et flibustiers / Sophie Linon-Chipon, Sylvie Requemora — Рл Presses Paris Sorbonne, 2002.
52. *Little, B.* The Sea Rover's Practice: Pirate Tactics and Techniques, 1630–1730 / Benerson Little. — Washington, D.Q Potomac Books, Inc, 2005.
53. *Marley, D.* Pirates and Privateers of the Americas. — Santa Barbara CA ua. ABC–Clio, 1994.
54. *Marley, D.* Wars of the Americas: A Chronology of Armed Conflict in the New World, 1492 to the Present — Santa Barbara* ABC–CLIO, 1998.
55. *Marley, D. F.* Pirates of the Americas. Vol. 1–2 / David F. Marley. — Santa Barbara, Calif: ABC–CLIO, 2010.
56. *Marsden, K G.* Early Prize Jurisdiction and Prize Law in England Part II // The English Historical Review. — April 1910. — Vol XXV.
57. *Marsden, Я G.* Early Prize Jurisdiction and Prize Law in England Part III // The English Historical Review. — Jan. 1911. — Vol. XXVI.

58. *Masefield, J.* On the Spanish Main; or, Some English forays on the Isthmus of Darien. With a description of the buccaneers and a short account of old-time ships and sailors. — L: Methuen and Co. Ltd, 1906.

59. *Matta Rodriguez, E. de la.* El asalto de Pointis a Cartagena de Indias. — Sevilla, 1979.

60. *McCarthy, K. M., Trotter, W. L.* Twenty Florida Pirates. — Sarasota, Fla Pineapple Press Inc, 1994.

61. *Merrien, J.* Histoire mondiale des pirates, flibustiers et negriers. — Pj Les Editions Bernard Grasset, 1959.

62. *Mo to, F.* Piratas en el Caribe. — La Habana Casa de las Americas, 1984.

63. *Paula Garcia Pelaez, F. de.* Memorias para la historia del antiguo reyno de Guatemala Tomo II. — Guatemala Establecimiento tip. de L. Luna, 1852.

64. *Pawson M., Buisseret D.* Port Royal, Jamaica — Kingston: University of the West Indies Press, 2000.

65. *Pena BatUe, M. A.* La isla de la Tortuga — Madrid Ed Cultura Hispanica, 1977.

66. *Pereira,, J.B.* Historia de Panama. — Panama, 1963.

67. *Valenzuela, P.* Historias de piratas. — Guatemala CA Tipografia Nacional, 1936.

68. *Perron, J.-F.* Flibustiers, corsaires et pirates: Pim pact de leurs actions sur le declin de PEmpire espagnol d’Amerique au XVIIe siecle. — Chicoutimi: Universite du Quebec a Chicoutimi, 2001.

69. *Pezuela, J. de la.* Historia de la Isla de Cuba Tomo II. — Madrid: Carlos Bailly-Bailliere, 1868.

70. *Pringle, P.* Jolly Roger. The Story of the Great Age of Piracy. — N.YjW.W. Norton, 1953.

71. *Restrepo Tirado, E.* Historia de la provincia de Santa Marta — Bogota, 1975.

72. *Roberts, W. A.* The Caribbean. The Story of Our Sea of Destiny. — N.Y.: Negro Universities Press, 1969.

73. *Rodway, J.* The West Indies and Spanish Main. — L.: T Fisher Unwin, The Story of the Nations; N.Y.: GP Putnam’s Sons, 1896.

74. *Siri, E. N.* El caballero de Jamaica: Historia de Morgan y los filibusteros. — Buenos Aires: Editorial Sophos, 1944.

75. *Stevens, C. M.* The Buccaneers and Their Reign of Terror An Authentic History. — N.Y; Hurst and Company, 1899.

76. *Tborribury, W.* The monarchs of the Main. — L: Routledge, Warne and Routledge, 1861.

77. *Thornton, A. P.* West India policy under the Restoration. — Oxford, 1956.

78. *UUivarri, S.* Piratas y corsarios en Cuba — Sevilla: Editorial Renacimiento, 2004.

79. *Weddle, R. S.* Spanish sea: The gulf of Mexico in North American discovery, 1500–1685. — College Station: Texas A and M Univ. Press, 1985.

80. *Williams, W. L.* Sir Henry Morgan, the Buccaneer / W. Llewelyn Williams / In: The Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion. Session 1903–1904. — Issued by the Society, 1905. — P. 1–42.

notes

Примечания

1

Включая 30 англичан, вернувшихся из Южного моря.